

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*А. И. Павловская, С. Л. Утченко,
Е. М. Штаерман*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

К. К. ЗЕЛЬИН, М. К. ТРОФИМОВА

ФОРМЫ
ЗАВИСИМОСТИ
В ВОСТОЧНОМ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ПЕРИОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

Книга — очередной выпуск из серии работ по истории рабства, подготавливаемой сектором древней истории Института всеобщей истории АН СССР. Она включает три очерка: «Формы зависимости в эллинистическую эпоху», «Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции» и «Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э.».

В книге ставится ряд вопросов методологического и общетеоретического характера, связанных с классификацией форм зависимости в ту эпоху, выделяются закономерности развития социально-экономических отношений в античном мире, определяется специфика эллинистического рабства.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа не имеет целью представить обзор развития рабовладельческих отношений в той или иной области эллинистического мира. Задача, которую ставили перед собой ее авторы, иная: охарактеризовать некоторые особенности рабства и вообще форм зависимости в эпоху эллинизма, присущие многим странам или даже одной из них, с тем чтобы определить специфику этих форм. Для обоснования подобной постановки вопроса необходимо привести соображения более общего характера.

К. Маркс в «Капитале» не раз противопоставлял капиталистическое общество докапиталистическим в том смысле, что при буржуазном строе господствует как определяющий фактор принуждение «экономическое», тогда как в докапиталистических обществах в основе экономической жизни лежит принуждение внеэкономическое. Для капиталистической системы характерно стремление к прибавочной стоимости, для докапиталистических — стремление к накоплению стоимости потребительной. При капитализме товарное хозяйство достигает своего высшего развития и богатство общества принимает форму товара, в предшествующие же эпохи этого не наблюдается. Таким образом, в логическом отношении мы имеем *дихотомию*: две широкие категории, охватывающие все классовые общественные структуры, — общества 1) докапиталистические и 2) капиталистическое. В чем различие между ними, если сравнить характер социально-экономических отношений, не останавливаясь пока на том, чем докапиталистические общества отличаются друг от друга. Кто, как и кого эксплуатирует там и здесь?

При капиталистическом строе средства производства находятся в руках капиталиста, пролетарий лишен этих средств. Рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть с голоду. Это — принуждение экономическое: «Нищета гонит их на рынок, — писал еще Лэнгэ, — „где они поджидают господ, которые соблаговолили бы их купить“¹. В докапиталистических обществах при всем разнообразии существующих форм зависимости есть нечто общее в отношениях между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Это общее заключается в том, что на вопрос «как» ответ следует дать один и тот же: путем принуждения *непосредственного*, путем господства и подчинения (в самых различных вариантах). Раб или крепостной работают не потому, что их гонит нужда, что они боятся умереть с голоду, а потому, что их принуждают работать в интересах другого.

Чем обуславливается это коренное отличие? Экономическая структура докапиталистических обществ «основывалась на непосредственном господстве. Условием существования подобной структуры была сравнительно низкая ступень развития производительных сил»². Во всех докапиталистических обществах определяющее значение имели поземельные отношения, связанные с применением в той или иной мере внеэкономического принуждения; все зависело от того, кому принадлежала земля, кто и как работал на ней, каковы были отношения между собственником земли и тем, кто ее обрабатывал. Лишь капитализм «отделяет землевладение от отношений господства и подчинения»³.

Конкретный исторический материал о докапиталистических обществах свидетельствует о необыкновенном обилии и разнообразии форм социально-экономических отношений. Это многообразие отношений отмечал автор «Капитала». Говоря об отработочной ренте, он писал: «Далее ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный, несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁴.

Хотя во всех отношениях зависимости в области материального производства можно усмотреть единое начало непосредственного господства и подчинения, это начало проявлялось в самых различных формах.

Все сказанное отнюдь не означает, что экономическое принуждение отсутствовало в античном или феодальном обществах или что

¹ Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 349.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 89.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 166—167.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 353.

внеэкономическое принуждение не применялось при капитализме, особенно в период его генезиса ⁵ и в период его кризиса в новейшее время. Речь идет о «доминанте» в экономике каждого из обществ, о господствующей их черте.

Преобладающая роль внеэкономического принуждения в древности не только не исключала элементов товарного производства, но и сама способствовала развитию этих элементов. И наоборот, рост товарного хозяйства неизбежно отражался на развитии форм зависимости, нередко содействовал внедрению или более широкому применению эксплуатации зависимых людей. В античности мы наблюдаем различные соотношения между непосредственным и экономическим принуждением в процессе накопления потребительной, а иногда и прибавочной стоимости.

Рабство было лишь одной из форм зависимости, наиболее ярким выражением общего принципа непосредственного господства, но далеко не единственным, а во многих странах и не главным. Мы постоянно наблюдаем, как сочетаются черты рабства и свободы, как различные формы зависимости возникают в связи с тем, *кто* выступает в качестве субъекта принуждения: представители определенной социальной группы, полис, крупное государство, та или иная корпорация.

Морфологическое многообразие форм зависимости, усилившееся и распространившееся в эллинистическую эпоху, не следует рассматривать статически: приходится учитывать и их происхождение, и их роль во всей совокупности отношений, составляющих данную общественную систему, а также и их дальнейшее развитие.

Рабство нередко трактовали несколько изолированно: или как явление второстепенное в жизни древнегреческого общества (во многих работах зарубежных ученых), или как основание, на котором покоилось общественно-политическое задание свободной гражданской общины, отделенной пропастью от эксплуатируемой ею рабской массы (в советских исследованиях). Но даже и во втором случае упускался из виду очень существенный момент, а именно: то, что принималось за основание общественного здания, и самая постройка имели некое общее начало, т. е. принуждение. Подобно тому как и при капиталистическом строе один принцип свободного предпринимательства, свободы спроса и предложения проявляется и в отношениях между представителями господствующего класса, и в отношениях между рабочими и владельцами капитала, так и в античном обществе можно проследить господство одного принципа в самых различных формах и степенях — принципа принуждения.

Резкая граница отделяла нередко раба от свободного. Мысль о том, что, например, в греческом полисе классической эпохи рабы имели возможность нередко и сравнительно легко перейти в

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, ч. I, гл. 24.

состав метеков или даже граждан⁶, не представляется убедительной. Но самый принцип социальных отношений оставался тем же для всех трех категорий — принципом непосредственного подчинения, хотя положение в обществе лиц, принадлежащих к этим категориям, их права, привилегии и обязанности были совершенно различны. Этот момент сказывался даже в самых демократических полисах на отношении отдельных граждан к гражданской общине, полису, на ограничениях и принуждении, которые государство применяло к ним. Все общество представляло собой систему, элементы которой были очень неоднородными, но органически взаимосвязанными.

Своеобразие социально-экономического развития античных обществ и заключается в сочетании, казалось бы, противоположных моментов — непосредственного принуждения, принимавшего самые различные формы (от прямого захвата земли, людей и созданных их трудом богатств и до сравнительно слабой зависимости, выражавшейся в известных ограничениях свободы или в уплате тех или иных сборов), и отношений, основанных на договорных началах, на соглашении. Однако и в отношениях второго рода мы нередко можем подметить их принудительный характер, причем принуждение это является или чисто экономическим, или обусловленным прямым господством.

Сказанное относится ко всей античности в целом. В эллинистическую эпоху действие обоих факторов обнаруживается, пожалуй, лучше, чем в предшествующие периоды благодаря более детальным и разнообразным источникам, дошедшим до нас. Его можно наблюдать и в области экономической политики, и в военной практике, и в сфере снабжения населения продуктами и изделиями, и в развитии земельных отношений, и в формах зависимости, где оба начала своеобразно комбинируются в связи со специфическими условиями и структурой отдельных государств.

Однако этими двумя моментами не исчерпываются основные черты общественно-экономического и политического строя эллинистических государств. В античности, как, впрочем, и в последующие эпохи, всегда велико и дает себя чувствовать во многих отношениях наследие прошлого — традиция, идущая от старины. Институты, юридические нормы, формы экономической жизни, политические обычаи и установления и т. д., возникшие иногда несколько веков назад, выросшие на иной почве, тем не менее сохранялись и продолжали оказывать воздействие и в новой исторической обстановке, несмотря на ломку социальных отношений и прогресс науки и техники, по крайней мере в некоторых областях.

Выяснение всестороннего воздействия указанных факторов даже в одной сфере общественно-политической жизни эпохи эллинизма — сложная задача, которую не могли ставить перед собой авторы настоящей работы. Цель их гораздо скромнее: проследить при

⁶ V. Ehrenberg. The People of Aristophanes. Oxford, 1943, p. 139.

изучении некоторых вопросов, связанных с рабством, действие основных факторов в развитии античных обществ. При этом изучении нечто, присущее всей античности, представит перед нами в исторической обстановке эллинистического времени.

Как эта обстановка, так и самая структура политических образований эпохи эллинизма отличались большой сложностью. Достаточно представить себе хотя бы политическую карту Средиземноморья того времени, чтобы прийти к мысли, что рассмотрение форм зависимости в одной стране еще не делает понятным характер обществ в Восточном Средиземноморье в III—I вв. до н. э. Наоборот, общая историческая обстановка оказывала мощное влияние и на развитие системы социальных отношений в отдельных государствах. Воздействие войн, развитие пиратства или рост товарного обмена — явления международные, которые и следует изучать, далеко выходя за рамки развития одной страны. С другой стороны, некоторые явления в истории рабства в данном обществе, получившие своеобразный характер, встречаются с известными модификациями и в других обществах того времени, и потому исследование таких явлений, хотя бы в пределах одной области, поучительно и для понимания общего процесса исторического развития эллинистических стран.

Первая часть настоящей работы посвящена характеристике форм зависимости в одном из эллинистических государств — птолемеевском Египте. В начале ее автор стремился выяснить принципы морфологической классификации форм зависимости, с тем чтобы в дальнейшем применить эти соображения методологического и методического характера к исследованию конкретно-исторического материала, а именно форм зависимости в эллинистическом Египте.

Во второй части рассматриваются дельфийские манумиссии. Немаловажное значение в истории рабства имели отпуск рабов на свободу и фактическое положение рабов, отпущенных на тех или иных условиях. Среди манумиссий эллинистического времени особенно интересными являются дельфийские. Они содержат обильный материал, проливающий свет на многие вопросы, связанные с рабовладением (выкупные цены, условия парамонэ, социальный облик манумиссоров и т. д.). Дельфы — лишь один уголок обширного эллинистического мира, хотя на их жизнь, естественно, влияли общий ход политических событий, борьба крупных политических сил того времени. Храмовый город был религиозным центром всей Эллады, но пользовался широким влиянием и за ее пределами. Манумиссии — только одна сторона многообразной жизни этого города. И при их изучении нельзя не заметить определяющее влияние факторов, о которых говорилось выше: в основе отпуска раба на свободу лежит договор о продаже, т. е. явление, неразрывно связанное с развитием товарооборота, состоянием цен, денежными обязательствами и т. д.; с другой стороны, несомненно, что перед нами вовсе не равноправные стороны, что во многих случаях видение полной

свободы лишь манит раба как нечто достижимое в далеком будущем, в настоящем же отпуск на свободу, т. е. радикальное изменение статуса, сопровождается тем не менее обязательством делать все, что прикажет манумиссор, работать «днем и ночью» под страхом наказания, какое только ни пожелает наложить на «освобожденного» бывший рабовладелец.

В третьей части исследуется деятельность пиратов — одна из наиболее ярких форм прямого насилия. В силу исторических условий она оказалась неразрывно связана с развитием товарных отношений, с рынками, с проблемой рабочей силы, со сложной политикой крупных и малых эллинистических государств. Явление, знакомое нам из самой ранней истории Греции, пиратство, ставшее традиционным занятием для многих людей и даже поселений, приобретает новые черты и новый размах в зависимости от изменения общей исторической обстановки.

На первый взгляд темы настоящей работы могут показаться далекими друг от друга. В действительности же, если учесть тот аспект, который был намечен выше, между ними существует определенная внутренняя связь, обусловленная основным характером античного общества. Можно было бы избрать для изучения другие проблемы истории эллинистического рабства, но содержание общих выводов едва ли сильно изменилось бы. Нами взяты лишь три вопроса, исследование которых бросает свет, как нам представляется, на характерные черты развития эллинистического рабства и других форм зависимости.

I

ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

1. ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ

A

В то время как в биологии за последние десятилетия проявляется огромный интерес к проблемам систематики и остро чувствуется, что разработка этих проблем представляет задачу, решение которой необходимо для биологии *в целом*¹, в области исторической науки и социологии не наблюдается заметного движения вперед в этом отношении. Не только не было сделано попытки выяснить методологические вопросы таксономического исследования² и его связь с общими проблемами исторического изучения, но и в работах, посвященных конкретному анализу данных источников, продолжают иногда некритически применяться высшие таксономические категории, часто без должного внимания к тем более узким понятиям, которые входят в эти категории, без глубокого анализа признаков, отличающих одни определения от других, без стремления создать какое-то более или менее стройное таксономическое целое.

¹ Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. М., 1955, стр. 25; G. G. Simpson. The principles of classification and a classification of mammals.— Bull. Amer. Museum Natur. History, v. 85, N. Y., 1945, p. 1 sq.; I. Huxley. The new systematics. Oxford, 1940, p. 1—4; The species concept in palaeontology. Symposium ed. for Assoc. by P. C. Sylvester-Bradley. London, 1956. System. Assoc. Publ., N 2, p. 1—4; O. H. Schindewolf. «Neue Systematik». — «Paläontol., Z., Bd. 36, № 1/2, S. 59—78 (критика «Новой систематики»); И. А. Коробков. Современное состояние систематики организмов. — ВЛУ, № 6, Геология и география, вып. 1, 1968, стр. 31—40.

² «Таксономия», согласно обычному словоупотреблению, понимается как синоним систематики. См. И. А. Коробков. Указ. соч., стр. 32; Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Указ. соч., стр. 13.

В марксистской литературе получило решающее значение понятие *общественной формации*. «Маркс,— писал Ленин,— ...впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»³. Именно понятие общественной формации дало возможность, согласно Ленину, подойти к процессу исторического развития как к естественноисторическому процессу, выйти из рамок субъективной социологии.

Но, признавая научное значение этого понятия, мы не можем все же не видеть, что его анализ еще недостаточно продвинулся вперед. Исследователи, оперируя понятием общественной формации при разработке конкретного исторического материала, долгое время нередко видели свою задачу главным образом в том, чтобы собрать некоторые факты, которые свидетельствовали бы, по их мнению, о принадлежности данного общества к определенной формации (для античности — рабовладельческой). Они не учитывали при этом в нужной мере тех многочисленных своеобразных форм отношений, которые входили как элементы в это общее понятие, временами малоубедительно подводя под общую категорию, характеризующую рассматриваемую формацию (например, «рабство»), такие отношения, которые во всяком случае заслуживали бы специального изучения и определения⁴.

Между тем было бы неправильно, воспользовавшись той или иной высшей таксономической категорией, оценивать или даже подбирать факты, казалось бы, подкрепляющие ее. Мы не должны, например, используя таким образом понятие «античного рабства» и решив, что в древности господствовало рабовладение, всюду отыскивать рабов (или тех, кто кажется нам рабами) — и чем больше, тем лучше, не особенно считаясь при этом со спецификой социально-экономических отношений, подводимых под категорию «рабство», не выясняя достаточно убедительно, играли ли эти отношения определенную роль в производстве. Известно также, как трудно ввиду состояния источников ответить на последний вопрос. При таком рассмотрении категория «рабовладельческая формация» охватывала всю древность от возникновения государств в Египте и Междуречье в конце четвертого тысячелетия до н. э. и до падения Западной Римской империи, т. е. прилагалась, так сказать, без учета пространства и времени. К подобному методу применимы слова Маркса, ска-

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 139, сл., 165 сл.

⁴ Мы имеем в виду преимущественно подход, характеризующий состояние нашей историографии по античности в 30—40-х годах. В последние десятилетия многое в этом отношении изменилось. В настоящее время многие историки уже не стремятся «приобщить» к рабовладению «в широком смысле этого понятия» [подобно Л. А. Ельницкому (Л. А. Ельницкий). Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, стр. 15)] промежуточные социальные состояния, т. е. формы зависимости, которые не являются рабством.

занные по другому поводу (о политической экономии Дж. Ст. Милля): «Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор существовали на земном шаре лишь в виде исключения»⁵.

Но и тогда, когда исследователь использует большой и интересный материал, которым превосходно владеет, и пытается разобраться в нем, бывает, что привычная схема или отдельные положения, взятые в отрыве от контекста из произведений основоположников марксизма-ленинизма, не способствуют, а даже в известной мере препятствуют этому или во всяком случае оставляют у читателя неясное впечатление. Если, например, обратиться к трудам чл.-корр. Н. В. Пигулевской⁶ с целью познакомиться с малодоступными историческими данными, то приходится высказать некоторые сомнения по поводу методического подхода к изучению этих данных и общих выводов, к которым автор приходит.

Научные интересы Н. В. Пигулевской связаны с изучением переходного от античности к средневековью периода IV—VII вв. н. э. в Месопотамии, Сирии, Южной Аравии. В ее книгах сосредоточен огромный и ценный научный материал, в частности содержится интересная характеристика общественных отношений в Южной Аравии.

Караванный город Неджран представлял собою, согласно автору, город-государство, и выяснению особенностей его общественного строя посвящены многие страницы в рассматриваемых трудах. Автор неоднократно подчеркивает роль родовых отношений, которые остаются в силе, но получают новые черты⁷. Знатные роды занимают господствующее положение в городе, они владеют землями, движимым имуществом, рабами, занимаются ростовщическими и торговыми операциями. Эксплуатируемыми являются «горожане», ремесленники, земледельцы, не говоря о рабах⁸. Но рабовладение занимает важное место⁹, имеет глубокие корни в прошлом.

Для читателя, однако, неясно, каково же это место. Автор неоднократно говорит, что «наличие рабства как *уклада* (здесь и далее курсив наш. — К. З.) может быть бесспорно установлено»¹⁰, но что рабовладение отнюдь не носило характера развитой системы, об этом нет никаких данных в источниках. Оно было «частью благосостояния землевладельцев, знати, но оно не проникло во все сто-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, ч. I, стр. 526. Позднее, правда, в письме к Даниельсону (28 ноября 1878 г.) К. Маркс просил вычеркнуть в последующих изданиях эту фразу.

⁶ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940 (далее — Месоп.); е е ж е. Византия на путях в Индию. М. — Л., 1951 (далее — Виз.); е е ж е. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М. — Л., 1964 (далее — Арабы).

⁷ Н. В. Пигулевская. Виз., стр. 338; Арабы, стр. 257 сл.

⁸ Н. В. Пигулевская. Виз., стр. 348—349.

⁹ Там же, стр. 346.

¹⁰ Там же, стр. 348, 354.

роны общественного производства»¹¹. У читателя создается впечатление, что основными классами были богатая знать и эксплуатируемое население (горожане, ремесленники, земледельцы). Но этому противоречат другие утверждения автора: Неджран — город-государство, общественные отношения которого характеризуются в основе своей как рабовладельческие; это общество представляет собою ступень развития *рабовладельческой формации*, а именно ту, когда в рабовладельческом обществе сохраняется сильный родо-племенной уклад^{11а}. Таким образом, рабовладение является основой общественных отношений, раз речь идет о рабовладельческой формации, а не укладом.

В другом месте, однако, читатель узнает, что этот город-государство имел две основы: общину (*š'b*, шеаб), организация которой соответствует соседской общине, и рабовладение, «как и в его античных, классических образцах»¹². Автор утверждает также, что правительству, которое возвышалось «над мелкими общинами» (у автора — ссылка на «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Маркса), принадлежала вся земля, т. е. она была его собственностью, а чаще всего собственностью царя, и что «такое положение не является чем-нибудь особенным или исключением, оно может быть отмечено во всех рабовладельческих государствах»¹³. Коллективная общинная, позднее государственная собственность на землю, по мнению автора, в Неджране подобна тому, что наблюдается в Греции и эллинистических державах (царства Селевкидов и Птолемеев)¹⁴. Естественно, возникают вопросы: в каком же соотношении находятся все отмеченные признаки общественных отношений и что представляет собою государство, в котором такую силу имеет родо-племенной уклад, которое характеризует определенная ступень в развитии рабовладельческого уклада и которое вместе с тем похоже на свои классические образцы — античные полисы, а одновременно и на крупные восточноэллинистические государства? Несомненно, в истории мы встречаемся нередко (и даже чаще всего) со смешанными формами, с сочетанием различного рода признаков, но было бы желательно, чтобы анализ этих признаков отличался несколько большей ясностью.

Кстати сказать, непонятно, почему положение Маркса о правительстве, которое возвышалось над мелкими общинами, автор относит ко всем рабовладельческим государствам.

Общий вывод автора об общественных отношениях в Химьяре VI в. таков: «Особенностью рабовладельческого строя химьяритского общества, как и многих других обществ, было наличие длительно сохранявшегося родо-племенного уклада, существовавшего

¹¹ Н. В. Пигулевская. Арабы, стр. 262.

^{11а} Н. В. Пигулевская. Виз., стр. 379.

¹² Н. В. Пигулевская. Арабы, стр. 261—262.

¹³ Н. В. Пигулевская. Виз., стр. 354.

¹⁴ Там же, стр. 376—377.

наряду с рабовладельческими отношениями»¹⁵. Этот вывод перекликается со сходным положением, выдвинутым специалистом по истории древней Индии — Г. Ф. Ильиным: «В древней Индии существовал уже рабовладельческий строй с весьма значительными элементами первобытнообщинных производственных отношений»^{15а}.

Если даже и предположить, что в этом отношении Химьяр VI в. и древняя Индия в известной мере сходны, то все же возникает вопрос, намного ли продвигает нас вперед в анализе общественных отношений этот вывод. Ведь и в данном случае мы имеем дело все еще с одной из высших таксономических единиц, которую можно было бы сравнить для примера с отрядом в зоологической классификации. Но в состав отряда входят подотряды, семейства, виды и пр. Мы хотим сказать, что и определение «рабовладельческий строй с сохранением родо-племенного уклада» требует дальнейшего подразделения и спецификации.

В этой связи представляется поучительным сопоставить положение в исторической науке с тем, что происходит в настоящее время в области биологии. Представители «новой систематики» считают необходимым отказаться от типологической концепции вида как чего-то неподвижного, однородного и заменить ее концепцией динамической. Они полагают, что следует изучать вид с точки зрения его изменчивости, учитывая разнообразные условия, способствующие образованию видов и популяций¹⁶. Другие, резко выступая против первых, настаивают на примате морфологии в систематике, в которой, как они думают, нельзя основываться на спорных данных филогении¹⁷. Определение задач и метода систематики представляется спорным, но самая дискуссия и наличие разных направлений свидетельствуют о значении проблемы, о которой идет спор, — о значении систематики.

В области науки об обществе картина пока другая. Здесь мы остаемся во многом примерно на той ступени в развитии систематики, на которой находилась зоология более двух тысяч лет назад, когда ученые оперировали широкими морфологическими понятиями — птицы, рыбы, четвероногие и т. д., не основываясь на совокупности существенных признаков, выделенных в результате сравнения опытных данных, не говоря уже о рассмотрении видов животных с учетом их филогенезиса, экологии, географических условий и других факторов, на изучении которых должна основываться современная «новая систематика», по мнению ее сторонников. При использовании подобных широких понятий, связанных лишь с некоторыми и часто не самыми существенными признаками, доступными поверхно-

¹⁵ Н. В. Пигулевская. Арабы, стр. 378.

^{15а} Г. Ф. Ильин. Вопрос об общественной формации в древней Индии. — ВДИ, 1950, № 2, стр. 175; его же. Особенности рабства в древней Индии. — ВДИ, 1951, № 1, стр. 51.

¹⁶ В. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Указ. соч., стр. 23 сл.

¹⁷ O. H. Schindewolf. Op. cit., S. 68 ff.

стному наблюдению, отдельные виды животных могли оказаться входящими в такой разряд, который представлялся бы теперь по меньшей мере им не соответствующим¹⁸. В неразработанности, низком уровне и известном примитивизме систематики следует видеть одну из причин, тормозящих успехи исторической науки.

Когда мы теперь знакомимся с состоянием таксономических проблем в биологии, с тем, как там подходят к их решению, мы не только должны присоединиться к требованию критического подхода к теории и методам систематики, которое выдвигают биологи, но и не можем оставаться равнодушными к отсутствию этого критического подхода, встречающемуся еще в области исторической науки. Слова авторов одного из руководств по методам зоологической систематики: «Испытывается острая нужда в анализе и твердой формулировке основ, на которых зиждется таксономический метод»¹⁹, полностью применимы и при изучении исторических явлений.

В биологии долгое время основной низшей единицей таксономической системы был вид. В настоящее время известно более 300 тыс. видов растений и более миллиона видов животных. Эти виды представляют собою тот фактический материал, который предстояло наименовать, описать, расположить в упорядоченной системе. Есть ли что-либо соответствующее — *хотя бы в некоторых только отношениях* — в истории человеческих обществ?

Совершенно ясно, что не имело бы смысла в целях исторического изучения классифицировать людей, входящих в данное общество, по тем или иным их физическим или психологическим признакам. Для этого изучения важен не изолированный индивид как таковой, но *отношения* между индивидами. Такие отношения, и прежде всего отношения в области материального производства, являются действенной силой в истории. Они складываются в значительной мере независимо от сознательной деятельности людей. Таким образом, низшей таксономической единицей при изучении различных общественных структур представляется отношение между людьми. И если мы хотим понять основные черты этой структуры, то должны изучать совокупность социально-экономических и иного рода отношений.

Исходя из сказанного, следует уже сейчас высказать два существенных, на наш взгляд, соображения общего характера. Содержа-

¹⁸ Историки зоологии отмечали, что слабая сторона аристотелевской зоологии — это классификация, систематического изложения которой мы у Аристотеля не находим (*Histoire des animaux d'Aristote trad. par J. Barthélemy-Saint-Hilaire, t. I. Paris, 1883, Préface, CXVII*). Тем не менее уже в начале своей «Истории животных» Аристотель считает нужным сказать о существовании различных живых существ, которые он усматривает в образе жизни, деятельности, нравах и частях организмов (*Arist. De anim. hist., rec. L. Dittmeyer. Lipsiae, 1907, A487^a, 11 sq.*), и не раз касается вопросов систематики в последующем изложении (например, 490^b 8 сл. и во многих других местах).

¹⁹ Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Указ. соч., стр. 10.

ние одного из них соответствует тому, что наблюдается в современной естественнонаучной систематике, другое же связано главным образом с особенностями истории человеческих обществ. Первое заключается в отказе от рассмотрения отношений как чего-то неизменного и однородного. Отношения, подобно видам, обнаруживают изменчивость и целый ряд вариантов и переходных форм. И при их изучении нельзя ограничиваться лишь чисто морфологическими признаками, но приходится учитывать упомянутые выше факторы — экологические, географические, исторические и, что особенно существенно, — генетические и трансформационные связи данного отношения, а также его воспроизводство.

Второе соображение, впрочем, связанное с первым, сводится к тому, что в истории мы никогда не встречаемся с изолированным отношением: это отношение всегда оказывается некоторым элементом той или иной системы, более обширного целого (государства, племени, храмового хозяйства, общины и пр.).

Остановимся сначала на отдельном отношении. Оно представляет собою также некую малую систему, элементы которой связаны друг с другом определенным образом. Во всяком отношении зависимости в классовом обществе можно, таким образом, выделить два составляющих его элемента: а) указание на того, кто находится в зависимости, и б) обозначение социального положения того, кто подчиняет последнего и использует его труд. Характер связи между тем, кто занимает господствующее положение, и зависимым лицом определяет размеры и специфические черты власти первого. Иначе говоря: «как», «кого» и «кто» эксплуатирует. Каковы же главные особенности этих отношений в докапиталистических обществах?

Отдельное отношение всегда составляет, как уже говорилось, некоторый элемент структуры «экономического общества» (*Gemeinwesen*, по выражению Маркса)²⁰, а потому значение и формы зависимости могут быть поняты лишь на фоне и в связи со всей системой. Именно в этом отношении необходимо подчеркнуть различие между биологией и историей.

Синэкология, или наука о растительных сообществах и о сообществах животных, казалось бы, может помочь понять то, что наблюдается при изучении общественных структур. Представители того или иного ботанического (или зоологического) вида в сообществе живут в определенной среде, испытывая с ее стороны воздействие (благоприятное или неблагоприятное), и сами, в свою очередь, оказывают влияние на жизнь других организмов в таком сообществе и вообще на окружающую среду. Некоторые экологи за рубежом и у нас считают возможным говорить о «социологии» растений²¹, иные идут еще дальше и признают сообщества растений

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

²¹ J. Braun-Blanquet. Pflanzensoziologie Grundzüge der Vegetationskunde. Wien. — N.Y., 1964.

(фитоценозы) организмами, так сказать, третьего порядка²². В связи с этим нельзя не согласиться со словами советского редактора труда Мак-Дуголла, проф. В. В. Алехина, что подобное сопоставление представляет собою механистическую аналогию, «так как явления того и другого порядка качественно различны и, конечно, в фитоценозах нет и не может быть никаких социологических закономерностей»²³.

В науке об обществе хорошо известны аналогии с биологическими понятиями. Мы имеем в виду прежде всего «органическую теорию» общества в XIX в. (Г. Спенсер, Шеффле и др.), согласно которой общество рассматривалось как некий организм и в его структуре обнаруживали органы и функции, подобные органам и функциям живого организма (мозгу, желудку, почкам, их отправлениям и пр.). Органическая теория в такой форме давно признана несостоятельной. Но и точка зрения Мак-Дуголла и других, усматривавших в лесу или болоте особый организм, не является убедительной. Тем не менее нельзя не заметить, что идея аналогии между организмом и сложной системой (сообществом организмов или даже человеческим обществом) возникала как у социологов, так и у биологов. Было бы ошибочно переносить наблюдаемые по отношению к растительным или зоологическим сообществам явления или законы на человеческое общество, но приходится все же признать, что некоторые сходные черты имеются. Это сходство заключается не в одинаковых закономерностях, но в том, что и здесь и там мы находим тесную связь отдельных элементов, входящих в данную систему, с целым²⁴. Едва ли можно отрицать, что в обществе отдельное социально-экономическое отношение зависит от целого, что оно должно рассматриваться на фоне всей экономической структуры того обширного целого, в которое оно входит. Ленин не избегал употреблять термин «организм» в применении к обществу, хотя нет никаких оснований думать, что он был сторонником органической теории. Этот термин мы находим у него в связи с мыслью о том, что общество представляет собою некоторое целое, все элементы которого взаимосвязаны²⁵.

Другая частичная аналогия, которая, может быть, имеет некоторое основание, касается понятия «доминанты» в учении о сообществах.

²² В. Б. Мак-Дуголл. Экология растений. М., 1935.

²³ Там же, стр. 4 (предисловие В. В. Алехина).

²⁴ Ср. L. Bertalanffy. Das biologische Weltbild, Bd. I. Bern, 1949, S. 11: «Ныне, однако, во всех науках выдвигаются проблемы, выражаемые понятиями «целостность», «организация», «форма», главный корень которых — в области биологии». Бергаланффи, впрочем, склонен чрезмерно подчеркивать исключительное положение биологии в системе наук. В частности, понятия «целого», «системы» выдвигаются сейчас отнюдь не только биологами и не только потому, что корень этих понятий в биологии.

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 165, 167.

Под доминантой понимают господствующий вид в растительном сообществе. Некоторое сходство с этим явлением представляет собою преобладающее в количественном отношении или по своему значению для всей общественно-экономической структуры отношение. Однако проводить такую аналогию последовательно и далеко не приходится ввиду сложных связей и взаимоотношений между отдельными социально-экономическими отношениями и целым, т. е. тем обществом, в котором они существуют и вместе с которым они изменяются.

Что же представляют собою это «целое», это структурное единство?

Б

Обычно полагают, что структура общества однозначно связана с *формой собственности*. Обратимся к работе, в которой эта мысль проводится с предельной четкостью и является руководящей при решении основной проблемы, интересующей автора, и при разработке огромного конкретно-исторического материала, собранного в этой работе, — к исследованию Е. М. Штаерман «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи».

«Характер производственных отношений обуславливается, как известно, формами собственности на средства производства. Формы собственности определяют положение и взаимоотношения различных социальных групп»²⁶. Таково исходное положение автора. Каждой из форм собственности соответствует преобладающее определенное социально-экономическое отношение, выражавшее способ эксплуатации²⁷. Далее намечаются четыре формы собственности в Римской империи: рабовладельческая, общинная, собственность частных лиц на так называемые «экзимированные салтусы» и государственная (императорская). Многообразные данные источников и рассматриваются в дальнейшем изложении с этой точки зрения: четыре формы собственности являются ключом к объяснению²⁸ социально-экономического развития империи, ее политических судеб и даже идеологической борьбы. Стройная концепция, оригинальность мысли, исключительная эрудиция делают рассматриваемый труд выдающимся явлением в нашей исторической литературе.

Однако с методической стороны трудно согласиться с некоторыми утверждениями автора.

Что такое рабовладельческая форма собственности? Мы читаем, что для нее характерны античное рабство с неограниченной властью господина над рабом, лишенным средств производства и являющим-

²⁶ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 25.

²⁷ Ср. там же, стр. 26, 30, 41, 44, 47—48.

²⁸ Там же, стр. 26.

ся собственностью господина, а вместе с тем ограниченная собственность владельца на основное средство производства — землю²⁹. Первая часть этого определения указывает на отдельное (пусть — преобладающее, по мнению автора) социально-экономическое отношение. Вторая часть относится не к этому отношению эксплуататора к эксплуатируемому, но к характеристике общественной структуры в целом. Присмотримся к этой второй части.

«Конечно, — замечает автор, — частная собственность на землю существовала, и владелец практически мог распоряжаться принадлежащим ему имением по своему усмотрению». Таким образом, античный владелец имения — это частный собственник, и характерный признак частной собственности — возможность по своему желанию распоряжаться объектом — налицо. Тем не менее, по мысли автора, перед нами ограниченная собственность. Эти ограничения следующие: возможность занятия не обработанного в течение двух лет участка любым желающим, наличие городских земель и стремление сохранить их фонд, повинности и расходы владельцев в пользу города, регулирование цен на продукты питания, случаи отобрания императором земли в провинциях для вывода на нее колонии и пр. Можно, разумеется, сказать, что наличие городских земель и стремление сохранить этот земельный фонд еще не обуславливают ограничения земельной собственности граждан, так же как и регулирование городом цен на продукты питания; что отобрание императором земли в провинциях — явление иного рода, чем ограничение права собственности городом как коллективом землевладельцев и рабовладельцев. Но все же не в этом, как нам кажется, существо рассматриваемой проблемы. Важнее было бы выяснить два других вопроса, а именно: 1) совпадает ли понятие ограниченной собственности с понятием владения, и если эти понятия тождественны, то какое значение имела не только форма собственности, но и форма владения землей для возникновения и развития определенных социально-экономических отношений? 2) определяет ли однозначно форма собственности (в данном случае та, что называется античной) господствующее социально-экономическое отношение, т. е. тот способ, которым, говоря словами Маркса, «неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственного производителя»³⁰, и если так обстоит дело, то как понять эту связь между формой собственности и формой эксплуатации?

Думается, что оба поставленных вопроса следует решать, исходя из данных источников. Сейчас же мы приведем лишь некоторые соображения общего характера.

Поскольку Маркс высказывает уже упомянутое нами положение о несвободе, «которая от крепостничества с барщинным трудом мо-

²⁹ Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, стр. 26.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

жет смягчаться до простого оброчного обязательства», то следует предположить, что форма собственности либо остается той же, либо изменяется. Если она остается той же (т. е. феодальной), то, следовательно, формы «несвободы» зависят не от формы собственности или, вернее, не только от нее, а от чего-то еще. Если форма собственности изменяется, то какая же форма приходит ей на смену? Обычно принимается первое, т. е. что во всех этих случаях остается прежняя форма собственности, которая впоследствии сменяется буржуазной. Из сказанного приходится также сделать вывод, что не только форма собственности определяла формы и характер эксплуатации, но и форма владения и ряд других факторов. Только этим и можно объяснить «бесконечные вариации и градации» экономических форм присвоения прибавочного труда.

Определение собственности у Маркса понимается в нашей литературе иногда несколько узко. Ведь Маркс писал в известном письме к Анненкову ³¹, что общественные отношения «в своей совокупности» (курсив наш.— К. З.) образуют то, что в настоящее время называют собственностью». Между тем, если принять, что для каждой из форм собственности характерно одно определенное социально-экономическое отношение, выражающее способ эксплуатации, то, естественно, и начинают везде видеть или отыскивать именно это отношение (как бывало нередко в нашей историографии 30-х годов), тогда как фактические данные во всем своем многообразии не поддаются такому истолкованию.

Нам представляется, что причиной этого несоответствия теории и действительности является то, что не учитывается, в какой мере и в каком именно отношении докапиталистические общества отличаются от капиталистических. Их классовая структура характеризуется большей сложностью: в них существовала целая лестница различных общественных положений. И если и тогда «угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг к другу» ³², то антагонизм этот носил иной характер и разобраться в нем гораздо труднее ввиду сложности общественной структуры.

Этим объясняются многочисленные не вполне удачные, на наш взгляд, характеристики классовой борьбы в античности. В них общество иногда представляется расколовшимся на два основных класса — рабов и рабовладельцев, а среди последних намечаются те классы или прослойки, которые характеризуют буржуазное общество XVIII—XIX вв.: реакционная землевладельческая аристократия, умеренный и неустойчивый торговый класс и т. д. Между тем материал источников не поддается усилиям уложить его в привычные для нас рамки, объяснить его привычными для нас категориями. Понятно, что неубедительность тех или иных попыток отнюдь не говорит о неправильности положения о значении борьбы клас-

³¹ Там же, т. 27, стр. 406.

³² Там же, т. 4, стр. 424.

сов в процессе исторического развития, но свидетельствует лишь о трудности понимания этой борьбы в древности.

В докапиталистических обществах существовали не только классы, как в бессловном буржуазном обществе, но и сословия, причем те и другие обычно в очень значительной мере не совпадали друг с другом. Классы современного капиталистического общества предполагают юридическое равенство, которое не существовало до капитализма³³. Наличие сословий и соответствующих форм собственности не давало возможности социальным элементам, сходным по своему месту и роли в производстве, слиться в единый класс. Процесс исторического развития уже сравнительно рано привел к тому, что в рамках отдельных сословий стали намечаться острые противоречия, стало обозначаться деление на собственно классы, но принадлежность к сословию (например, принадлежность к гражданству полиса, т. е. возможность пользоваться правами, недоступными для неграждан и несвободных, и так или иначе эксплуатировать последних) была важнее, чем специфические формы зависимости внутри сословия (отношения: землевладелец — арендатор, владелец мастерской — ремесленник и т. д.)³⁴. Когда же развитие общества привело к тому, что одни стали обладать средствами производства, и притом нередко в больших масштабах, а другие оказались лишенными даже средств существования, то это противоречие и побуждало к борьбе внутри сословия за право гражданина пользоваться поддержкой государства, получать клер и пр. Поэтому и можно наблюдать, например, в Греции IV в. до н. э. и позднее выступления демоса против *δυνατοί*, т. е. богатых граждан, а не выступления крестьян, ремесленников и т. д.

Все сказанное позволяет, как нам кажется, сделать вывод, что без учета юридических категорий нельзя понять и исторически объяснить и самые формы зависимости, и классовую борьбу в докапиталистических обществах. Формы собственности ставили известные рамки при распределении средств производства между сословиями, но сами по себе еще не определяли однозначно функционирование социальной системы, которое зависело от целого ряда внутренних и внешних условий.

Одна из основных задач исторического исследования и заключается в том, чтобы определить, какова была связь между всей системой какого-либо из докапиталистических обществ и комплексом многообразных развивающихся социально-экономических отношений, между сословиями и классами (а не только отношением-доминантой). Собственность на средства производства — основа производственных отношений. Но сложность указанной задачи в том, что совокупность производственных отношений определяется и

³³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 475—476.

³⁴ К. К. Зельин. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964, стр. 173.

всей системой в целом (ее морфологией), и морфологическими и функциональными особенностями отдельных социально-экономических отношений, входящих в состав системы. Эта сложность связана и с тем, что в докапиталистических обществах мы всегда встречаемся с различными формами личной зависимости, с теми или иными вариантами применения внеэкономического принуждения, что находит выражение как в строении всей системы, так и в отдельных социально-экономических отношениях.

Существование сословий делает нередко неизбежным несовпадение их с классами. Правовое положение людей может быть одинаковым, а фактическое (т. е. форма зависимости) различным³⁵. Сословие царских земледельцев в эллинистическом Египте охватывало весьма различные социальные элементы³⁶: от крестьянина, которого по приказу администрации отправляли в принудительном порядке на какую-нибудь работу и постоянный труд которого мелочно регулировался той же администрацией, и до того же «царского земледельца», обладавшего крупным имением, большими денежными средствами и державшего в зависимости от себя множество людей. В древности раб мог оказаться в иных случаях в таких же или даже еще лучших условиях, чем свободный³⁷. И наоборот: человек мог быть юридически свободным и в то же время находиться в тяжелой зависимости, подвергаться принуждению и угнетению. В истории древнего мира можно наблюдать возникновение классов в рамках сословий и постоянное их изменение в зависимости от общих исторических условий, тогда как сословия отличаются большей стабильностью (ср., например, общее социальное и юридическое положение рабов в Греции и их фактическое положение в различных отраслях производства в различные периоды ее истории).

Мы хотели бы, чтобы наша мысль была правильно понята, когда мы говорим о правовом статусе тех или иных лиц и об их экономическом положении. На ранних ступенях общественного развития неизбежно было применение насилия со стороны отдельных лиц или государства (и других юридических лиц) в области экономических отношений. Принуждение составляло необходимый компонент

³⁵ Ср., например, резкое изменение положения рабов в Аравии в 1947 г. (R. M a u g h a m. The slaves of Timbuktu. N. Y., 1961, p. 2 sq.).

³⁶ К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры. М., 1960, стр. 193; В. В. Струве. Общественный строй эллинистического Египта. — ВИ, 1962, № 2, стр. 75.

³⁷ Ср., например, положение и деятельность некоторых рабов по документам нововавилонского и персидского времени, когда эти рабы фактически пользовались самостоятельностью, обладали правоспособностью, располагали имуществом движимым и недвижимым, заключали сделки различного рода и т. п. (M. S a n N i c c o l ò und H. P e t s c h o w. Babylonische Rechtsurkunden aus dem 6. Jh. v. Chr. München, 1960, N 7; O. K r ü c k m a n n. Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931, S. 16; G. C a r d a s c i a. Les Archives des Murašû, une famille d'hommes d'affaires babyloniens à l'époque perse [(455—403 av. J. Chr.). Paris, 1951, p. 12 sq.)

экономической системы. Публичное право в докапиталистических обществах неразрывно связано с экономикой, служит выражением этой экономики³⁸, поскольку последняя основывается на внеэкономическом принуждении. В праве и выявляется в общей форме, к кому и отчасти какого рода может быть применено принуждение. Это право складывается на основе системы социальных отношений, и вначале юридический статус до известной степени совпадает с фактическим положением — господствующим или зависимым — тех или иных частей населения, их политическое положение определяет их роль в экономике государства, они представляют собою классы-сословия. Но применение права обуславливается не только этой общей структурой общества, но и рядом других факторов, о которых уже шла речь. Поэтому вскоре наблюдается несовпадение между юридическим и фактическим положениями, хотя в дальнейшем может наступить момент нового их сближения.

Различие между капиталистическим и докапиталистическими обществами заключается не в том, что в первом все определяется экономикой, а в последних — политикой или религией, как это утверждали еще во времена Маркса³⁹, а в том, что при капиталистическом строе это воздействие экономики на другие стороны общества, так сказать, обнажено, выявляется непосредственно, а до эпохи капитализма оно опосредствовано установлением в действующем праве определенных юридических категорий. Можно было бы сказать, что форма собственности определяет возможность того или иного функционирования данного социального элемента в производстве, устанавливает известные рамки его производственной деятельности, открывает путь к тому, чтобы превратить лиц, при надлежащих к классам-сословиям, лишенных определенных прав и привилегий, в угнетаемых или лишенных средств производства подневольных людей, но не определяет однозначно, как этот социальный элемент функционирует, какое место он занимает (или займет с течением времени) в системе производства. Последний вопрос может быть решен не *modo geometrico*, не дедуктивным методом, исходя из анализа формы собственности, но лишь в результате исторического исследования, которое и должно показать, в каком направлении шел процесс общественного развития.

Дельфийские манумиссии с условием *парамонэ* делают ясным все значение «несвободы» как общего правового института. При этом условии, т. е. обязательстве работать у манумиссора обычно до смерти последнего или в течение определенного числа лет, социально-экономическое отношение продолжает существовать приблизительно в том же виде: *парамонарий* должен исполнять все

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. 11, стр. 353: «...отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения...»

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 91, прим. 33.

свои «рабские работы» (*δοῦλικὰς ἑρέας*), а манумиссор может наказывать его в случае провинности так, «как он захочет». Тем не менее рабы шли на это, ибо, несмотря на указанные условия, они все же переставали быть рабами, их социальный статус изменялся, хотя личная зависимость от бывшего рабовладельца сохранялась, и иногда в течение многих лет.

Наличие подобной двойной связи зависимого человека, т. е. связи непосредственно с тем, от кого он зависит, и связи, определявшей его положение в общей системе, делает понятным, почему нельзя механически переносить терминологию, соответствующую отношениям в обществе данной структуры, на отношения в обществах иного морфологического характера: социально-экономические отношения могут оказаться сходными (и это не является случайным), а общественные системы по своей структуре несходными⁴⁰.

Форма собственности еще не определяет, например, наличия в действительности «античного рабства». Существование и развитие этого рабства зависят от совокупности исторических условий, способствовавших или препятствовавших его развитию.

Рабство — широко распространенный институт на определенной стадии общественного развития, но это вовсе не значит, что чуть ли не все народы проходили через рабовладельческий строй. Определяющим для последнего утверждения нам представляется не наличие рабства, но изменение его роли (на данном историческом отрезке) во всей социально-экономической структуре.

Для выяснения понятий «раб» и «античное рабство» нелишне воспользоваться некоторыми положениями учения о классах предметов (логических классах) в математической логике.

Под классами обычно понимают множества. Между двумя классами могут существовать различные отношения. Некоторые действия, произведенные над данными классами, порождают новые классы. Как известно, действие, называемое умножением (или пересечением) классов, состоит в образовании нового класса; элементами этого класса являются те и только те предметы, которые принадлежат к обоим классам⁴¹. Этот новый класс называется произведением

⁴⁰ Ср., например, в сущности некритическое использование феодальной терминологии у Кардашья (*G. Cardascia. Op. cit.*, p. 5 sq.) для характеристики социально-экономических отношений персидской эпохи. Позволяем себе употребить эпитет «некритическое», потому что такие явления, как *fief*, *feudataire*, *seigneur*, *vassal*, *bénéficiaires* (*des groupes de fiefs*) и т. д., рассматриваются в этом труде как сами собою разумеющиеся, без определения их и обоснования этого словоупотребления. Факт раздачи царем земли свидетельствует якобы уже о феодализме (стр. 8). Автор, критикуя интерпретацию одного из документов, данную американским ученым Лютцем, полностью примыкает к последнему в своем общем взгляде на архив Мурашу, в котором, по мнению обоих, можно найти большое число параллелей между вавилонским феодализмом и европейским феодализмом средних веков (*G. Cardascia. Op. cit.*, p. 182).

⁴¹ А. Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948, стр. 118.

или пересечением взятых нами классов. Вот с таким действием мы и имеем дело при рассмотрении рабов в юридическом смысле (как предмета собственности) и рабов «в экономическом смысле», как их часто понимают, имея в виду фактическое положение тех или иных социальных элементов (отсутствие у них средств производства, жестокое принуждение и т. д.). Для пояснения этого мы позволим себе использовать пример, приводимый А. Тарским.

Если взять произвольных диаметров окружности (т. е. предметы одного класса) и произвольной величины углы (т. е. предметы другого класса), то умножением этих двух классов мы получаем новый класс, а именно, если вершину одного из углов поместить в

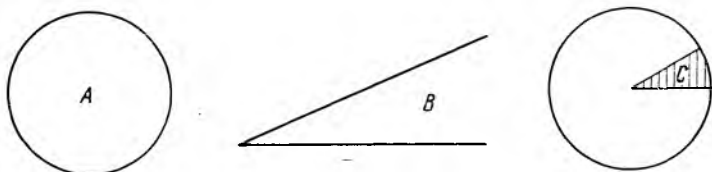

Рис. 1

центре одной из окружностей (рис. 1). Этим новым классом предметов будет фигура, называемая сектором круга (С). Подобное же действие с двумя классами — «рабов» в смысле сословия (А) и «рабов» в смысле людей, лишенных средств производства и подвергающихся внеэкономическому принуждению (В), — приводит к образованию нового класса: в состав его войдут только те рабы в юридическом смысле, которые удовлетворяют и второму условию (т. е. лишены средств производства и подвергаются принуждению).

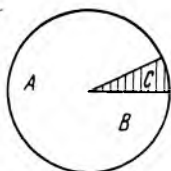

Рис. 2

Или, применяя круги Эйлера:

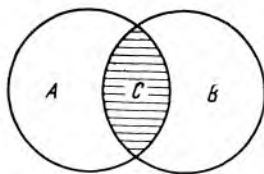

Рис. 3

Их положение (С) и будет характеризовать отношения, которые обычно понимаются как «античное рабство». Такой сектор античного рабства может образоваться очень рано, существовать долго, но этого будет еще недостаточно, чтобы говорить о рабовладельческом способе производства. Последнее покажется убедительным лишь тогда и только тогда, когда удастся установить, что этот сектор расширяется, что сословие все больше принимает характер класса, а отношение рабства делается доминантой в совокупности всех социально-экономических отношений данной системы.

Выше мы заметили, что совпадение юридического статуса и фактического положения наблюдается в начале процесса общественно-политического развития. Это не противоречит тому, о чем говорится здесь, так как, хотя юридический статус и позже остается примерно тем же, социально-экономическое отношение изменяется: вначале это была зависимость иного типа, чем несколько веков позднее (раб мог обладать средствами производства, его фактическое положение было иным), тогда как здесь мы имеем в виду людей, лишенных средств производства и подвергающихся внеэкономическому принуждению. Пересечение в первом случае приводит к патриархальному рабству, во втором — к рабству античному. Поэтому можно согласиться с утверждением, что «несомненно и в Риме был такой момент в развитии рабовладения, для которого наши понятия «класс рабов» и «сословие рабов» совпадают», и что «подобное совпадение имело место в ранний период римской истории, в период относительной слабости и неразвитости рабовладельческих отношений»⁴². О положении в ранний период римской истории мы можем только догадываться. Сближение сословия рабов и класса рабов, а не разрыв между ними происходит уже на другой основе, чем в ранний период, значительно позже, во II—I вв. до н. э.

Эти соображения делают понятным и тот факт, что рабовладельческий строй удерживается и даже продолжает развиваться и в первые два века Римской империи, как это убедительно показала Е. М. Штаерман в своих работах, хотя завоевательные войны надолго прекращаются. Тем более что источниками рабства не обязательно была война.

Конечно, понятие «рабовладельческий строй» шире, чем «античное рабство». Последнего может не быть, а рабовладельческий строй все же может существовать. Рабы могут не подвергаться жестокому принуждению, могут не быть «рабочими животными», могут обладать имуществом или даже правоспособностью, но если они в общем заняты в производстве и играют там решающую роль по сравнению со свободными, то их следует признать за основной класс, а строй — рабовладельческим. Таким образом, решающей,

⁴² С. Л. Утченко. Кризис и падение римской республики. М., 1965, стр. 141 сл.

естественно, является роль рабов в производстве⁴³. Но для констатации рабовладельческого строя еще недостаточно наличия рабства и даже «античного рабства», если оно существует лишь в качестве небольшого сектора и если нельзя обнаружить тенденцию к его дальнейшему развитию. Это, впрочем, не препятствует тому, что при изменившихся исторических условиях этот сектор может прийти в движение и его значение начнет быстро возрастать.

Можно поэтому уяснить и ту логическую ошибку, которую совершали историки, причисляя к рабам людей, лишенных средств производства и подвергавшихся внеэкономическому принуждению. Они производили действие не умножения (пересечения), но объединения (сложения) двух классов (логических), которое заключается в том, что получаемое новое множество есть множество тех и только тех элементов, которые принадлежат или одному или другому классу (или обоим)⁴⁴. Прибегая снова к кругам Эйлера, мы

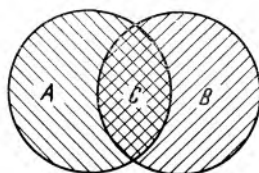

Рис. 4

получаем: А — 1-й класс; В — 2-й класс; С — пересечение; вся заштрихованная поверхность (А, В, С) — объединение.

Достаточно взглянуть на чертеж, чтобы увидеть, насколько велико различие между пересечением и объединением. Стремление обнаружить большее число рабов и приводит иногда к смешению этих двух действий, к тому, что рабы в юридическом смысле механически объединяются с людьми свободными, но лишенными средств производства и подвергающимися принуждению, хотя содержание этих двух понятий разное.

Нам могут возразить: рабы вовсе не сословие, а вещь — с точки зрения древнего права. Очень отчетливо это высказано в статье

⁴³ Характерным в этом отношении представляется вывод В. Рубена (W. R u b e n. Die Lage der Sklaven in der altindischen Gesellschaft. Berlin, 1957, S. 101 ff.): он признает, что рабы в древней Индии не играли решающей роли в производстве, что в этой аграрной стране с ее мелким производством крестьян и ремесленников применение труда рабов было нерентабельно, что рабы лишь помогали в домашнем хозяйстве женщине и главе семьи. Верно лишь одно, замечает автор, что позднее общество в Индии получает феодальные черты. Тем не менее общественный строй древней Индии, заключает Рубен, рабовладельческий, хотя и неразвитый по сравнению с Грецией и Римом.

⁴⁴ Дж. К е м е н и, Дж. С н е л л, Дж. Т о м п с о н. Введение в конечную математику. М., 1965, стр. 78 сл.; А. Т а р с к и й. Указ. соч., стр. 117 сл.

Г. Ф. Ильина «Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов»⁴⁵, где автор, справедливо утверждая, что не существовало особой варны рабов, прибавляет, что «такой варны и не могло быть по той же причине, по какой нигде рабы не могли составлять сословие, так как даже в древней Индии, с ее примитивным и неразвитым рабовладением, рабы, в принципе, были исключены из числа юридических лиц (разрядка автора.— К. З.) и были подчинены законам, которыми регулировалась собственность на вещи» (разрядка автора.— К. З.). Этот аргумент столь же убедителен, как если бы на этом же основании утверждали, что рабы не были в Индии (и везде) и классом, ибо класс—это группа людей, занимающих одинаковое положение в производстве, а раб был вещью, а не человеком!

Рабы не имели прав свободных, они постоянно противопоставлялись последним (ср. *droit* — *éléments*). Рабы представляли собою часть населения государства, резко отличавшуюся в юридическом отношении от других частей, следовательно, с нашей точки зрения, они составляли сословие, хотя бы древние и рассматривали их как вещь (впрочем, далеко не всегда). У древних вообще не было понятия сословия в современном смысле или класса-сословия. Это — наши понятия, которыми мы пользуемся, когда хотим выяснить не особенности употребления терминов, обозначавших рабов, например у греков, а реальное положение, в котором находилась та или иная часть населения.

В дальнейшем изложении мы будем подразумевать под «рабами» людей, принадлежащих к сословию рабов, т. е. признаваемых такими действующим правом, являющихся собственностью других людей, коллективов или даже «божества», но не обязательно товаром, не обязательно лишенных средств производства или даже правоспособности, не обязательно жесточайшим образом угнетаемых. Под «античным рабством» мы понимаем пересечение⁴⁶ логического класса рабов в указанном смысле с логическим классом людей, лишенных средств производства и понуждаемых к подневольному труду. Лишь при таком словоупотреблении можно избежать парадоксального вывода относительно, например, поденщиков в эллинистическом Египте, которые были свободными людьми, но в то же время якобы рабами⁴⁷.

Высказанные нами соображения в такой же мере относятся и к проблеме феодализма. Феодальную общественную формацию иногда характеризуют так, что эта характеристика может быть применена к некоторым обществам, которые признаются за рабовладельческие. В самом деле, если указывается⁴⁸, что в отношении

⁴⁵ ВДИ, 1950, № 2, стр. 106—107.

⁴⁶ В указанном выше (стр. 25 сл.) смысле.

⁴⁷ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 79, сл.

⁴⁸ А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, стр. 17.

уровня производительных сил эпохе феодализма свойственно преобладание натурального хозяйства и простого воспроизводства с элементами товарно-денежных отношений, то это же самое мы наблюдаем и в большей части обществ, относимых к рабовладельческой формации. Конечно, не для всех этих обществ, но во всяком случае для некоторых из них подходит и второй признак, относящийся к способу производства: сочетание крупной поземельной собственности с рядом мелких хозяйств. Наконец, если основываться на классовом антагонизме, то антагонизм крупных землевладельцев и эксплуатируемого ими зависимого крестьянства также можно обнаружить, по крайней мере, на древнем Востоке и в странах эллинизма.

Понятие «феодалная формация», определенное указанными признаками, оказывается чересчур широким, если мы обратим внимание на то, что в этих признаках отсутствует указание на политическую структуру феодального общества, которая и была выражением его социально-экономической структуры, связанной в своей основе с внеэкономическим принуждением.

Ту же особенность при определении феодализма мы видим и во «Введении» к III тому «Всемирной истории». Здесь говорится, что земля была собственностью феодалов, что собственность на землю являлась основой средневекового феодального общества, что личная зависимость крестьян от феодалов и вытекавшее из нее внеэкономическое принуждение составляли типичную черту феодального строя⁴⁹. Но внеэкономическое принуждение — типичная черта всех докапиталистических обществ. Формула же: «Собственность феодалов на землю являлась основой средневекового феодального общества» — страдает логическим дефектом, поскольку понятие «феодалы» входит в это определение, но само не определяется. Нельзя же считать феодалами крупных землевладельцев, на земле которых работали непосредственные производители — крестьяне, так как тогда можно будет найти феодализм и в древнем Египте и в Месопотамии, что авторы «Введения» справедливо ставят в упрек зарубежным исследователям⁵⁰, основывающимся исключительно (или главным образом) на представлении о политической системе. Логическая структура вывода в обоих случаях сходна. Если политическая система, взятая вне связи с ее социально-экономической основой, получает вневещный характер, то и социально-экономические отношения докапиталистического общества, взятые в отрыве от политической структуры, представляются лишенными *differentia specifica*, которую составляет эта структура — форма собственности и система классов-сословий.

Мы не считаем приемлемым определение феодализма как типа общества, даваемое в зарубежной историографии, например Ган-

⁴⁹ «Всемирная история», т. III. М., 1957, стр. 10 сл.

⁵⁰ Там же, стр. 19.

шофом⁵¹, поскольку экономика, общественная структура и основные формы зависимости в этом определении охарактеризованы недостаточно, но все же этот автор указывает на некоторые существенные признаки феодального строя, которые отсутствуют в приведенных выше определениях феодальной общественной формации: на развитие форм зависимости, охватывающее все общество, на крайнее дробление права собственности, дробление публичной власти, на использование в собственных интересах прав, принадлежавших государству, и т. д.

При характеристике строя общества докапиталистической эпохи нельзя, нам кажется, пройти мимо его политической системы, поскольку она представляет собой выражение основного принципа экономики того времени, построенной на применении внеэкономического принуждения.

Если в системе сословий часть прав, принадлежащих центральной власти (по отношению к населению данного округа или области), оказывается в руках определенного социального слоя (а именно военного, например рыцарей в Восточной Германии XII—XVI вв.), то это население, оставаясь еще даже в большей своей части свободным, попадает с течением времени в зависимость от соседа, обладающего этими правами. Это еще не феодализм и не крепостничество. Однако если будущий феодал, используя свою власть, ставит подчиненное ему население в экономическую зависимость, облагает его поборами (или присваивает себе поборы в пользу центральной власти), стесняет личную свободу своих соседей — крестьян или ремесленников (например, свободу передвижения), то он превращается уже в настоящего феодала.

Таким образом, если применить указанную диаграмму, мы получим опять умножение (пересечение) двух классов (логических).

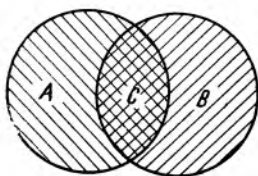

Рис. 5

А — класс людей, над которыми рыцарь, если использовать указанный уже пример, обладает властью (политическими полномочиями). В — класс людей, находящихся в экономической зависимости, обладающих обычно в известной мере средствами производства и обязанных большей частью отработками или оброком. С (заштрихованная решеткой часть) представляет собою крепостное население феодальной эпохи, зависимый класс-сословие этого времени.

⁵¹ F. L. G a n s h o f. Qu'est-ce que la féodalité? Bruxelles, 1957, p. 11.

Сказанное позволяет лучше понять, почему продажа земли вместе с сидящими на ней *λαοί* в известной надписи Лаодики⁵² еще не есть феодализм, как это считали Ростовцев и другие⁵³. Перед нами действительно передача части власти над этими людьми (а именно права собирать с них доходы) отдельному лицу, но этого еще недостаточно для признания, что мы имеем здесь феодальные отношения, так как между *λαοί* и Лаодикой несомненно отсутствовали отношения второго рода (обозначенные на диаграмме буквой В), т. е. личная экономическая зависимость, не говоря о том, что вся структура общества была иной, чем в феодальную эпоху.

Мы уже указывали, что наличия определенного отдельного социально-экономического отношения еще недостаточно для того, чтобы установить, имеем ли мы дело с рабовладельческим строем или с феодализмом, так как и в древности, и в средние века встречаются самые разнообразные формы зависимости, иногда очень сходные. Недостаточен также и признак, который обычно приводился для доказательства, что перед нами рабы: упоминаемые в источниках люди являются собственностью других лиц, их можно покупать и продавать. Ограничиться им — значит лишь признать существование рабства, что еще не решает вопроса о роли рабов в производстве.

Нам думается, что основное различие коренится не в этих отдельных чертах рабства или крепостничества, но в характере той общественной системы, из которой может развиваться впоследствии рабовладельческий или феодальный строй. При господстве внеэкономического принуждения организация государства, т. е. аппарата принуждения, должна была иметь огромное значение для социально-экономических отношений, или, вернее сказать, эта политическая организация, система юридических категорий, охватывавших ту или иную часть населения, и была выражением экономики. Кому принадлежала власть и в какой мере — до известной степени определяло направление развития общества.

Если эта власть принадлежала гражданской общине (мы сейчас не имеем в виду политического устройства, которое могло быть различным — олигархическим или демократическим), то естественно, что такая община противопоставляла себя как иностранцам, так и несвободным элементам, попавшим под власть ее граждан. Это еще не означало, что ее дальнейшее развитие обязательно пойдет по пути роста рабовладения и тем более, что оно приведет к «античному рабству», но содержало возможность такого развития.

Другое дело, если часть политических полномочий оказывалась в руках отдельных лиц, которые имели возможность, пользуясь ими, экономически подчинять себе своих сограждан или (в случае

⁵² В. Wellers. Royal correspondence of the hellenistic period. New Haven, 1934, N 18—20.

⁵³ См. критику их взглядов: А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 146 сл.

завоевания) иноплеменников. Опять-таки и здесь еще нет готового сложившегося строя — феодализма, есть только известная возможность двигаться по направлению к нему.

Наконец, если не гражданство в целом, как привилегированная и правящая община, и не какая-то часть населения, представители которой обладают известными политическими правами, противостоят массе неполноправных или зависимых людей, а государство в лице обладателя политической власти (с неограниченной или даже ограниченной властью), от него непосредственно или опосредствованно зависят все слои населения. В таком государстве не совокупность граждан или лиц, принадлежащих к определенному сословию и обладающих политическими правами, противостоит остальному населению, лишенному политических прав или находящемуся в зависимости, но грань проходит между теми слоями, из которых складывалось правящее сословие и в интересах которых действовал государственный аппарат (причем они могли включать различные в социально-экономическом отношении элементы: чиновников, землевладельцев, аристократов, позднее — крупных торговых дельцов, но всегда тесно связанных с государственным аппаратом) — и всем остальным населением, свободным и зависимым ⁵⁴.

Высказывая эту мысль, мы отнюдь не хотим представить государство как какую-то самостоятельную силу, стоящую над обществом. Нет, политическая организация и в этом случае есть выражение социально-экономической системы, орудие подавления определенной части общества в интересах другой, господствующей. Но эксплуатация непосредственных производителей может быть организована различным образом, и роль государства в этой организации эксплуатации может быть также неодинаковой. Государство не только было орудием подавления эксплуатируемых, но могло и само их эксплуатировать, или, вернее, используя непосредственно его институты, его аппарат, его огромную силу, господствующие слои населения, образующие правящее сословие, могли эксплуатировать массу населения. В древности мы это видим в государствах Востока (например, в Египте), позднее — в эллинистических государствах и в Римской империи. Было бы неправильно ставить знак равенства между подобной организацией производственных отношений и рабовладельческим или феодальным обществом: различие обуславливается как характером всей общественной системы, так и особенностями форм зависимости. Эти формы могли быть очень многообразными, но характерной их чертой являлось широкое применение государственного принуждения.

⁵⁴ Мы не касаемся здесь вопроса о так называемом «азиатском способе производства», поскольку это требует специального рассмотрения. Во всяком случае то, о чем говорится здесь, есть нечто более широкое и многообразное, чем господство верховного собственника — царя — над совокупностью мелких общин.

В связи со всем, что было сказано, представляется нелишним рассмотреть некоторые наиболее характерные определения «раба», которые были даны в зарубежной и советской науке преимущественно за последние 30 лет. Согласно Д. Лотце, различие между рабом и зависимым человеком, но не рабом (например, средневековым крепостным) заключается в том, что крепостной принадлежал к правовой общности народа хотя и с меньшими правами, чем свободный человек, раб же стоял *вне* этой общности, являясь собственностью других людей ⁵⁵.

По мнению Лотце, экономическое использование, т. е. характер экономической связи между земледельцем и собственником земли, не есть признак, с помощью которого мы можем провести грань между рабом и крепостным. Средневековый крепостной, илот, свободный арендатор, самостоятельно хозяйствующий на земле раб — все они представляют собою крестьян, уплачивающих известный чинш (Zinsbauern) ⁵⁶. Между тем обозначения «аренда», «крепостная зависимость» (Hörigkeit), «рабство» подразумевают помимо экономического еще и личное правовое отношение — и что касается последних (т. е. «крепостной зависимости» и «рабства») — выражают, собственно, лишь это правовое отношение. Оно не просто вытекает из экономического положения: то и другое не покрывают друг друга.

Говоря об илотах, Лотце вплотную подходит к проблеме связи «личного правового отношения» и характера той системы, в которую это отношение входит. Илоты, считает Лотце, по способу их экономического использования, по своей ограниченной возможности распоряжаться имуществом и пр. сходны с феодальными крепостными, но коренное отличие в их положении обуславливается тем, что средневековый крепостной все же принадлежал к правовой общности народа, хотя и обладал меньшими правами, тогда как илоты стояли вне этой общности и были собственностью других людей ⁵⁷.

Таким образом, по мнению Лотце, выявляются два аспекта рассматриваемых отношений — хозяйственный и правовой, которые, хотя и не необходимо связаны друг с другом, все же соприкасаются. В экономическом отношении имело значение относительно самостоятельное положение большей части крестьян, которые вели собственное хозяйство и в этом были чрезвычайно сходны с δοῦλοι μισθοφόροι в древней Греции. И далее Лотце лишь в самой общей форме указывает на то, что эта хозяйственная форма выросла естественно из экономических условий, но была обязана своим су-

⁵⁵ D. Lotze. ΜΕΤΑΕΥ ΕΛΕΥΘΕΡΩΝ ΚΑΙ ΔΟΥΛΩΝ. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr. Berlin, 1959, S. 67.

⁵⁶ Ibid., S. 64.

⁵⁷ Ibid., S. 79.

ществованием политико-юридическому акту того или иного государства.

Между тем главной задачей нам представляется как раз выяснение связи между «правовым и экономическим аспектами». Правильно усматривая различие между крепостным феодальной эпохи и спартанским илотом не в характере эксплуатации, но в неодинаковом положении, которое тот и другой занимали по отношению к общественной системе, Лотце останавливается, так сказать, на полдороге, ограничиваясь констатацией данного положения, не идя дальше в анализе связи социально-экономического отношения со всей структурой общества.

Ф. Гшнитцер поставил перед собой иную задачу, чем Лотце: он стремился лишь установить, в каком значении употреблялись термины, прилагаемые в источниках к рабам, считая достаточно ясным тот смысл, который имеет «наше немецкое слово *раб*» (*Sklave*)⁵⁸. Гшнитцер доказывает, что греки, применяя различные термины, имели в виду отдельные аспекты рабства, но что у них не было термина, соответствующего слову «раб» в том его значении, в каком он часто употребляется сейчас. Важной особенностью в его постановке вопроса является утверждение, что «несвободный» (*δοῦλος*) с точки зрения юридической не был бесправным, но почти во всем стоял ниже, чем свободный⁵⁹. Впрочем, вводя это, очевидно, более широкое, чем «рабство», понятие «несвободы», автор не дает в сущности анализа его признаков. Показывая, как «несвобода» представлялась грекам, он не переводит, так сказать, этот термин на современный язык, не увязывает его с представлением об общей структуре греческого общества. Поэтому, как ни ценно его исследование для понимания древнегреческого словоупотребления, оно мало дает для выяснения реального содержания понятия «раб», законности его применения нами во всех тех случаях, где мы встречаем тот или иной из рассмотренных автором терминов. Ведь такой, например, термин, как *δοῦλος*, как это прекрасно показывает Гшнитцер, применялся далеко за пределами круга лиц, которых многие современные ученые считают рабами.

Автор сознательно ограничил свою задачу анализом смысла четырех терминов, которые указывали на те или иные стороны рабства, считая, что изучение терминологии является необходимым для исторического исследования, но что смешивать то и другое не следует.

Правда, из изложения Гшнитцера видно, какой смысл он вкладывает в «наше немецкое слово *раб*»: раб — это лично несвободный

⁵⁸ F. Gsch nitzer. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei, I. Wiesbaden, 1964, S. 6.

⁵⁹ Ibid., S. 6; ср. S. 12: «*δοῦλος* обозначает раба как человека в определенном, хотя и низшем правовом положении», в противоположность термину *ἀνδραπόδα*, обозначавшему раба не как личность, но как вещь, вид имущества.

слуга, рабочее животное, живой капитал⁶⁰. Автор сходится с Лотце в том, что раб (как, впрочем, и «несвободный») является собственностью других людей. «Прежде всего,— пишет он, анализируя значение широко применявшегося термина *δοῦλος*,— несвободный находится всегда,— а свободный никогда — в собственности других людей»⁶¹. Подобное понятие раба, по его мнению, как и самое явление, несомненно существовало в Греции классической эпохи, но терминология, употреблявшаяся в то время, не соответствовала реальным отношениям: она отставала от хода исторического развития и досталась в наследство классической эпохе от предшествующего периода, когда отношения были иными⁶². Однако те особенности отношений, о которых говорит автор, обнаруживаются и в классическую пору, когда встречались несвободные, не являющиеся рабами в том смысле, в каком понимает этот термин Гшнитцер, а также слуги, многие из которых были лично свободны, когда эксплуатация не ограничивалась лишь кругом несвободных.

Заметим также, что, признавая несоответствие терминологии реальному положению вещей, едва ли можно прийти к заключению, что греки рассматривали раба скорее как человека, хотя бы и второго сорта, чем как вещь⁶³.

С приведенными определениями понятия рабства интересно сравнить определение, данное в свое время в работе Г. Ф. Кнаппа⁶⁴, материалом и выводами которой пользовался Лотце при сопоставлении античных и феодальных отношений⁶⁵. Кнапп, рисуя процесс закрепощения крестьян рыцарями в Восточной Пруссии, проводит различие между *Grundherrschaft* и *Gutsherrschaft*, т. е. между правами представителей власти по отношению к еще свободному населению соответствующего округа и правами владельца имения, в экономической зависимости от которого оказывается окрестное население. Состояние подданства (*Unterthänigkeit*), т. е. политического подчинения, было не следствием владения имением, но результатом передачи маркграфом части своих политических прав рыцарям. Описывая различные формы зависимости в Пруссии (до XVI в.), Кнапп характеризует и ту форму, которая получила название *Leibeigenschaft*. *Leibeigenschaft*, по его мнению, и есть рабство. Его основные черты следующие: раб (*der Leibeigene*) не может приобретать для себя имущество и, с другой стороны, сам может быть отчуждаем, как вещь.

«Подданство» крестьян не возникло из рабства и не имело отмеченных двух признаков. Крепостной крестьянин, даже в случаях

⁶⁰ F. G s c h n i t z e r. Studien..., S 27.

⁶¹ Ibid., S. 6.

⁶² Ibid., S. 27.

⁶³ Ibid., S. 26.

⁶⁴ G. F. K n a p p. Die Bauernbetreibung und der Ursprung der Landarbeiter. Leipzig, 1883, S. 25 ff.

⁶⁵ D. L o t z e. Op. cit., S. 60.

наиболее тяжелой зависимости, являлся принадлежностью имени, а не личности владельца, мог отчуждать имущество и передавать его своим близким ⁶⁶. Рабство, по мнению Кнаппа, в рассматриваемый им период встречается лишь эпизодически.

Мы привели определение Кнаппа потому, что в нем сказывается распространенный взгляд на рабство. Рабство определяется целиком на основании представления об обмене: раб не может отчуждать имущество и он сам — товар. Но такое определение не может считаться исчерпывающим, поскольку рабство существовало не только там, где был обмен. Определение Кнаппа в некоторой мере — и то далеко не всегда — подходит преимущественно для эпохи развития товарного производства.

С другой стороны, если возникновение крепостной зависимости как-то связано с «подданством» (*Unterthänigkeit*), т. е. с теми или иными политическими полномочиями, то следует предполагать, что этот политический момент играл и при возникновении рабства во многих случаях не менее важную роль. Кнапп, впрочем, касается этого вопроса, хотя и довольно бегло, отмечая, что *Leibeigenschaft* возникла в результате покорения славян к востоку от Эльбы.

В советской исторической науке в понятие «раб» вкладывалось преимущественно социально-экономическое содержание. Особенно характерны в этом отношении работы О. О. Крюгера, В. В. Струве и Г. Ф. Ильина ⁶⁷. О. О. Крюгер в известном исследовании о зерновом хозяйстве в птолемеевском Египте и акад. Струве в своих статьях исходят из того положения, что главным признаком рабства в отличие от крепостничества является отсутствие у работника средств производства и применение к нему внеэкономического принуждения. На этом основании к рабам в эллинистическом Египте причисляются и поденщики (как «временные рабы»).

Подобное определение, однако, также недостаточно точно и не охватывает данных источников во всем их своеобразии. Ведь внеэкономическое принуждение применялось не только к рабам, но и к крепостным. Поэтому в приведенном определении остается лишь один отличительный признак: отсутствие у работника средств производства. Является ли данный признак (в соединении с внеэкономическим принуждением) необходимым и достаточным для признания того, что мы имеем дело в том или другом случае с рабством, будет выяснено ниже. Сейчас же заметим только, что аргумент В. В. Струве общего характера: «В птолемеевском Египте, как и в любом рабовладельческом обществе, противопоставлялись рабы и

⁶⁶ G. F. K n a p p. Op. cit., S. 25. Несколько дальше автор вводит еще и третий признак рабства — связь (*Gebundenheit*) раба с личностью господина.

⁶⁷ О. О. К р ю г е р. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры. — ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 64; В. В. Ст р у в е. Общественный строй эллинистического Египта. — ВИ, 1962, № 2, стр. 74, 82, 94; Г. Ф. И л ь и н. Шудры и рабы. — ВДИ, 1950, № 2, стр. 96.

свободные»⁶⁸ — не имеет доказательной силы для обоснования приведенного выше определения рабства, так как, во-первых, такое противопоставление мы находим не только в праве рабовладельческих обществ (ср., например, Варварские Правды раннего средневековья); во-вторых, это противопоставление имеет в виду не оба признака, указанные в определении, но лишь второй, т. е. внеэкономическое принуждение. Однако внеэкономическое принуждение — настолько широко распространенное явление в докапиталистических обществах, что одного этого признака, очевидно, недостаточно для признания человека рабом; в-третьих, в памятниках законодательства и других источниках мы видим социальное разделение не по экономическому признаку (наличие или отсутствие средств производства, эксплуатация труда рабов рабовладельцами), а по юридическому: люди делятся на свободных и рабов. Те и другие различаются, когда речь идет о наложении штрафов или наказаний⁶⁹ или, наоборот, о назначении наград. Но в памятниках права мы часто не находим ответа на вопросы о том, кто такие рабы, чем они занимаются и т. п. Были ли поденщики в Египте и «многообразные разновидности людей, оторванных от средств производства и вместе с тем подневольных»⁷⁰, рабами и в глазах закона, применялось ли и к ним право, относившееся к рабам и нашедшее себе выражение в Александрийских законах и других памятниках? На поставленные вопросы приходится ответить отрицательно: нет никаких данных, которые говорили бы об этом.

Известная статья Я. А. Ленцмана «О древнегреческих терминах, обозначающих рабов»⁷¹ положила начало разработке вопроса, поставленного в ее заглавии, в советской историографии античности. Эта статья представляет собой широко задуманный обзор употребления соответствующих терминов на протяжении веков и попытку определить их значение. Автор прав, полагая, что определение специфического словоупотребления каждого из терминов может оказаться полезным для характеристики древнегреческого рабства в целом⁷². Однако — хотелось бы добавить — при одном условии: если исследователь не ограничится этим определением, а попытается связать терминологию с реальными отношениями в греческом обществе. Автор все же ограничивается анализом значения терминов, но в качестве выводов формулирует некоторые методические соображения общего характера. Одно из них сводится к тому, что «необходимо изучать различные категории древнегреческих рабов в отдельности, обращая внимание не только и даже не столько на

⁶⁸ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 89.

⁶⁹ См., например, законы астиномов в Пеграме. G. Klaffenbach. Die Astynomeninschrift von Pergamon. Berlin, 1954, Kol. IV, l. 184.

⁷⁰ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 93.

⁷¹ ВДИ, 1951, № 2, стр. 41—69.

⁷² Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 49.

черты их сходства, а прежде всего на различие между ними»⁷³. Вторым выводом Я. А. Ленцмана — необходимость дифференцированного изучения тех многочисленных слоев населения, которые обозначаются общим термином «дул». Оба соображения следует признать правильными, если даже толкование автором содержания отдельных терминов может представляться спорным. Мы считали бы нужным только еще определеннее сформулировать самую задачу: необходимо дифференцированное изучение *всех* форм зависимости, существовавших в данном обществе, а не только тех, которые в источниках обозначаются терминами *δοῦλος*, *ἀνδράποδον* и т. д.

Я. А. Ленцман, употребляя выражение «раб как таковой», не раскрывает содержания этого понятия: каковы же главные признаки «раба как такового» — его юридическое положение или фактическое? И в каком соотношении находятся то и другое? Автор в этой статье исходит из кажущегося ему верным умозаключения: если термин *οἰκέτης* относится к одному определенному разряду рабов, а именно к домашним рабам, то другие термины обозначали каких-то иных рабов, недомашних⁷⁴. Но Э. Л. Казакевич убедительно показала, что различные термины в зависимости от точки зрения говорящего могли относиться к одним и тем же лицам⁷⁵. Термин *δοῦλος* и слова, связанные с корнем этого слова, по мнению Я. А. Ленцмана, касаются рабства в широком смысле слова, «раба как такового». Но сама эта формула возбуждает некоторое недоумение: если *δοῦλος* характеризует рабство в широком смысле слова, то как это же слово может обозначать «раба как такового», т. е. как определенную форму зависимости? Ведь рабство в широком смысле слова — это уже не рабство, а несвобода с ее различными вариантами. Термин *δοῦλος* и в особенности производные от него могли употребляться тогда, когда речь шла о принуждении, о признаках несвободы, но не обязательно о рабах.

В последующие годы исследование терминов, обозначающих рабов, продолжила Э. Л. Казакевич⁷⁶. Ее статьи отличаются тонкостью филологического анализа и вместе с тем глубоким пониманием специфики эпохи, явившейся предметом исследования (Греция IV в. до н. э.). Задолго до Гшнитцера Казакевич пришла к выводу о том, что различные греческие термины, обозначавшие рабов (*δοῦλος*, *οἰκέτης*, *ἀνδράποδον*), — не групповые, а общие, что они «выражали разные способы восприятия рабовладельцами явления «раб», восприятия его, так сказать, с разных углов зрения»⁷⁷. В рас-

⁷³ Там же, стр. 69.

⁷⁴ Там же, стр. 54.

⁷⁵ Позднее Я. А. Ленцман признал, что указанный вывод соответствует фактам (Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 60).

⁷⁶ Э. Л. Казакевич. Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э. — ВДИ, 1956, № 3, стр. 119 сл.; е е же. Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. — ВДИ, 1958, № 2, стр. 90.

⁷⁷ Э. Л. Казакевич. Термин..., стр. 120—121.

смаатриваемых статьяx и выясняются эти «разные способы восприятия», которым соответствовала и многосторонность самого понятия. Очень верно и убедительно автор показывает все значение разделения древнегреческого общества на свободных и рабов. Действительно, противоположность *δούλος* — *ἐλεύθερος* вполне определена, она обусловлена всей структурой греческого полиса, системой его сословий. Широкое применение термина *δούλος* (и к свободным лицам) лишь подчеркивает значение этого термина для обозначения рабского положения.

Что же такое раб? Раб, утверждает автор, — и в этом нельзя не согласиться с ним — был прежде всего юридической категорией, предметом собственности, формой богатства⁷⁸. Понятие «раб» было связано не с понятием «трудящийся», но с понятием «собственности»⁷⁹. Раб — это человек, который является предметом собственности, а для Греции IV в. до н. э. — в связи с развитием товарного производства — преимущественно купленное имущество, форма богатства, вещь или «тело». Автор приходит к выводу на материале IV в., что понятие «раб» в сознании греков того времени связывалось с представлением о телесном мучении, что раб в отличие от свободного не являлся хозяином своего тела. Физический труд — это «рабские занятия».

В заключительной части своей работы Э. Л. Казакевич превосходно рисует различие между положением социальным, или, как она пишет, следуя словоупотреблению источника, родственным (*ὁπὲρ γένους*), и экономическим. К сожалению, она недостаточно останавливается на значении этого различия, усматривая в том факте, что афинские граждане все больше принуждены были обращаться к занятию физическим трудом, подрыв экономической основы афинской демократии, превращение этой демократии все больше и больше «в пустой звук». Нам кажется, что значение указанного явления шире, чем эта не очень новая мысль о том, что афинскую демократию погубило рабство. Но это значение можно понять, если все же выйти за несколько узкие границы исследования и не ограничиваться Афинами IV в. до н. э.

Возражая Я. А. Ленцману относительно илотов, Э. Л. Казакевич между прочим замечает, что «хотя в положении илотов, пестеров и т. п. и рабов в более развитых полисах была существенная разница, первые все-таки достаточно четко отличались по своему положению от свободного населения»⁸⁰. И далее: применение к илотам терминов, обозначающих «античное рабство», или, выражаясь словами автора, «рабов развитого античного рабовладельческого общества», объясняется чувством «деспотической» солидарности у рабовладельцев. Но ведь нас интересует не только словоупотреб-

⁷⁸ Э. Л. Казакевич. Рабы как форма богатства..., стр. 91.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Э. Л. Казакевич. Термин..., стр. 121, прим. 3.

ление этих рабовладельцев и состояние их сознания, но и то, как мы должны считать: были илоты рабами или нет? И при том и при другом решении этого вопроса неизбежно встанет проблема, что такое рабство вообще, а не только в сознании рабовладельцев IV в. до н. э., каковы его признаки. Вполне признавая все значение исследования Э. Л. Казакевич, мы все же полагаем, что оно выиграло бы, если бы автор несколько расширил рамки этого исследования и показал не только «всякого рода переносные оттенки понятия «раб»», но и переходные формы зависимости и их значение в греческом мире.

Автор, к сожалению, вовсе не останавливается на том признаке, который в советской науке 30-х годов и до настоящего времени многими считался основным (наряду с наличием внеэкономического принуждения) для понятия «раб», — на отсутствии у него средств производства (см. выше, стр. 37 сл.). Между тем рассмотрение этого вопроса (даже если автор и не согласен с тем, как он решается) было бы поучительно, так как именно отсутствие средств производства и понуждало малоимущих афинских граждан приниматься за «рабские занятия», как это прекрасно показано автором на материале речи Демосфена «Против Эвбулида»⁸¹, а занятие рабским, т. е. физическим, трудом грозило бедным и бесправным, т. е. признанием их рабами. Следовательно, если отсутствие средств производства и не входит в определение понятия «раб», то в действительности оно было как-то связано с положением раба и в этом отношении заслуживает внимания для характеристики его фактического положения.

Расхождение в истолковании терминов, обозначающих рабов, помимо различного подхода исследователей к интересующей их проблеме связано и с характером отношений, существовавших в далекое время: с различием между понятием «раб» в социально-юридическом смысле и с представлением о фактически рабском (или приближающемся к рабству в том или ином отношении) положении. В полисе и вне его существовали различные формы зависимости, для обозначения которых применялись слова с корнем *δοῦλ-*(*ος*), получившие более широкое значение «несвободы». Э. Л. Казакевич справедливо критиковала выводы Я. А. Ленцмана о том, что рассматриваемые им термины являются терминами групповыми, отправляясь от понимания раба в юридическом аспекте (как собственности других лиц). Я. А. Ленцман, утверждая, что *δοῦλος* — это «раб как таковой», имел в виду широкое распространение данного термина в переносном смысле. Но такое перенесение термина обуславливалось всегда наличием лишь некоторых признаков рабства, которые были присущи тем или иным формам «несвободы», т. е. формам зависимости с применением внеэкономического принуждения, причем отсутствие других признаков — и прежде всего принадлежности другому лицу — не позволяет говорить в этих случаях о рабстве.

⁸¹ Там же, стр. 132.

Для преодоления затруднений, которые возникают при применении понятия «рабство» к конкретному историческому материалу, необходима, как нам кажется, большая ясность и полнота содержания в понятиях, которыми нам приходится оперировать с целью известной систематизации фактических данных во всем их многообразии. Для этого, очевидно, следует рассмотреть подробнее признаки, которые характеризуют формы зависимости и которыми мы пользуемся при определении последних, так как сочетание или, наоборот, отсутствие тех или иных из этих признаков и обуславливает многообразие. С другой стороны, важно отметить главные различия, существовавшие в общественных системах, в которых мы встречаем формы зависимости. Если же ограничиться слишком общими определениями без такого более детального анализа этих систем (вроде, например: «перед нами рабовладельческое общество», или «неразвитое рабовладельческое общество», или «рабовладельческое общество с пережитками доклассового строя»), то нам не удастся прийти к удовлетворительным результатам в понимании и объяснении исторических явлений.

Для большей части форм зависимости в докапиталистических обществах характерно, как мы видели, наличие непосредственного принуждения, но степень и форма этого принуждения представляются очень разнообразными. Господство может быть установлено как над личностью эксплуатируемого, так и над средствами производства и средствами потребления. В докапиталистических обществах встречается либо господство над личностью работника, либо господство и над личностью, и над средствами потребления, либо господство над частью средств производства (например, земель). С другой стороны, и то и другое порабощение бывает полным или частичным. Таким образом, мы получаем следующие виды зависимости:

А. Л и ч н о с т ь с в о б о д н а :

а) средства производства в руках эксплуататора. Эта форма зависимости встречается и в докапиталистических обществах, но господство лишь над средствами производства, как общее правило, характерно только для капиталистического строя;

б) основная часть средств производства находится только в распоряжении правящего сословия или класса-сословия (например, земля), но лишённые права владения этой частью — свободные (например, афинские матеки).

Б. Л и ч н о с т ь п о р а б о щ е н а :

1) полностью:

а) средства производства полностью принадлежат господствующему сословию или классу-сословию;

б) средства производства частично в руках эксплуатируемых;

2) частично:

а) средства производства полностью принадлежат представителям господствующих сословий;

б) средства производства частично в руках эксплуатируемых.

Власть господина над личностью зависимого человека в какой-то мере всегда соединяется с господством над средствами производства, хотя формы этого господства могут быть различными.

Указанные четыре формы зависимых отношений в докапиталистических обществах (Б, 1, а-б; 2, а-б) получаются чисто логическим путем посредством понятий полной или частичной апроприации личности или средств производства. Но уже и из этого расчленения понятий видно, какой различный характер могли иметь формы зависимости. Зависимый человек мог находиться в полном порабощении у самого господина (индивидуального или коллективного), к нему могли быть применены все средства физического принуждения, но при этом он мог и не быть рабом⁸²⁻⁸³, или же способы принуждения так или иначе ограничивались (ср. ограниченную власть спартиата по отношению к илотам на его клере или оговорку в некоторых дельфийских манумиссиях о праве наказывать парамонария, но так, чтобы не наносить ему увечья: например, SGD1, 2261: *πλαχῆς ἀσινέοις*).

«Связанность» зависимого человека бывает обусловлена разного рода принуждением: он может быть связан с личностью господина или же с его владением (и прежде всего с землей), быть своего рода придатком к этому владению. С другой стороны, зависимость может быть постоянной, передающейся из поколения в поколение, традиционной, или же носить временный характер.

Маркс придавал большое значение традиции для социально-экономических отношений. Он писал об этом в связи с вопросом о возможности накопления имущества у крепостных⁸⁴ и утверждал, что «при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоится это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль». Под традицией здесь понимается постоянное воспроизводство базиса и соответствующего отношения, придающее устойчивость данному способу производства.

«Традиционное (traditional) социальное действие занимает важное место и в социологии М. Вебера. В частности, он также указывает, как простое повторение событий сообщает им значение известной нормы⁸⁵. В применении к античности в советской науке впервые на роль традиции обратила внимание Е. М. Штаерман в одной из самых интересных глав своей монографии о рабстве в Римской империи I—II вв. н. э.⁸⁶ Она рассматривает значение тра-

⁸²⁻⁸³ Ср. описание работ в рудниках Эфиопии, заимствованное Диодором (III, 12—14) у Агатархида.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 356.

⁸⁵ M. Weber. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1925, S. 378 ff.

⁸⁶ Е. М. Штаерман. *Рабство в Римской империи*. Италия (в печати).

диции в связи с вопросом о состоянии данной формы социально-экономических отношений (их устойчивость или намечающийся упадок) и отмечает явления, которые происходят при этом в области идеологии.

Мы хотели бы подойти к проблеме традиции с несколько другой точки зрения. Можно ли в формах зависимости различить формы традиционные и нетрадиционные? Этот вопрос был затронут Ф. Эртелем в его рассуждениях о литургии, которую он считает в противоположность «традиционной зависимости» нетрадиционной⁸⁷. Действительно, можно сказать, что различие здесь есть, но оно носит относительный характер. Литургии, которые должны были, например, нести богатые граждане в Афинах, конечно, нечто иное, чем традиционное бремя, которое выпадало на долю многих рабов, но и они стали также в значительной мере традиционными. Также и *merisios* в птолемеевском Египте II—I вв. н. э., т. е. сдача земли в принудительную краткосрочную аренду, представляет собою литургию на короткий срок⁸⁸, повторяющуюся, но вовсе не сделавшуюся общим законом, вовсе не свидетельствующую о «крепостничестве» царских земледельцев. Однако самое повторение того или иного мероприятия способствует тому, что такое мероприятие начинает приобретать характер традиции. В каждом конкретном случае приходится, таким образом, учитывать и данный признак в отношениях зависимости.

Момент принуждения может найти свое выражение в присвоении продуктов труда (всех или только части) зависимого человека, в наложении пени за те или иные проступки (проступки с точки зрения обладателя власти), в ограничении свободы передвижения (опять-таки в различной степени: полное прикрепление к данному месту или запрещение переселяться в определенное место, запрещение следовать за господином или, наоборот, обязательство делать это, назначение трудиться в совершенно определенной отрасли и т. д.). Таким образом, даже один признак зависимости — наличие внеэкономического принуждения — может обуславливать многочисленные варианты отношений.

Нельзя также удовлетвориться общим утверждением о наличии или отсутствии средств производства у зависимого человека. Они могут отсутствовать полностью или частично. В распоряжении зависимого человека, например, могут быть орудия производства, но не земля, или у него может быть земля, но в ограниченном его распоряжении. Или он может обладать известным имуществом, притом различного рода: недвижимостью (например, домом), или движимым имуществом, или деньгами, или и тем и другим, а иногда даже и зависимыми людьми, или он не обладает не только средствами про-

⁸⁷ F. Oertel. Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1917, S. 3.

⁸⁸ К. К. З е л ь и н. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры, стр. 335.

изводства, но и средствами существования, получая последние от господина в виде месячины, и т. д.

Существенными также оказываются способ и масштабы апроприации продуктов труда зависимых людей. Эти продукты могут отбираться полностью или частично, в натуральной или денежной форме; зависимый человек должен работать на господина, опять-таки полностью отдавая ему свое рабочее время или лишь частично (барщина в средние века, орегае колонов по надписи из Saltus Burunitanus и пр.). Имеет значение также и где он работает: на земле или в рудниках, в доме владельца или в его мастерской.

Условия работы, которые различным образом связаны с общей обстановкой развивающегося товарного обмена, влияют на формы зависимости (ср., например, условия труда и положение работников в ткацких мастерских в эллинистическом Египте). Необходимо учитывать также и то, существует ли и как организован надзор над работой зависимого человека или же ему предоставляется трудиться более или менее самостоятельно, а с него требуют лишь определенный доход (в натуральной или денежной форме; ср., например, положение рабов на условиях *ἀποφορά* в Афинах IV в. до н. э.).

Масштабы внеэкономического принуждения — его размеры и интенсивность эксплуатации — вовсе не обязательно пропорциональны размерам власти над средствами производства: можно представить себе, что эксплуатируемые владеют частью средств производства (например, орудиями), самостоятельно работают и пользуются частью получаемого урожая, что они могут даже накопить известные денежные излишки и вместе с тем подвергаются самому жестокому принуждению. Примерно в таком положении находились спартанские илоты.

Мы уже отмечали, что изолированное изучение отдельного социально-экономического отношения не может быть плодотворным. Зависимость от целого представляется двоякой: это целое, одним из элементов которого является данное отношение, определяет значимость и место данного отношения во всей структуре общества и само это целое может быть эксплуататором или эксплуатируемым⁸⁹. Особенное значение, как мы видели, такая зависимость приобретает в докапиталистических обществах в связи с наличием в них сословий и с процессом возникновения и первоначального развития собственно классовых противоречий, классов в смысле общественных групп, занимающих определенное место в производстве.

В общем, учитывая сложность общественных связей и разнообразие отношений и пытаясь в какой-то мере систематизировать формы зависимости, мы должны решать двоякую задачу: а) установить таксономические единицы для этих форм и б) проделать сходную

⁸⁹ Т. е. если иметь в виду отдельное отношение $A \rightarrow B$, где A — обладающий властью над личностью B и средствами производства, а B — лицо зависимое, то может быть, что A и B оказываются не отдельной личностью, а тем или иным коллективом.

работу и для систем, в состав которых входят те или иные социально-экономические отношения.

Как отдельные отношения, так и целые их системы возникают и развиваются в определенных естественных и исторических условиях. Поэтому нельзя не отметить, что начиная с периода архаической Греции и до конца античности все формы непосредственного принуждения существовали и изменялись в обстановке роста (или соответственно упадка) товарного производства, которое не могло не явиться формообразующим и модифицирующим фактором в развитии вариантов зависимости. Действие этого фактора могло сказываться по-разному. Во многих случаях развитие товарного обмена способствовало росту внеэкономического принуждения, поскольку эксплуатируемый и зависимый человек становился одним из видов товаров, превращался в вещь продаваемую и покупаемую и возможность реализации его стоимости на рынке удовлетворяла стремлению к наживе (*хёрдос*), которое так ярко сказывалось, например, в греческом обществе уже в первой половине IV в. до н. э. (Ксенофонт) и содействовало его дальнейшему развитию.

С другой стороны, рост товарного обмена мог приводить иногда к некоторому ослаблению непосредственной власти господина над зависимым человеком, к тому, что последний начинал пользоваться большей самостоятельностью, и хотя его статус (юридическое положение) не менялся, фактическое положение, в котором он оказывался, отличалось от того, в каком он находился, работая в чужом хозяйстве под непосредственным надзором владельца: теперь он должен был вносить господину своего рода оброк, реализуя продукты своего специализированного труда на стороне.

На положение зависимого человека, каково бы оно ни было, влияло превращение господствующего лица в торговца, заинтересованного в сбыте продуктов труда зависимых от него людей на рынках. Могло случиться, что и сам зависимый человек становился торговцем. Стремление со стороны государства использовать выгоды товарного обмена приводило также к развитию своеобразных форм принуждения в комбинации с принципами товарного производства: от полного порабощения с применением жесточайших средств принуждения до сравнительно мягких форм зависимости, сводившихся к уплате доли доходов государству.

Наконец, поскольку товарное производство далеко не охватывало всех отраслей хозяйства, продукты труда зависимых людей могли не выходить за пределы данного хозяйства (индивидуального или коллективного), и тогда для отношений зависимости характерна их относительная независимость от развития товарного обмена.

Многообразие форм зависимости способствуют различные конкретно-исторические условия их генезиса и последующего развития. Можно приветствовать, что в советской науке, наконец, признали ошибочной недооценку роли географической среды в развитии общества. А. Я. Гуревич склонен придавать огромное значение ком-

плексу природных условий «в возникновении и интенсивном развитии системы античного рабства в странах средиземноморского бассейна или, скажем, в замедленности эволюции многих народов экваториального пояса»⁹⁰.

Не считая возможным решать столь определенно данную проблему без тщательного анализа и самой сущности форм зависимости, и «эмпирических обстоятельств», мы все же должны признать, что без изучения взаимодействия данной системы социально-экономических отношений и природной среды, в которой она возникла и развивалась, а также исторической обстановки (взаимоотношения с другими социальными системами, темп и характер политического развития и т. д.) нельзя понять и развитие интересующих нас форм зависимости.

Было уже замечено выше, что при анализе и классификации форм зависимости необходимо учитывать их генезис и его особенности. В общем можно наблюдать два вида этого генезиса: зависимость возникает или как отдельное социально-экономическое отношение, в порядке частного права, или как результат политического воздействия в порядке публичного права. К первому виду генезиса относятся: зависимость должника от кредитора, когда первый не может выплатить свой долг, зависимость как следствие судебного решения, как результат самопродажи или договора, заключаемого с человеком или божеством (например, частная аренда земли, зависимость *хатхуи* в эллинистическом Египте), или, наконец, несвобода как результат прямого принуждения (со стороны разбойников, пиратов, магнатов в эпоху поздней Римской империи и т. д.).

Но зависимость нередко имеет публичноправовой характер, возникает в результате акции государства. Завоевание, например, может привести к порабощению или к установлению более или менее тяжелой зависимости населения целых областей. Следует указать на политику государственной власти по отношению к тем или иным разрядам населения страны (ср., например, постановление Птолемея II Филадельфа о *σώματα λαϊκὰ ἐλευθέρη* и *οἰκητικὰ* в Сирии). Большее значение в древности имели при этом требования фиска (Китай эпохи династии Хань, эллинистический Египет, поздняя Римская империя).

Самую существенную роль в генезисе форм зависимости играла общественно-политическая структура, в которой содержались предпосылки для развития тех или иных отношений. Другой исторически важный момент — характер отношений зависимости в связи с их воспроизводством. В этом отношении формы зависимости подразделяются также на два вида, которые можно было бы назвать моногенетическими и полигенетическими формами. К первым принадлежат те, которые, раз возникнув, переходят из поколения в

⁹⁰ См. А. Я. Гуревич. Общий закон и конкретная закономерность в истории. — ВИ, 1965, № 8, стр. 19.

поколение, не нуждаясь в повторении процесса первоначального возникновения отношений: воспроизводство определяется первоначальным актом установления зависимости (илотизм, рабство как следствие происхождения от раба или рабыни — рабы *οἰχογενής*, крепостничество). В полигенетических же формах процесс возникновения зависимости продолжает повторяться, притом зависимость эта возникает различными способами (развитие колоната, рабство как следствие пленения, самопродажи, задолженности и пр.). При рассмотрении как моногенетических, так и полигенетических форм всегда можно обнаружить воздействие двух общих признаков: непосредственного принуждения и товарного производства, но в разных комбинациях и масштабах. Необходимо отметить, что генезис отношений бывает сходным, а самые отношения, появляющиеся в результате данного способа их возникновения, различными. В сравнительно поздней античности при массовых захватах военнопленные и население, не участвовавшее в военных действиях, нередко оказывались поработченными в смысле античного рабства, тогда как, например, массовый захват населения враждебной страны хеттами отнюдь не приводил к развитию античного рабства: пленников уводили во внутренние области государства и сажали их там на землю. Принуждение выражалось в том, что этим людям (*NAM-RA*) запрещалось покидать местность, где они были поселены, но отсюда до античного рабства еще далеко. Таким образом, если характер генезиса и имеет значение при возникновении той или иной формы зависимости, все же главное — не то, чем были эти люди, а то, чем они стали, т. е. каково место возникающего отношения в системе, какова его морфологическая и функциональная природа.

Генезис отдельного отношения не может в истории играть ту роль, которую филогенезис играет в биологии. Кита сейчас, несмотря на его образ жизни и некоторые морфологические признаки, никто не считает рыбой, а летучую мышь — птицей. Решающим здесь является не только и даже не главным образом морфологический анализ, а филогенезис. Другое дело в истории: одинаковый генезис отношения (например, в результате завоевания) приводил не раз к самым различным результатам (ср. судьбу населения в Спарте после дорийского завоевания, или судьбу 150 тыс. эпиротов, обращенных в рабство римским консулом в 167 г. до н. э., или положение египетского населения в эллинистическом Египте после македонского завоевания, или, наконец, судьбу коптов после утверждения арабов в Египте в 640 г. н. э.). И наоборот, различные условия порождали сходные или даже тождественные отношения, которые можно объединять по их главным признакам в группы более общего характера и таким образом наметить известную систему.

Нельзя считать, впрочем, что все формы зависимости всегда возникают в результате принуждения. Их возникновение иногда бывает связано и со «свободным» соглашением заинтересованных лиц в том смысле, что от данного лица зависит, заключать соответ-

вующий договор или не заключать. Решение определяется соображениями выгоды, экономической необходимости и пр. Такого рода зависимыми людьми были *θηράποντες* в гомеровскую эпоху, *φίλοι* — воины на службе у командира наемников в «Анабасисе» и «Киропедии» Ксенофонта, наемные рабочие в Греции и эллинистических государствах, клиенты своих патронов в конце Римской республики, когда не только отдельные лица, но и города признавали патронат какого-нибудь могущественного лица, зависимые люди патрониев в поздней Римской империи, вассалы средних веков. «Свобода» эта была большей частью призрачной. Но важно отметить, что принуждение в таких случаях не было непосредственным, внеэкономическим, но имело некоторое сходство с экономическим принуждением в эпоху капитализма. Это и понятно: во всех классовых обществах средства производства, как правило, находятся в руках представителей господствующего сословия или класса-сословия, и потому всегда может возникнуть такое положение, что человек, не будучи подневольным, но лишенный средств производства (в полной мере или даже частично), вынужден «добровольно» вступать в зависимость от лица, располагающего этими средствами. Коренным отличием, однако, от буржуазных порядков было то, что возникавшая таким образом зависимость имела большей частью личный характер, связывала зависимого человека с определенным патроном и зависимость эта являлась отнюдь не следствием высшего развития товарного производства, а обычно освобождением от еще более тяжелой зависимости от государства или же способом найти известную опору для людей, потерявших связь с этим государством.

Все сказанное должно было способствовать уяснению основной проблемы, интересующей нас, т. е. вопроса о приемах систематики социально-экономических отношений. Нам хотелось показать, что при попытках такой систематики методически правильно было бы, исходя из данных источников, наметить сначала низшие таксономические единицы и, постепенно восходя к более высоким, т. е. охватывая эти низшие единицы, прийти к более общим и абстрактным понятиям. Для этого, нам кажется, следует, не решая предварительно вопроса, с какой формацией мы имеем дело в том или ином случае, выяснить последовательно и, насколько позволяют источники, достаточно полно признаки различных форм зависимости и присмотреться к той картине, которую определит совокупность исследованных нами отношений. Изучение отдельных форм зависимости должно быть связано с исследованием структуры той системы, элементами которой являются эти формы.

Конечно, те или иные признаки имеют неодинаковое значение в систематике. Подобно тому как современная систематика цветковых растений построена не на одном каком-нибудь признаке, как это было в системе Линнея, но с учетом многообразных факторов, так и систему форм зависимости, если возможно будет ее создать, нельзя строить лишь на одном, хотя бы и существенном, признаке.

Мы не можем придерживаться ни только той противоположности, которая была столь живой и характерной для сознания античного человека — δοῦλος — ἐλεύθερος, ни новейшей формулы: раб — это существо подневольное и лишенное средства производства, но должны по возможности стремиться учесть важнейшие признаки в двух аспектах: признаки, характеризующие отношение между зависимым человеком и тем, от которого он зависит, и, с другой стороны, характеризующие место и значение этого отношения во всей общественной системе.

Определение того, что является существенным признаком, вытекает из основных методологических соображений, высказанных выше. Эти признаки сводятся в общем к следующему: а) господство над личностью зависимого человека либо (или: и) над средствами производства, иными словами, степень и формы внеэкономического принуждения; б) место и значение данной формы зависимости во всей структуре общества (в системе классов, сословий и классов-сословий); в) признаки, указывающие на связь формы зависимости с развитием товарного производства, и г) признаки, указывающие на ее обусловленность исторической обстановкой, на ее генетические и трансформационные связи.

Одной из задач изучения форм зависимости в различных обществах древнего мира и должно явиться создание более или менее стройной таксономической системы форм зависимости в их необходимой и тесной связи с общественными системами. Лишь на основе такого изучения и можно, нам думается, подойти более углубленно и в соответствии с исторической действительностью к проблеме общественной формации. Лотце заметил, что «между различными формами, естественно, существуют постепенные переходы и следует постоянно сознавать, что всякая систематизация является лишь вспомогательным мыслительным средством»⁹¹. С подобной формулировкой без оговорок, однако, согласиться нельзя. Конечно, невозможно представить или описать объект во всем многообразии его свойств и функций. В каждой науке приходится прибегать к идеализированному образу, к абстракции. Но все же научная систематизация должна соответствовать действительно существующим и существенным признакам исследуемых объектов, а в таком случае ее уже нельзя считать только вспомогательным умственным средством. Такая систематизация и может быть произведена путем тщательного изучения не только основных типов отношений или тех, которые представляются нам таковыми, но и многочисленных, переходящих одна в другую форм, о которых упоминает Лотце.

«Несвобода» не только в разные эпохи, но и в пределах одного периода принимала в действительности (а не только в сознании современников) многообразные формы, и только их изучение может дать

⁹¹ D. L o t z e. Op. cit., S. 60.

вполне обоснованный вывод относительно того, что представляло собою все в целом.

Если в результате исследования мы бы и пришли к тому же общему заключению, которое делалось и без анализа, представляющего нам необходимым, то все же это заключение получило бы более твердое основание, чем то, которое оно имеет теперь.

2. ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ

А

Сложные и трудоемкие задачи, наметившиеся в результате постановки некоторых методологических вопросов в связи с проблемой систематики социально-экономических отношений потребовали бы для своего решения привлечения материала, относящегося ко всей территории древнего мира в разные периоды его развития. Цель данного раздела — более узкая: на основании высказанных в первой части работы теоретических положений по возможности определить и разграничить лишь особенно характерные отношения зависимости, существовавшие в одном из государств Восточного Средиземноморья с конца IV до середины I в. до н. э. Эти отношения были основаны в той или иной мере на непосредственном господстве и подчинении и связаны (опять-таки в неодинаковой степени) с развитием товарного производства. Следует выяснить их сходства и различия, а также их значение как элементов в данной общественной системе в связи с изучением форм собственности и владения. При этом нельзя будет не коснуться и проблемы генезиса отдельных отношений.

Уже а priori можно предположить, что перед нами предстанет сложная и пестрая картина: ведь в эллинистическую эпоху общественно-экономические и политические отношения усложнились по сравнению с предшествовавшим периодом, приняли иные масштабы; греки лучше познакомились со многими племенами и государствами, о которых они имели раньше лишь смутное представление, и вошли с ними в более или менее тесное общение.

Воздействие ряда факторов — экономико-географических условий, состояния техники, исторической обстановки, способа возникновения данной формы зависимости и пр. — существенно сказывалось на характере социально-экономических отношений. Понятно, например, что специфические экономико-географические условия Египта — государства, расположенного в большой аллювиальной долине, где издавна существовало ирригационное земледелие, — не могли не отразиться и на формах зависимости. Естественно также, что события конца IV в. до н. э. — захват македонянами и греками огромных земель и богатств, образование новых крупных государств, дальнейшее развитие обмена — должны были повлиять и на спосо-

бы и характер эксплуатации, так же как и войны, получившие новые масштабы в III—II вв. до н. э., или передвижения населения, вызванные различными причинами.

Характеристика эллинизма как некоего этапа в развитии рабовладельческой формации представляется неправильной по соображениям, которые нами были высказаны еще в 1953—1954 гг. в связи с дискуссией о сущности эллинизма¹. Но и то определение эллинизма, которое было предложено тогда вместо формулировки, ранее данной А. Б. Рановичем, останется слишком общим и недостаточно убедительным без анализа конкретных отношений, и в частности отношений социально-экономических². С другой стороны, необходимость такого анализа, как нам кажется, обусловливается и неудовлетворенностью, которую вызывают некоторые слишком общие определения общественного строя того или иного эллинистического государства. Ведь недостаточно, как было выяснено в первой части этой работы, доказывать отсутствие в том или ином государстве древнего мира феодально-крепостнических отношений или, обнаружив некоторое число рабов, приходить к общему заключению, что перед нами рабовладельческий строй.

В эллинистическую эпоху в Восточном Средиземноморье существовали многообразные и сложные по структуре политические системы. Многие из них включали в свою очередь другие системы, когда-то бывшие самостоятельными и сохранившие от того времени своеобразные формы собственности, или же возникшие по их образцу новые образования (ср., например, полисы, входившие в состав царств Селевкидов и Птолемеев, или храмовые общины в Малой Азии, Сирии и Палестине). Поскольку выше мы всячески подчеркивали связь отдельных форм зависимости с более или менее сложным общественным целым, следует, прежде чем переходить к описанию и анализу этих форм в одном из эллинистических государств, представить себе основные политические системы того времени. Эти системы следующие.

1. В конце IV в. до н. э. возникли крупные восточноэллинистические державы Селевкидов и Птолемеев, охватывавшие большие территории, имевшие пестрое население, унаследовавшие в значительной мере вековые традиции восточных обществ, но вместе с тем обнаруживающие во многом, что они являются и наследниками греко-македонских завоевателей.

¹ К. К. З е л ь и н. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма). — ВДИ, 1953, № 4, стр. 145—156; е го ж е. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. — СА, 1955, 22, стр. 99—108; В. Д. Б л а в а т с к и й. Культура эллинизма. — СА, 1955, 22, стр. 109—115.

² К. К. З е л ь и н. Основные черты эллинизма, стр. 147: «Эллинизм представляет собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований».

2. Продолжали сохранять известную, хотя нередко и призрачную, самостоятельность эллинские полисы со своими устойчивыми порядками, традиционными институтами и социальными отношениями. Им приходилось приспосабливаться к изменившейся исторической обстановке, причем они обнаружили необыкновенную живучесть и продолжали играть значительную политическую роль, пользуясь иногда новыми формами политических объединений, — путь, на который они вступили еще в IV в. до н. э. (союзы полисов).

3. Третья, важная и отличающаяся от первых двух система — это крупные государства, сравнительно примитивные, сохранившие многое от переходного к классовому обществу периода, без длительной и богатой культурной традиции, проводившие в рассматриваемый период энергичную завоевательную политику: Этолийский союз, Македония, Рим. Часто Рим считали городом-государством наподобие греческих полисов. Едва ли можно с этим согласиться: несмотря на известное сходство, Рим, как и Македония или Этолийский союз, обладал иной структурой. Греческий полис представлял собою город-государство со сравнительно небольшой хорой, населенной обычно гражданами того же города, принимавшими участие в народных собраниях, выборах должностных лиц и пр. В Риме в течение долгого времени существовали и сохраняли свое значение учреждения, характерные для города-государства, но вместе с тем основа его власти в эллинистическую эпоху была гораздо шире, чем у греческих полисов. Так же как в Македонии или в Этолийском союзе, линия раздела проходила между племенем, установившим свое господство на обширной территории, и остальным населением этой территории, другим по своему этническому составу, лишенным политических прав и пользовавшимся меньшими правами.

4. Наконец, нельзя оставить без внимания и тот мир, без учета значения которого остается непонятным и развитие античных государств, — племенную периферию, как внутреннюю, так и внешнюю. Эти племена стояли на различной ступени общественного развития, занимали неодинаковое место в отношениях с эллинистическими государствами, но их воздействие во многих областях эллинистического мира было сильно и своеобразно.

В дальнейшем мы и предполагаем рассмотреть некоторые основные формы зависимости на примере государства, принадлежавшего к первой из перечисленных политических категорий, не стремясь к сколько-нибудь полному их обзору, но ставя целью привести соответствующие данные для иллюстрации методических соображений, изложенных в первой части настоящей работы. Естественно встает вопрос, какие из форм зависимости и в каком порядке изучать. Их возникновение и характер тесно связаны с формами владения средствами производства, поэтому и рассматривать их следует в этой связи. Но едва ли было бы правильно принять за исходный пункт ту или иную классификацию, построенную на основе совре-

менных юридических понятий. Целесообразнее, как нам кажется, исходить из соответствующих представлений, которые существовали в эпоху эллинизма. В надписи магнетов намечены все основные источники права владения (с правом распоряжения — *χρησία*) (Syll³, 685, 130). Таких источников четыре: переход объекта от предков, купля, овладение посредством оружия, получение от «сильнейшего». Под этим углом зрения мы рассматривали вопрос о титулах владения в эллинистическом Египте³, используя, в частности, известный процесс Гермия. Но если подобная схема помогает понять правовые титулы, на основании которых обитатели Египта регулировали отношения друг с другом, то она оказывается пригодной и для понимания их отношений с государством.

В работах об эллинистическом Египте мы встречаем часто положение о том, что Птолемей были верховными собственниками. На этом положении основываются исследования М. И. Ростовцева. К. Прео считала преувеличенными представления о царской собственности и объясняла «собственнический» подход Птолемея к Египту воздействием сильно развившейся еще до прихода греков частной собственности. Однако прежде чем решать данную проблему, естественно поставить вопрос: что такое собственность?

М. В. Колганов прав, утверждая, что, «когда дело доходит до ее определения, она ускользает, расплывается в нечто отвлеченное и неясное⁴. Он определял собственность как присвоение и владение, когда они основываются на производстве и обращении товаров и включают, таким образом, право отчуждения в противоположность формам присвоения, основанным на присвоении материальных продуктов (т. е. собственность в противоположность присвоению и владению^{4а}). Такое определение представляется несколько узким и в приложении к докапиталистическим обществам создает затруднения. В эллинистическом Египте, например, существовали отношения, при которых владелец земли имел право отчуждать ее, но, владея ею, был стеснен известными ограничениями, мешающими признать его собственником. В восточных государствах М. В. Колганов не признает существования государственной собственности на землю: по его мнению, основу восточной деспотии составляет лишь концентрированное владение землей.

Мы пытались определить содержание понятия «собственность» по отношению к эллинистическому Египту, исходя из свидетельств источников⁵. Они говорят о том, что собственнические права Птолемея сводились в основном к их праву получать доходы со всего: от земли, богатств недр, изделий ремесла и пр. В заявлениях различ-

³ К. К. З е л ь и н. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960, стр. 306—315.

⁴ М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, стр. 3.

^{4а} Там же, стр. 5—6.

⁵ К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 304 сл.

ного рода нередко встречается следующий мотив: «Чтобы царь не потерял какого-либо ущерба»⁶.

Все формы владения жителей Египта были основаны на том или ином из названных выше четырех принципов. Сами Птолемеи стали распоряжаться Египтом в соответствии с этими началами. Египет являлся завоеванной территорией (*δορίκτητος*). Но академик В. В. Струве⁷ справедливо указывал, что Птолемеям было невыгодно слишком акцентировать момент завоевания в генезисе их власти, они стремились к тому, чтобы их рассматривали как преемников фараонов, исконных властителей Египта. Таким образом, выдвигался принцип традиции, преемственности власти, а вместе с тем и принцип получения последней из рук более сильного, т. е. божества: сам Гор даровал им господство над страной, властители которой и были воплощенными богами. В связи с этим находилась и религиозная политика Лагидов.

Четыре принципа были положены в основу всех отношений государства в лице его верховного правителя — царя — к населению: Птолемеи или принуждали различные категории населения к труду, или вступали с ними в соглашения, или, наконец, даровали им на тех или иных условиях землю либо другие объекты. Четвертый принцип в отношениях правительства к населению — традиция — лишь отчасти зависел от действия администрации, но раз установившиеся отношения имели тенденцию закрепиться, что вело с течением времени к их изменению: право владения могло стать более прочным; земля, дарованная на определенных условиях, могла, как правило, переходить к наследникам владельца; принудительная мера или нарушение договора, последовавшие в особых обстоятельствах, находили себе вскоре новое применение, теряли, таким образом, свой экстраординарный характер и из эпизодического мероприятия могли сделаться обычным явлением. Чистые, так сказать, формы отношений, основанные на одном из указанных принципов, — сравнительно редкое явление. Мы постоянно встречаем в Египте сочетание различных начал.

Прямое принуждение (*βία*) играло значительную, но не исключительную роль в экономической жизни страны. Оно применялось к узникам, при организации работ по ирригации, при сборе урожая и т. д. В той или иной форме оно проникало во все области экономики, но это вовсе не означает, что все сводилось только к принуждению.

Не менее важное значение имели формы отношений, основанные на соглашении, — купля и аренда (*ωνή* и *μισθωσις*). Они в эпоху эллинизма получили особенно широкое развитие, поскольку отражали рост товарного производства. Обе формы отличались друг от друга тем, что в первом случае уплачивалась «цена» (*τιμή*) и отно-

⁶ P. Teb., I, 50, 1.44—45; P. Rein., I, 18, 1.34—35.

⁷ В. В. Струве. Общественный строй эллинистического Египта, стр. 68.

шения представлялись более прочными. Общим же для них было то, что отношение основывалось на договоре, на соглашении, однако стороны были неравноправны, поскольку отдельному лицу или группе людей и тут и там противостояло государство. Поэтому соглашение часто оказывалось вынужденным, заключенным вследствие экономической необходимости или нажима со стороны администрации.

Очень широко использовался и третий способ: получение владения от более сильного, т. е. опять от того же государства в лице царя или его агентов.

Различный генезис отношений зависимости можно проследить и в тех случаях, когда речь идет об отношениях между отдельными лицами или между коллективами и отдельными лицами. На принуждении были основаны отношения рабовладельца и раба. На договоре основывались отношения между владельцем земли и арендатором, кредитором и должником, нанимателем и наемным работником (например поденщиком). Представители верхнего слоя господствующего класса могли выделить из своих владений те или иные объекты и предоставить их в распоряжение человека, ставя его, таким образом, в известную зависимость от себя и требуя определенных услуг. Разумеется, невозможно в пределах данной работы коснуться всех отношений зависимости. Задача заключается в рассмотрении лишь некоторых из них, и в особенности тех, в которых контрагентом выступало государство. Последнее обуславливается всем характером общественно-экономической структуры феодалов Египта.

Если исходить из высказанных соображений, то формы зависимости, которых мы коснемся дальше, и порядок их рассмотрения представляются в следующем виде:

А. Формы зависимости, основанные на принуждении:

- 1) труд заключенных в нубийских рудниках, описание которого оставил Агатархид;
- 2) рабство.

Б. Формы зависимости, связанные в известной мере как с договорным началом, так и с применением принуждения:

- 1) в горном деле, на ирригационной сети, в сельском хозяйстве;
- 2) труд воинов низших категорий;
- 3) труд наемных рабочих-поденщиков (*ἐργάται*);
- 4) обязательства по парамонэ;
- 5) отношения, возникавшие в результате продажи (*ωνή*) доходных статей государством;
- 6) зависимость арендаторов царской земли (*γεωργοὶ βασιλικοί*);
- 7) обязательства, являвшиеся следствием самопожертвования бо-
жеству (гieroдулия).

Обзор форм зависимости в эллинистическом Египте удобно начать с характеристики тех отношений, в которых с наибольшей отчетливостью проявляются вся полнота и беспощадность непосредственного принуждения, — с известий древних о добывании золота при Птолемах в рудниках Нубии. Наиболее обстоятельное из этих сообщений принадлежит Диодору Сицилийскому, заимствовавшему его из сочинения Агатархида, греческого географа и историка, жившего во II в. до н. э. Оно было использовано в книге «Эллинистическая техника», в главе, написанной М. И. Максимовой⁸. Главное внимание автора, естественно, обращено на технологию разработки рудных месторождений, но, кроме того, характеризуется и организация труда⁹.

Очень подробно, хотя и, на наш взгляд, в некоторых отношениях странно, разбирает известия Агатархида в своей обширной работе Х. Вильсдорф. Он справедливо утверждает, что литературные источники нужно исследовать с точки зрения их тенденции¹⁰. Но ведь то же самое относится и к современным авторам, в том числе и к самому Вильсдорфу. Он считает, что Агатархид обрисовал картину труда в рудниках, чтобы передать определенное настроение читателю (*ein Stimmungsbild*), и потому правдиво передаваемые факты приобретают весьма одностороннее освещение. По мнению Вильсдорфа, созданная Агатархидом картина страдает многочисленными преувеличениями, и он объясняет ряд подробностей со своей точки зрения. Если, например, древний автор пишет, что работавшим в рудниках нечем было прикрыть свою наготу, то замечает Вильсдорф, он забывает, что при жаре и пыли Нубийской пустыни заставлять работать обнаженными было благодеянием. Если Агатархид, движимый «истинным состраданием», сообщает об эксплуатации детского труда, то ведь надо подумать, утверждает Вильсдорф, что при узости штолен и проходов эта работа для детей была, возможно, менее трудной, чем для взрослых. Когда Агатархид говорит о безустанном труде работавших в рудниках, не знавших ни днем ни ночью покоя, то современный автор со свойственным ему рационализмом заявляет, что работать вовсе без отдыха человек не может, он должен был бы в этом случае умереть. Наконец, Вильсдорф полагает, что суровость, проявленная государством, понятна, если учесть, что оно в рудниках имело дело с преступниками и военнопленными. «Это объясняет многое, и суровость делается понят-

⁸ М. И. Максимова. Сырьевая база и первичная обработка металлов, стр. 18 слл. — «Эллинистическая техника». Сб. статей под ред. И. И. Толстого. М.—Л., 1948.

⁹ Там же, стр. 32.

¹⁰ H. Wilsdorf. *Bergleute und Hüttenmänner im Altertum bis zum Ausgange der Römischen Republik. Ihre wirtschaftliche, soziale u. juristische Lage.* Berlin, 1952, S. 176.

ной», — говорит Вильсдорф и утверждает далее, что, как ни благородно стремление Агатархида смягчить жестокую судьбу преступников, все же речь идет о «менее ценных элементах человеческого общества» и их положение, изображаемое Агатархидом, не является результатом злоупотребления в обычном смысле слова. «Преступники» не умели держать язык за зубами и потому попали на рудники иногда вместе с семьями¹¹.

Приведенные нами высказывания Вильсдорфа свидетельствуют о крайне тенденциозной точке зрения автора, с которой он рассматривает рассказ Агатархида об ужасных условиях работы заключенных в нубийских рудниках.

Автор более ранней работы о горном деле в греко-римском Египте, К. Фитцлер, считал, что известию Агатархида свойственна наблюдательность, которая могла быть результатом только личного впечатления, но что древний автор сильно преувеличил данные о числе рабочих, занятых в рудниках на границе Нубии, так как ни число военнопленных, ни число преступников не могло быть так велико, как он говорит. В противоположность Вильсдорфу, полагающему, что в рассматриваемом сообщении якобы нет указания на злоупотребление в обычном смысле, которое основывалось бы на каких-либо актах человеческого произвола по отношению к низшим общественным классам или бессмысленной жестокости, Фитцлер в свое время справедливо считал, что очень сомнительно, чтобы уже при Птолемеях преступников осуждали на работу в рудниках согласно правовым установлениям, как позднее, в римское время; здесь решал царский произвол, как об этом свидетельствует и сам Агатархид в передаче Фотия¹².

Древние рудники, о которых мы читаем у Агатархида, находились в Вади-Аллаки, к востоку от пути из Ассауна в Абу-Хаммед¹³. Общая идея всех трех глав, посвященных у Диодора их описанию, ясно высказана в начале и особенно в конце рассказа: здесь, на краю Египта, обширные и богатые месторождения золота, но добыча драгоценного металла связана с огромным и мучительным трудом (Diod., III, 14,4: *τοσοῦτον καὶ τῆλεκοῦτον πόνον*), и самый способ добычи делает очевидным, как тяжело получать золото, как трудно охранить его, какое великое усердие необходимо при этом и как его использование соединено и с удовольствием и с горем. Эта идея о «великом мучении» (*πολλῇ κακοπαθείᾳ*) проходит через все очень обстоятельное изложение технических приемов добывания золота у Агатархида, а не является лишь каким-то привеском, резюмирующим лишь в конце этого изложения точку зрения автора. В сущности все описание состоит из сменяющих друг друга мо-

¹¹ H. Wilsdorf. Op. cit., S. 177.

¹² Phot., 250, S. 447, b. 35.

¹³ М. И. Максимова. Указ соч., стр. 18, прим. 1. В названии места опечатка — сказано: «Вади-Алкали»; надо: «Вади-Аллаки».

ментов: описания технологии добычи золота и характеристики мучительности труда занятых его добычей рабочих.

Присмотримся к тем признакам, которые характеризуют их труд. Множество людей (τὸ πλῆθος τῶν ἐργαζομένων.— Diod., III, 12,1; 3; 4) работают в самых тяжелых условиях. Наряду с этими несчастными упоминаются квалифицированные рабочие (τεχνῖται.— Diod., III, 12,4; 14,3), по-видимому, свободные¹⁴, но о них говорится лишь в связи с их техническими функциями.

Агатархид перечисляет тех, кто входит в состав первых: осужденные за преступления, военнопленные, те, кто явился жертвой несправедливых обвинений и заключен под стражу вследствие личной вражды (διὰ θυμόν), иногда только сами обвиненные, а иногда и вместе со всеми родственниками; сосредоточивая всех этих людей (в рудниках), их «передают» на добычу золота. Таким образом, из этого описания видно, что перед нами не рабы в собственном смысле слова¹⁵, но репрессированные, сосредоточенные в своего рода концлагере и принуждаемые жесточайшими средствами к тяжелому труду.

Известие Агатархида не может служить характеристикой положения рабов в эллинистическом Египте. Вместе с тем следует отметить термины, которыми пользуется автор для обозначения самих рабочих и их труда: πλῆθος τῶν ἐργαζομένων, τὰ μεταλλικὰ ἔργα (место их работы), где трудится множество несчастных людей (καταπονοῦσι μυριάδες ἀνθρώπων). Все это термины, которые встречаются и при описании труда рабов в античной Греции. Фактическое положение тех, кто трудился в рудниках Вади-Аллаки, характеризуется бесправием и жестокой эксплуатацией и соответствует до некоторой степени судьбе осужденных в Китае Ханьской династии приблизительно той же эпохи. Если Агатархид и преувеличил число несчастных, то в описании условий их работы он, несомненно, близок к действительности.

Прео была права, говоря, что его описание отличается «поразительным реализмом»¹⁶.

Таким образом, не являясь рабами в юридическом смысле, работники в рудниках фактически находятся в условиях, гораздо худших, чем те, в которых находились рабы птолемеевского Египта. Они подвергаются беспощадному принуждению со стороны государства. И не только лишены средств производства, но в отношении средств существования целиком зависят от него. Жесточая форма принуждения обуславливалась не только политическим моментом — стремлением правительства к возмездью (τιμωρία) людям, которые, по его мнению, выступали так или иначе

¹⁴ М. И. Максимова. Указ. соч., стр. 32.

¹⁵ Поэтому формулировка А. Б. Рановича представляется неточной («Эллинизм и его историческая роль», стр. 204): «Военнопленные рабы, по известному свидетельству Диодора (III, 12, 2), работали в рудниках».

¹⁶ Cl. P r é a u x. L'Economie royale des Lagides. Bruxelles, 1939, p. 256.

против него, — но и возможностью получить великие доходы (μεγάλας προσόδους λαμβάνοντες — Diod., III, 12,2). Форма эксплуатации находится в тесной связи с дальнейшим развитием товарного производства, с основными чертами экономической политики Птолемеев.

Конечно, нам известно нечто сходное и из истории греческих полисов, но там это исключительное явление. После поражения афинян под Сиракузами в 413 г. до н. э. победители заключили пленных в каменоломни, полагая, что это наиболее верный способ стеречь их (Thuc., VII, 86), и первое время обращались с ними жестоко. Однако через 70 дней они продали в рабство всех, кроме афинян и некоторых из сикелиотов и италиков, участвовавших вместе с афинянами в походе. Отдельные исследователи¹⁷ полагают, что последних они также продали, но через восемь месяцев, о которых упоминает Фукидид (VII, 87, 2). Таким образом, заключение в каменоломни являлось временной мерой, конечным же результатом было обычное рабство, непохожее на то, что описывает Агатархид.

Та же форма зависимости, о которой мы узнаем из его описания, характеризуется следующими признаками:

а) эксплуататором выступает государство. Рудники — государственная собственность, и все средства производства, его организация и контроль над ним находятся целиком в руках правительства. Технические специалисты — свободные люди. Разделение же труда у заключенных обуславливается лишь физическим их состоянием — различием пола и возраста (Diod., III, 12);

б) при этой эксплуатации применяется безграничное принуждение, полностью подавляющее личность. Средства существования трудящихся настолько скудны, что люди не могут долго выдержать тройное действие чрезмерного труда, грубого насилия и полуголодного существования и скоро погибают. При этих условиях ни о каком протесте не может быть речи. Единственная, казалось бы, возможная форма протеста — бегство, как подчеркивает Агатархид, была нереальна ввиду сильной охраны, в состав которой входили люди, не знавшие языка заключенных: последние поэтому не могли сговориться с ними или задобрить их;

в) эти формы жестокого принуждения связаны с добычей драгоценного металла и с развитием элементов денежного хозяйства;

г) вероятно, правы те, кто считает преувеличенным сообщение Агатархида о великом множестве заключенных. Эксплуатации подвергнутся не рабы, но свободные люди, оказавшиеся в ходе войны пленниками, а также заподозренные и обвиненные в политических или уголовных преступлениях. Нам известно, что подобная участь постигла лишь часть военнопленных, так как нередко их поселяли

¹⁷ Например, G. B o e h m. Thukydides für den Schuigebrauch erklärt. Leipzig, 1862, S 83, Anm.

в Египте и давали им клеры для обработки¹⁸. Жестокой эксплуатации в рудниках Нубии подвергаются не только виновные в политических проступках, но и члены их семей: женщины и дети. Если раб мог надеяться на то, что со временем владелец отпустит его на свободу, то в описываемых условиях не было места никакой надежде на лучшее будущее.

В целом перед нами пример использования огромной и сложной системы эллинистического государства в специальном случае, применения неограниченной власти, которой пользовались Птолемеи, по отношению к определенным (хотя и сравнительно немногочисленным) разрядам населения для достижения как политических, так и экономических целей. Такая практика характерна не для греческого полиса, но для обширного централизованного государства восточного типа. Позднее ее усвоили и начали проводить гораздо более систематически римляне, когда Рим превратился в огромную средиземноморскую державу.

Выше мы уже останавливались на понятии «раб» и видели, что отсутствие четкого определения содержания этого понятия ведет нередко к поспешным и малоубедительным выводам. Нам хотелось показать также, что то определение раба, которое встречается в советской историографии: раб — человек, лишенный средств производства и подвергшийся внеэкономическому принуждению, — неправильно, поскольку раб обладал нередко средствами производства, а человек, положение которого характеризуется признаками, указанными в приведенном определении, мог быть совсем не рабом. В дальнейшем будут выяснены некоторые особенности положения рабов. Необходимо, однако, ограничить нашу тему. Мы не предполагаем характеризовать сколько-нибудь полно их положение в эллинистическом Египте. Но в связи с проблемой, намеченной выше, важно установить признаки, которые присущи рабам в царстве Птолемеев, отличая их от рабов классического полиса, соотношение юридического и фактического положения рабов и — что представляется особенно существенным — место и значение рабства в общей системе форм зависимости в Египте того времени, во всей социальной его структуре.

О положении рабов по данным папирусов писали довольно много и подробно¹⁹⁻³⁶, но занимались этим главным образом историки права, освещавшие преимущественно юридическую сторону. В этом отношении их выводы очень поучительны. Однако один момент в их исследовании представляется неприемлемым для данной работы, а именно использование без разграничения (хотя бы и с указанием, к какому периоду относится то или иное известие) данных птолемеев-

¹⁸ L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, Bd. I., 2 Hälfte. Leipzig — Berlin, 1912 (далее — U. Wilcken. Grundzüge), N 334.

¹⁹⁻³⁶ R. Taubenschlag. Opera minora, Bd. II. Warszawa, 1959, S. 223 ff.; E. Seidl. Ptolemäische Rechtsgeschichte. Glückstadt, 1962, S. 105 ff.

ского и римского времени. Вероятно, частота практика, о которой свидетельствуют источники, относящиеся к периоду после римского завоевания, могла существовать уже при Птолемах, но твердо установить это в большинстве случаев невозможно. Между тем приходится считаться с тем, что господство Рима, в котором рабовладельческий строй достиг в то время высшего расцвета, не могло не сказаться и на положении рабов в завоеванных странах. Поэтому осторожнее строго соблюдать в этом отношении хронологическую границу.

Сведения о рабстве в литературных и документальных источниках III—I вв. до н. э. большей частью разрозненны и не дают общей картины. Таковы, например, упоминания о рабах в папирусах архива Зенона и других. Но все же имеются памятники и иного характера, которые позволяют сделать более общие выводы. Это прежде всего городское право птолемеевского времени — отрывки законов Александрии и Навкратиса. В них содержатся постановления относительно процессов, в которых рабы выступают в роли ответчиков или свидетелей, об ответственности владельца раба в первом случае, о продаже и клеймении рабов и т. д. Несомненно, что в городских законах эллинистического Египта отразилось право греческих полисов, и именно Афин³⁷. И в статьях, где говорится о рабах, вероятно, многое идет от полисного права. Но означает ли это, что можно без дальнейшего анализа использовать соответствующие статьи для характеристики общего положения рабов в эллинистическом Египте? Нам кажется, что нет: необходимо сначала приглядеться к характеру источника, из которого мы собираемся черпать сведения.

Городские законы Александрии или Навкратиса являются законами полисов, составлявших один из элементов сложной общественной структуры крупного эллинистического государства. Но полисы классической эпохи, являвшиеся самостоятельными городами-государствами, и полисы, находившиеся под властью одного из диадохов, — разные образования. Да и содержание понятий, с помощью которых обозначался факт самостоятельности городов (*αὐτονομία*, *αὐτάρχεια*, *ἐλευθερία*), в обоих случаях различно. В первом случае *αὐτονομία* имела абсолютный характер: законы самостоятельного полиса были выражением свободного волеизъявления граждан (всей гражданской общины или той ее части, которая пользовалась полными политическими правами). Во втором случае *αὐτονομία* была дарована высшей центральной властью и в той мере, в какой власть ее допускала. Граждане такого полиса лишь пассивно принимали и пользовались дарованной им «свободой».

Наиболее четкое выражение отмеченная разница нашла в практике римлян, различавших *lex rogata* и *lex data*. Если *lex rogata* является решением свободной гражданской общины, то *lex data*

³⁷ Узаконения относительно застройки городской территории заимствованы, по-видимому, из законов Солона.

имеет место там, где стороны неравноправны и одна подчиняется другой. *Lex data* — не продукт местного творчества, но применение результатов чужого юридического развития к местным отношениям. Несмотря на то что с понятием муниципального строя связывается представление о самоуправлении, необходимо все же проводить границу между самоуправлением, дарованным по усмотрению и полученным из рук представителей высшей власти, и самоуправлением, возникшим на основе политической самостоятельности города. Не случайно, что муниципий, по представлениям римских юристов, — не вполне правомочный субъект права, его юридический статус приближается к статусу несовершеннолетних, опекаемых. Дарование автономии полководцами (*imperatores*) конца римской республики являлось умалением прав самостоятельного города-государства.

Сходный процесс происходил и ранее — в эллинистических государствах и на подвластной им территории, хотя, конечно, здесь были отличия от римской практики и от положения в соседних государствах. В Египте ограниченность городской автономии особенно ясна. При Птолемах существовали лишь три полиса, но только относительно Птолемаиды достоверно известно, что в ней функционировал городской совет (*βουλή*); в Навкратисе можно лишь предполагать его существование; в крупнейшем из городов — Александрии — его не было, но зато тут же рядом был царский эпистат, не говоря о том, что этот город являлся важнейшим административным и военным центром всего государства, его столицей, местопребыванием земного божества — царя с его двором. Сказанное необходимо для правильного понимания значения статей о рабах в отрывках городского права Александрии и Навкратиса, дошедших до нас.

В полисе классической эпохи рабы — одно из трех основных сословий: они противостоят свободным. Положение свободного населения также неодинаково: статус граждан, составляющих гражданскую общину, отличен от статуса иностранцев, проживающих на территории полиса. В крупном эллинистическом государстве при наличии тех же социальных элементов значение их во многом иное. Рабы теперь — лишь одна из категорий зависимых людей. Формы зависимости многочисленны, их признаки разнообразны, но определяющую роль играет теперь зависимость не от частного лица, а от государства. Эта зависимость проявляется не в том, что все население представляет подданных Птолемея, которые обязаны государству известными повинностями или сборами, а в том, что государственное принуждение является главной пружиной, приводящей в действие весь хозяйственный механизм. Оно — тот фактор, без учета которого нельзя понять самое существо производственной системы эллинистического Египта. Если Маркс возражал тем, кто считал, что экономика имеет определяющее значение лишь для общества нового времени, то эти возражения были абсолютно правильны, по-

скольку политика в понятии его оппонентов противостояла экономике, бралась изолированно. Мы хотим сказать нечто совершенно иное, чем то, что говорили оппоненты Маркса: и в древности экономика имела то же определяющее значение, что и в новое время, но одним из элементов этой экономики была политика, т. е. производство хозяйственных благ организовывалось в значительной мере посредством принуждения (непосредственного), основывалось на его применении, и эллинистическую эпоху характеризует тот факт, что такое принуждение исходит в основном не от частных лиц, но от правительства. В этом и заключается существо «этатизма» эллинистического времени, о котором много писали, хотя и рассматривали его под другим углом зрения.

Если мы обратимся теперь к городским законам (*νόμοι πολιτικοί*), то узнаем, что среди них имелись специальные законы о рабах (*οἱ νόμοι οἱ περὶ τῶν οἰκέτων*)³⁸, но они вступали в силу только в том случае, если не противоречили царскому постановлению (*πλὴν ὅν τὸ διατάγμα ἀπαγορεύει*)³⁹. В § 2⁴⁰ формулируется общее положение, совсем непохожее на юридическую практику полиса «Никому не позволено продавать рабов (*σώματα*) на вывоз — [*ἐπὶ*] *ἐξαγωγή* — (и клеймить их)»; к сожалению, следующие строки (15 и 16) утрачены. Однако в дальнейшем, при рассмотрении иска против рабовладельца, обвиняемого в том, что он знал о преступлении своего раба, побудил его к этому преступлению или даже приказал совершить его, это положение ограничивается. Если же на судебном процессе обнаруживалось, что владелец не был ни инициатором, ни соучастником, он мог прибегнуть к *poenae datio*, чтобы возместить ущерб, понесенный истцом, т. е. передать ему виновного раба, и тогда, говорится в статье, новый собственник, наказав раба не менее, чем сотней ударов, должен, «как гласят царские постановления», заклеить его и даже (здесь текст не совсем ясен) продать его за границу.

В общем в городских законах мы находим обычные нормы полисного права: резкое отличие в наказаниях за одно и то же преступление для свободных и рабов: для первых пеня, для вторых — бичевание и клеймение. Но совершенно ясно, что эти нормы были утверждены или изменены не общиной граждан, но царским правительством.

В исторической литературе много уделялось внимания установлению различий в значении терминов, обозначающих рабов (см. выше, стр. 35). В городских законах эллинистического Египта нельзя усмотреть подобные различия: они, очевидно, стерлись, и такие термины, как *δοῦλος*, *σώμα*, *οἰκέτης*, *ἀνδράποδον*, употребляются в одном и том же памятнике как синонимы⁴¹. В юридическом отно-

³⁸ P. Meyer. *Juristische Papyri*. Berlin, 1920, N 71, I, l. 10—11.

³⁹ *Ibid.*, l. 11—12.

⁴⁰ *Ibid.*, l. 13 sq.

⁴¹ *Ibid.*, N 71, I, 3, 11, 13, 19, 21, 23, 27, 29; II, 6, 13, 15—16, 19, 30, 33—34.

шении грань между рабами и свободными остается достаточно резкой, несмотря на некоторые признаки правового положения рабов, отсутствовавшие в полисном праве. Но фактическое положение как рабов, так и свободных могло быть очень различным, переход из одной категории в другую происходил, по-видимому, нередко, и судьба людей, оказавшихся в сходных условиях, была часто неодинаковой. Это будет более понятно, если обратиться к вопросу об источниках рабства.

В античной древности всегда признавалась теоретическая норма: и сам побежденный, и его имущество, и земля являются достоянием победителя. Но ее применение было различно в разные периоды истории Греции. Во время Пелопоннесской войны все чаще стали применять эту теорию по отношению не только к варварам, но и к эллинам. Суждения современников свидетельствуют, что подобная практика казалась необычной и для многих неприемлемой. Не случайно Фукидид, заканчивая пятую книгу своего труда, уделил так много внимания суровой расправе афинян с Мелосом, когда мужчины острова были перебиты, а женщины и дети обращены в рабство. В связи с этой расправой историк дает свой знаменитый мелийский диалог, в котором его участники дебатировали основные правовые и этические проблемы войны и отношений между победителями и побежденными.

В IV в. до н. э. жестокая практика ведения войны любыми средствами и расправы с побежденными укореняется; в общую борьбу все более включаются окраинные области Греции, население которых только переходит от доклассового общества к классовому, к государственной организации. Вслед за Македонией времени Филиппа II и Александра в III в. до н. э. на широкую политическую арену выступают Этолия, Эпир, Иллирия, еще позднее — Рим. Судьба побежденных могла быть троякой: или их постигало полное порабощение — продажа в рабство, или они должны были покинуть свое местообитание, дома и имущество и, захватив лишь одну одежду, идти куда-то в изгнание, или, в наиболее благоприятных для них случаях, победитель щадил их, сохраняя за ними свободу и имущество и лишь взимая со взятого города дань.

В эллинистическом Египте также по-разному обращались с военнопленными и населением завоеванной территории. Ведь и Египет являлся такой территорией (*δορίκτητος*), но его население осталось свободным, не было ограблено. Птолемеи считали себя преемниками прежних египетских царей и пропагандировали эту мысль. Все же факт завоевания не остался без последствий в правовом отношении: «египтяне» (*Αἰγύπτιοι, λαοί*) стояли ниже завоевателей, «эллинов», и — что особенно важно отметить — эта юридическая грань являлась выражением и экономического бремени, которое легло на *λαοί* при реорганизации экономики государства при первых Птолемеях.

Участь людей, захваченных в войнах, которые вел Египет в III—II вв. до н. э., и в столкновениях внутри страны, была неодинаковой.

Одни из них попадали в рудники на границе Нубии (см. выше, стр. 57 сл.) в самые тяжелые условия. Другие, как часть добычи (*σῆβλα*), были обращены в рабство и переданы воинам, причем в случае уплаты выкупа могли получить свободу (Р. Hamb., 90). Наконец, третьи оставались свободными и получали клеры, которые и должны были возделывать⁴². Отсутствие единого образа действий по отношению к военнопленным, очевидно, связано со сложной структурой государства, с его разнообразными интересами, побуждавшими в том или ином случае применять различные меры. В войнах, которые вели полисы, бывало так, что, захватив какую-либо территорию (например, остров), полис заставлял покоренное население обрабатывать землю, отдавая при этом долю урожая победителям (Thuc., III, 50, 2). Но мы не знаем там такой практики, чтобы военнопленных сажали на землю победителя. Эта практика не полисного, а восточного происхождения.

Порабощение свободных не было следствием лишь военных экспедиций и не ограничивалось пленением воинов. В число рабов можно было попасть различным образом. В Сирии и Палестине, оказавшихся под властью Птолемеев, процесс порабощения населения происходил в широких масштабах, так что Птолемей II в своем известном указе счел нужным запретить обращение в рабство *σώματα λαϊκὰ ἐλευθέρων*, но оно оставалось уделом *σώματα λαϊκὰ οἰκητικά*. Греки и македоняне, очутившись на завоеванной территории, приносили туда приемы обращения с покоренным населением, определявшиеся развитием греческого рабовладельческого общества: применение грубой силы, неограниченного принуждения по отношению к этому населению, использование захваченных людей в целях наживы путем продажи их и отправки в другие местности. И упомянутый указ, и документы архива Зенона недвусмысленно свидетельствуют о такой практике. Рабы, судя по данным переписки Зенона, играли значительную роль в торговых операциях дельцов его времени: их продавали, покупали, отдавали в виде залога (PZ, № 12) и т. д.

Подобный способ обогащения был возможен в широком масштабе на подвластной территории за пределами Египта, хотя и в Египте отдельные случаи противозаконного порабощения свободных были (UPZ, I, 3, 4). Но утрата свободы происходила и при других условиях. По-видимому, имели место и случаи самопродажи — правда, об этом говорит лишь один, хотя и очень поучительный папирус позднего времени (PSI, V, 549, 42/41 г. до н. э.). Несостоятельный должник также мог сделаться рабом (Р. Rein., 7).

До нас дошел ряд завещаний военных людей Египта III в. до н. э. (Р. Р., II, I—XIX). Завещатели оставляют свое имущество (*τὰ ὑπάρχοντα*) или часть его обычно своим женам и детям, причем не раз идет речь и о рабах. Дион из Гераклеи, пентакосиарх в отряде Дамо-

⁴² Diod., XIX, 85; U. Wilcken. Chrestomathie, N 334.

на, распорядился, например, таким образом: пусть то имущество, которым владеют его сынсвья и жена, останется за ними, а остальное он завещает на расходы по его погребению; Меланиду же (рабыню) и ее сына от завещателя он отпускает на свободу при условии, что они останутся у него до его смерти. Сходное распоряжение мы находим и в завещании Деметрия, сына Дейнока (Р. Р., II, VI). В других завещаниях говорится просто о *офрата* — мужских и женских. Как характерные особенности этих документов следует отметить и то, что завещания исходят от воинов, и то, что рабы там, где указывается их этнос, оказываются сирийцами (и ливийцами), и, наконец, то, что, как было сказано, рабыни были нередко сожительницами своего господина.

Если присмотреться к правовому положению рабов, то можно подметить двоякого рода черты: те, что присущи и рабам независимого полиса, и те, которые отсутствовали у последних. Раб — собственность господина или даже нескольких владельцев. Его можно передать по завещанию; о бегстве раба объявляют с указанием его признаков и обещанием награды в случае поимки, причем объем вознаграждения изменяется в зависимости от того, кто обнаружит беглеца: храм или частное лицо, обладающее платежеспособностью (UPZ, 121). Дети от смешанных браков раба (или рабыни) со свободной (или свободным) остаются рабами. Мы уже упоминали о разнице в наказаниях раба и свободного в случае одинакового преступления. Если раба привлекают как свидетеля в судебном процессе, его надлежит подвергнуть пытке.

Однако наряду с этими сходными чертами в положении рабов в полисах и эллинистическом Египте мы наблюдаем и некоторые существенные отличия. Государство вмешивается в отношения между рабовладельцем и рабом: запрещается продавать рабов за границу и клеймить их. Раб обладает известной (ограниченной) правоспособностью; являясь чужой собственностью, он в то же время не только объект, но и субъект права; он может вчинять иск свободному, владеть движимым имуществом, совершать различного рода сделки для своего владельца, вступать в брак со свободной женщиной, принадлежать к одному из многочисленных союзов (SB, 1782). Как и свободных рабов привлекают к литургиям.

Мы не располагаем сколько-нибудь систематическими сведениями о фактическом положении рабов и их роли в производстве. Отрывочные упоминания об отдельных рабах и их занятиях имеются в документах архива Зенона (*παίδισκα* в ткацких мастерских, известия о посылке одежды для рабов и рабынь по случаю религиозных праздников, выполнение рабом порученного ему господином дела и ряд указаний на побег рабов и попытки их отыскивать и задерживать). О применении рабского труда в сельском хозяйствеистики эпохи расцвета экономики Египта при первых Птолемах, как и многочисленные документы по аграрной истории II—I вв. до н. э., молчат.

Ранний период правления Птолемеев для Египта, по-видимому, был временем некоторого распространения рабства. Самый факт завоевания огромных новых земель и дальнейший рост товарного производства побуждали к захвату людей и использованию их в корыстных целях в крупных центрах обмена. Но если это явление, которое получило в эллинистическом мире такой широкий размах позже, в конце III и во II в. до н. э., характеризует в какой-то мере уже и первую половину III в., то все же в Египте оно носило временный характер и сказалось лишь в некоторых отношениях, не приводя к перестройке всей системы социальных отношений. Оно было связано с преходящей для Египта политической конъюнктурой, которая изменилась к концу правления Птолемея Евергета III.

Даже в городских законах, в которых полисная традиция, вероятно, сказалась сильнее, чем в царских постановлениях, можно констатировать некоторые изменения по сравнению с тем, каково было положение раба в греческих полисах V—IV вв. до н. э. Мы отметили выше эти новые черты. Но главное даже не это: самым существенным было то, что значение рабства и удельный вес рабской эксплуатации снизились и рабы в той сложной системе различных форм зависимости, какую представляла собой социально-экономическая структура эллинистического Египта, не играли и не могли играть роли, принадлежавшей им в относительно простой системе отношений самостоятельного полиса. Их значение в производстве, и в частности в основной его отрасли — сельском хозяйстве, было, по-видимому, крайне невелико, и нет никаких данных, чтобы считать, что оно (до римского завоевания) возросло.

Дети рабов и от смешанных браков оставались рабами. Часто рабы пытались изменить свой статус путем бегства. Иногда их отпускали на свободу. Но все это не оказывало заметного влияния на организацию производства; все сохраняло традиционный характер, оставаясь вне главного русла экономического развития страны в течение почти трех веков, предшествовавших римскому завоеванию.

Тот способ эксплуатации, который применялся в рудниках на границе Нубии и о котором так красноречиво рассказывает Агартархид, не распространялся на все горное дело — добычу металлов и камня в Египте. Здесь применялась другая система, относительно которой нельзя, к сожалению, составить вполне точное представление вследствие фрагментарности и неясности источников. Поэтому в науке были высказаны о ней различные суждения. Притом приходится учитывать, что данные источников (главным образом папирусов Петри) относятся преимущественно к ному, находившемуся в особом положении, — Фаюму, земля и богатства которого в III в. до н. э. только осваивались. В этих папирусах говорится больше о работах на каналах и плотинах, но, по-видимому, сходные условия существовали и в горном деле. Чтобы были ясны трудности, связанные с вопросом о форме зависимости работников в каменоломнях, добыче металлов и на ирригации, полезно сопоставить выводы,

к которым пришли исследователи организации труда в этих отраслях производства в эллинистическом Египте — Фитцлер, Эртель и Прео.

Первый считал, что там существовали две системы. Во-первых, система прямой эксплуатации, унаследованная (с некоторыми видоизменениями) от далекого прошлого — фараоновского Египта. Она заключалась в привлечении свободного египетского населения в порядке принуждения (*λειτοουργία* в широком смысле слова) к работе в горном деле и на оросительной сети, к практике государственной барщины (*Fronde*). Производство, организованное таким образом, имело постоянный характер. Во-вторых, и именно при добыче камня, применялась система сдачи в подряд (*Submission*) предпринимателям, подобно тому как это делалось в Греции. Самых рабочих и средства их существования должны были, согласно Фитцлеру, доставлять «предприниматели» (дектархи), а труд рабочих оплачивался государством. Производство здесь не носило регулярного характера. Фитцлер настаивает, что везде при этом работали свободные, каковыми были и «предприниматели», и наемные рабочие (*Lohnarbeiter*), и работавшие в принудительном порядке (*Fronarbeiter*). Поэтому он не соглашается с положением Ростовцева о том, что в птолемеевском Египте наблюдается своеобразное смешение «крепостничества» (*Hörigkeit*) и аренды (*Pacht*), хотя признает в то же время, что главное место в рассматриваемых нами отраслях производства занимали «барщинные рабочие» (*Fronarbeiter*).

Через несколько лет после выхода в свет работы Фитцлера появилось исследование Эртеля⁴³, опровергавшего некоторые главные выводы своего предшественника. Эртель считал, что следует отказаться от представления о двух формах организации труда (помимо той, о которой писал Агатархид) в птолемеевскую эпоху, т. е. сдачи в подряд и барщинной работы при добыче камня. Существовала лишь одна форма зависимости, которую Птолеми унаследовали от фараоновского Египта, а именно полукрепостничество (*Halbhörigkeit*), отличительной чертой которого Эртель признает «привязанность к земле». Работавшие в горном деле и на оросительной сети были «прикрепленными к земле свободными»⁴⁴.

Прео в работе о государственном хозяйстве эллинистического Египта⁴⁵ со свойственной ей ясностью мысли рисует организацию труда по добыче камня следующим образом. Государственной барщины, которой придавал такое значение Фитцлер в этой отрасли производства, не существовало. Против предположения о ней говорит, во-первых, то, что для работы в каменоломнях необходимы были рабочие-профессионалы, в которых правительство, вероятно, испытывало нужду; во-вторых, то, что египетского сельского на-

⁴³ F. Oertel. Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1917, S 8. f.

⁴⁴ Ibid., S. 23.

⁴⁵ Cl. Préaux. Op. cit., p. 244 sq.

селения хватало лишь на сельскохозяйственные работы (включая поддержание ирригационных сооружений) и было бы неразумно отвлекать его от этого важного дела для других надобностей. В отрицании барщины Прео согласна с Эртелем, но она гораздо больше и определеннее говорит о другой форме эксплуатации — сдаче в подряд (soumission). Птолемей сдавали в подряд эксплуатацию каменоломен тем, кто предлагал наиболее низкую оплату работы. Сообщества (trusts) мастеров, работавших по добыче камня (λατόμοι), во главе с представителями таких сообществ — декатархами, «предпринимателями» (entrepreneurs), брали на себя добычу камня в определенном месте, указанном царской администрацией, и в определенном количестве. Особые должностные лица (ἐγκυβερηταί) проверяли продукцию. «Предприниматели» трудились наравне с другими рабочими, которых они подбирали себе. После получения залога администрация выдавала декатархам деньги и хлеб для уплаты рабочим, а также орудия труда. Производство направляло и контролировало особое лицо, назначаемое высшей администрацией («архитектором»), — ἐργολογῆτης.

Λατόμοι: получали достаточно высокую плату, но работали в трудных условиях и нередко стремились возможно скорее вернуться домой. Для работ по переноске камней и вырытой земли царская администрация посылала в каменоломни пленников и узников.

Чтобы определить, чья характеристика формы зависимости более правильна, необходимо сопоставить утверждения исследователей с данными источников и рассмотреть отдельные признаки зависимости, которые при этом можно будет установить.

Ознакомление с папирологическим материалом действительно приводит к выводу, что о «барщинной» эксплуатации при добыче камня не приходится говорить. Документы полны упоминаний о покупке, продаже, передаче в залог, принятии на себя работы по соглашению и т. п. Но чтобы понять действительные отношения, надо выяснить более точное значение некоторых терминов и обстановку работы.

Термин «предприниматель» (Unternehmer, entrepreneur) может ввести в заблуждение, так как действительным «предпринимателем» выступает государство, а вовсе не декатархи, не те, кого Прео называет entrepreneurs. В руках правительства все: местонахождения камня, деньги, продовольствие, аппарат для распределения, контроля и охраны работ, наконец, послушная, направляемая в случае необходимости по усмотрению администрации рабочая сила: моряки (πλήρωμα) и узники. Декатархи являются не предпринимателями, а лишь подрядчиками, берущими на себя обязательство выполнить известную работу.

Но взятие такого подряда, по-видимому, основывается на соглашении, а не на принуждении. В своих заявлениях и жалобах λατόμοι ссылаются на соглашение [Р. Р. II, 13(1)]: τὰ ὁμολογηθέντα τὰ ὑπὸ Ἀπολλωνίου τοῦ διοικητοῦ], на γραφή, имеющуюся

у одного из чиновников, и т. д. В этом отношении термин τῶν ἐλευθέρων λατόμων (там же) указывал, вероятно, на противопоставление этих рабочих узникам и, может быть, морским экипажам — πληρώματα⁴⁶. Эртель несколько противоречит себе, справедливо утверждая, что мы не знаем, работали ли в горном деле рабы, а с другой стороны, говоря, что в некоторых каменоломнях работали пленные (рабы) и свободные. Но мы видели уже при разборе сообщения Агатархида, что нельзя ставить знак равенства между пленными и рабами.

Не только декатархи, но и просто λατόμοι посылают Клеону, главе всех общественных работ в Арсиноитском номе (ἀρχιτέκτων), заявление, где говорят о работе по добыче камня, которую «мы приняли на себя от тебя» (ἃ παρελάβομεν παρὰ σοῦ). Затруднения, которые они испытывают, происходят не потому, что государство применяет к ним принуждение, а потому, что оно не соблюдает обещанного, что его агенты злоупотребляют своим положением. Сто сорок λατόμοι не работают, так как не имеют необходимого, а полученные ими вперед деньги они проели [Р. Р., II, 4 (8)]. В пустыне, не имея хлеба, они должны дожидаться, когда администрация пришлет рабочих для очищения каменоломни от песка. Администрация не выдает ни денег, ни орудий, задерживает находящихся на трудной работе (в медных копиях) дольше, чем следует, не присылает контролеров (ἐγμετρήτας), которые могли бы удостоверять проделанную работу [Р. Р., II, 4 (9)]. Распределяющий работу ставит работников на твердый камень, а более легкую работу дает своим — τοῖς παρὰ σοῦ [Р. Р., II, 4 (1)].

Если теперь обратиться к приведенным выше характеристикам рассматриваемой формы зависимости, то нельзя не заметить в них некоторой односторонности и противоречий. Эртель признавал полное развитие денежного хозяйства при Птолемах, но странным образом нигде далее не развивал это утверждение в приложении к конкретному материалу. По его мнению, Птолемеи ничего существенного не изменили в практике фараоновского Египта, когда масса населения была «безвольным орудием» в руках чиновников. Греки принесли новые правовые понятия, но содержание отношений осталось прежним. «Наряд» якобы свободных арендаторов скрывал по существу старых колонов. Бюрократия и при Птолемах продолжала справлять свои оргии⁴⁷. Принимая положение Ростовцева о смещении крепостничества и аренды, Эртель, как мы уже заметили, обозначает сложившиеся отношения как «полукрепостничество» (Halbhörigkeit).

⁴⁶ Многократные упоминания о παιδάρια [Р. Р., II, 4 (2)] едва ли можно считать свидетельством о применении рабского труда (Магаффи, издавший эти папирусы, переводил παιδάρια словом «рабы»), так как имена тех рабочих, в связи с которыми названы παιδάρια, сплошь египетские. Скорее можно думать о детях этих рабочих, с которыми они вместе работали.

⁴⁷ F. Oertel. Op. cit., S. 10.

Выводы Эртеля трудно принять полностью. Едва ли можно согласиться с тем, что не произошло существенных изменений; такой фактор, как дотоле не наблюдавшееся развитие товарного производства, должен был оказать влияние и на формы зависимости. Усматривая в этих формах смещение старого и нового, мы замечаем, что, как и везде, здесь старое стало на службу новому, старинные приемы непосредственного принуждения использовались в целях погони за наживой в процессе дальнейшего развития товарного оборота. Поэтому при изучении той или иной формы зависимости эпохи эллинизма и следует пытаться определить, кто играл главную роль в этом обороте и как к новой обстановке приспособлялись вековые традиционные приемы эксплуатации.

Понятие *Halbhörigkeit* не вполне ясно. Если Эртель определяет этих «полукрепостных» как «свободных, прикрепленных к земле» (*schollenfeste Freie*), то остается невыясненным, что представляло подобное прикрепление. Далее, несомненно, что охватить все основные формы зависимости «полусвободного» населения Египта этим понятием невозможно. В частности, оно вовсе не подходит к *latômoi*. Признаки зависимости были многообразны, а Эртель берет лишь один из них, притом не анализируя его.

Фитцлер, резко противопоставляя сдачу в подряд и «барщину», не придает достаточного значения процессу соединения старых и новых отношений, рассматривая их слишком изолированно. Прео же, отказываясь видеть в рассматриваемой форме зависимости государственную барщину и настаивая на том, что мы имеем в этом случае сдачу в подряд (*soumission*), не учитывает в нужной мере неодинаковость положения сторон, заключавших соглашение.

Попытаемся все же, несмотря на неполноту данных, составить представление о признаках, характеризующих форму зависимости, наблюдаемую в организации добычи камня и металлов. Так же, как и при эксплуатации нубийских рудников, все средства производства, его организация и контроль над ним целиком принадлежат государству. Что касается рабочей силы, то здесь отношения складываются иные. Лишь часть работников, выполняющих подсобную работу по переноске материала, принадлежит к тому разряду населения, который по непосредственному приказу птолемеевской администрации направляется на место работы и трудится на условиях, которые ему предписываются правительством. К этой категории относятся заключенные, о которых нередко упоминается в папирусах. По своему социальному положению к ним близко стояли низкие разряды военнослужащих, а именно морские отряды (*πληρώματα*).

Однако основная масса рабочих, занимавшаяся собственно добычей камня, работала на иных условиях. Их привлекал прежде всего заработок, который был сравнительно большим, т. е. перед нами пример отношений, обусловленных принуждением экономическим, а не насилием со стороны государства или частных лиц. Деньги,

орудия и средства существования давало государство согласно предложенным и принятым ранее условиям. Производство в данной местности, а следовательно, и труд работников носили временный характер, но уйти с производства до окончания условленной работы каменотес не имел права. Вся система отношений в данной области связана с необходимостью набирать более или менее квалифицированных работников.

В организации труда в этой отрасли производства наблюдается своеобразное смешение старого и нового, в какой-то мере частной инициативы и, с другой стороны, прямого руководства и управления со стороны представителей администрации. Декатархи стоят во главе групп рабочих, они заключают договор с администрацией. Но условия договора устанавливаются не ими, а государством, определявшим размер оплаты, выше которого оно не собиралось платить. Работа сдавалась тем *κατόμοι*, которые предлагали наиболее низкую цену. Декатархи напоминают не «предпринимателей», а скорее привычных действующих лиц вековой восточной практики, когда с незапамятных времен по приказу царя или храма шли на работу небольшие партии рабочих под руководством десятского. И хотя способ их набора и цели организации крупного государственного предприятия, каким являлась разработка каменоломни, теперь были иные, самые приемы эксплуатации труда заставляют вспомнить о прежнем: произвол и злоупотребления администраторов, ведавших распределением рабочих мест, волокита с выполнением условий, оговоренных в соглашении, равнодушное отношение к нуждам каменотесов и горняков, произвольная задержка на работе в данной местности — во всем этом нельзя не видеть явлений, хорошо известных из истории доэллинистического Египта или Междуречья.

Так же характерны и формы протеста: жалобы «архитектору» или даже самому диоикету, просьба изъавить подателей этих заявлений от угнетения (*ἵνα μὴ ἡμεῖς θλιβώμεθα*) [Р. Р., II, 4 (1)], отдача в заклад орудий, выданных царской администрацией, чтобы как-нибудь прокормиться [Р. Р., II, 13 (1)], прекращение работы, бегство. Даже *πλήρωμα*, работавшая на иных принципах, чем *κατόμοι*, иногда не выдерживала и начинала роптать (*καὶ τὸ πλήρωμα γογγύζει*) [Р. Р., II, 9 (3)].

В общем следует признать, что рассматриваемая форма зависимости представляет собой известное сочетание начала договора и принуждения. Так как в договоре участвовали неравноправные стороны, то государство нередко задерживало *κατόμοι* на работе, не выполняя обещаний, данных при заключении соглашения.

В мероприятиях по поддержанию в порядке ирригационной сети и вообще в сельскохозяйственных работах наблюдается такое же смешение двух принципов, что и при организации производства в горном деле: прямое принуждение со стороны царской администрации (центральной и местной) и договор. Различие заключается в

особенностях работ и в связи с этим в характере социальных элементов, привлекаемых к ним. Если для рудников или каменоломен наряду с чернорабочими требовались рабочие со специальными навыками, то при поддержании и расширении оросительной сети, от состояния которой зависели и условия существования населения, и величина доходов государства, дело обстояло несколько иначе: здесь наряду с руководителями работ и их подручным персоналом нельзя было обойтись без применения массового труда большей части населения ком (т. е. γεωργοί). Соответствующие документы подробно разбирались многими учеными (Вилькеном, Ростовцевым, Фитцлером, Эртелем, Прео и др.), которые, правда, иногда расходились в их интерпретации.

Вилькен считал, что уже в ранний период птолемеевского господства мы можем доказать наличие государственных принудительных работ на плотинах и каналах ⁴⁸. Он приводил поучительный пример чисто принудительной работы (reine Fronarbeit) в Верхнем Египте (περὶ Θήβας τόπος), выполнить которую должно было местное население (λαοί): парижский папирус № 66 (=Chr., № 385). Более полное определение того, чем была такая принудительная работа, дал Эртель. Отличая ее от зависимости, которую он именует «полукрепостничеством» (Halbhörigkeit), Эртель понимает под ней массовое привлечение людей к физической работе бесплатно или с низкой оплатой их труда, на определенный срок или для производства определенного количества работ ⁴⁹. В этом отношении, действительно, упомянутый парижский папирус представляет большой интерес.

Приведенные в нем цифровые данные таковы. 1080 чел. подлежат привлечению к работе. На каждого приходится по 30 наубий ⁵⁰, т. е. всего должно быть отработано 32 400 наубий. Но 282 чел. по тем или иным причинам не участвовали в предшествовавший год в работах. Среди них мы находим различные категории: умерших, находящихся в бегах, немощных стариков, детей, пожилых людей, занятых на охране плотин различного рода, работавших при мерах на складах, отработавших уже в Патирисе, отправленных на охоту за слонами, полицейских служителей — «жезлоносцев» (ῥαβδοφόροι), а также людей, связанных с обслуживанием храмов: служивших при гробницах кошек (кошки были священными животными богини Хатор, и в Патирисе находились их гробницы), хоахитов. Основную массу работавших составляли (как это видно из стк. 71) земледельцы (γεωργοί).

⁴⁸ U. Wilcken. Grundzüge, S. 330; ср. О. О. Крюгер. Указ. соч., стр.

27 слл.

⁴⁹ F. Oertel. Op. cit., S. 10.

⁵⁰ Наубий (ναύβιον) в птолемеевский период равен двум кубическим царским локтям (парский локоть = 0,525 м). См. U. Wilcken. Grundzüge, S. LXXII.

Вилькен во введении к папирусу приводит и поясняет цифры, имеющиеся в документе, но, как нам кажется, его расчеты следует пополнить в одном отношении. Данные по подсчету наубий дают их общее количество, а именно 32 460 наубий. Предположение Эртеля, что загадочные 60 наубий, на которые нет далее указания в папирусе, связаны не с личной повинностью, а с землей и что именно это имеется в виду в словах стк. 8: ὥσαύτως (ἄρουρ) ἔ ναύβιαξ, представляется правильным. Эртель сомневается в том, что работа равномерно распределялась между работниками⁵¹. Действительно, цифры в списке работ по отдельным каналам и плотинам не делятся на 30, следовательно, нагрузка была не совсем равномерной. Но нас интересует в данном случае, не сколько наубий должен был выработать каждый обязанный этой повинностью, а сколько приблизительно человек вообще не работали. В том случае, если нагрузка была иногда и выше 30 наубий, число неработавших оказалось бы еще большим.

Из 32 400 наубий (60 наубий мы оставляем в стороне) оставались недоработанными 6150⁵². Эта недостача свидетельствует, что не все, обязанные работать, действительно работали (даже если не считать 282 чел., отмеченных в отчете). В самом деле, 6150 наубий должны были отработать 205 чел. (если считать, хотя бы в среднем, по 30 наубий на человека). Но об этих людях никаких сведений нет. С другой стороны, если из всего числа людей (1080, стк. 6) вычесть число тех, кто выполнил работу, — это число в среднем можно получить по числу наубий (13 700), — а именно 457 чел. (13 700 : 30), и прибавить число неработавших, указанное в папирусе (282 чел.), то получим 739 чел., тогда как всего должны были работать 1080. Таким образом, кроме упомянутых в документе, не работал еще 341 чел., а всего (282 + 341) 623 чел., т. е. около 60% привлекаемых к работе. Если даже прибавить, согласно толкованию Вилькена, сюда тех γεωργοί, которых предполагают привлечь к работе в остающиеся до конца года два месяца — а их было, если исходить из числа наубий, падающих на их долю, 4150⁵³, в среднем около 138 (4150 : 30), — то все же остается (623—138) 485 чел., т. е. около 45%, не выполнивших ту работу, к которой их привлекали. Приведенный расчет показывает, как уже в III в. до н. э. метод принудительных работ без оплаты давал далеко не блестящие результаты, несмотря на, казалось бы, мелочной контроль за исполнением работ и сложную отчетность.

Так же как и во многих других случаях, здесь следует поставить вопрос о том, идет ли дело о правах, принадлежавших Птолемям как суверенам, или об их правах как владельцев земли и организаторов тех или иных предприятий. Надо признать, что эти

⁵¹ F. Oertel. Op. cit., S. 16.

⁵² U. Wilcken. Chrestomathie, N 385, l. 75.

⁵³ Ibid., N 385, l. 74.

принудительные работы были повинностью, определявшейся царем как носителем верховной власти. На это указывает и тот факт, что привилегированные слои (т. е. эллины и македоняне), которых не привлекали к этому *munus sordidum*, обьязаны были платить особую подать (наубион). Γεωργοί же, как справедливо указал Вилькен⁵⁴, могли быть как арендаторами частных земель, так и царскими земледельцами⁵⁵. Однако нельзя согласиться с Вилькеном, когда он пишет по поводу привлечения λαοί к работе по случаю прорыва плотины (BGU, 1003-Chr, № 386), что здесь еще яснее проявляется совпадение интересов народа и правительства⁵⁶. Решающими при организации работ оказывались интересы как центрального правительства, так и представителей местной администрации.

При мелиорационных работах в Фаюме применялся иной принцип: правительство сдавало производство работ подрядчикам (ἐργολάβοι), которые набирали рабочих и уплачивали им деньги. Этими подрядчиками выступают, однако, не декатархи, как в горном деле, а люди иного рода, нередко входившие в состав птолемеевской администрации (в двух случаях из известных нам — номархи). При недостатке рабочих правительство, вероятно, доставляло их (применяя опять-таки принуждение). Но в отличие от обычной работы на каналах мелиорационная работа оплачивалась. Категорическое утверждение Вилькена, что в тех случаях, когда труд оплачивается, принудительная работа (Fronde) отсутствует⁵⁷, опровергается им же самим. На следующей странице он замечает: нельзя сомневаться в том, что если рабочие не шли добровольно, то их принуждали.

Мы наблюдаем и здесь тесное переплетение практики принуждения и договора с несомненным преобладанием первого начала, особенно в затруднительных обстоятельствах. Отношения складывались различным образом: в принудительном порядке без оплаты производились традиционные массовые земляные работы в Верхнем Египте, в принудительном же порядке привлекалось население в особых случаях (при прорыве плотины и т. д.); по договору с оплатой труда организовывались мелиорационные работы в Фаюме, наконец, и оплата труда могла сочетаться с принудительным набором рабочих.

Практика принуждения не ограничивалась указанными выше случаями. Ее можно проследить и в сельскохозяйственных работах, особенно в период сбора урожая. Мы упоминали выше об одной из категорий храмового персонала — о погребаящих кошек (αἰλουροτάφοι). В папирусах Зенона сохранилось заявление двух гиеродулов из Бубастиса — αἰλουροδόσχοι, связанных с культом

⁵⁴ U. Wilcken. Chrestomathie, N 385, l. 71.

⁵⁵ Из недавно опубликованных документов ср. H. Cadell. Papyrus de la Sorbonne. Paris, 1966, N 50.

⁵⁶ См. U. Wilcken. Grundzüge, S. 331—332.

⁵⁷ Ibid., S. 332, Anm. 1.

священных кошек. В этом заявлении говорится, что царь прекрасно сделал, освободив эту категорию населения (τὸ γένος τοῦτο) от литургий. Тем не менее Леонтиск, начальник местной полиции, в принудительном порядке послал их на работу по сбору урожая, и они, как, сказано в их письме царю, «чтобы не досадить тебе» (μή σε ἐνοχλήσωμεν), отработали положенное. Однако Леонтиск снова направляет их, на этот раз делать кирпичи, оказывая покровительство и избавляя от работы тех, кому следовало выполнять эту повинность (σχεπάζειν οὐς ἔδει νῦν λειτοργεῖν) (CZ, 59451).

Для практики по выполнению повинностей, так же как и по сбору налогов в государстве Птолемеев, характерны не только те различия, которые были признаны правительством по отношению к тем или иным категориям населения (эллины, жрецы и т. д.), но и ряд других различий, обусловленных фактическими обстоятельствами: произволом администрации, покровительством могущественного человека и пр. Авторы одного из документов в архиве Зенона⁵⁸, например, заявляют, что они находятся в привилегированном положении, так как арендуют земли Аполлония; и действительно, Аполлоний дает распоряжение, чтобы этих арендаторов не беспокоили относительно соляного налога.

Мы уже упоминали, касаясь организации труда в горном деле, о флотских экипажах (πληρώματα), которые нередко привлекались к этим работам. К низшим разрядам армии Птолемеев принадлежали и махимой (μάχιμοι), воины-египтяне, положение которых имеет ряд сходных черт с положением моряков и, с другой стороны, «царских земледельцев». В военной структуре эллинистического Египта сказывались характерные особенности всей его социально-политической системы, в частности то, что статус данной категории населения, определявшийся государственной властью, часто не совпадал с классовым положением людей, входивших в эту категорию. Воины-греки в общем пользовались привилегированным положением по сравнению с воинами-египтянами. Но это не исключало того, что некоторые из них оказывались в материальном и социальном отношениях в условиях, подобных тем, в которых находились махимой (P. Reip., I). Классовая позиция приближала их в этом случае больше к последним, чем к людям того же статуса, что и они сами.

Махимой владели маленькими участками земли, обычно от пяти до семи аур (т. е. 1,4—1,9 га), и большею частью лично обрабатывали их. Иногда помимо своей земли махимой арендовали еще участки царской земли⁵⁹. От греческих воинов, владевших довольно крупными клерами, махимой отличались не только размерами земельных наделов, но и тем, что их землевладение было менее гарантирован-

⁵⁸ C. C. E d g a r. Selected papyri from the Archive of Zenon, N 90.—Ann. serv. antiquités Egypte, t. XXIV. Le Caire, 1924.

⁵⁹ К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 339—340.

ным⁶⁰. В источниках оно характеризуется термином *κρατεῖν*, обозначавшим обычно фактическое владение, но не владение с правом распоряжения (*κυρεῖα*).

В папирусах III в. до н. э. махимой используются администрацией нома для несения полицейской службы — для охраны ирригационных сооружений, сопровождения арестованных и т. п. Известно, что когда однажды возникли затруднения при сборе урожая, диойкет Аполлоний потребовал в первую очередь присылки махимой, а также жнецов (P. Hib., 44, 6).

Какова же форма зависимости, в которой оказались египетские воины, каковы их материальное положение и отношение к правительству? Основными источниками, которые можно использовать для ответа на поставленные вопросы, являются «Инструкция эконому» конца III в. до н. э., Розеттский декрет, дающий представление о состоянии Египта в 205—185 гг. до н. э., известные письма Герода 164 г. до н. э. и постановления Птолемея Эвергета II от 118 г. до н. э. Все эти памятники свидетельствуют о тяжелом материальном положении египетских воинов, о стремлении по крайней мере части махимой бросить службу и уйти от того бремени, которое возлагалось на них, о попытках правительства насильственными мерами или указами о милостях (*φιάνθρωπα*) вернуть их. В «Инструкции эконому» предписывалось, чтобы «все, касающееся туземных воинов, было устроено (*οἰκο[ν]ομήται*) согласно составленной нами инструкции о людях, покинувших работу, и... моряках... Все эти люди, попадающие в твои руки, должны содержаться вместе для доставки в Александрию» (P. Teb., 703, 1.215 sqq.).

Важно отметить упоминание о махимой и о моряках (*ναῦται*; ср. приведенное нами выше выражение из папирусов Петри: *τοπλήρωμα γογγύζει*). В письме Герода наряду с махимой и «избранными» (*ἐπίλεκτοι*) мы встречаем и *ναυκληρομάχοι*, так же как и в постановлениях 118 г. (UPZ, 110, 1.20—23; P. Teb., 5, 1.44 sq.). Эти совместные упоминания не случайны: махимой, моряки и беднейшие греческие воины занимали сходное положение в обществе и государстве. В годы волнений они выступали против правительства (OGIS, 99, 1. 19—20) и прибегали к сходной форме протеста — уходу с работы. Недаром в Розеттском декрете правительство давало обещание не включать принудительно во флот. Говоря о них, употребляют термин *ἀναγκωρηκῶν σωμάτων*, как и при упоминании о рабочих, покинувших каменоломню (P. Teb., 703, 1.218). К махимой и морякам, по-видимому, относятся слова Герода о тех, кто в городе (т. е. в Александрии) и днем и ночью трудится, выполняя литургии (UPZ, 110, 1.87 sq.). Большая часть махимой, сообщает Герод, не может обрабатывать свои клеры (на этот раз имеется в виду не полис, а хора), но зимой занимает деньги под большие

⁶⁰ К. К. Зельин. Исследования..., стр. 298—302.

проценты. Махимой вместе с их семьями входят в состав «бедняков» (ἀδυνατοῦντες, буквально: «бессильных»).

В. В. Струве, сопоставляя письма Герода и «Инструкцию эконому», делал вывод, что положение махимой в III в. до н. э. было еще более тяжелым, чем во II в.⁶¹ Подобный вывод едва ли достаточно обоснован: из того и другого документа ясно лишь, что махимой недовольны и что многие из них уклоняются от возложенного на них бремени. Сказать, когда было лучше или хуже, сравнивая данные этих источников, трудно.

Из сказанного видно, что по своему статусу как часть вооруженных сил Птолемеев махимой несли нелегкую службу, повинуюсь приказам администрации, а с другой стороны, они страдали от материальной необеспеченности, нашедшей столь яркое выражение в письмах Герода. Все вместе взятое приводило к тому же результату, что и для других разрядов населения, находившихся в сходном положении, вроде, например, работников, занятых, в некоторых царских монополиях (UPZ, 110, 1.97 sq.: τοὺς ὑποτελεῖς/τῇ τε ἰχθυήρῃ καὶ ζυτῆρῃ καὶ ταῖς ἄλλαις ὀναῖς), упоминаемых также иногда наряду с махимой.

Вопрос о поденщиках (ἐργάται) приобрел особый интерес, так как их стали иногда рассматривать как «временных рабов». В. В. Струве в своей работе «Общественный строй эллинистического Египта» собрал большой материал о поденщиках и рабах в царстве Лагидов, но с общими выводами автора согласиться нельзя. В. В. Струве исходит из понятия о рабе как о человеке, лишенном средств производства и подвергающемся внеэкономическому принуждению (см. выше, стр. 37). Поэтому все упоминания в документах о работниках, обозначаемых термином ἐργάται, он рассматривает, как свидетельства о наличии «временных работ». В состав λαοί, т. е. народной туземной массы, по его мнению, входили «царские земледельцы», являвшиеся имущим слоем комы (так как правительство сдавало царскую землю только тем, кто мог представить залог), и поденщики, лишенные средств производства. Именно последнее отличает их от царских земледельцев, внеэкономическое же принуждение применялось как к тем, так и к другим.

Соотношение между ними в статье определяется неясно: «Основная масса лаой (курсив наш. — К. З.) была связана так или иначе с обработкой царской земли»⁶². По-видимому, при этом имеются в виду царские земледельцы, а не поденщики, как явствует из повторения этой фразы и ее разъяснения на стр. 75: повторив здесь приведенное утверждение относительно связи основной массы лаой с обработкой царской земли, автор добавляет, что эти лаой становились тем самым γεωργοὶ βασιλικοί. Однако в изложении автора вопреки этому определению «основной» массы больше выступает

⁶¹ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 71.

⁶² Там же, стр. 72.

другая мысль: о многочисленности поденщиков, которые, судя по последующему изложению, и составляют эту основную массу.

В. В. Струве связывает их появление с общим процессом разрушения сельских общин в Египте в Саисско-ливийскую эпоху⁶³, с усилением налогообложения при Псамметихе I, с появлением института поручительства и т. д. Он приходит к выводу, что в результате обнищания большого числа представителей сельских общин, превратившихся из самостоятельных хозяев в жалких поденщиков, и создались условия, когда «к услугам господствующего класса птолемеевского Египта была эта беднейшая часть египетского населения, из среды которой могли рекрутироваться не только поденщики, но и рабы-должники. Поденщики и рабы сливались для рабовладельцев эллинистического Египта в одну недифференцированную массу»⁶⁴. Впрочем, последнее доказать невозможно, так как в источниках нельзя найти соответствующие свидетельства.

Лотце в упомянутой выше работе, настаивая с полным основанием на недостаточности определения характера экономической связи между земледельцем и собственником земли, утверждал, что обозначения «аренда», «крепостная зависимость», «рабство» подразумевают помимо экономического еще и личное правовое отношение⁶⁵. Нам представляется, однако, подобное сопоставление неправомерным, поскольку под «арендой» во многих случаях имеют в виду и частнопрововое отношение, тогда как «крепостничество» или «рабство» — понятия публичного права. Это различие, по-видимому, сознает и Лотце, но останавливается на нем недостаточно. Сопоставление с рабством и крепостничеством было бы оправдано, если бы речь шла лишь о государственной аренде и арендаторы составляли бы определенное сословие, как это было, например, в эллинистическом Египте с держателями царской земли («царские земледельцы»). Поэтому при изучении форм зависимости следует установить, с какой системой категорий публичного права мы имеем дело, а затем присмотреться, соответствует ли она полностью или частично или не соответствует тем отношениям, которые находят себе выражение в понятиях частного права.

В птолемеевском Египте к категориям первого рода относятся «царские земледельцы», владельцы «дарственной земли», клерухи, рабы и т. д. К категориям частнопровового характера следует отнести арендаторов (земли частного землевладельца), поденщиков, мелких землевладельцев, обрабатывающих землю личным трудом, и т. д., причем в пределах каждой категории возможны дальнейшие подразделения. Таким образом, и здесь мы встречаемся с той двойственностью, которая обуславливалась существованием сословного деления, а потому и здесь желательно определить связь этого деле-

⁶³ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 76.

⁶⁴ Там же, стр. 79—80.

⁶⁵ D. Lotze. Op. cit., S. 64.

ния с социально-экономическими отношениями. Подобная задача встает и при попытке определить существо института парамонэ при отпуске рабов на волю (см. ниже, стр. 171).

В. В. Струве видел решение этой задачи в том, чтобы подвести отношение поденщика и нанимателя под отношение раба и рабовладельца. Мы уже доказывали, что подобное отождествление страдает логическим дефектом. Одного этого указания, конечно, недостаточно: следует попытаться на конкретном материале установить несопадение обеих категорий.

Самый термин «ἐργάτης» имел общее значение: «работник», в частности «сельский работник, земледelec» (J.-L.-S., s. v.), как, например, у Демосфена — οἱ ἐργάται οἱ περὶ γεωργίαν (Dem., 35, 22). Часто с этим значением соединяется еще признак — «работник за плату». Ἐργάτης и μισθός бывают тесно связаны⁶⁶. Но вовсе не обязательно этот работник трудится в принудительном порядке; нет также обязательного указания на то, что он не обладает никаким другим заработком или что его труд есть труд поденщика. Другое дело, если в самом источнике говорится об этом (BGU, 1536: τοῖς καὶ τῆμεραν θερύζουσι). О. О. Крюгер справедливо возражал некоторым зарубежным ученым, которые были склонны считать получение платы признаком свободы, свидетельством вольнонаемного труда⁶⁷. Но также совершенно нет оснований считать, что работник, получающий плату, если он и работает в порядке принуждения, обязательно раб или что наличие такого работника — всегда следствие «обеднения» и «разорения»⁶⁸. Он может быть зависимым человеком, но вовсе не рабом и не вольнонаемным. Задача и заключается в том, чтобы определить признаки и характер этой зависимости.

Из сказанного явствует, что каждый раз, как мы встречаемся с термином ἐργάτης, мы должны пытаться определить его значение из контекста, а не предполагать, основываясь лишь на наличии этого термина, что речь идет о «временных рабах», о поденщиках, лишенных средств производства и подвергающихся внеэкономическому принуждению.

Естественно возникает вопрос, являлись ли ἐργάται однородной в социальном отношении массой населения, а именно обнищавшей частью обитателей комы. В. В. Струве сам подметил их неоднородный состав. Он писал: «Я, конечно, говорю здесь лишь о тех «лао́й», которые становились поденщиками из-за недостатка в необходимом, а не о тех ἐργάται, которые, будучи жителями деревни, находившейся по соседству с крупными владениями δωρεά, привлекались иной раз целыми деревнями к работам в этих крупных владениях»⁶⁹. Неоднородность состава ἐργάται связана и с тем, что этот состав

⁶⁶ Ср. Matth., XX, 1 sq. (притча о найме работников).

⁶⁷ О. О. Крюгер. Указ. соч., стр. 64.

⁶⁸ К. К. Зельин. Исследования..., стр. 98.

⁶⁹ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 78—79.

с течением времени мог изменяться, и с характером источников, в которых говорится о них.

В папирусах III в. до н. э. встречаются многочисленные упоминания об ἐργάται. К сожалению, в них содержатся обычно лишь указания на характер работы и размер оплаты, но нет данных, объясняющих, кто такие эти ἐργάται. Однако умозаключение ex silentio, а именно, что перед нами свободные или зависимые люди, но не рабы имеет некоторое основание. Рабы обозначаются обычно термином, который не встречается, когда речь идет о труде ἐργάται. Аполлоний требует (P. Hib., 44) присылки ράγιοι и «внесенных в список» жнецов. Эти жнецы, очевидно, должны работать в принудительном порядке, однако самое выражение «внесенных в список» говорит о том, что это не рабы, но свободные — а именно часть населения комы или ряда ком, — несущие определенную повинность. Из CZ, 59301 видно, что такими жнецами и являлись обитатели деревни, т. е. «царские земледельцы».

О. О. Крюгер признает, что подобные повинности падали на сельских работников, крестьян: «Жители деревни сгонялись целыми партиями в крупные поместья на царскую землю»⁷⁰. Жнецы получали оплату натурой, в частности пшеницей (CZ, 59292, 486; 59322). Это обстоятельство также свидетельствует о том, что они не рабы, которых кормили ячменем. Принуждение к работе вовсе не означает, что мы имеем дело с рабами, так как оно постоянно применялось в Египте к свободным людям. Называть этих людей «временными рабами» только потому, что на них возлагалась определенная временная обязательная работа, нет никакого основания. Таким образом, в некоторых случаях ἐργάται это крестьяне, выполняющие повинность по обработке царской или дарственной земли.

Термины ἐργασία и ἐργάτης, как мы говорили, носили очень общий характер и могли обозначать различные социальные элементы или наемных рабочих разных специальностей. Но нет ни одного свидетельства о том, что их применяли к рабам и их труду. Из того, что было сказано, видна неправомерность противопоставления поденщиков царским земледельцам, поскольку последние могли иногда работать и как поденщики⁷¹. Такое противопоставление представляется неправильным и с логической точки зрения, так как в разделении большей части сельского населения Египта на царских земледельцев и поденщиков применяются различные fundamenta divisionis: в первом случае этим принципом деления является правовое положение группы населения в ряду других групп сословного характера; во втором случае — чисто экономический момент. Термин «поденщик» означает не то, что перед нами свободный, раб или зависимый человек, а то, что он получает за работу поденную оплату. Таким мог быть и первый, и второй, и третий.

⁷⁰ О. О. Крюгер. Указ. соч., стр. 82.

⁷¹ К. К. Зельин. Исследования..., стр. 103.

Главным источником, на основании которого утверждали, что большая часть «лаой» превратилась со временем в массу поденщиков, служит памятник истории II в. до н. э. — письма Герода. Мы уже подробно останавливались на нем в связи с рассматриваемой проблемой⁷². Считаем нужным лишь добавить, что при использовании писем Герода терминологии, которой пользуется их автор, придается иногда чересчур точный смысл. Так, термин ἐργατεῖον мог означать не только работу поденщика в точном современном смысле слова. Ἐργατεῖον имело и более общее значение — «трудиться», «совершать тяжелую работу», которое хорошо подходит к риторическому стилю писем, и в частности к характеристике ἀδυνατοῦντες. Во всяком случае на основании употребления этого термина делать вывод о превращении большей части царских земледельцев в поденщиков было бы неосторожно, особенно при наличии других документов, живо рисующих египетскую кому времени Птолемеев, но лишь очень редко упоминающих об ἐργαταί.

Таким образом, поденщики не составляли какой-то однородной и преобладающей части сельского населения в Египте. В их состав входили различные по своему положению в государстве социальные элементы — как свободные, так и зависимые люди. Во многих случаях поденной работы применялось временное принуждение со стороны государства: работников отправляли на работу обычно за скудную плату по спискам или целыми деревнями. В лучшем положении в отношении оплаты находились заключавшие индивидуальные договоры на работу в сельском хозяйстве⁷³. В общем же в птолемеевском Египте можно наблюдать широкое распространение наемного труда в области сельского хозяйства и ремесла, что, несомненно, связано с развитием элементов денежного хозяйства. Характерным для изучаемого периода оказывается то, что этот наемный труд — не всегда следствие добровольного соглашения: нередко он связан с применением внеэкономического принуждения.

С положением наемных работников иногда сходно положение некоторых парамонариев. Термин παραμονή был широко распространен в древности и имел очень различный смысл⁷⁴. Следует различать два основных значения этого термина: 1) парамонэ в договоре между равными в правовом отношении людьми и 2) парамонэ в договоре, в котором выступают лица, обладающие неравными правами. Наиболее известной и исторически важной является такая форма парамонэ, как договор между рабом, отпускаемым на свободу, и его владельцем⁷⁵. Но кроме нее существо-

⁷² Там же, стр. 99 сл.

⁷³ Там же, стр. 101.

⁷⁴ A. E. Samuel. The role of paramone clauses in ancient documents. — JJP, v. XV. Warszawa, 1965, p. 221; B. Adams. Paramone u. verwandte Texte Berlin, 1964, S. 2.

⁷⁵ На этой форме мы подробно останавливаемся во второй части настоящей работы (стр. 145 сл.).

вали и другие формы, которые нельзя не учитывать, поскольку некоторые из них представляли собою своеобразные варианты форм зависимости.

Помимо манумиссий к *παράμωή* принадлежат следующие обязательства: 1) обязательство лица, являющегося поручителем другого человека в том, что последний явится на суд; 2) обязательство самого участника процесса явиться на суд; 3) обязанность должностного лица присутствовать при том или ином расследовании. Эти формы парамонэ мы не рассматриваем ввиду того, что они не имели своим последствием возникновение какой-либо формы зависимости: нарушение парамонэ в этих случаях каралось штрафом (R. L., 55, 23 сл.). Парамонэ, возникавшее в результате договора между свободными людьми, наоборот, имеет значение для понимания социальных отношений. Между тем, как справедливо отмечает Адамс, эта форма отношений до сих пор изучалась недостаточно. Работа Адамса и является одной из первых работ на эту тему. В ней собран очень полно соответствующий папирологический материал. Для нашей задачи существенно выяснить, какого рода форма зависимости возникала в результате заключения подобного договора, каковы были ее характерные признаки.

Адамс, тщательно указывая каждый раз время и место происхождения данного папируса, все же утверждает, что при рассмотрении документов этого рода решающим является их распределение не по периодам, но скорее согласно типическим интересам, нашедшим в них выражение. Проблема обеспечения свободной рабочей силы должна быть исследована, по его мнению, не с хронологической точки зрения, но под углом зрения тех потребностей, об удовлетворении которых шла речь⁷⁶. Учитывая задачу, поставленную в настоящей работе, мы не можем согласиться с этим мнением. Папирусы, в которых говорится о *παράμωή* как о обязательстве, возлагаемом на свободного человека на основании соглашения, поучительно сопоставить не только и не столько с теми документами, которые появились позднее в совершенно иной исторической обстановке, сколько с договорами о найме, в которых обязательство парамонэ не упоминается, и вообще со способами обеспечения рабочей силы.

Варианты договоров с этим обязательством, относящиеся к Египту эллинистического периода, очень малочисленны. Адамс насчитывает их всего только шесть, причем один из них (CZ, 59636), по-видимому, ничего общего с парамонэ не имеет⁷⁷. В трех из остальных пяти слово *παράμωή* (или *παράμωειν*) отсутствует, хотя в них речь идет о подобных же обязательствах. Несмотря на все сказанное, и эти немногие тексты представляют интерес, поскольку свидетельствуют о практике, вероятно, более широко распростра-

⁷⁶ B. Adams. Op. cit., S. 5.

⁷⁷ Ibid., S. 23, Anm. 28.

ненной уже в птолемеевском Египте, чем это можно думать, если судить по немногим документам, дошедшим до нас от этого времени⁷⁸.

В одном письме из архива Зенона (PSI, IV, 424) автор обещает Зенону предоставить ему своего сына Птолемея в залог (ὑποθήσειν) за 100 драхм и ничего больше не требовать от Зенона, причем указывает на то, что Птолемей получил хорошее воспитание. Содержание письма неясно, поскольку нам не известно, что должен будет делать этот «хорошо воспитанный» юноша. Термин *παρωνή* в документе отсутствует. Отчетливее рисуются обстоятельства в Epit., 48 — заявлении работника об иске к нанимателю, не доплатившему ему десяти драхм. Здесь перечислены обязательства истца: он должен был следовать за нанимателем в походе, служить ему и доставить его в определенное место. Термин *парамонэ* также отсутствует.

Два документа с упоминанием этого термина происходят из списков договоров в графейоне, преимущественно договоров об аренде (Teb., III, 815 и BGU, VI, 1258). В первом из них один из контрагентов принял на себя обязательство делать все, что на него возложат. Во втором обязательства имеют менее общий характер: садовник обязуется обслуживать купальню (работать в ней с водным колесом) в течение одиннадцати месяцев. В случае нарушения договора (ἐν τῇ μὴ παραμένῃ) он должен будет уплатить штраф. В договоре устанавливается ежедневная плата. Таким образом, перед нами договор о найме: положение садовника не отличается по существу от условий, на которых работали *ἐργάται*. Другое обязательство в том же папирусе (стк. 17 сл.) носит иной характер. Отец отдает своего старшего сына на условии *парамонэ*: последний должен «оставаться» у того, кому отдан, и делать все, что ему укажут.

Особое внимание исследователей привлекал последний документ, сходный лишь в некоторых отношениях с рассматриваемыми. В нем (PSI, V, 549) должница обязуется работать у кредитора (тоже женщины) в течение 99 лет: делать все, что прикажут последняя или ее домохозяин, где бы это ни было, всегда находиться в готовности. Кредитор должен давать ей продовольствие, одежду, все, что полагается. Должница обязана пребывать в доме и работать днем и ночью. Некоторые исследователи считают, что здесь налицо самопродажа в рабство и этот акт замаскирован формой такого договора⁷⁹. Другие находят условия договора типичными для *парамонэ*. Документ представляет особый интерес, поскольку свидетельствует о многообразии форм зависимости. С *парамонэ* в ману-миссиях он сходен с условием «работать днем и ночью», исполнять

⁷⁸ Ср. десятки гомотогий и других актов, сохранившихся от первых двух веков Империи.

⁷⁹ E. Seidl. Ptolemäische Rechtsgeschichte, S. 105. Montevécchi i. I contratti di lavoro e di servizio nell'Egitto greco-rom.-bizant. Milano, 1950, N 1; B. Adams. Op. cit., S. 11 ff.

все, что прикажут, и, вероятно, тем, что в обязанности контрагента входит снабжать работницу всем необходимым. Однако в отличие от манумиссий, где обычно парамонарий остается таковым до смерти манумиссора, в данном случае парамонэ оказывается пожизненным для самой работницы. Если формально она и остается свободной, то фактически с этой свободой она расстается со времени заключения подобного договора.

Даже из этих немногих примеров, доступных нашему рассмотрению, видно разнообразие значения термина парамонэ. Он служил и для обозначения временной работы человека, отдаваемого своим отцом в парамонэ для получения определенной суммы денег (PSI, IV, 424), и для обозначения отношений работодателя и наемного работника (BGU, VI, 1258 и Ent., 48), и для обозначения положения должника, закабаляющей себя на всю жизнь. Лишь в одном из этих памятников указана санкция за нарушение обязательств (BGU, VI, 1258), а именно — штраф. В остальных случаях об этом ничего не говорится, но нельзя не предположить, что, например, в PSI, V, 549, а может быть, и в BGU, 1258, стк. 17 сл. этой санкцией было право, о котором так настойчиво говорят манумиссии: право наказывать работника (*κολάζειν*), т. е. применение непосредственного принуждения. Таким образом, и в этих случаях мы можем наблюдать, как материальная необеспеченность, долги, необходимость получить работу, т. е. чисто экономические моменты, приводят к возникновению отношений, в которых нередко может иметь место и непосредственное принуждение со стороны работодателя.

Вопрос о положении *ὑποτελεῖς* подробно рассматривался в свое время Ростовцевым⁸⁰. Он считал, что в эллинистическом Египте люди, результаты труда которых непосредственно составляли доходы государства (*οἱ ἐπιπλεγεμένοι ταῖς προσόδοις*), образовывали единое сословие (Stand), представляли некоторое правовое и социальное единство. Это не мешало ему настойчиво и неоднократно указывать на то, что в данное сословие входили различные в социальном и даже юридическом отношении элементы: богатые и бедные, великие и малые, занятые в сельском хозяйстве и в ремесле. Ростовцев наметил среди них четыре основные группы населения: царские земледельцы (*γεωργοὶ βασιλικοί*), изготовители тканей, пастухи государственных стад свиней и гусей и работники в различных отраслях производства масла и напитков.

Задача, которую ставил перед собою автор, заключалась в характеристике положения работников, занятых в царских монополиях (*ὑποτελεῖς*). Эта характеристика тесно связана с представлением Ростовцева о способе использования государством своих доходных статей. Он считает, что способ этот был всегда один и тот же — сдача в аренду (*Verpachtungen*), которую он отождествляет

⁸⁰ M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin, 1910, S 63 ff.

с *ὑπαί*. При таком порядке вещей низший слой работников государственных монополий (*ὑποτέλων*) оказывался в самом тяжелом положении. Из Податного устава Птолемея Филадельфа, по мнению Ростовцева, видно, что занятые в масляном производстве были настоящими государственными крепостными (*Leibeigene des Staates*): они могли быть проданы арендаторам монополии вместе с мастерскими и орудиями производства⁸¹. Эти арендаторы становились на время их «владельцами» (*ἰδιοῖ*). Работники по производству масла должны были работать, как те им прикажут, получая поденную плату. Они не могли покинуть место работы. В том случае, если они все же делали это, укрывающим их грозил большой штраф, а *ἐλατωρτοί* подлежали приводу (*ἀγώγῃσι ἐσθλῶν*) (Rev., L., 44, 8 sq.).

Царские земледельцы в отличие от *ἐλατωρτοί* были свободными арендаторами, хотя в недалеком прошлом и они, по-видимому (об этом свидетельствует, по мнению Ростовцева, ряд источников), находились в сходном положении: они подвергались ограничениям в свободе передвижения, являлись объектом постоянной мелочной опеки администрации и т. д.

Картина положения массы людей, работавших непосредственно на государство, нарисованная Ростовцевым, очень ярка и во многом убедительна. Но все же она несколько упрощает сложную историческую действительность, а с другой стороны, ее легче понять, если не ограничиваться лишь ссылкой на наследие доптолемеевского Египта, а попытаться выяснить основное в оформлении отношений зависимости в рассматриваемый нами период.

Мы уже не раз отмечали, что в этот период воздействие двух основных факторов — применения государством в той или иной степени непосредственного принуждения и развития товарного производства — проявляется очень сильно и нередко в новых формах зависимости по сравнению с теми, которые существовали в греческих полисах и на древнем Востоке. Внеэкономическое принуждение в самых жестоких его формах было возможно лишь в виде исключения (см. выше, стр. 57 сл.). По отношению к массе египетского населения завоеватели, естественно, так действовать не могли. Здесь часто следовало прибегать к другому принципу, отмеченному выше, — к принципу соглашения, договора. Такое соглашение могло принимать различную форму, но характерным для него было то, что если дело шло о доставлении государству доходов, то оно почти всегда сочеталось в какой-то мере с принуждением. Сочетание этих двух моментов оправдывает применение по отношению к ним термина «обратная связь»: для производства товаров прибегали к традиционному испытанному средству — принуждению, а принуждение, в свою очередь, способствовало дальнейшему расширению обращения товаров.

⁸¹ Ibid., S. 66.

Ростовцев, как нам кажется, ошибался, считая форму аренды универсальной в отношениях между государством и отдельными лицами. В действительности существовали две формы отношений, в основе которых лежало (по крайней мере формально) соглашение: купля (ὄντη) и аренда (μισθωσις), и различие между ними, несмотря на неточность и, так сказать, текучесть эллинистической терминологии имело немаловажное значение. Если правы исследователи, которые настаивали на том, что нельзя подходить к греческим правовым отношениям с понятиями и критериями римского (и современного) права, то это в еще большей мере справедливо по отношению к праву эллинистического государства. Купля (ὄντη) в системе отношений частных лиц и государства была вовсе не тем, чем она являлась при сделках частных лиц в греческом полисе и тем более в Риме. Если для суждения о договорах с условием парамонэ имеет большое значение, заключался договор между равноправными сторонами или нет, то не меньшее значение имеет это обстоятельство и для договора о купле-продаже и аренде. Говорить о равноправности сторон, если одной из них выступает всемогущее государство, действующее в интересах определенного класса, а другой — отдельное лицо или даже коллектив, не приходится. ὄντη в Египте при продаже земли или сдаче на откуп сбора налогов, государственных монополий или работ, организуемых государством, — вовсе не свободная купля-продажа. Государство ставит свои условия: определяет цену (максимальную или, наоборот, минимальную), формальности акта, его юридические последствия, организацию контроля над «свободными» покупателями и т. д. В отдельных случаях, в те или иные моменты реализации такой «купли» элемент соглашения, договора может выступать больше, но это не меняет существа дела. Обеспечивая интересы государственной казны (τὸ βασιλικόν). Податной устав прибегает все время к мерам принуждения или устрашения по отношению как к «покупателям», так и к своим агентам⁸². С одной стороны, ὁ διοικῶν τὸν ὄντην, а с другой — эконоμ и антиграфевс подвергаются штрафам, передаются «на усмотрение царя», с них строго взыскивается всякий ущерб, нанесенный по их вине царской казне. Еще большая кара грозит тем, кто пассивно участвует в ὄντη, т. е. находится в распоряжении государства, которое временно передает это право распоряжения «покупателям». Если в Податном уставе мы читаем, что покупатели и антиграфевс, назначенный экономом и другим антиграфевсом, будут владеть (χρητεύουσι) работниками, эргастериями и орудиями, то это вовсе не означает, что упомянутые работники стали рабами или крепостными (Leibeigene). Их зависимость следует понять и выразить в терминах того времени, а не применять к ним терминологию, имеющую совершенно иные корни.

⁸² Rev. L., 41, 3 sq.; 45, 7 sq.

В связи с этим интересно обратиться к выводам ученого, поставившего перед собою нелегкую, но чрезвычайно важную задачу — всесторонне исследовать сущность, историю и формы купли-продажи в греческом праве. Мы имеем в виду работу Ф. Прингсхейма⁸³. В ней автор пересматривает сначала вопрос о понятии собственности у греков, о характере и развитии их договорного права, а далее подробно изучает общие формы, терминологию, историю и теорию купли (ὄντη), разнообразные ее варианты (покупка за наличные деньги, в кредит, арра и пр.) и способы обеспечения покупателя против эвикции и различных дефектов в объектах купли. Естественно, что в своем обширном исследовании автор не раз касается таких важных для понимания ὄντη источников, как дельфийские манумиссии (см. об этом ниже, стр. 119 сл.), а также документов, говорящих о практике купли в эллинистическом Египте.

Основной тезис Прингсхейма сводится к тому, что непосредственное следствие и в то же время сущность купли заключались в приобретении покупателем собственности на купленную вещь, т. е. такую, за которую была уплачена цена (τιμή) ⁸⁴. Автор подробно изучает номенклатуру соответствующих актов, считая, что она является ключом к пониманию существа ὄντη.

Но что такое собственность? Прингсхейм считает несомненным, что греки проводили различие между собственностью и чисто фактическим владением (between the full right and mere actual possession). Он убедительно пишет, что утверждения вроде того, будто греки «не различали точно собственность и владение или что их концепция собственности не была определенной или точной, несколько нам не помогают»⁸⁵. Собственность в греческом праве — не абстрактное понятие, наподобие римского *dominium*, но конкретная и ясно охарактеризованная власть (контроль, interest), которая возникла в результате приобретения, нечто вроде *justa possessio*. Правовой титул — такова суть греческой собственности. Прингсхейм, впрочем, допускает существование ограниченной или разделенной, более сильной и более слабой собственности, хотя в дальнейшем не останавливается на этих вопросах.

Мы совершенно не претендуем на оценку концепции Прингсхейма с юридической точки зрения. Но важно было бы представить себе, что она дает для понимания исторического материала, который нас сейчас интересует. Поэтому мы не можем согласиться с суммарным рассмотрением данных птолемеевского и римского времени, как обычно делают юристы⁸⁶. Нам кажется также необходимым в историческом отношении проводить грань между ὄντη частных

⁸³ F. Pringsheim. The greek law of sale. Weimar, 1950.

⁸⁴ Ibid., p. 179.

⁸⁵ Ibid., p. 10.

⁸⁶ См. ibid., p. 11, 183 and oth. Обоснование такого способа изучения автор дает на стр. 2 сл.

лиц и $\psi\upsilon\gamma\acute{\iota}$, в которой продавцом выступает государство. Прингсхейм иногда делает некоторые оговорки в этом смысле⁸⁷, но без того, чтобы прийти отсюда к соответствующим выводам. Между тем понимание $\psi\upsilon\gamma\acute{\iota}$ в том или ином случае зависит не только от общего значения данного термина в греческом праве, но и от совокупности всех основных условий, в которых совершалась сделка: кто продает и покупает, на каких условиях, кто определяет цены, кто контролирует использование проданного объекта и т. д.

Прингсхейм неоднократно повторяет, что следствием было приобретение собственности. Однако для такого утверждения папирологические данные не дают оснований. Результатом $\psi\upsilon\gamma\acute{\iota}$ была $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$, т. е. такая форма права владения, с которой соединялось в той или иной мере право распоряжаться купленной вещью. Но можно ли отождествить $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$ с собственностью? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ. $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$ ($\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$), $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ и глагол $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\sigma\kappa\iota\nu$ имели не всегда один и тот же смысл. Поэтому трудно согласиться с тем, как передается смысл первого термина в словаре Лиддл-Скотта: *proprietary rights*. Значение же термина $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ там дано точно: $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ — *having power or authority* над кем-нибудь (в род. пад.). Но эта власть или авторитет могли быть очень неодинаковыми: $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ как глава семьи и опекун жены, $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ у Фукидида (Thuc., 5, 34), $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ для обозначения верховной власти в государстве (Arist., Pol., 1281b, 10), $\chi\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ в приложении к божеству [Pind., Isthm., 5 (4), 53]. Этот же термин служил и для обозначения власти обожествленных Птолемеев, которые пользовались действительно $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$ по отношению к земле, хозяйственным благам и людям в смысле права полного распоряжения ими с целью извлечения доходов.

В связи с этим следует вернуться к известному тексту в Податном уставе, где говорится о праве «покупателей» владеть $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\iota$, мастерскими и орудиями. Выражение «они будут владеть» ($\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\sigma\kappa\iota\nu$) показывает, что $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\iota$, которые находились в $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$ государства, временно переходят в $\chi\omicron\rho\iota\epsilon\acute{\iota}\alpha$ «принявших куплю». Первые, подобно парамонариям в манумиссиях, не распоряжаются сами собою. Но парамонарий может ожидать, что после смерти манумиссора он (или она) станет полностью распоряжаться собою, у $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\iota$ такой надежды нет. Перед нами форма зависимости *suí generis* — не рабство, не крепостничество, не парамонэ, не зависимость «царского землевладельца». Некоторые признаки оказываются сходными. Если раба или парамонария его господин или манумиссор мог наказать, как пожелает, то и $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\iota$ «принуждают» $\pi\rho\acute{\iota}\alpha\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ $\tau\eta\acute{\nu}$ $\psi\upsilon\gamma\acute{\iota}$ в случае необходимости. Договор ($\sigma\upsilon\nu\tau\alpha\acute{\xi}\iota\varsigma$) с $\epsilon\lambda\alpha\iota\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\iota$ относительно производства масла фактически возможен, но запрещается законом (Rev. L., 47, 1). Договор с различ-

⁸⁷ F. Pringsheim. Op. cit., p. 103, 109, 119, 121.

ными торговцами допускается, но лишь в отношении того, сколько торговец возьмет на себя продать масла, однако не затрагивает цен, которые устанавливаются правительством (Rev. L., 46, 13). В этом смысле условия для γεωργοί в Податном уставе и для κάπηλοι сходны: норма посева у первых и норма количества товара у вторых — результат соглашения, нормы же оплаты γεωργοί и цены товара устанавливаются сверху.

Ростовцев полагал, что аналогия между правами «покупателей» в Податном уставе и условиями продажи земли из казны⁸⁸ бросается в глаза, и это понятно. Для Ростовцева важно было констатировать сходные черты в тех многообразных отношениях, о которых свидетельствуют источники. Но при этом было легко упустить черты различия. Ростовцев не определяет достаточно ясно, что представляла собою χρεῖα. Между тем «покупатели» в Податном уставе не могли продать или обменять ἐλαττωροί или эргастерии, тогда как владельцы (χόριοι) земельных участков, купленных из казны, могли свободно их продавать, закладывать и уступать, как показывают папирусы из Гебелена.

Когда Ростовцев пишет, что не видно, кто были χόριοι царских земледельцев⁸⁹, то эта фраза основана опять-таки на том, что автор отождествляет продажу с арендой. Но χρεῖα была следствием (ср. P. Eleph., 14) только ὀνύ, а вовсе не μίσθωσις. У царских земледельцев не было и не могло быть «владельцев» (кроме царя), так как их владение участками царской земли не являлось следствием ὀνύ. Неверно и то, что по способам продажи (или сдачи в аренду) нельзя установить разницу между ними, что это можно сделать, только исходя из последствий обоих актов. Совершенно четко ὀνύ отличает уплата цены (τιμή) как всегда было в греческой купле⁹⁰.

Неправильно, однако, отождествлять χρεῖα с собственностью, как это делает Прингсхейм. Понятие χρεῖα было у греков понятием не абстрактным, а конкретным и относительным. Κόριοι — вовсе не собственники в смысле права полного, неограниченного и длительного распоряжения объектом. Πράγματι τὴν ὀνύην в Податном уставе были владельцами (χόριοι) лишь временно (в отличие от покупателей земельных участков казны, если те исправно платили цену этих участков и ἐκφόρια с них). Их право распоряжения тем, что передавалось им в результате ὀνύ во временное пользование, было уже: они, как уже говорилось, не имели права продавать, дарить или закладывать работников, мастерские и орудия. Но все же правом распоряжения они обладали в известной мере: они могли заставлять работать, указывать, что работники должны делать, следить за тем, чтобы они не покидали места работы, и т. д. Значение

⁸⁸ M. Rostowzew. Studien..., S. 73.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ F. Pringsheim. Op. cit., p. 190 sq.

купли и права владения, связанного с ней, заключалось в том, что *ωνή* влекла за собой переход *χωρεία* от одних лиц к другим, следствием чего было пользование доходами (ср. P. Eleph., 14, 22).

Совместимо ли нахождение под чьей-либо властью (*χωρεία*) со статусом свободного? Для решения этого вопроса имеют значение данные дельфийских манумиссий. После упоминавшейся уже работы Сэмюэля, кажется, совершенно ясно, что вольноотпущенник манумиссора является свободным человеком. Между тем отпускаемые на свободу с условием парамонэ остаются во власти манумиссора и лишь после его смерти (как это было в большинстве случаев) или после окончания парамонэ (*ἀπόλυσις*) принадлежат сами себе. Следовательно, уже в полисе пребывание под чужой властью совместимо со статусом свободного человека. И это вполне понятно, поскольку зависимость даже в полисе не исчерпывалась рабством («античным» или каким-либо иным). Зависимый, но свободный по своему статусу человек нередко, как свидетельствуют манумиссии, брал на себя «рабские работы» (*δουλικὰς ἑρείας*), что вовсе не влекло за собой изменения коренного статуса.

Тем менее можно ожидать подобного изменения в обществе такой структуры, как птолемеевский Египет. Неограниченная *χωρεία*, т. е. право распоряжаться всем (землей, богатствами недр, изделями, людьми и их трудом) и извлекать из этого доходы, принадлежала обожествленному царю (*οἱ κύριοι θεοὶ μέγιστοι*, как называет источник Птолемея XIV и Клеопатру). К этому и сводилась его «верховная собственность». Что касается населения, то в отношениях отдельных лиц друг с другом обнаруживаются различные формы владения (*χωρεία*), а следовательно, и различные право распоряжения и формы зависимости.

Все *ὀποτελεῖς*, т. е. люди, связанные с государственными монополиями, и *ψυαί* зависели от государства; они были теми, кого источники называют *πραγματεύμενοι ταῖς ψυαῖς*: эконоом и антиграфевс, и другой антиграфевс, назначенный эконоом и первым антиграфевсом, и *λογεῦται*, и *ὀπηρεῖται* и *συμβουλοφύλακες*, и эфоды, т. е. царские чиновники различного ранга и с разными функциями, а также сами «покупатели» (как *ἀρχώνης*, так и участники *ωνή*) и торговцы, которые потом продавали готовый продукт, не говоря уже о тех, кто непосредственно работал на земле (*γεωργοί*) или в мастерских. Всем им грозили строгие наказания или огромные штрафы за ущерб, который от их деятельности или, наоборот, бездеятельности могла понести царская казна. Нередко кроме штрафа следовало заключение под стражу, пока царь не вынесет о виновном своего решения (Rev. L., 13, 13).

Разбор данных относительно *ψυαί*, таким образом, ясно показывает значение тех форм зависимости, существование которых связано с государственным хозяйством, с организацией посевов промышленных растений, обработкой их в мастерских, с реализацией доходов от них на внутреннем и внешнем рынках.

Не меньшее значение имели отношения, которые возникали в связи с полевым хозяйством и в которых принцип договора был выражен не менее четко, — различные формы аренды.

При аренде (μίσθωσις) земли с посевом зерновых культур имела место не уплата τιμή, но внесение арендной платы натурой (ἐκφροσιον). Существовала аренда как частной земли (до нас дошел ряд арендных договоров этого рода), так и царской земли, о которой сообщают источники. Арендаторы земель второго рода назывались «царскими земледельцами» (γεωργοὶ βασιλικοί). Впрочем, нередко они встречаются и на землях иных категорий: «дарственной» (γῆ ἐν δωρεᾷ), на участках клеруков, на земле частных лиц, на храмовой земле. Выяснить их положение нелегко. Этому в известной мере мешают следующие обстоятельства: 1) оно несколько менялось в течение трех веков существования царства Птолемеев; 2) характер источников для раннего периода (III в. до н. э.) и для позднего (II—I вв. до н. э.) неодинаков⁹¹; 3) хотя в юридическом отношении «царские земледельцы» представляли известное единство — все они являлись арендаторами государственной земли, — все же в зависимости от размера и условий аренды их социальное положение было часто очень различным.

Лично свободные люди, «царские земледельцы», владели домом, скотом, орудиями производства; землю они получали от государства в аренду коллективно на определенных условиях⁹². Свободой передвижения они не обладали и обязаны были жить и работать в пределах своей комы (принцип *idia*). Своим трудом они тоже не распоряжались свободно, поскольку государство мелочно регулировало время и способ обработки земли, выбор культур и пр. Разбором их дел ведал административный суд. Центральное правительство в целях обеспечения доходов от царской земли стремилось оградить «царских земледельцев» от посягательств, вымогательства и произвола местной администрации, которые со временем в связи с постепенным ослаблением государства принимали все более широкие размеры.

Положение «царских земледельцев» со времени появления исследования Ростовцева о колонате представляется нередко в высшей степени прекарным. Понятие прекарного владения предполагает отсутствие гарантий его и нарушение права владельца со стороны всесильного государства. Это понятие у Ростовцева и его последователей характеризуется следующими признаками:

1. Отсутствует определенный срок договоров. В любой момент «царский земледелец» мог лишиться своего участка, который администрация имела право передать другому. Если даже этого не

⁹¹ Положение «царских земледельцев» во II—I вв. до н. э. подробно рассматривается в нашей более ранней работе (см. К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 186—197 и 322 слл.)

⁹² Мы имеем в виду основную массу царских земледельцев — арендаторов мелких участков.

произойдет в индивидуальном порядке (по отношению к отдельному участку), то при очередном пересмотре всех арендных отношений (διαμίσθωσις) результат мог оказаться таким же. Таким образом, владение землей у царских земледельцев признается совершенно необеспеченным.

2. Договоры об аренде царской земли носили односторонний характер: стороны были неравноправны в смысле отсутствия определенных обязательств со стороны государства. Условия аренды правительство могло изменить по своему произволу, повысив арендную плату.

3. «Царские земледельцы» трудились под постоянным контролем и мелочной опекой царских чиновников. Они должны были сеять то, что им приказывали, производить работы в положенные сроки. Они не имели права взять свою долю урожая, пока не внесут *ἐκφόρα* в царские зернохранилища.

4. Аренда на царской земле носила принудительный характер.

Хотя в общем в изображении Ростовцева «царские земледельцы» и являлись формально свободными арендаторами, в действительности они находились в полной зависимости от государства. По его мнению, они еще недавно были крепостными (*Leibeigene*). Причиной такого положения в Египте Ростовцев считал верховную собственность царя на землю. Эти основные тезисы повторялись затем крупнейшими специалистами по истории эллинистического Египта (Вилькен, Тарн и др.). Необходимо рассмотреть, насколько точно они соответствуют исторической действительности.

Прежде всего следует отметить, что отдельные признаки зависимости «царских земледельцев» связаны не с идеей верховной собственности царя на землю, а с той основной тенденцией птолемеевской политики, которая сводилась к стремлению извлекать из всего и в возможно большей мере доходы: *ἵνα μᾶλλον τῷ βασιλεῖ διαπέσῃ*. Эта тенденция характеризует не только отношение к «царским земледельцам», но и всю экономическую политику Лагидов. Определяющим моментом являлась, таким образом, вся система государственного хозяйства, направленная к получению от земли всех доходов за исключением того, что правительство считало возможным и необходимым оставить в распоряжении «царских земледельцев». Не экономика была следствием некоей теории права, а само право являлось выражением совокупности производственных отношений, сложившихся и в результате использования вековой традиции ведения хозяйства в Египте, и под влиянием новой исторической обстановки III—I вв. до н. э. Эта обстановка побуждала государство еще более последовательно принимать все меры к тому, чтобы получить в свое распоряжение наибольшую долю богатого урожая и иметь возможность пустить ее в оборот в процессе международного обмена. С другой стороны, условия жизни «царских земледельцев» определялись в значительной мере не только распоряжениями центральной власти, но и тем, как эти распо-

ряжения реализовались местной администрацией. Если с этой точки зрения подойти к разбору понятия прекарности, то можно отметить, что не все четыре упомянутых выше признака полностью были в наличии.

1. Нам не известны случаи, когда бы правительство по своим соображениям отнимало у «царского земледельца» участок и передавало его другому лицу. Διαμίσθωσις в понимании Ростовцева — акт общей сдачи в аренду крупной площади земли, общий пересмотр арендных договоров на царской земле⁹³. Он полагал, что это практиковалось не редко и уничтожало всякую иллюзию владения. Однако источники упоминают διαμίσθωσις в связи с особыми категориями земли (участков, сдаваемых в аренду ἐξ ἀξίας, и земли ἐν ἐπιστάσει), а не со всей площадью царской земли. Указания на пересмотр всех арендных договоров на царской земле отсутствуют⁹⁴.

2. Стороны, заключавшие арендные договоры на участки царской земли (т. е. государство и «царский земледелец»), конечно, были неравноправны. «Свобода» договора носила совершенно условный характер. Но утверждение, что правительство могло в любой момент по своему желанию изменить условия аренды и изменяло их, могло произвольно повысить арендную плату, не вполне соответствует действительности, и подобный произвол едва ли отвечал бы интересам государства, не содействуя, а нанося ущерб поступлению доходов. В известных постановлениях 118 г. до н. э. говорится, что договоры об аренде земли под зерновыми культурами (σιτικῇ μισθώσει) должны оставаться в силе. Мы указывали, что этим параграфом государство гарантировало неизменность условий договора. Однако, конечно, следует учесть тот факт, что если оказалось нужным внести данный параграф в сборник постановлений, целью которых было успокоение страны, устранение наиболее вопиющих злоупотреблений и недостатков, от которых страдало население, то это означало, что во всяком случае до 118 г. подобная практика, т. е. одностороннее изменение условий арендного договора со стороны администрации, имела более или менее широкое распространение. Тем не менее в таком обильном фактами источнике, как папирусы из Тебтуниса, изменение договора упоминается лишь по отношению к землям, арендованным ἐξ ἀξίας. Постановления 118 г. имеют в виду не обычную и, так сказать, признанную практику, как выражение политики центрального правительства, а скорее нарушение этой практики произвольными действиями местной администрации.

3. Труд «царских земледельцев» был строго регулирован, и в этом отношении положение Ростовцева вполне подтверждается источниками. Нельзя, однако, при этом упускать из виду и другую

⁹³ M. Rostowzew. Studien..., 1910, S. 50, 61.

⁹⁴ К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 329.

сторону в положении «царских земледельцев»: они находились в известном отношении в более благоприятных условиях, чем некоторые другие обитатели эллинистического Египта. Правительство было заинтересовано в том, чтобы они не подвергались притеснениям, так как это нанесло бы ущерб царской казне, и потому оно стремилось как-то оградить их от произвольных поборов, от постоев, от принудительных работ в частных интересах чиновников, от произвола контролеров урожая (γενηματοφλάκας)⁹⁵.

4. Принудительная аренда применялась в тех случаях, когда среди земель комы имелись покинутые участки. Правительство стремилось получить с земли данной комы доходы в прежнем размере, и потому «царские земледельцы» комы отвечали за поступление этих доходов и должны были нести обязанность по обработке пустующих земель в порядке коллективной аренды (διὰ τῶν κατὰ μέρος γεωργῶν). В подобных случаях не существовало договорных отношений — был приказ администрации, но все же условия, на которых сдавалась в обработку земля, обязательства, возлагавшиеся на «царских земледельцев», фиксировались в особых документах (υφρητισμοί). Земледельцам обещали при этом выдать семена, не взыскивать с них экфорий в повышенном размере. Все эти условия устанавливались в одностороннем порядке администрацией, а главное, часто, по-видимому, не выполнялись.

Несомненно, что во многих случаях и по распоряжению центральной власти, и в результате произвола местных властей при сдаче земли для обработки «царским земледельцам» применялось принуждение. Наиболее яркое свидетельство такой практики — письма Герода. Дважды в них упоминаются два термина, которые как бы охватывают основное содержание деятельности птолемеевской администрации: περισπᾶσαι или ἐλκεσθαί εἰς τὴν γεωργίαν (стк. 203) и σκεπάζειν, т. е. принуждать к обработке земли и спасать путем покровительства сильных людей от этого принуждения (UPZ, 110, 14—15; 150—151). Данные термины, встречающиеся в памятнике времени упадка царства Лагидов, однако, вовсе не только порождение тяжелых условий, в которых находилась страна до II в. до н. э.: их содержание связано с самим существом экономической политики или, вернее сказать, всей экономической системы эллинистического Египта. Эксплуатация богатств страны, присвоение прибавочного труда ее населения господствующим классом, использовавшим для этого государственный аппарат, могли совершаться лишь путем внеэкономического принуждения. Но те, кого привлекали к отбыванию тех или иных повинностей, и прежде всего к обработке земли, стремились избавиться от гнета. Тот, кто имел возможность, прибегал к покровительству (ἐκέπη), другие же бросали работу и уходили под защиту храма или на чужбину (ἐπὶ ξένην).

⁹⁵ К. К. Зельин. Исследования..., стр. 400—401.

В общем же не было применения единого принципа верховной собственности царя, но существовали различного рода отношения зависимости, вызванные стремлением возможно полнее в интересах царской казны (*βασιλικόν*) организовать эксплуатацию земли.

Особую форму зависимости, существо которой вызывало и вызывает разногласия исследователей, представляет собою зависимость гиеродулов в эллинистическом Египте. Затруднения, которые встречаются при рассмотрении вопроса о них, заключаются не только в том, что упоминания о гиеродулах в источниках часто не раскрывают достаточно ясно их положение и функции. Сравнительно-исторический материал многообразен и поучителен, ознакомление с ним указывает на ряд сходных черт в развитии зависимости от храмов в разных странах древнего мира, но перенесение непосредственно из Вавилона или Палестины характерных особенностей отношений храмового «рабства» и их генезиса на птолемеевский Египет едва ли представляется убедительным, как свидетельствует недавно появившаяся интересная работа Л. Делеката, в этом смысле идущая, несомненно, чересчур далеко.

Гиеродулы — люди, связанные с храмом. Связь выражается не только в том, что они арендуют участки храмовой земли или работают как ремесленники на храм. Соответствующие данные источников, освещающие эту сторону отношений, выделил и обстоятельно разобрал Делекат⁹⁶. Важно, однако, отметить и другое. Храмы давали не только возможность работать — подобную работу, вероятно, можно было получить и в другом месте. Отношение гиеродулов с храмом не было исключительно отношением, связанным с работой⁹⁷, хотя, безусловно, храм всегда так или иначе использовал результаты труда гиеродула. Побудительным мотивом для заведений о посвящении себя божеству была надежда на могущественную защиту храма в случае нужды.

Гиеродулы гераклеопольского святилища великой Фоэрис писали в своем заявлении, адресованном некоему Соннофрису: «Мы всегда исправно вносим платежи в храм благодаря вашему покровительству (*σκέ[π]ην*), и теперь и в предшествующее время мы пользовались вашим покровительством» (P. Hib., I, 35, 5 sq.). Делекат, разбирая папирус, высказывается против толкования этих слов издателями: Гренфелл и Хант отмечали как нечто новое то, что гиеродулы были связаны со сбором храмовых доходов. Делекат прав, так как в папирусе речь идет не о сборе этих доходов, но об уплате *φροσι* самими гиеродулами. При этом он добавляет, что можно только спросить, в чем состояла защита⁹⁸ Соннофриса, к которому обращались просители.

⁹⁶ L. Delekat. Katoche, Hierodulie und Adoptionsfreilassung. München. 1964. — «Münchener Beitr. Papyrusforsch. und antiken Rechtsgeschichte», N. 47, S. 86—106.

⁹⁷ Ibid., S. 86: sakral-arbeiterchtliches Verhältnis.

⁹⁸ L. Delekat. Op. cit., S. 99.

Мы останавливались ⁹⁹ на значении термина *σχέπη* преимущественно в изменившейся тревожной обстановке в Египте II—I в. до н. э., но отмечали, что самый термин употреблялся уже в III вв. до н. э., когда его значение было уже: греческое слово *σχέπη* (и соответствующее ему выражение в демотических текстах (phṯ) связано с покровительством, которое давал храм, с храмовыми привилегиями. Поэтому понятно упоминание о «вашем покровительстве» в заявлении гиеродулов Фоэрис.

В общем гиеродулов характеризуют следующие черты. Их отношение с храмом основывается на соглашении, вернее, на добровольном подчинении данному божеству. Они признают себя его *bk* или *bk.t* и берут на себя обязательство служить храму: они обрабатывают землю, занимаются каким-либо ремеслом или обслуживают храм. Гиеродулы отдают храму часть своего заработка или непосредственно работают на него. Статус их наследственный. Они пользуются защитой (покровительством) храма, причем понятие покровительства (*σχέπη*) не тождественно понятию *ἀσυλία*, хотя и тесно с ним связано.

Гиеродулы — люди разных профессий, различного социального состава с неодинаковой степенью зависимости. Делекат называет ¹⁰⁰ их статус *Zwitterstatus*, т. е. двойственным: и раб, и свободный. В этом отношении интересно сравнить их положение со статусом парамонариев в Греции. Статус парамонариев коренным образом менялся по сравнению с их прежним рабским положением, и тем не менее вольноотпущенник (а не только парамонарий) в глазах некоторых греков не являлся вполне свободным человеком. Тем скорее можно думать, что в эллинистическом Египте зависимость, хотя бы и проистекшая от «добровольного» подчинения, изменяла в какой-то мере статус человека, попадавшего в эту зависимость. *Bk* не был рабом в греческом смысле этого слова, он резко отличался от рабов (*δοῦλοι*, *ἀνδράποδα*, *οἰκέται*), о которых говорится в памятниках птолемеевского законодательства. Он сохранял свое имущество (если оно у него было) и распоряжался им, обладал правоспособностью, не был чьей-либо собственностью, его не могли продать или заложить, он мог брать в аренду землю — храмовую, царскую или частновладельческую без контроля со стороны храма и т. д. Все эти черты роднят положение *bk* с положением вавилонского *širkûtu* ¹⁰¹. Но все же он находился в чужой власти (*χωρεία*), и в этом смысле его положение отличалось не только от положения эллина-воина или гражданина одного из греческих полисов, но и от положения «царского земледельца» или даже поденщика (*ἐργάτης*), который, выполнив ту или иную работу

⁹⁹ К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 373 сл.

¹⁰⁰ L. D e l e k a t. Op. cit., S. 107.

¹⁰¹ H. T h o m p s o n. Two demotic self-dedications. — JEA, 1941, 26, p. 68, sqq.

и получив за нее плату (μισθός), больше уже не зависел от своего нанимателя.

В одном из опубликованных и прокомментированных Томпсоном демотических папирусов Британского музея из Тебтюниса женщина по имени Танебтюнис посвящает себя Сокнебтюнису, богу-крокодилу. Она называет себя его служительницей (bk. t), заверяет, что всегда будет пребывать в пределах округа его храма, просит своего «господина» Сокнебтюниса защищать ее, сохранить ее здоровой, охранить ее от всяких духов, мужских и женских, от пьяного, от мертвеца, от безумного и т. д. Она обещает аккуратно платить ему каждый месяц определенную сумму денег начиная с указанного ею года в течение 99 лет (1204,5 месяца). Томпсон писал, что термин bk. t (или соответственно bk) имеет очень широкое значение и использовался для обозначения различных форм зависимости (of servitude)¹⁰². Поэтому, переводя его, Томпсон предпочитал употреблять слово servant, а не slave, как не столь обязывающее.

В Греции существовала резкая грань между статусом свободного и раба. Но даже там обнаруживались различия в положении свободных — в зависимости от того, находились они в чьей-либо власти (χρηστία) или нет. В эллинистическом государстве сохранялась указанная грань между свободным и рабом, но самое рабство получило иное значение во всей общественной системе. Одновременно с ним наблюдаются многочисленные формы зависимости, в которых сочетались признаки свободного состояния и рабства, иногда очень существенные. Так, и в рассматриваемом заявлении bk. t мы встречаем наряду с другими ограничениями свободы один из важных признаков рабского состояния: зависимость носит явно выраженный характер постоянного и наследственного отношения: на срок в 99 лет Танебтюнис посвящает себя как bk. t вместе со своими детьми и детьми ее детей (стк. 9). Вместе с тем bk. t. сохраняет правоспособность и вовсе не становится в результате своего посвящения собственностью бога, хотя и признает его своим господином. Конечно, утверждения о промежуточном статусе гиеродулов, о том, что перед нами Zwitterverhältnis, недостаточно, хотя в данном случае оно более правильно, чем по отношению к парамонариям в Греции. Следует и гиеродулию рассматривать на фоне общей системы, элементом которой она являлась, и попытаться понять ее в связи с характером социальных отношений того времени.

В Египте в доптолемеевский период существовала самопродажа в рабство, причем термином, служившим для обозначения раба в этих случаях, был bk и (bk. t). Но в документах эллинистического времени, в которых мы встречаем данный термин, речь идет не о самопродаже, а о самопосвящении: человек отдает себя не в рабство частному лицу, но во власть божества, признает его своим господином (hry). Поэтому для понимания существа этого отношения и не-

¹⁰² Ibid., p. 71.

обходимо затронуть вопрос о месте храмов в птолемеевском государстве и их правомочиях.

Подобно царской земле, существовала земля храмовая (ἱερὰ ἐσρά), и люди, бравшие участки этой земли в аренду, вносили ἐκφύσιον храму. Есть сведения о том, что на храмовой земле применялась и принудительная аренда (Р. Теб., I, 6, col. II, 31). Таким образом, казалось бы, можно говорить о сакральном характере интересующей нас формы зависимости. Но такое определение недостаточно, если не выяснить, как храмы относились к государству. При Птолемеях храмы и жречество утратили самостоятельное значение, которое они имели в некоторые предшествовавшие периоды. Обожествленные Птолеми, которым сам Гор вручил власть над страной, установили строгий контроль над владениями и доходами храмов, а следовательно, и над трудом зависимых от храмов людей. В частности, зависимость βκ была не зависимостью раба от рабовладельца, которую можно наблюдать в Греции и даже в самом Египте, но зависимостью от храма, который в свою очередь весьма сильно зависел от государства, так что провести четкую грань между владениями и действиями храмовой и царской администрации часто бывает трудно.

Другой существенный момент — социальный характер людей, посвящавших себя богу. Перечень, который дает поздний источник — Фирмик Матерн, — очень показателен: в нем гиеродулы фигурируют наравне с нищими, голыми, безумными, бедняками, оборванцами и другими, «удрученными бедствием жалкой нужды». Отто был прав, говоря, что в гиеродулах надо видеть не рабов, а лиц, которые по своему социальному положению к ним близко подходят¹⁰³.

Поучительно сопоставить положение гиеродулов с положением автора того единственного в своем роде документа, который обычно считают документом о самопродаже (PSI, 549), составленного в такой форме, чтобы обойти закон, запрещавший самопродажу. Нельзя не обратить внимание на то, что стиль и содержание этого папируса чрезвычайно напоминают, с одной стороны, греческие манумиссии с обязательством парамонэ, с другой — рассмотренное нами заявление о посвящении себя божеству. Особенно характерно то, что должник (женщина) обязуется работать на кредитора (тоже женщину) также в течение 99 лет.

Мы не можем входить в рассмотрение сложного вопроса о χάτοχοι и их отличии от гиеродулов, так как он требует специального изучения. Существенно отметить только, что и новейшее определение, χάτοχοι, предложенное Делекатом, основывается на мысли о тесной связи их с гиеродулами. Делекат считает, что χάτοχοι были гиеродулами, получившими освобождение от рабства и поэтому допускаемыми к непосредственному обслуживанию храма¹⁰⁴, тогда

¹⁰³ W. Otto. Beiträge zur Hierodulie im hellenistischen Ägypten. München, 1950, S. 28.

¹⁰⁴ L. Delekat. Op. cit., S. 90 f., 107 ff.

как гиеродулы, по его мнению, как рабы бога, не допускались к службе внутри храма и занимались обработкой земли и ремеслом. Делекат решительно высказывается как против известной теории Вилькена (*κατοχή* — Gotteshaft), так и против взгляда Венгера (в советской литературе — О. О. Крюгера¹⁰⁵, на которого Делекат не ссылается): *κάτοχοι*, по мнению Делеката, — люди, давшие обет не выходить за границы храмового округа, причем их побудительные мотивы подобны мотивам раннехристианских анахоретов — раскаяние, отказ от мира, созерцательная жизнь. Почему-то при этом перечислении он пропускает мотив, на который указывает Крюгер и который действительно очень ясно выступает в папирусах UPZ, — обет, данный в момент опасности. По мнению Делеката, *κάτοχοι* — беглецы в убежище, каким для них был храм, совершавшие акт посвящения себя божеству (в противоположность гиеродулам, ограничивавшимся письменным заявлением). *Κάτοχοι* выполняли (хотя и не тотчас после совершения этого акта) те или иные обязанности в самом храме.

Однако строгому разграничению *κάτοχοι* и гиеродулов противоречат некоторые данные в главном источнике для изучения *κατοχή* — в папирусах UPZ. Один из *κάτοχοι* Гармаис в своем заявлении (UPZ, 6^a, демотический папирус), которому и Делекат справедливо придает большое значение для понимания *κατοχή*, употребляет, по-видимому, формулу, встречающуюся в демотических документах, где говорится о гиеродулах: *dj-j im-j* г..., и далее, возможно, стояло *bk*, т. е. «я отдал себя (служителем бога Сераписа)»¹⁰⁶. Объяснение Делеката представляется надуманным, а именно, будто Гармаис рассматривал свое самопосвящение (которое, согласно Делекату, характерно лишь для гиеродулов) как продолжающуюся предпосылку своей *κατοχή* (*als eine fortdauernde Voraussetzung seiner Katoche*)¹⁰⁷, т. е. что он продолжал чувствовать себя гиеродулом, хотя уже не был им.

Столь же искусственно толкование Делекатом того текста, в котором *κάτοχος* Птолемей, сын Главкии, называет гиеродулами *διδόμαι* (а их Делекат признает также *κάτοχοι*). Объясняется это, как он думает, не совсем точным и необычным словоупотреблением Птолемея. Однако Птолемей хорошо был знаком с отношениями того времени и едва ли смешал бы *κάτοχοι* и гиеродулов, если бы они столь строго различались.

В общем теория *κατοχή* у Делеката внушает сомнения. Нам ничего не известно о якобы совершившейся перемене статуса путем отпуска их на свободу с усыновлением отпускаемого. Наиболее существенным возражением против понимания Делекатом *κατοχή* служит то,

¹⁰⁵ О. О. Крюгер. Затворники в птолемеевском Египте. — Сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 248—254

¹⁰⁶ L. Delekat. Op. cit., S. 23.

¹⁰⁷ Ibid., S. 107.

что сближение *κατοχή* и *παράνομή*, в котором он следует Вестерману, не выдерживает критики (см. ВДИ, 1965, № 3 стр. 33). О парамонэ в Египте в связи с отпусканием раба на свободу почти нет данных. Недостатком построения Делеката является также отрыв от обстановки, столь специфической для истории Египта II в. до н. э. Не считая убедительным решение проблемы *κατοχή* в упомянутой выше статье О. О. Крюгера, мы все же должны признать, что в этом отношении он стоит в большей мере на исторической почве, чем Делекат.

Побудительные мотивы поступавших в гиеродулы могли быть различны: видимо, это делали преимущественно люди, находившиеся в тяжелом материальном положении или же исходившие из хозяйственного расчета, но, вероятно, также и люди, оказавшиеся в затруднительных или опасных обстоятельствах и дававшие при этом обет служения богу. Однако у всех них: и у тех, кто работал на полях или занимался ремеслом, и у тех, кто участвовал в отпирании культа, было много общего. Все признавали власть божества над собой и тем самым ограничивали свою свободу, причем делали это по собственной воле, а не по принуждению: возникавшее отношение зависимости основывалось на «свободном» волеизъявлении гиеродула. Уже этот момент резко отличает их от рабов. Гиеродулы не тождественны также беглецам, искавшим убежища в храме. Некоторые гиеродулы брали на себя обязательство не выходить за пределы храмового округа. Все гиеродулы выполняли работу или отдавали часть своего заработка в пользу храма. Существенным признаком была наследственность гиеродулии: дети детей гиеродула также признавались зависимыми людьми бога. Гиеродулы сохраняли, как сказано, правоспособность.

Все это заставляет рассматривать гиеродулию не как рабство, но как особую форму зависимости, признаки которой отчасти являются признаками «рабской службы», как у парамонариев в Греции, отчасти признаками, характеризующими положение свободного человека. Такая форма зависимости возникла и развивалась там, где огромным влиянием среди населения пользовались храмовые организации — в Междуречье, Сирии, Малой Азии, Египте. Но в Египте эти организации в III—I вв. до н. э. находились уже всецело под контролем государства. Гиеродулия — форма зависимости, при которой человек, работая на храм, через посредство последнего находился в сущности в зависимости от царской администрации.

Б

Мы рассмотрели лишь некоторые формы зависимости, существовавшие в эллинистическом Египте. «Царские земледельцы», *ὀποτηαῖς* рабы, гиеродулы, военнопленные, узники, моряки (*πληρώματα*), *μάχιμοι* — таковы разнообразные социальные элементы, положение которых мы старались выяснить. Но, разумеется, такого изолиро-

ванного изучения отдельных отношений недостаточно (см. выше, стр. 17). Каждое из них можно понять лишь в связи со всей структурой общества, в которую оно входит как один из ее элементов. Для решения этой задачи и необходимо теперь представить основные черты структуры эллинистического Египта, сопоставив все рассмотренные отношения, выявив то общее, что в них имеется и что, очевидно, обуславливается факторами, выходящими за пределы отдельных отношений.

Решить поставленную задачу нелегко. В зарубежной литературе неоднократно давалась характеристика птолемеевского Египта, но до недавнего времени обычно главное внимание обращалось на политическое устройство или на вопросы государственного права без определенных выводов о соотношении социальных сил. Кроме того, в частности у историков права, нередко не проводилось строгого разграничения между эллинистическим и римским периодами при выявлении личного статуса тех или иных групп населения.

Мы не предполагаем делать обзор отдельных характеристик подобного рода, но не можем не отметить, с одной стороны, некоторые наиболее часто встречающиеся в них общие положения, а с другой стороны — различные и даже противоречивые точки зрения. К первым принадлежит, например, утверждение, что птолемеевский Египет — военная монархия, в которой царь — верховный собственник земли, неограниченный владыка над своими подданными. К этой монархии наиболее подходит, по мнению Вилькена, характеристика абсолютизма, данная Судой: «Государство — это собственность царской власти» (*τὰ δημόσια τῆς βασιλείας κτήματα*)¹⁰⁸. Понятию *χώρα* противопологалось понятие *πόλεις* (в Египте их было в то время три). Полисы, изъятые из общей системы управления, пользовались известной автономией. Для всего населения хоры имел силу принцип *ἰδία*, т. е. пребывания на месте работы, особенно же для «царских земледельцев» и *ἐποτελεῖς*. Царь распоряжался территорией и вообще государством на основании принципов гражданского права¹⁰⁹.

Будучи в общем согласны относительно неограниченной власти Птолемеев и их отношения к государству как к своему имению, исследователи резко расходятся, однако, когда оценивают значение греко-македонского или восточного наследия для всего общественно-политического строя Египта. Одни категорически утверждают, что царство Птолемеев было государством греческим, в котором говорили по-гречески и которое управлялось по-гречески¹¹⁰. Другие, характеризуя политическое устройство Египта, подчеркивают значение негреческого фактора «как основного и образующего» и на-

¹⁰⁸ U. Wilcken. Grundzüge, S. 3.

¹⁰⁹ W. Schubart. Verfassung u. Verwaltung des Ptolemäerreichs. Leipzig, 1937, S. 19 ff.

¹¹⁰ Ibid., S. 6; cp. i d e m. Einführung in die Papyruskunde. Berlin, 1918, S. 243 ff.

стаивают на том, что «эллинистическое государство» не было «эллинистическим государством»¹¹¹. Эти исследователи признают, что перед нами снова порядки древней страны фараонов, но лишь в новом греческом наряде¹¹², что Птолемеи являлись наследниками фараонов.

Мы не можем присоединиться ни к тому, ни к другому мнению. Во-первых, потому, что, как уже говорилось, источники, свидетельствуя об огромном значении восточной традиции, о преемственности в области политики и экономики птолемеевского и фараоновского Египта, в то же время никак не позволяют свести то новое, что наблюдается в Египте времени Лагидов, лишь к «наряду», к проникновению греческих понятий и т. п. Значительная доля «греческого» связана не только с понятиями, отразившимися в области государственного или частного права, но с явлениями иного значения и масштаба: с развитием товарного производства и с переменами в общественных отношениях. Во-вторых, названные исследователи все же больше имеют в виду политическое устройство Египта, не видя в должной мере в нем и в политике Птолемеев выражения основных особенностей экономики страны с широким применением внеэкономического принуждения, характерного уже для фараоновской эпохи, и, с другой стороны, с еще не виданным в Египте развитием элементов денежного оборота и производства товаров. В дальнейшем мы и пытаемся рассмотреть общественно-экономическую структуру Египта эллинистического времени, а не характеризовать лишь его политический строй. Для этого присмотримся к роли государства в экономике, к социальным отношениям, в частности к составу господствующего класса, к отличительным чертам форм зависимости, к практике экономической и административной деятельности.

Если вообще социальная структура докапиталистических государств отличалась сложностью по сравнению с буржуазными государствами нового времени, то крупные эллинистические государства в этом смысле особенно выделялись. Все их население представляло совокупность многочисленных юридических категорий, часто, впрочем, далеко не столь отчетливых, как, например, в Римской империи, и притом с течением времени менявших свое значение. Но во всем многообразии общественных положений можно подметить одну общую черту: существенным отличием отдельных групп населения была позиция, которую по отношению к той или иной из них занимало государство — насколько и в каких формах оно применяло к ней принудительную силу, принадлежавшую ему, какую роль играла эта группа в его экономической политике (в сфере налогового обложения, в обработке царской земли, в функционировании государственных ремесленных предприятий, системе принудительных работ и т. д.).

¹¹¹ H. M a s p e r o. Les finances de l'Egypte sous les Lagides. Paris, 1905, p. 9; V. E h r e n b e r g. Der Staat der Griechen, T. II. Leipzig, 1958, S. 1.

¹¹² F. O e r t e l. Op. cit., S. 9; M. R o s t o v t z e f f. SEHW, I, p. 268—269.

Греко-македонские завоевания в последнюю треть IV в. до н. э., подготовленные всем ходом развития Эллады и прилежащих к ней областей, не только имели следствием крушение Персидской монархии, не только открыли новую страницу в экономической истории древнего мира, но и привели к образованию новых государств со смешанным греко-македонским и местным населением и со своеобразной социальной структурой. По своему политическому строю эти государства представляли собой резкую противоположность греческим полисам — небольшим гражданским общинам с различным государственным устройством, но сходным по основным принципам их социально-экономической и политической систем: принципам экономической независимости (*αὐτόρχεια*), самоуправления (*αὐτονομία*) и политической самостоятельности (*ἐλευθερία*). Новые политические образования, с их большой территорией, во много раз превосходившей хору полисов, с сильной централизацией управления, во главе с царем, в руках которого сосредоточивалась огромная власть, со сложным аппаратом управления и отчетности, скорее напоминали восточные царства. В частности, в Египте влияние традиции древнего царства фараонов было очень сильно.

Но эллинистические государства отнюдь не стали копией древневосточных монархий. Они возникли в иной исторической обстановке и в связи со своим генезисом по социальной структуре представляли и не могли не представлять *смешанное* образование как в целом, так и в тех отношениях, которые являлись элементами этого целого.

Новая историческая обстановка характеризуется в области экономики значительным оживлением товарного обмена, в который включаются в гораздо большей мере, чем ранее, области Восточного Средиземноморья (позднее и Западного), а также страны Востока. Денежное обращение быстро развивается. Статеры Александра Македонского находят самое широкое распространение. А главное, стремление к наживе путем захвата новых богатств и перепродажи их с огромной для себя выгодой получает новый стимул в благоприятной для победителей конъюнктуре. Происходит передвижение населения с запада на восток, перемешивание пришельцев с исконными обитателями завоеванных земель.

Однако нельзя ограничиться лишь констатированием этих и сопутствующих им явлений в экономическом развитии эллинистического общества, как-то: ростом больших и часто вновь основанных городов, которые становятся главными центрами обмена, развитием кредитных операций, расширением обрабатываемой земли, успехами в области ее ирригации, в использовании культурных растений и животных и т. д. Нельзя понять специфику греко-египетского общества, если не учитывать воздействия или, правильнее сказать, неразрывной связи политики новых государств с их экономикой. И для эллинистических стран остается верным то положение, что политика в докапиталистическую эпоху есть выражение экономики.

Специфической чертой экономики птолемеевского Египта была огромная роль в ней государства: производство организовывалось в значительной мере государством, контролировалось им. Правительство действовало так, как если бы оно было собственником крупного хозяйственного предприятия в масштабе всего государства, что сказывалось прежде всего в двух отношениях: 1) в применении государственной власти, оказавшейся в руках Птолемеев, с экономическими целями, в принуждении к труду разными способами и в различной степени, в строгом контроле над частной инициативой и ограничении выгоды частных лиц в пользу государства; 2) в организации производства в целях использования продуктов труда населения в процессе обмена с другими странами. Этот обмен, в силу того, что он все же еще не мог привести к возникновению единого мирового рынка, к тому, чтобы все богатство приняло форму товаров, и в силу указанной выше определяющей роли государства в обмене вовсе не всегда являлся обменом товаров, но нередко принимал форму даров, государственных поставок и пр. ¹¹³

На первый взгляд, можно обнаружить сходную черту между эллинистическим Египтом и феодальными государствами: и здесь и там отсутствует резкая грань между государственной властью и частным владением. Не раз отмечалось, что Птолемеи рассматривали Египет как свое достояние, что у них и у населения отсутствовало сознание какого-то национального единства, что право суверенитета трудно было отличить от права частного собственника. Это можно проследить не только в отношении носителя верховной власти: и его подчиненные, например всемогущий диойкет Аполлоний, предстают в своей деятельности перед нами в каком-то двойственном виде. С одной стороны, Аполлоний — важнейшее должностное лицо, глава сложного государственного аппарата; с другой — крупный землевладелец, искусный организатор двух больших имений. Нельзя в отдельных случаях точно установить, собирает ли он государственные налоги в качестве диойкета или производит сборы с зависимых от него как владельца имения людей. То же наблюдается и по отношению к другим лицам, занимающим не столь исключительное положение, как диойкет ¹¹⁴.

Однако, не говоря о других существенных чертах феодализма, которые отсутствовали в Египте того времени, и отмеченная аналогия оказывается неправомерной. При феодализме суверен передает частично политические права представителям тех или иных общественных групп. Птолемеи никому этих прав не передавали, оставаясь полными обладателями неограниченной власти. Отсутствие точного различения политических функций и деятельности

¹¹³ М. К. Трофимова. Из истории эллинистической экономики. — ВДИ, 1961, N 2, стр. 59 сл.

¹¹⁴ Например, Филота, который, как указывает Эдгар, выполняет функции и частного агента Аполлония, и должностного лица (военного или чиновника) (PZ, N 32).

частных лиц связано было не с передачей политических прав этим лицам, а с тем, что сами Птолемеи двояко относились к государству: они являлись носителями верховной власти и в то же время рассматривали Египет как свое владение и действовали соответствующим образом. Поэтому и лица, представлявшие государство и реализовывавшие в своей деятельности права и приказы царя, естественно, не могли проводить резкую грань между своими действиями как высших сановников или чиновников и как частных лиц. Находясь в зависимости от царя или вышестоящих должностных лиц, они стремились из занятого ими положения в бюрократической иерархии извлечь возможно большую выгоду, следуя примеру своего господина. Сказанное станет яснее, если мы обратим внимание на состав господствующего класса в Египте.

Этот класс имел сложный состав, обусловленный его генезисом. В него входили три различных этнических элемента: греки, македоняне и египтяне.

Для социальной истории Греции периода после Пелопоннесской войны характерным явлением был распад традиционных крепких связей с полисом, которые удерживались ранее даже тогда, когда основывалась колония: она превращалась в самостоятельный полис, но сохраняла связь с метрополией. Все большее значение получают теперь личные связи и именно среди тех элементов населения, которые были позднее вовлечены в новый поток колонизационной экспансии в связи с походом Александра Македонского. Главным из этих элементов являлись наемники. Ушедшие часто далеко за пределы родного полиса, выброшенные нередко невольно на чужбину наемники должны были искать опоры в личных связях с командиром, который предложил им и оплачивал их опасное занятие, и со своими товарищами. Необыкновенно яркую картину этих социальных связей рисует Ксенофонт, идеализируя их в своем изображении Кира Старшего и его отношений с подчиненными ему командирами и простыми воинами¹¹⁵.

В наемные войска шли люди, принадлежавшие к различным слоям общества и по разным мотивам. Одни — от крайней нужды, чтобы найти хоть какие-нибудь средства к жизни, другие, принадлежавшие к имущим слоям общества, — в целях более легкой и крупной наживы. Но и те и другие оказывались в сходных условиях, должны были повиноваться тем же приказам, встречаться с одинаковыми опасностями. В наемном войске вырабатывается корпоративный дух, сознание общих интересов. Воин как бы отдает себя под покровительство командира, дает ему обещание верности и повиновения, а тот, в свою очередь, обещает ему покровительство¹¹⁶. Создались такие отношения, в которых нельзя усмотреть

¹¹⁵ К. К. З е л ь и н. Военная и политическая программа Ксенофонта в Киропедии. — «Гермес», 1917; Л. П. М а р и н о в и ч. Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э. — ВДИ, 1958, N 4, стр. 70, сл.

¹¹⁶ Ср., например, Х е р о д о т. Anab., VII, 3, 30—32.

прямое принуждение, которое определялось интересами той и другой стороны. В глазах Ксенофонта они являлись выражением добровольного подчинения, его политического идеала — сочетания умения властвовать и подчиняться (ἄρχεῖν καὶ ἄρχεσθαι). Подобные отношения он обозначает термином «дружба» (φιλία).

Но сходные отношения возникают и развиваются и в иной среде — в полуварварской стране, которая лишь сравнительно недавно вступила на путь консолидации власти, сопровождавшейся борьбой представителя центрального правительства с членами знатных родов, имевших крепкие корни среди местного населения, — в Македонии. Часть этих родов примкнула к царю и поддерживала его политику, многие члены их стали его друзьями (φίλοι). Другие, например Линкесты, по-видимому, были настроены враждебно, оказывали сопротивление усилиям центральной власти и погибали в этой борьбе или должны были идти в изгнание. Третьи, держась на заднем плане при жизни реформатора македонского государства, Филиппа, и даже вынужденные также временно покинуть родину во время ссоры царя с Александром, возвратились после смерти Филиппа, убитого заговорщиками в 336 г. до н. э. Наряду с прежними его сподвижниками и «друзьями» старшего поколения (например, Парменионом или Антипатром) они тесной толпой окружали молодого преемника сына Аминты, сопровождали его в поход, приветствовали его начинания. Именно из этой группы царских «друзей» (преимущественно из Верхней Македонии) и вышли выдающиеся деятели последующих десятилетий, периода борьбы диадохов: сами диадохи и часть их окружения¹¹⁷.

Поход на Восток увлек за собой не одни только военные элементы: за войском шел обоз, в котором находились люди различного положения и профессий, в завоеванные области тянулись дельцы, авантюристы, все, кто был недоволен жизнью в узких местных условиях и жаждал заработка, богатства и карьеры. В этот поток вливались греки из континентальной и островной Греции и из малоазийских полисов, оказавшихся еще раньше в полосе земли, где шла подготовка к походу, а после первых военных успехов Александра находившихся в ближайшем тылу македонской армии. И отсюда, из этой полосы, выходили многие предприимчивые деятели, воины, администраторы. Судьба их была различна и переменчива, но некоторые из них, наиболее удачливые, пробившись на передний план и если не стали «друзьями» того или иного из диадохов, то все же заняли видное место в высшем, близком ко двору обществе. Наряду с греками и македонянами на службе у Александра и даже в его окружении мы находим и уроженцев Востока: мелких династов,

¹¹⁷ К. К. З е л ь и н. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (Заговор Филоты). — «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». Сб. памяти акад. А. И. Тюменева. М. — Л., 1963, стр. 262 сл.

оставленных у власти завоевателем, персидских вельмож, военных людей и пр.

Когда Птолемей, сын Лага, в 322 г., захватив с собой тело Александра, прибыл в Египет, с тем чтобы утвердить там свою власть, то помимо войска, которое его сопровождало, и многочисленных «друзей» и сторонников, о которых было сказано выше, он нашел там пестрое общество, претендовавшее на первенствующую роль в государстве и сложившееся еще в предшествующие два десятилетия. Среди военных и деловых людей — греков, македонян, персов, египтян, сирийцев, евреев, людей разных специальностей и различного положения в обществе, важное место занимали верхние слои населения полисов, в особенности александрийские граждане и служители египетских култов.

Александрия, быстро ставшая крупнейшим городом эллинистического мира, главным центром обмена, занимала особое положение в политической системе Египта. Птолемеи должны были считаться с интересами и желаниями богатейших граждан столицы — владельцев пригородных вилл, предприимчивых коммерсантов. Столица (как и Навкратис и новый полис — Птолемида) обладала известной автономией, имела свои «городские законы». Ее население было чрезвычайно разнообразно не только по этническому составу и имущественному достатку, но и по своему правовому статусу. Наиболее привилегированное положение занимали александрийские граждане, вписанные в городские филы и демы. Далее шли просто александрийские граждане (*Ἀλεξανδρεῖς*), еще ниже стояли члены отдельных политевм (*πολιτεύματα*) и, наконец, «египтяне», составлявшие значительную часть населения города. Во всех трех полисах Египта привилегированные круги населения выбирали должностных лиц, которые сносились с представителями царской администрации, составляли посвятительные и почетные надписи в честь царя и высших сановников, участвовали в торжественных выступлениях и процессиях. Но все это наследие, казалось бы, свободного полиса — демы, филы, прием в гражданство, выбор магистратов и т. д. — в новой обстановке неограниченной монархии, под контролем назначенного царем эпистата получило иной характер и значение: полис стал необходимым элементом в новой сложной общественно-политической системе, организация его верхушечных слоев должна была служить наряду с армией и бюрократией опорой царской власти.

Положение египетского жречества также сильно изменилось по сравнению с теми временами, когда оно в большей или меньшей мере определяло политику фараонов. Птолемеи щедро одаряли храмы, строили новые, чтили древние культы и их священные центры (например, Эдфу), вводили новые. Но жрецы стали слугами государства. Их различные корпорации должны были выполнять литургии, т. е. нести повинности, предписываемые правительством, которое мелочно контролировало храмовое хозяйство и деятель-

ность храмовой администрации. Жречество (в особенности его высший слой) Птолемии хотели сделать своей опорой. И жречество пошло по указанному пути, как это хорошо видно из событий позднейшего времени. Когда начались народные восстания, то ненависть восставших была направлена не только против чиновников и «эллинов» (в том социальном значении этого термина, которое он впоследствии получил), но и против жрецов, жаждавших, как показывают документы позднееллинистического Египта, прибытия царских войск для расправы с мятежниками¹¹⁸.

Из приведенного краткого обзора состава господствующих слоев в эллинистическом Египте видно, что определение этого состава, которое сравнительно недавно было дано Хабихтом, представляется недостаточным и односторонним. Хабихт¹¹⁹ правильно обратил внимание на термин «друзья» (царя), о котором в другой связи уже шла речь выше, но он считал, что эти «друзья» представляли лишь совокупность индивидуумов, каждый из которых был связан с Птолемеями чисто личной связью. Ничего общего между ними и никакой закономерности при подборе «друзей» царем Хабихт не усматривает. С этим согласиться нельзя. Из приведенных данных явствует, что «друзья» могли иметь различное социальное происхождение, но генезис этого круга «друзей» связан с важными моментами социальной истории эпохи. Предводители наемных войск, представители македонской знати, чиновники различного рода, наиболее предприимчивые финансовые и торговые деятели — вот откуда выходили «друзья», организаторы крупных государственных предприятий и главы правительственных учреждений.

Первоначальная масса македонских воинов, греческих наемников и всего того разнообразного люда, который направился в завоеванные области, естественно, должна была претерпеть известную эволюцию, начавшуюся тогда, когда еще не закончился великий поход, и продолжавшуюся в последующие десятилетия. Вся эта масса начала оседать в той или иной стране, приспосабливаясь к новым условиям. Многие македоняне и бывшие наемники стали в Египте клерухами и занимались обработкой земли, другие делали членами политевм и находили занятия в городах, наиболее удачливые и зажиточные из греков оказывались теперь респектабельными александрийскими гражданами. Греки Балканского полуострова и городов Малой Азии составляли и кадры многочисленной бюрократии, посредством которой правительство организовывало и контролировало государственное и частное хозяйство, взимало налоги, вело отчетность, старалось обеспечить спокойствие внутри страны. В распоряжении царя была «до тонкости

¹¹⁸ К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 430 сл.

¹¹⁹ Chr. H a b i c h t. Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien.— «Vierteljahrschr. Soz.-und Wirtsch. Geschichte». Wiesbaden, Bd. 45, H. 1, 1958, S. 1—16.

расчлененная армия царских должностных лиц»¹²⁰. «Друзья» царя, стоявшие особенно близко к нему, получали «дарственные имения» (ῥῆ ἐν δωρεᾷ) и энергично брались за их устройство, а для этого нужны были многочисленные помощники, люди с большим опытом, навыками к управлению и организаторским талантом.

Нам лучше всего известны хозяйство на «дарственной» земле диойкета Аполлония и деятельность его управителя Зенона. Но Аполлоний и Зенон не были единственными представителями людей этого рода, а самая переписка Зенона показывает, какое множество связанных с ним людей — «друзей», помощников, агентов, подчиненных — действовало под его руководством. Но Зенон зависел от диойкета, а диойкет — от царя. Ῥῆ ἐν δωρεᾷ не была собственностью Аполлония, это была все та же царская земля, которая временно была отдана в пользование высшему сановнику, но которая в любой момент могла быть отобрана царем, передана другому сделана снова «царской». Таким же условным владением была и земля клерухов. И она была выделена им из фонда «царской» земли и отбиралась в случае смерти клеруха или провинностей с его стороны. Термин ἀναλαμβάνειν, указывающий на возвращенные клера в фонд «царской» земли, часто встречается в источниках. Известно, что такие отношения не оставались неизменными.

Могучее влияние традиции и дальнейшее развитие социальных отношений модифицировали их, участки клерухов переходили к их сыновьям, о «дарственной» земле во II—I вв. до н. э. уже нет сведений. В числе приближенных царя позднее все чаще встречаются лица с египетскими именами. Но продолжает существовать и консолидироваться важная составная часть господствующего класса, непосредственно связанная с государственным аппаратом, — бюрократия.

Имеем ли мы право называть перечисленные группы населения, различные по своему генезису и характеру занятий, «господствующим классом»? Обычная формулировка, сущность которой сводится к противопоставлению «эллинов» как господствующего класса египтянам (λαοί), слишком обща и не вполне соответствует действительности. Этническое различие может в большей или меньшей мере совпадать с классовым, но само по себе не является таковым. Да и содержание термина «эллин» скоро изменилось. Нам кажется, что ответ на поставленный выше вопрос должен быть дан утвердительный. Класс — это группа населения, занимающая определенное место в производстве. Подходит ли такое определение для групп, занятия членов которых были различны, — для военных людей и чиновников, владельцев «дарственной» земли и финансистов и т. д., иначе говоря, можно ли найти в области производства нечто общее, что объединяет их?

¹²⁰ U. Wilcken. Grundzüge, S. 58, Anm. 2, со ссылкой на P. Leid., G, 5.

В эллинистическом Египте основные средства производства — земля, богатства недр, ирригационная система, собственность на важнейшие предметы потребления, в значительной мере торговля продуктами труда населения — принадлежали государству. Применяя те или иные средства принуждения или вступая в соглашение с отдельными лицами или коллективами, оно определяло условия труда и распоряжалось его продуктами. Поэтому отношение к государству в основном определяло положение человека в производстве. Это обстоятельство и заставляет, как нам кажется, рассматривать как нечто единое перечисленные выше различные общественные элементы: все они были связаны в большей или меньшей мере, так или иначе с государственным хозяйством, все они использовали в своих интересах государственный аппарат, жили за счет труда населения, занятого в сельском хозяйстве или ремесле. Их интересы были теснейшим образом связаны с интересами правительства, опиравшегося в своей политике на них.

В этом высшем и отчасти среднем обществе вырабатываются своеобразные приемы поведения и понятия. Различие места, которое они занимают по отношению к государственному аппарату, не мешает известному сходству в их сознании и деятельности. Впечатляющую картину психологии и практики этих людей рисуют переписка Зенона, папирусы Петри и другие источники.

Деятельность их отличается необыкновенным разнообразием и кипучей энергией; тут и торговля различными товарами как дозволенными, так и недозволенными, и устройство имений, и участие в аукционах и откупках, путешествия по морю и по суше с торговыми и захватническими целями или по выполнению поручений правительства, административная деятельность и т. д. Они продают, покупают, занимают деньги или пытаются взыскивать их, выполняют приказы вышестоящих или, наоборот, обходят и нарушают их, а главное, пользуясь своим положением, устраивают свои дела. Их деятельность определяется стремлением как можно лучше их устроить, получить возможно больше денег, занять возможно более высокую и выгодную должность.

В обществе, в экономике которого определяющую роль играет государство с его приказами, принудительными мерами и ограничениями, с его всепроникающим мелочным контролем, тем не менее ярко проявляется частная инициатива, направляемая и обусловленная новой исторической обстановкой — развитием торговых отношений в далеко раздвинувшихся территориальных рамках, легкостью присвоения богатств, созданных населением, подпавшим под власть новых правителей или живущим по соседству, возможностью предпринимать полуразбойничьи экспедиции и т. д. Но на всю эту деятельность накладывают отпечаток новые политические порядки: неограниченная власть земного бога — царя, зависимость низших от высших в складывающейся на иерархических принципах бюрократической системе.

Отмеченные особенности общественных верхов проявляются и в крупном, и в мелочах. Характерен в этом отношении, например, термин, постоянно встречающийся в источниках: ὁ (или οἱ) παρ' αὐτοῦ ¹²¹. В период существования независимых полисов, ожесточенной борьбы политических группировок было в ходу другое выражение οἱ παρὶ αὐτοῦ, обозначающее вождя и его сторонников, то, что иногда переводили, правда, неточно словом «партия». Этот термин οἱ παρὶ αὐτοῦ остается и теперь, наряду с ранее названным, но значение его изменяется: оно становится тождественным значению второго выражения. Оба термина обозначают теперь просто подчиненного данного лица, которое дает ему поручение, посылает с каким-нибудь делом или является его покровителем, патроном, помогающим добиться доходного местечка, оказывающим протекцию. Этой протекции добиваются и сами ищущие ее, и те, к кому они обращаются как к посреднику, который может выхлопотать желаемое у лица, еще более высоко стоящего. Принцип личных связей, «взирая на лица», и практика всяческого использования служебного положения проникает все общественные отношения эллинистического Египта.

Разъезды царя и чиновников по стране постоянно сопровождаются поборами, «дарами гостеприимства» (ξένια), чувствительно отзывающимися на населении различных категорий ¹²². Представители местной администрации часто используют свое положение, облагая дополнительными сборами какой-либо разряд подчиненного им населения или назначая людей не в срок на работу, арестовывая того или иного, или наоборот, отпуская без достаточного основания из тюрьмы, или освобождая от обязательной работы. Раз попавшему в тюрьму человеку не так-то легко из нее выбраться, как об этом свидетельствуют нередкие жалобы. В одной из них арестованный умоляет выпустить его, иначе он погибнет от голода (Р. Р., III, 36). Из другого папируса (Р. Hib., 34) мы узнаем, что человека, который увел чужого осла и не желал или не имел возможности уплатить компенсацию в размере двадцати драхм, один представитель местной администрации посадил в тюрьму, а другой (архифилакит) освободил безо всякого на то основания.

Переписка Зенона свидетельствует, какие широкие общественные связи были у него, с какими разнообразными просьбами, жалобами и заявлениями к нему обращались: и с мольбой заступиться, оказать покровительство, и с запросами, как поступить в затруднительном случае, и с просьбами о мелких услугах, вроде того, например, чтобы он прислал меру аттического меду, потребного для

¹²¹ На это обратил внимание уже М. И. Ростовцев (см. М. R o s t o v t z e f f. A Large Estate in Egypt in the third cent. B. C. A Study in economic History. Madison, 1922, p. 24).

¹²² Ср., например, жалобу смотрителей за царскими гусями, которых эконоом заставляет представить εἰς τὰ ξένια 12 гусей, что кажется им совершенно невозможным [Р. Р., II, 10 (1)].

лечения глаз (PZ, 89). Вся сеть деловых отношений не ограничивалась Египтом: она тянулась в соседние области, в Сирию и Палестину, Малую Азию, греческие полисы и несомненно сказывалась известным образом и на международных отношениях.

Учитывая этот общий характер общественно-политической структуры Египта, состав и деятельность тех общественных слоев, которые эксплуатировали многочисленное население долины Нила, мы должны снова вернуться к рассмотрению форм зависимости, которые были выше охарактеризованы в отдельности, и попытаться представить то сложное целое, которое они в совокупности образовывали.

Мы указывали выше не раз на неправильность отождествления с рабами людей, юридически свободных, но находящихся в зависимости (часто тяжелой), работающих по принуждению и лишенных средств производства. Подобное отождествление нельзя признать правильным методом, так же как если бы мы стали толковать выражение «наемное рабство» при капиталистическом строе в буквальном смысле и на этом основании признали бы, что капитализм — это особый вид рабовладельческого способа производства.

Но приведенные соображения отнюдь не означают, что можно удовлетворяться анализом только правового статуса зависимых людей, не учитывая их фактического положения. Задача и заключается в том, чтобы выяснить то и другое с целью составить представление о существе форм зависимости в данном обществе и их связи со всей системой отношений. Для этого необходимо сопоставить признаки изучаемых форм зависимости, характеризующие как правовое, так и фактическое положение отдельных разрядов населения.

У рабов в том смысле, как это понятие было определено (см. стр. 29), значительная часть признаков совпадала с признаками рабства классической эпохи. Они являлись чьей-либо собственностью: частных лиц, государства, храмов¹²³. Их можно продавать и покупать внутри страны, завещать, клеймить, наказывать, давать им те или иные поручения. При назначении наказания по приговору суда они резко отличаются от свободных. Но в отличие от рабов в полисах доэллинистического времени рабы в Египте обладают (хотя и ограниченной) правоспособностью. Фактическое положение их нам в сущности почти не известно. Из разрозненных данных, дошедших до нас, следует только заключить, что оно было неодинаково: одни из них являлись помощниками своего господина, исполнявшими его поручения, заключавшими иногда немаловажные имущественные сделки. Вероятно, их имущественное положение было неплохим. Другие находились, по-видимому, в тя-

¹²³ Напомним, что речь идет о рабах в собственном смысле слова, а не о гие-родулах.

желом положении, поскольку на это указывают сведения о побегах. Ничто не свидетельствует о том, что рабы играли существенную роль в сельском хозяйстве или ремесле. Рабство — должничество и самопродажа, как можно думать на основании редких данных, существовали, но не имели особенного значения в генезисе рабства; основным было в этом отношении другое: рождение от рабов, прямой захват людей (в Сирии и Палестине), торговля.

В худшем положении находились узники — свободные, оказавшиеся в плену, преследуемые правительством и принуждаемые работать в рудниках. Ими и их трудом распоряжалось всецело государство. Они или попадали в те невыносимые условия, о которых писал Агатархид, или выпускались тюремным начальством на срок для работы в частных хозяйствах под ответственность владельцев последних ¹²⁴. Труд узников имел большое значение в экономике Египта, поскольку добыча золота была чрезвычайно важна для государственного хозяйства, а средние частные хозяйства нуждались в рабочих руках для обработки земли.

Обработка царской земли велась «царскими земледельцами». Несмотря на существование ограничений, о которых говорилось выше, было бы грубой ошибкой приравнивать царских земледельцев к рабам. Их зависимость не была ни рабством, ни крепостничеством. Это была форма зависимости, возникающая не в том случае, когда человек является собственностью частных лиц или государства (как при рабстве), и не тогда, когда он находится в зависимости от отдельных лиц, обладающих известными политическими правами, но тогда, когда он имеет дело непосредственно с государством, применяющим свою неограниченную власть для организации и использования экономики страны в интересах правящего класса. Перед нами одна из многообразных форм государственного принуждения, причем правительство, ограничивая во многом свободу царских земледельцев, применяет известные формы отношений, связанных с началом соглашения, договора («свободная» аренда), сохраняя за собою по существу определяющую роль.

Таким же своеобразным смещением начал принуждения и договора, мелочного правительственного контроля, ограничения свободы передвижения и труда и элементов частного предпринимательства отличалась организация труда в тех отраслях производства товаров, в которых монополия на сырье или на готовые изделия принадлежала государству. Положение ремесленников, занятых в этих отраслях, было неодинаково в мастерских, вырабатывавших различные изделия, но в общем это положение напоминало во многих отношениях положение царских земледельцев. Правительство регулировало площадь посева маслянистых растений и льна. Но в первом случае мастерские принадлежали государству, которое сдавало их на откуп. Во втором случае лен перерабатывал-

¹²⁴ К. К. З е л ь и н. Исследования..., стр. 146.

ся в мелких частных мастерских, но под правительственным контролем, ткани же сдавались государству за определенную плату. Цены на изделия устанавливались царской администрацией. Далее следовала *φύνη*: правительство сдавало право продажи этих тканей.

Подобно тому как нередко нельзя провести грань между деятельностью частного и должностного лица, и в государственном хозяйстве не было четкого разграничения между использованием государственных институтов как таковых и как средства увеличить доходы царской казны (το βασιλικόν). Войско — институт, предназначенный для защиты страны, для ведения войны и поддержания порядка внутри страны. Но, как мы видели, и армия Птолемеев составлялась из частей, правовое и фактическое положение которых в государстве было различно. Наиболее низко стоявшие в социальном отношении части использовались наряду с жителями ком для трудной работы в каменоломнях и рудниках (см. выше ο πληρώματα, стр. 72) или посылались в принудительном порядке для скорейшего окончания жатвы (μήχιμοι). И μήχιμοι владели небольшими участками, подобно клерухам. Но различие заключалось не только в размере этих участков, но и в положении по отношению к государству. Воины-греки также иногда использовались в целях достижения хозяйственного эффекта, но обязанности их при этом не выходили за пределы их профессиональных занятий: их отправляли в качестве стражников следить за теми, кто работал в каменоломнях (P. Hib., 44). На μήχιμοι также падали подобные обязанности, но помимо них они отправляли и *munera sordida*, т. е. участвовали в сельскохозяйственных работах.

В гиеродулах нельзя видеть рабов. Это были люди, исполнявшие те или иные обязанности, связанные с культом, жившие в ограде храма или даже за его пределами. Но и их свобода передвижения была ограничена и на них падали обязанности, от которых они не могли освободиться по своей воле.

В общем структура эллинистического Египта отличалась смешанным характером: в ней сочетались наследие доэллинистических порядков и черты, обусловленные социально-политической обстановкой в Восточном Средиземноморье, определившейся в конце IV в. до н. э. Как те, кто эксплуатировал, так и эксплуатируемые, не составляли какого-то однородного целого, но представляли соединение отдельных частей, каждая из которых имела определенный статус, занимала определенное место по отношению к государству. Правовое и экономическое положение владельцев «дарственной земли» было иным, чем, например, положение македонян — членов политевмы, а права и привилегии александрийских граждан отличались от положения греков, занятых в администрации столицы или в государственном хозяйстве.

То же явление мы наблюдаем, изучая совокупность форм зависимости. Сельское хозяйство играло первенствующую роль в эко-

номике Египта. «Много несметных числом на земле племен и народов свой урожай собирают под Зевса дождем благотворным, но не рождает страна ни одна, как Египта долина, где разрыхляются глыбы разливами водными Нила»¹²⁵. Этот урожай в значительной мере, но не исключительно, собирался с царской земли, обрабатываемой «царскими земледельцами». Рядом с ними сидели на земле военные элементы опять-таки с разными правами и обязанностями. Тут же лежали участки γῆ ἱερὰ, находившейся в особом положении. То же можно проследить и в других отраслях производства. Было бы ошибкой пытаться определить эксплуатируемый класс, исходя лишь из юридического положения тех или иных разрядов населения, в частности нельзя утверждать, что этим классом были рабы. Рабы — лишь одна из многочисленных категорий зависимого населения, притом находившаяся не в самом тяжелом положении. Но можно все же определить, что было общего между всеми группами эксплуатируемых. Формы эксплуатации были многообразны, так же как многообразны были формы труда эксплуатируемых. Общий же момент в формах зависимости можно усмотреть в том, что они представляли собой различные варианты реализации одного принципа: эксплуатации господствующим классом трудящейся массы посредством государственного аппарата и установления многочисленных юридических категорий, определявших, над чем и как должно трудиться лицо, входящее в данную категорию, с тем чтобы при этом наилучшим образом были обеспечены доходы государства, использующего эти доходы в интересах правящего класса с его многочисленными подразделениями.

В Египте эпохи эллинизма особенно хорошо можно видеть, что государство было не только орудием подавления эксплуатируемых, но и одним (и притом главным) средством их эксплуатации. Если самые формы зависимости в большинстве своем и не представляются столь суровыми и унижающими личность человека, как зависимость раба от его господина, то зато принуждение, хотя бы и менее полное и в комбинации с началами «свободного» договора, обеспечивается колоссальным давлением, которое может оказать государство на отдельное лицо или группу населения. Власть рабовладельца, поддерживаемая и охраняемая законами полиса, все же не может идти в сравнение с властью царя, преследующего ослушника. Но дело не только в этом. Главное то, что все разнообразные формы зависимости, соответствовавшие юридической категории человека, были выражением известных экономических отношений: если эксплуатируемый, чувствуя свое стесненное или невыносимое положение, пытался уйти, т. е. применял наиболее характерную для эллинистического Египта форму протеста (ἀναχωρησις), то он тем самым лишал себя и тех скудных средств существования, которые соответствовали его статусу. Он бросал родину, место работы и

¹²⁵ Theocr., XII, 77—80, перев. М. Е. Грабарь-Пассек.

вынужден был где-то на чужбине или под защитой храма, скрываясь от ока всесильного государства, как-то устраивать свою жизнь под постоянным страхом, что его обнаружат и снова водворят в его *idíā*. Анахоресис вовсе не забастовка, наподобие забастовок нового времени, имеющих целью борьбу с предпринимателями для улучшения условий труда. Анахоресис — типичная форма протеста против тяжелых условий в обстановке административного принуждения и произвола. Если правительство не выполняло своих обещаний, не давало необходимого продовольствия, орудий труда, задерживало на тяжелой работе дольше условленного срока, оставался один выход — бросить эту работу. Анахоресис — не рассчитанное средство борьбы, путем применения которого стремились улучшить условия труда, но выражение бессильного отчаяния, побуждавшего лучше броситься навстречу неизвестному и необеспеченному будущему, чем терпеть мучительное настоящее.

Расширение рамок хозяйственной и политической жизни, рост товарного производства, открывшаяся вследствие завоеваний областей Востока возможность использовать новые земли с их богатыми источниками дохода и эксплуатировать массу населения, трудившегося на этих землях, усовершенствования в технике и широкое применение сложного государственного аппарата, с помощью которого организовывалась экономика страны и проводился контроль над трудом зависимого населения, — все это не могло не способствовать росту производства, подъему военного и политического значения новых государств, их удельного веса в международной жизни. Понятно, однако, что этот расцвет оказался сравнительно кратковременным: возникшая в конце IV — начале III в. до н. э. благоприятная для новых властителей конъюнктура не повторилась, затруднения, связанные с организацией экономической жизни и сложной системой извлечения доходов, увеличивались, ибо бремя, падавшее на эксплуатируемый класс, оказалось слишком тяжким, государственный аппарат работал с перебоями с самого начала, так как личные интересы его представителей сталкивались нередко с обязанностями, которые они должны были выполнять. Люди, принадлежавшие к тому или иному разряду населения, часто не довольствовались тем, что предлагало им правительство. Клерухи, не дожидаясь распоряжений последнего, захватывали дома и земельные участки, изгоняя их владельцев. Чиновники не выполняли приказов вышестоящих и, действуя нередко вопреки закону, притесняли и обирали население. Земледельцы и люди разных профессий бросали работу. Ни угрозы, ни частые во II в. до н. э. указы о «милостях» (*φιλάνθρωπα*) правительства не могли уже остановить этот процесс постепенного упадка экономического строя, отражавшегося и на политическом состоянии Египта.

II

ДЕЛЬФИЙСКИЕ МАНУМИССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Город Дельфы и его храм занимали особое положение среди греческих полисов. Оно обуславливалось священным авторитетом храма и его оракула. Религиозные институты, возникшие уже в раннюю пору греческой истории в своеобразных социально-экономических, политических и идеологических условиях, приобретали иногда самостоятельное значение и начинали оказывать сильное воздействие на жизнь греков. Таким институтом были, например, Олимпийские игры, победа на которых давала право победителю претендовать на политическую власть в родном полисе¹. Дельфийское жречество, пользуясь авторитетом оракула, проводило определенную политическую линию по отношению к греческим государствам и Персии уже в VII—VI вв. до н. э., как об этом убедительно свидетельствует рассказ Геродота.

В настоящее время в результате систематических раскопок Дельф мы располагаем огромным эпиграфическим и археологическим материалом, который знакомит нас не только с внутренней жизнью храмового города, его управлением, религиозными учреждениями, социальным строем и т. д., но и с отношениями между Дельфами и другими государствами в IV—I вв. до н. э., с их ролью в международной жизни того времени.

В дальнейшем будет затронут лишь один вопрос из тех, которые можно ставить на основании изучения этого обширного и раз-

¹ С. Я. Л у р ь е. Клизфен и Писистратиды.— ВДИ, 1940, № 2, стр. 45—56; К. К. З е л ь и н. Олимпионики и тираны.— ВДИ, 1962, № 4, стр. 21—29.

нообразного материала, а именно вопрос о том, что он дает для истории рабства в Греции. В этом отношении среди источников главное значение имеют надписи. В литературных материалах, вообще, довольно скудных для Дельф эллинистической эпохи, нет почти никаких сведений по интересующему нас вопросу. Зато эпиграфических памятников очень много. Из них наиболее содержательны манумиссии.

Основательное знакомство с ними началось уже после первых раскопок Дельф, в самом начале 60-х годов XIX в. (собрание дельфийских надписей Фукара и Вешера). Число дельфийских эпиграфических памятников непрерывно увеличивалось благодаря работам французской школы в Афинах с 1891 г. На рубеже XX в. был издан корпус диалектологических надписей под общей редакцией Коллитца. Один из томов этого издания был посвящен дельфийским надписям. Дополнительный том содержал их просопографию².

Уже вскоре после выхода в свет этого издания был выявлен ряд его недостатков. Последующие раскопки не только значительно увеличили число надписей, но и содействовали уточнению и исправлению текстов, опубликованных ранее. Следующим этапом явилось издание всех дельфийских надписей, обнаруженных во время раскопок, в третьем томе «Fouilles de Delphes». Это издание еще не доведено до конца.

Раскопки дали совершенно исключительный по своему массовому характеру материал по истории рабства в Греции. Правда, именно в этом отношении памятники Дельф изучались все еще недостаточно полно. В частности, в существующих работах о рабах и вольноотпущенниках использовались преимущественно общие данные, так сказать, лежащие на поверхности. Даже в новейших исследованиях проблема рабства на дельфийском материале изучается либо в общей перспективе (Ростовцев, Вестерман), либо лишь в одном аспекте (Бёмер), либо затрагивается только попутно в связи с проблемами иного рода (До). Чтобы лучше понять, как обстоит дело с изучением манумиссий, необходимо выделить вопросы, которые привлекали особенное внимание исследователей, и определить, насколько изучены данные о работах в памятниках Дельф.

Греческие манумиссии вообще, и в частности дельфийские, рассматривались с различных точек зрения. Помимо юридической природы соответствующих актов, в литературе обращалось внимание на следующие собственно исторические проблемы:

1. Каково происхождение дельфийской практики манумиссий: является ли она чисто греческой или же ее корни следует искать на Востоке?

² Sammlung der griechischen Dialektinschriften, hrsg. v. H. Collitz (далее — SGDI), Bd. II. Göttingen, 1899 (Die delphischen Inschriften, v. J. Baunack); Bd. IV, Register zu den Inschriften von Delphi, v. C. Wendel, 1901.

2. Какая из форм манумиссий оказывается более древней и основной — сакральная или светская? Были ли покупка божеством или даже просто обращение к нему как гаранту договора законным и главным моментом при отпуске раба на волю, или же это лишь момент дополнительный, внесенный для лучшего обеспечения договора в сделку чисто светского характера?

3. Каковы главные особенности более древних манумиссий, относящихся к тому времени, когда дельфийская практика еще не оказала решающего влияния на другие храмовые центры, и вообще — какие локальные различия проявляются в актах об отпуске рабов?

4. Какое содержание имеют статьи о *παράνομα* и какова их связь с социальными отношениями в других областях древнего мира (например, в Египте)? В какой мере эти статьи стесняли свободу отпущенного на волю и сохраняли его зависимость от прежнего владельца?

5. Недостаточно разработанным остается вопрос о социальном характере и социальной принадлежности лиц, выступающих перед нами в актах манумиссий. Кто такие те, кто отпускают рабов на волю, и те, кто принимают в этом акте деятельное участие в качестве поручителей, лиц, согласных на данную сделку (*συνευδοχέοντες*), свидетелей?

6. Нельзя считать также вполне выясненным и вопрос об этнической принадлежности отпускаемых на волю. Он решался преимущественно по документам из Дельф (помещенным в SDGI и FD), а не по совокупности всех актов и из других центров, число и историческое значение которых чрезвычайно возросло.

7. Лишь в 50—60-е годы началось тщательное изучение отношения рабов к культам того или иного божества в связи с общей проблемой развития «человечности» в греческом мире (Снелл, Бёмер, Фогт) и роли культа Аполлона в развитии религиозно-социальных представлений.

8. Эпиграфический материал об отпуске рабов на волю использовался, притом в широком масштабе, для восстановления хронологических рамок и политической истории Дельф во II—I вв. до н. э. (мы имеем в виду в особенности работу До). Однако, поскольку эти исследования не ставились в неразрывную связь с изучением социальных отношений, поставленная задача не могла быть полностью разрешена.

9. Спорным остается вопрос и об историческом значении самого факта манумиссий. Может ли он свидетельствовать — и если может, то в каком смысле — о состоянии рабовладельческих отношений? Можем ли мы, исходя из него, сделать вывод относительно упадка рабства?

Последнее положение мы встречаем неоднократно в исторической литературе. Оно основывается на следующем умозаключении: раз рабов отпускали на свободу, следовательно, содержание их

становится невыгодным, т. е. рабство начинает изживать себя. Этот тезис — манумиссии являются необходимым следствием нерентабельности рабского труда — не доказывается, а принимается априори или, вернее сказать, оказывается незаконным в логическом отношении обратным выводом: известно, что в период упадка рабовладельческого хозяйства в Западной Римской империи, когда рабский труд становился нерентабельным, многие рабовладельцы сажали своих рабов на землю, предоставляя им клочок земли и требуя с них известный оброк: отпуск на волю действительно принял широкие масштабы³. Отсюда и вывод: раз раба отпускают на свободу, значит, труд его стал нерентабельным⁴, и, следовательно, происходит переход к эксплуатации труда зависимых земледельцев. Подобный вывод без предварительного анализа соответствующих текстов в каждом отдельном случае в связи с общей исторической обстановкой не может быть убедительным: дельфийские манумиссии сами по себе еще не свидетельствуют об увеличении числа рабов. Положение же о невыгодности рабского труда, его изживании представляется неоправданным, поскольку оно основано на переходе от наблюдения частного явления, которое могло быть вызвано совершенно иными причинами, к общему выводу, связанному со всем ходом развития рабовладельческого общества в целом.

В. С. Сергеев писал: «Старые полисы — Афины, Спарта, Коринф и др. — находились в состоянии кризиса, вызванного распадом рабовладельческой системы. Одним из ярких показателей кризиса явилось вольноотпущенничество в IV—III вв., принявшее массовый характер. Многие рабовладельцы продавали или отпускали рабов на свободу, а сами, покидая свои земли, поступали в наемнические отряды, эмигрировали на Восток или же уходили в большие города, пополняя кадры бездомного деклассированного элемента. Такова была картина в старых полисах классической Греции. Другое наблюдалось в областях, до тех пор не игравших роли в истории Греции как-то: в Беотии, Фокиде, Локриде, Этолии и т. д. В них замечался экономический подъем и рост рабовладения»⁵.

Однако нам ничего не известно о том, что «многие рабовладельцы продавали или отпускали рабов на свободу», а сами становились наемниками или уходили в большие города. С другой стороны, именно в Фокиде, Локриде, Этолии и отчасти в Беотии происходил массовый отпуск рабов, что не вяжется с положением относительно кризиса как основной причины вольноотпущенничества; манумиссии относятся главным образом именно к тем областям, в которых «замечался экономический подъем и рост рабовладения». Следо-

³ См. В. С. Сергеев. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи. — ВДИ, 1938, № 3, стр. 118—119.

⁴ А. Б. Р а н о в и ч. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 284.

⁵ В. С. Сергеев. История древней Греции. ОГИЗ, 1948, стр. 440—441.

вательно, частый отпуск рабов на свободу обуславливался не общим кризисом рабовладельческого строя.

К выводам, сформулированным В. С. Сергеевым и А. Б. Рановичем, некоторые ученые приходили не только на основании обильного материала древней Греции, но и исходя из таких скудных данных, как боспорские манумиссии. В. Д. Блаватский в работе о земледелии в античных государствах Северного Причерноморья, останавливаясь на изменениях в организации хозяйств в конце II—I в. до н. э. — переломном периоде в истории Северного Причерноморья (в частности, в истории Боспора), — утверждает, что эти изменения были связаны с изменениями в социальном строе⁶: рабский труд на Боспоре в это время становится нерентабельным. Основанием для такого утверждения служат 14 боспорских манумиссий (от 14 г. н. э. до 220/30—232/3 гг. н. э.). Далее автор и рассматривает эти документы, доказывая, что из них лишь меньшая часть связана с иудейским прозелитизмом, что они в целом имеют «чисто античный характер». Эти надписи, по мнению автора, позволяют предполагать, что уже с начала I в. стали складываться такие условия, при которых применение рабского труда не всегда было целесообразно. Далее следует еще более существенный исторический вывод о том, что на Боспоре уже в начале сарматской эпохи, возможно, наметилось вытеснение рабского труда трудом зависимых землепашцев, довольно близких к колонам⁷.

Однако трудно думать, что эти немногочисленные документы, появление которых могло быть вызвано различными обстоятельствами, служат сколько-нибудь достоверным свидетельством такого широкого, далеко идущего социального процесса, как вытеснение рабского труда трудом зависимых земледельцев. Важно при этом не только небольшое число сохранившихся актов, важен принципиальный вопрос, связанный с существом манумиссий: всегда ли их появление однозначно определяется невыгодностью рабского труда. Данные эллинистической эпохи и периода I—II вв. н. э. убеждают, что подобное положение неверно и отпуск рабов на свободу мог зависеть от ряда причин более частного характера, чем общий упадок рабовладельческого строя.

Вопроса об историческом значении боспорских манумиссий касался и В. Ф. Гайдукевич в своем обзоре экономики и культуры Боспора в римскую эпоху⁸. Соглашаясь с В. С. Сергеевым в том, что вольноотпущенничество вообще было одним из симптомов процесса разложения рабовладельческой системы, он считал в противоположность В. Д. Блаватскому, что большая часть боспорских манумиссий связана с религиозным моментом: эти манумиссии исходят от евреев или от людей, близких к ним по религиозным

⁶ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 186 сл.

⁷ Там же, стр. 191.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 363 сл.

взглядам. Признавая появление манумиссий на Боспоре в римское время фактом показательным (в каком отношении автор не разъясняет), В. Ф. Гайдукевич далек от того, чтобы видеть в них массовое явление. Он справедливо полагает, что они не дают основания говорить о происшедших на Боспоре резких изменениях в социально-экономической структуре.

С несколько иной точки зрения смотрел на манумиссии В. Тарн⁹. Он видел в отпуске рабов на свободу дело гуманности, которое Дельфы якобы всегда готовы были защищать, и вместе с тем результат конкуренции дешевого свободного труда, делавшего невыгодным рабское производство. Но относительно «гуманности» Дельф сейчас (и с полным основанием) высказывают прямо противоположную мысль (см. ниже). Что касается конкуренции свободного труда, которая будто бы вызвала появление манумиссий, то можно лишь повторить слова самого Тарна, когда он говорит о численности свободного населения: нам ничего об этом неизвестно.

Чтобы лучше понять, как менялась постановка вопросов и каково состояние проблемы в настоящее время, необходимо обратиться к основным работам о дельфийских манумиссиях.

В известном труде Валлона материал дельфийских манумиссий использован главным образом в 9-й главе первого тома — «Об отпуске на волю». Эта глава, как и другие, носит общий характер: нет ни разделения по периодам, ни критики источников. Литературные памятники, относящиеся к совершенно различным эпохам, — Плавт и Афиней, Диоген Лаэртский и Суда, Дион Хризостом и Демосфен, Аристофан и Лукиан — привлечены, естественно, в большей мере, чем надписи. Эпиграфические данные по Дельфам в то время, когда Валлон писал свою книгу, ограничивались надписями, опубликованными в трудах путешественников первой половины XIX в. (Леба, Росс и др.), в работе Курциуса и Пти «*Anecdota delphica*» и в сборнике Вешера и Фукара, где было помещено 435 новых надписей. По поводу последней публикации Валлон указывал, что эти надписи «представляют скорее лишь новые случаи, чем новые формы»¹⁰. Манумиссии в общем он рассматривал как неизбежный результат того «ада», в котором жили рабы, тех «мучений», которые они претерпевали»¹¹. Нужно, чтобы и у раба сохранялась хотя бы смутная надежда на освобождение: она должна была предупредить грозные восстания или бегство рабов. О большем не думали.

В 10-й главе автор стремился показать, что, согласно распространенным в обществе взглядам и философским теориям, рабство считалось естественным и необходимым институтом. Но Валлон видел, что, несмотря на всю тяжесть условий отпуска на свободу,

⁹ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 111—112.

¹⁰ А. Валлон. История рабства в античном мире. М., 1941, стр. 260.

¹¹ Там же, стр. 146.

вольноотпущенник уже не являлся рабом и иногда, например, при выборе третейских судей для разбора споров с прежним владельцем, оказывался равноправным с последним ¹².

Достоинства и недостатки, характерные для 9-й главы, обнаруживаются и в 6-й главе, посвященной ценам на рабов: то же сопоставление трудносопоставимых данных (например папируса из Египта, изданного Летронном, и дельфийских манумиссий, сообщений Ксенофонта, Поллукса и Диогена Лаэртского), то же настойчивое стремление к общим историческим выводам. Интересно, что Валлон, так сильно подчеркивавший значение рабства в экономике античной Греции, склонен признать, что цены на рабов регулировались спросом и предложением; невозможно, добавляет он, чтобы стоимость рабов не влияла на их положение.

Упомянутые главы представляют собой экскурсы частного характера на общем фоне, который определяется содержанием всей книги. Достоинством ее и является тесная связь этих экскурсов с основными идеями автора, даже если они кажутся нам порою нечеткими или неправильными. В этом отношении труд Валлона выгодно отличается от некоторых других работ, специально посвященных дельфийским манумиссиям, например от содержательных и интересных очерков одного из ранних собирателей дельфийских надписей — М. Фукара.

В 1967 г. исполнилось сто лет с момента выхода труда Фукара о дельфийских манумиссиях ¹³. Это — первая работа, где систематически были использованы результаты раскопок в Дельфах: находки надписей, вошедших впоследствии в более полные публикации: SGDI и Fouilles de Delphes.

Работа Фукара в значительной мере описательного характера, хотя в ней и высказан ряд мыслей, которые получили развитие в позднейших исследованиях.

Остановившись в первой главе своего труда на общем характере актов о манумиссиях и на роли, которую играет Аполлон в этих актах, Фукар затем подробно излагает способы обеспечения договоров. Он изучает роль различных действующих лиц (2 гл.), рассматривает случаи ограничения свободы вольноотпущенников, которые встречаются во многих манумиссиях (3 гл.). В двух последних главах в сжатой форме выясняется значение манумиссий для истории рабства в Греции и приводятся данные о ценах на рабов. Мы остановимся преимущественно на третьей главе, где сосредоточен материал о парамонэ.

Как часто у французских исследователей, у Фукара тщательное изучение источников сочетается с занимательным и даже увлека-

¹² Там же, стр. 151.

¹³ *Mémoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente á une divinité d'après les inscriptions de Delphes par M. P. Foucart. Paris, 1867, p. 1—50* (написана работа в декабре 1863 г.).

тельным изложением, которое развивается логично, а те или иные выводы автора сопровождаются иллюстративными выдержками из текстов, часто *in extenso*. Фукар высказывает ряд интересных соображений относительно парамонэ. У него полнее, как нам представляется, чем позднее у Кальдерини и даже у Вестермана или Бёмера, использованы варианты документов. Отдельные черты соединяются в общую картину; через все изложение проходит мысль о печальной судьбе даже освобожденного раба, о прерогативах манумиссора, который обычно заботился о своих интересах за счет освобождаемого (его личности и имущества)¹⁴. Хорошо показано, каким изобретательным бывал рабовладелец в подобных случаях.

Для объяснения некоторых документов Фукар привлекает данные Платона, Демосфена, Ксенофонта и таким образом позволяет лучше понять то, о чем упоминает манумиссия. В главе о парамонэ он (как и ранее) указывает на ряд противоречий между практикой и античными взглядами на рабство, но, по его мнению, рабство, как всякое насилие, покоящееся на естественном праве грубой силы, и могло существовать лишь на основе противоречий. У Фукара очень здравый взгляд на манумиссии в отличие от некоторых исследователей новейшего времени: он не хочет преувеличивать их историческое значение, отказывается видеть в них результат переворота, который в дальнейшем мог бы привести к исчезновению рабства; манумиссии, по Фукару, означали лишь улучшение положения некоторых рабов.

Конечно, сейчас работа Фукара уже не может удовлетворить того, кто исследует положение вольноотпущенников в Дельфах. Споры, в частности, вызывают как характер манумиссий, так и вопрос об их возникновении. Для Фукара же все было ясно: дельфийские манумиссии произошли из посвящений рабов божеству, которые потом утратили сакральный характер и стали простой сделкой. Мы не говорим уже о том расширении исторической перспективы при изучении парамонэ, которое было достигнуто в результате анализа обширного материала (в том числе и сравнительно-исторического), накопившегося за столетие, прошедшее со времени опубликования рассматриваемой работы. Возражения вызывает и самый метод изучения манумиссий, который сводится в основном к подбору тех или иных интересных данных, в частности к анализу особенностей соглашений, сохраняющих зависимость бывшего раба от манумиссора и после «продажи» Аполлону. Как ни поучительны приводимые автором детали, их можно оценить, лишь поставив в связь с другими явлениями. Необходимо, например, выяснить социальный состав манумиссоров, значение различных условий при заключении договора, особенности формуляров этих договоров и т. д. Отсюда одна из задач дальнейшего изучения — дополнить данные Фукара фактами, которые стали известны из

¹⁴ См. M. Foucart. Op. cit., p. 34.

более поздних раскопок, и проследить зависимость тех или иных явлений от практики манумиссий.

Крупнейший русский исследователь дельфийских надписей А. В. Никитский, к сожалению, не успел выполнить обширный план изучения этого материала, который он наметил в своих «Дельфийских эпиграфических этюдах»¹⁵. Для нашей темы приходится особенно пожалеть о том, что остались неразработанными три из намечавшихся автором вопросов: дельфийское гражданство и рабство, дельфийские генеалогии и топографические данные дельфийских надписей для Средней Греции и для Дельф и их области. Учитывая несравненное знание дельфийской эпиграфики, которое так убедительно доказано трудами Никитского, и его метод исследования, можно с уверенностью предположить, что разработка этих вопросов выяснила бы очень многое в истории рабства в Греции.

Но и в тех трудах, которые составляют научное наследие, оставленное этим ученым, мы находим ряд важных указаний, непосредственно или большей частью косвенно касающихся отпуска рабов на свободу. Чрезвычайно ценной особенностью метода Никитского является его постоянное стремление поставить в связь данные манумиссий и сообщения литературных источников (прежде всего Полибия и Ливия), что позволяет ему ярко освещать историческую обстановку, объяснять детали манумиссий, зависевшие от изменения этой обстановки¹⁶.

Для понимания социального состава рабовладельцев, о которых сообщают манумиссии, большое значение имеют главы его этюдов, где говорится о жречестве, неокорате, эпонимате, где встречаются существенные замечания о социальных отношениях в Дельфах.

В другом обширном труде Никитский разрабатывает методику эпиграфического исследования¹⁷. Для его взглядов характерно требование чрезвычайной точности, глубокого изучения отдельного документа. Он настаивает на том, «что всякое произведение прежде всего должно быть истолковано само в себе, так сказать, *propiis auxiliis*», и что, с другой стороны, необходимо изучать всю массу однородного материала. Многочисленные примеры блестящих результатов такого систематического изучения при интерпретации отдельных документов он дает в своих работах.

В этой связи важно указать на отношение Никитского к статистическому изучению. Он сторонник такого изучения, но при непременном условии, что оно ведется всесторонне и исчерпывающим образом. Он считает, что мы должны стремиться свести разнообразие к некоему единству и закономерности. Статистический ме-

¹⁵ А. В. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды, I—VI. Одесса, 1894—1895 (далее — ДЭЭ), стр. V.

¹⁶ См., например, А. В. Никитский. Плигонийцы. — ЖМНП, 1900, октябрь; его же. Αἰτωλικά — ЖМНП, 1900, декабрь.

¹⁷ А. В. Никитский. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901, стр. VII слл.

тод и дает возможность отличить постоянное от случайного, но ошибки при неправильном или одностороннем применении этого метода особенно вредны. Никитский высказывал недовольство состоянием изучения дельфийских манумиссий: «Кое-что из них извлекли, воспользовавшись более выдающимися актами, и успокоились. А и извлечение отчасти ошибочно истолковано, и среди неизвлеченного есть немало интересного»¹⁸. Нельзя не сказать, что эта характеристика в общем подходит к работам Валлона, Фукара или Помтова, несмотря на ряд достоинств, отличающих эти работы.

Помимо ценного анализа методических приемов, Никитский дал многочисленные уточнения, поправки, замену ошибочных чтений и т. п. в отдельных надписях. Достаточно, например, вспомнить, сколько важных исправлений Никитский внес в статью, носящей скорее, как кажется на первый взгляд, характер заметки, — «*Ἀντίφωνος* Баунака». И сделал он это, так сказать, мимоходом, чтобы показать, как много неточностей вкралось в чтение и толкование дельфийских манумиссий. В его работах использован огромный просопографический материал дельфийских надписей, без которого нельзя обойтись при изучении рабства.

В общем труды Никитского, как об этом свидетельствуют и исследования позднейших лет, сохраняют все свое значение до настоящего времени, и к ним приходится обращаться даже при изучении тех вопросов, которые он специально не рассматривает.

Из опубликованных за последние десятилетия (30—60-е годы) исследований, касающихся дельфийских манумиссий, остановимся прежде всего на обобщающем труде по истории эллинизма — на «Социальной и экономической истории эллинистического мира» М. И. Ростовцева. В его высказываниях о манумиссиях можно выявить две основные и, как нам кажется, противоречивые идеи. С одной стороны, он считает, что материал дельфийских манумиссий обилен, но на основании его нельзя прийти к определенным выводам¹⁹. С другой стороны, некоторые общие и довольно определенные выводы из этого самого материала он все же делает.

Дельфийские документы, по его мнению, не могут подкрепить тезис, что число рабов в Греции III—II вв. до н. э. увеличивалось, так как отсутствуют соответствующие статистические данные как для периода, предшествующего появлению манумиссий (т. е. до 201 г. до н. э.), так и для более позднего времени. Ростовцев допускает возможность вывода, к которому пришел Глотц: число манумиссий могло увеличиваться, а число рабов — уменьшаться²⁰.

Уменьшение числа манумиссий после 140 г. до н. э. также не позволяет сделать определенный вывод, поскольку неясно, охватывают ли сохранившиеся от того времени (т. е. после 140 г.) акты

¹⁸ А. В. Никитский. Исследования в области греческих надписей, стр. XXVIII, p. 1467.

¹⁹ M. Rostovtzeff. *SEHNW*, v. III, p. 1467.

²⁰ *Ibid.*, p. 1466.

об отпуске рабов все случаи манумиссий. Среднее число манумиссий в год — 8—9 (очевидно, автор имеет в виду первую половину II в. до н. э.) — тоже не дает представления о роли рабов в экономической жизни Дельф, так как нам не известны численность их населения и самое значение манумиссий: свидетельствуют ли они о «просперити» или наоборот²¹.

Однакоряду с такими скептическими высказываниями мы находим у Ростовцева утверждения иного рода: предложение рабов в III—II вв. до н. э. было обильным; акты об отпуске их на свободу связаны с работорговлей, которая, несомненно, развивалась во II в. до н. э.; самое преобладание рожденных в доме рабов (*οἰκογενεῖς*) в дельфийских надписях II в. до н. э. свидетельствует о том, что в III в. их покупали со стороны²².

В общем эти надписи, которые анализируются главным образом в примечаниях, служат автору основой для выводов о роли рабства в Греции. Дельфийские манумиссии лишь в известной мере подкрепляют положения о большом рынке рабов и о работорговле, сформулированные на базе другого (огромного литературного и эпиграфического) материала, собранного автором.

С разных сторон и достаточно обстоятельно (если иметь в виду обобщающий характер работы) рассматриваются манумиссии из Дельф в известном труде Вестермана²³.

Мы не будем останавливаться на изложении и критике общих взглядов Вестермана на развитие рабства и его исследовательских методов, но лишь попытаемся охарактеризовать его подход к изучению дельфийских манумиссий и его выводы из этого изучения.

Понятно, что по характеру изложения соответствующие страницы его книги представляют нечто иное, чем специальные работы о Дельфах, но в то же время у него дельфийские надписи играют другую (более значительную) роль, чем в «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцева. О них Вестерман пишет неоднократно и в различной связи.

Дельфийские акты, по мнению Вестермана, позволяют сделать некоторые заключения о числе, географическом происхождении и составе рабов, отпускаемых на волю, о применении их труда в хозяйстве, ценах на рабов, направлении их потока, о состоянии рабовладения в Греции во II в. до н. э. по сравнению с V в., о характере производства и, наконец, о своеобразных формах зависимости, обусловливаемой статьей о *παράνομι*.

Эти заключения, с точки зрения автора, имеют неодинаковую ценность. Соображения относительно численности рабов в Центральной Греции сомнительны, так как неизвестны факторы, оп-

²¹ Ibid., p. 1467.

²² Ibid., p. 1367.

²³ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 31 sq.

ределявшие положение труда в отдельных местностях — ведь могли существовать локальные отличия²⁴. Поэтому нельзя говорить об общем упадке численности рабов в Греции во II—I вв. до н.э. Тем не менее Вестерман делает именно такой вывод. Дельфийские манумиссии свидетельствуют, по его мнению, об уменьшении численности рабов по сравнению с пятым веком²⁵. Далее он утверждает (в частности, на основании статей о *παράνομιά*), что труд рабов применялся преимущественно в домашнем хозяйстве.

Наиболее интересный в методическом отношении прием Вестермана — анализ данных о числе манумиссий и о происхождении рабов не суммарно, но по трем периодам, а именно: 1) 201—154/3; 2) 154/3—100 и 3) 100—53 гг. до н. э. В результате такого рассмотрения и устанавливается факт увеличения в Дельфах с течением времени числа рабов, рожденных дома, по сравнению с числом покупных. Этот факт объясняется автором как результат прогрессирующего экономического упадка, который был обусловлен материальным ущербом, понесенным Элладой в связи с вмешательством Рима, и, с другой стороны, направлением потока рабов на Запад: там в это время распространяются приемы их эксплуатации (а также эксплуатации свободных), применявшиеся ранее в Греции.

Вестерман справедливо указывает, что цены на рабов (очень разнообразные) в дельфийских манумиссиях не соответствуют рыночным ценам на них. Средние цены в этих документах (3—5 мин. серебром) по его мнению, скорее соответствуют размерам выкупа военнопленных.

В общем впечатление от его изложения получается двойственное. Там, где автор приходит к отрицательному выводу о возможности делать обобщения на основании дельфийского материала (о численности рабов в Центральной Греции, о несоответствии цен на рабов, по данным манумиссий, рыночным ценам), с ним нельзя не согласиться. Некоторые же его утверждения положительного характера, когда он как бы забывает о своих ограничительных соображениях и приходит к общим выводам, кажутся неубедительными.

Как, например, можно сравнивать цифру рабов, которую мы находим у Платона (50), и данные манумиссий? Мы уже не говорим о различном характере источников — приходится учитывать также и различие центров, о которых идет речь: Афин и сравнительно небольшого и малонаселенного города Средней Греции. Притом методически неправильным представляется перенесение результата этого сравнения на весь процесс развития рабовладения в Элладу, а также умозаключение от числа рабов, отпускаемых на свободу (большей частью, но далеко не всегда 1 или 2), к числу рабов в отдельных хозяйствах. Точно так же и сравнительная редкость случаев освобождения рабов одним и тем же лицом могла определять-

²⁴ W. L. Westermann. Op. cit., p. 32.

²⁵ Ibid., p. 34.

ся вовсе не одним лишь числом (небольшим, по мнению Вестермана) рабов в домохозяйстве, но и другими факторами, выявить которые если и возможно, то только при условии изучения всех данных о рабовладельцах как определенной социальной группе.

Если даже и оказалось бы верным утверждение, что рабы были заняты преимущественно в домашнем хозяйстве ²⁶, что согласовалось бы с общей обстановкой в Дельфах, небольшим центре, где ни ремесло, ни торговля не были развиты, — то логически этот вывод не был бы прочно обоснован до тех пор, пока мы не получили бы уверенности в том, что отпускаемые на условиях *паравона* рабы характеризуют все рабское население Дельф.

Среди сравнительно новых работ о Дельфах выделяется огромный и основательный труд французского исследователя До ²⁷. Автор, крупный специалист в области дельфийской эпиграфики, с 1920 г. принимавший участие в публикации раскопок в Дельфах, предстает перед нами в этом труде как осторожный, тщательно учитывающий все трудности работы с таким материалом, как дельфийские надписи, историк, для которого характерно, однако, в то же время стремление нарисовать широкую историческую картину, вставить, казалось бы, монотонные, а в действительности пестрые и многообразные данные эпиграфических источников в обширные рамки политической и отчасти социальной истории Дельф в течение двух последних веков эпохи эллинизма. Содержание его исследований таково.

После введения, где излагается план работы, характеризуются источники и литература, дается обстоятельный пересмотр чрезвычайно запутанных и далеко еще не выясненных вопросов дельфийской хронологии, которая во многом по-новому и в гораздо более точном виде представляется читателю на основании этой части книги.

Во второй части рассматриваются отношения Дельф и Амфикитии в течение всего изучаемого периода. До рисует перипетии сложной политической истории храмового города начиная с конца III — начала II в. до н. э. (до 191 г.): взаимоотношения Дельф с Македонией при Персее, состав Амфикитии после битвы при Пидне, отношения Дельф и Амфикитии в течение II в. до н. э., знаменитый «скандал» 125 г. и, наконец, упадок святилища в период от Суллы до Цезаря.

Третья часть, пожалуй, самая интересная, носит характерное заглавие «Жизнь города и влияние (букв. «излучение», *le rayonnement*) святилища». Автор изучает дельфийские учреждения, население города, арбитражи и решение вопросов, поступавших от иностранцев, отношение храмового города к его непосредствен-

²⁶ W. Westermann. Op. cit., p. 35.

²⁷ G. Daux. Delphe au IIe et au Ier siècle depuis l'abaissement de l'Étolie jusqu'à la paix romaine 191—31 av. J. C. Paris, 1936.

ному окружению — государствам Центральной Греции, отношения с эллинистическими монархиями, с Афинами и Римом.

Ряд существенных вопросов, относящихся к истории Дельф во II—I вв. до н. э., рассматривается в многочисленных «Приложениях». И здесь особенно ярко проявляются присущие автору превосходное знание эпиграфического (и не только эпиграфического) материала, изобретательность при сопоставлении отдельных данных и глубина исследовательского анализа.

Необходимо также отметить как положительную сторону работы остроту и справедливость критических суждений автора. До резко критикует часто необоснованные, но с чрезвычайной авторитетностью высказываемые суждения Помтова²⁸ и, с другой стороны, отдает должное такому обстоятельному исследователю языка дельфийских надписей, как Рюш²⁹. Особенно радует исключительно высокая и очень верная оценка работ русского исследователя дельфийских эпиграфических памятников А. В. Никитского. Французскому ученому известны не только две большие работы Никитского, посвященные дельфийским надписям, но и многочисленные его статьи, печатавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». До дает сравнительную характеристику метода Никитского и Помтова³⁰, причем все его сочувствие и признание на стороне первого. Он очень правильно замечает, что «мнением Никитского никогда нельзя пренебрегать; его метод строг, его критический ум всегда настороже»³¹. Изучение Дельф, по его мнению, многим обязано Никитскому.

Труд До является в целом работой, без которой не сможет обойтись исследователь дельфийского материала как ныне, так и еще долгое время в будущем. Это не значит, однако, что им разрешены или даже поставлены все основные вопросы, не только касающиеся Дельф вообще, но даже и манумиссий.

Автор слишком неполно и неглубоко трактует вопросы социальной истории. Здесь сказывается не только недооценка значения исследования этой истории, но также и состояние публикации и изучения дельфийского материала.

До верно замечает³², что манумиссии рисуют «достаточно полную картину панэллинской активности, развитой семьями, группировавшимися вокруг святилища Аполлона». Но, полагая, что многочисленные ошибки в публикациях дельфийских манумиссий и существующая еще и теперь их неполнота (многие тексты остаются неопубликованными) исключают возможность иметь прочную базу для ономастики, До утверждает, что полная дельфийская просопография остается еще невозможной, а потому надо вооружиться

²⁸ G. D a u x. Op. cit., p. 66.

²⁹ E. R ü s c h. Grammatik der delphischen Inschriften. Berlin, 1914.

³⁰ G. D a u x. Op. cit., p. 66 sq.

³¹ Ibid., p. 68.

³² Ibid., p. 4.

терпением и ждать, когда будут опубликованы *все* соответствующие документы, а в уже опубликованных будут исправлены *все* ошибки.

Мы не можем согласиться с этим. Конечно, До вполне прав, требуя крайней осторожности при изучении массового материала манумиссий, и в частности при применении статистического метода. Он убедительно показывает, к каким ложным выводам приводят некритические и поспешные подсчеты тех или иных данных, содержащихся в дельфийских манумиссиях ³³. Но можно ли отсюда сделать вывод, что в настоящее время мы должны ограничиться несколькими примерами, не ставя перед собою более широких задач в области социальной истории? Нам думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Можно согласиться с тем, что и у Баунака ³⁴, и у Венделя ³⁵ много ошибок, что исправить их все пока еще невозможно. Тем не менее самые особенности наших источников побуждают идти несколько дальше, чем пошел До в своих исследованиях социальной истории Дельф: ведь если даже при определении социального характера той или иной группы и вкрадуются ошибки, касающиеся отдельных лиц, то их значение при изучении массового материала не будет чересчур велико, в особенности если продвигаться в исследовании достаточно осторожно, ограничивая себя совершенно определенными условиями. Но было бы нецелесообразно, как нам кажется, уже теперь отказаться от сопоставления обильных и важных данных, которые как бы сами побуждают к рассмотрению проблем более широкого характера, чем установление нескольких генеалогий.

До правильно считает предприятием «одновременно напрасным и докучливым» попытку дать исчерпывающий обзор памятников и разнообразных надписей Дельф в интересующий его период (от конца господства этолян до принципата Августа). Но он идет в ограничении рамок своего исследования, пожалуй, чересчур далеко, а главное, вступает при этом на методически неправильный путь.

Присмотримся к тем «добровольным пробелам» (*lacunes volontaires*) ³⁶, к тому, что он элиминирует из области своего исследования. Это следующие вопросы: все, что касается культа Аполлона Пифийского, отношения между рабовладельцами и рабами, происхождение рабов, цены на них, зраны, гимнасии, данные о писателях, артистах, атлетах, многие вопросы внешних отношений. Поэтому в III части своего труда он исследует из проблем внутренней жизни лишь «учреждения» и население (на основании частичной просопографии), а из области отношений Дельф с другими государствами — их связи с Центральной Грецией, эллинистическими монархиями, Афинами и Римом. Если последнюю проблему автор рас-

³³ Ibid., p. 242, note 1.

³⁴ SGDI, Bd. II.

³⁵ SGDI, Bd. IV.

³⁶ G. D a u x. Op. cit., p. 413 sq.

смачивает достаточно широко, то этого нельзя сказать относительно внутреннего строя и жизни населения храмового города. Как можно составить сколько-нибудь полное представление о населении древнегреческого города, не касаясь того, о чем прежде всего говорят документы: рабов и их владельцев, роли такого важного учреждения в греческом полисе, как гимнасий, вопроса о лицах, не входивших в состав верхушечного слоя города, но составлявших неперенный и существенный элемент его населения?

Мотивировка До не представляется нам достаточно убедительной: он полагает, что, например, для изучения отношений между рабами и их владельцами или положения артистов и атлетов необходимо перейти границы изучаемого периода, и в частности привлечь данные императорской эпохи³⁷. Конечно, такое сопоставление данных, так сказать, по вертикали весьма поучительно, но нам кажется, что возможно идти и другим путем, что дельфийские муниссии обычно изучались без соблюдения строго определенных хронологических границ, нередко даже с привлечением актов как эллинистического, так и императорского времени. Между тем было бы нелишне попытаться представить себе общество в определенный период его существования, а не «вообще». Но для этого и необходимо использовать по возможности все имеющиеся данные, свидетельствующие о составе этого общества в интересующую нас эпоху. Поэтому, как нам представляется, целесообразно сузить внешние (хронологические) рамки, но зато в них более широко охватить общественные отношения, насколько источники позволяют судить о них.

Приведенные соображения не мешают признать, что в целом книга До — настоящая сокровищница фактов, характеризующих многообразную жизнь храмового города во II—I вв. до н. э. Она представляет собою ряд исследований по политической и социальной истории Дельф, по истории их отношений с другими государствами того времени, наводит порядок в «хаосе дельфийских надписей» (по выражению Помтова), что, правда, в значительной мере уже было сделано благодаря работам того же Помтова, Моммзена и в особенности А. В. Никитского, по крайней мере в области дельфийской хронологии. Но главы труда До часто живут, так сказать, своей жизнью, они не связываются воедино общей идеей, общей концепцией, которая должна была бы их объединить, наложить свой отпечаток на изучение каждого более частного вопроса. Поэтому До, следуя, впрочем, насущной необходимости ограничить рамки своего исследования, так легко жертвует теми существенными проблемами, которые составляют то, что он называет «добровольными лакунами».

К более широкой постановке вопроса о социальных отношениях побуждают и некоторые другие работы о рабстве в древней Греции.

³⁷ G. Daux. Op. cit., p. 413.

Мы имеем в виду прежде всего большой труд Ф. Бёмера о религии рабов в Греции и Риме ³⁸.

Относящийся к Дельфам материал сосредоточен во второй части, озаглавленной «Так называемый отпуск на свободу в Греции и храмовые рабы (δοῦλοι ἱεροί)»³⁹. В первом разделе книги данные дельфийских надписей рассматриваются на широком фоне всей традиции о манумиссиях в Греции, Северном Причерноморье и Азии. Далее автор ставит ряд вопросов общего характера — о посвящениях и отпуске на свободу, о светской и сакральной форме отпуска, о богах и т. д. В последнем разделе говорится об ἱεροί, ἱερόδοδοι. Бёмер нарисовал очень ярко неприглядную картину беспощадной эксплуатации, которой подвергались освобождаемые рабы именно в Дельфах. Об этом свидетельствуют две клаузулы, нередко встречающиеся в манумиссиях: статьи ο παρρησίη и требование, чтобы освобожденный (или освобожденная) предоставил рабовладельцу свое дитя или дал ему (откуда бы ни было) чужого ребенка.

Бёмер, касаясь этих вопросов, связывает их с проблемой гуманности в античности и приходит к определенному выводу как относительно божества, так и относительно дельфийского жречества. Аполлон никак не является покровителем или защитником рабов. Он всегда был «аристократом и требовательным владыкой»⁴⁰. Что касается жрецов, то у «этих господ из Дельф», божеством которых и был Аполлон, несомненно, отсутствовала «человечность» в современном смысле слова⁴¹. Именно для Дельф характерна особая суровость условий освобождения раба. Общий вывод таков: все это бросает неблагоприятный свет на религиозную мораль и благоприятный — на деловитую оборотистость представителей дельфийской религии того времени — дельфийского жречества⁴².

Книга Бёмера очень интересна постановкой вопроса. В ней сосредоточен огромный материал по истории религии рабов, она заставляет взглянуть по-новому на историю греческой религии.

Но и Бёмер в сущности останавливается на полдороге в изучении манумиссий: ведь недостаточно указать на тяжесть условий освобождения и на то, что виновником этого было жречество. Здесь необходимы пояснения, тем более что Бёмер решительно выступает в защиту тезиса о светском характере манумиссий в Греции. В Дельфах, по его мнению, самое позднее в 201 г. до н. э. к этой чисто светской процедуре была добавлена сакральная санкция, очевидно, в интересах жречества Дельф, которые и стали центром распространения этого обычая в Греции⁴³. Однако неясно,

³⁸ F. B ö m e r. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland u. Rom. Wiesbaden, T. I, 1957; T. II, 1960; T. III, 1961; т. IV, 1933.

³⁹ Ibid., II, S. 29—51.

⁴⁰ Ibid., S. 130—131.

⁴¹ Ibid., S. 41.

⁴² Ibid., S. 48.

⁴³ Ibid., S. 44, 48.

почему жречество было заинтересовано в указанных двух наиболее тяжелых для освобождаемых рабов пунктах. Ведь манумиссами выступают далеко не одни жрецы или люди, занимавшие другие храмовые должности.

Самый этот тезис Бёмера, возможно, вполне правильный по существу, останется недоказанным, пока мы не представим себе ту социальную среду, из которой выходили лица, игравшие различную роль в актах о манумиссиях, — сами владельцы рабов, их гаранты (*ὑπεβασιτεῖρες*), многочисленные свидетели, если не попытаемся подметить связь обоих пунктов (о парамонэ и об обязательстве предоставить ребенка рабовладельцу) с составом действующих в этих актах лиц. Бёмер очень хорошо выяснил печальный для рабов смысл обеих статей, но едва ли объяснил их. Его утверждение⁴⁴, что для дельфийского жречества в его отношении к рабам религиозные соображения не являлись определяющими, если с этим не были связаны хозяйственные выгоды, отличается слишком общим характером, чтобы его признать таким объяснением.

2. ВЫКУПНЫЕ ЦЕНЫ

Для изучения дельфийских манумиссий как источника по истории рабства лучше ограничиться определенным периодом. В дальнейшем будут использованы свидетельства дельфийских эпиграфических памятников примерно за 60 лет от III до X жречества включительно, т. е. от 180 до конца 20-х годов II в. до н. э. Основания для такого ограничения следующие. Последние десятилетия III в. и начало II в. до н. э. были беспокойным временем для Дельф: общее политическое положение в Греции сильно изменилось в результате II Македонской войны и войн Рима на Востоке, что повлияло и на отношения в Дельфах⁴⁵. Избранный нами период отличается для Дельф более стабильным характером. С другой стороны, в самом конце II — начале I в. до н. э. документальный материал становится более разрозненным и охватить его гораздо труднее. Поэтому нам кажется более целесообразным использовать обильные сведения, относящиеся к указанному периоду, чтобы сделать некоторые заключения общего характера.

Ограничивая свою задачу сравнительно небольшим периодом, мы не можем, однако, не выходить время от времени за его пределы, стремясь представить себе общественное лицо того или иного деятеля и характер и значение его семьи. Заметим при этом, что число отпускаемых рабов не может иметь особого значения, так как нет оснований считать, что оно прямо пропорционально числу рабов у владельца или его имущественному положению.

⁴⁴ F. Bömer. *Op. cit.*, II, S. 48.

⁴⁵ G. Daux. *Op. cit.*, p. 3 sq.

В дошедшей до нас примерно тысяче дельфийских манумиссий мы имеем документы одного типа. А. В. Никитский, выделяя во всей совокупности дельфийских памятников в зависимости от их содержания различные группы, замечает, говоря о первой группе этих памятников, характеризующих внутреннюю жизнь и устройство храмового города: «В первой группе подавляют своей массой и представляют наиболее благодарный материал для изучения так называемые манумиссии — надписи об отпущении рабов на волю под формой продажи их Аполлону Пифийскому»⁴⁶. Действительно, массовый характер дельфийских манумиссий делает их в известном смысле уникальным источником, в частности и по истории рабства в Греции (но отнюдь не только по этой истории, как прекрасно показывают исследования Никитского, А. Моммзена, До и др.).

Нельзя, однако, не отметить, что хотя манумиссии и являются «благодарным» материалом для изучения, мы встречаемся в то же время с многочисленными трудностями, обусловленными прежде всего техническими моментами (лакуны, неверные чтения, невозможность точно установить хронологию и т. д.). Кроме того, характер источников часто не позволяет получить ответ на интересующие нас вопросы, хотя, казалось бы, они неразрывно связаны с содержащимися в этих источниках сведениями.

Прежде всего мы считаем нужным остановиться на ценах, уплачиваемых рабами за освобождение. Этот сложный вопрос затрагивался неоднократно, но рассматривался обычно чересчур общо.

Давно уже было указано, что возраст раба, характер его профессии, наличие детей у него (или у рабыни) оказывали влияние на уровень цены. Это можно считать бесспорным, но при скудости, а иногда полном отсутствии конкретных данных мы не можем учесть более точно это влияние. К тому же можно легко представить себе и другие факторы, обуславливавшие соглашение между манумиссией и рабом и определявшие сумму, зафиксированную в манумиссии. Большей частью эта сумма равна 2—5 минам серебром. Возникает мысль, что, изучая эти цены, можно выявить некоторую общую закономерность: например, предположить, что их уровень связан с рыночными ценами. А. Кальдерини⁴⁷ полагал, что рыночные цены варьировали в пределах 1—3 мин., тогда как в дельфийских манумиссиях мы встречаемся с ценами 3, 4, и 5 мин. Он объяснял эту разницу стремлением раба получить свободу и потому готового уплатить более высокую сумму. Может быть, в какой-то мере это верно. Однако дельфийский материал не дает нам для сравнения сведений о покупной цене. Притом, если даже и допустить, что рыночные цены оказывали влияние на выкупную плату, все же приходится учитывать и множество других факторов.

⁴⁶ А. В. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды, стр. 7.

⁴⁷ А. Calderini. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908, p. 212.

Кальдерини в свое время составил таблицу выкупных цен по отдельным жречествам⁴⁸. Основной его вывод, принятый безоговорочно Хайхельхаймом⁴⁹, таков. В период первых трех жречеств (200—171 г. до н. э.) средняя цена раба равнялась 4 минам серебром, при IV—V жречествах (170—150 гг. до н. э.) — 3 минам, в последующие годы — VI—VIII жречества (150—125 гг. до н. э.) — снова 4 минам, в 125—100 (в книге явная опечатка: 125—200) гг. — 5 минам, позднее цена снижается до 3 мин и остается на этом уровне в течение долгого времени, обнаруживая тенденцию иногда повышаться. Хайхельхайм усматривал в таком движении цен параллель к состоянию цен в Египте и видел в этом новое указание на существование тесных экономических связей между странами Восточного Средиземноморья в эллинистическую эпоху.

Столь широкий вывод вызывает серьезное сомнение. Общие средние цены, выводимые из данных манумиссий, вообще говоря, мало показательны. Опираясь ими, во всяком случае следовало бы предварительно выделить цены выкупа несовершеннолетних рабов, что Кальдерини отмечает в своей таблице, но о чем не говорит, формулируя свой общий вывод. Таблица его построена по жречествам, которые он объединяет в следующие периоды: I—III—30 лет; IV—V—20 лет; VI—VIII—25 лет; IX—XI—25 лет. Но периоды эти неодинаковы. Чтобы определить движение цен, было бы удобнее использовать равные промежутки времени, например десятилетия. Самые хронологические рамки жречеств, принятые Кальдерини, уже не отвечают сейчас состоянию исследования: V жречество закончилось не в 150 г. до н. э., а в 154/3, значит, VI жречество началось несколько раньше, чем указано в труде итальянского ученого. VIII жречество длится не до 125 г., а лишь до 140/139 г. до н. э., а IX начинается соответственно раньше⁵⁰.

Кальдерини вывел за рамки своей таблицы «более частные данные» (*dati più particolari*), а именно случаи, когда в источниках дается суммарно цена нескольких рабов или рабыни с детьми, а также когда цена приводится не в минах (или не только в минах), но в других единицах (статеры и пр.). Однако таких случаев набирается довольно много: всего для периода I—XI жречеств — 64, что составляет около 10,27 % общего числа цен, помещенных в таблице (всего 623). С другой стороны, Кальдерини не совсем последователен в аналогичных случаях, когда в манумиссиях указывается общая цена для двух или более рабов, деля эту цену на число рабов и ставя полученную цифру в таблицу. Неясно, почему он считал возможным делить, например, цену 8 мин за двух рабов пополам и выделял как особый случай, т. е. не учитывал в таблице цену

⁴⁸ A. Calderini. La manomissione e la condizione dei Liberti in Grecia. Milano, 1903, p. 214.

⁴⁹ J. Heichelheim. Wirtschaftliche Schwankungen. Jena, 1930, S. 70, Anm. 1.

⁵⁰ G. Daux. Op. cit., p. 124, sq, 194 sq.

5 мин за трех рабов. Принципиального различия в обоих случаях, нам кажется, усмотреть нельзя.

Исходя из этих соображений, мы составили таблицу цен несколько иначе. Чтобы учесть их движение по десятилетиям, пришлось начинать не с 201 г. до н. э., а с 193 г. Такой исходный пункт удобен потому, что жречество VI закончилось в 144 г., а X — около 124 г. Таким образом, мы можем проследить изменения цен по следующим десятилетиям: 193—184, 183—174, 173—164, 163—154, 153—144 и (за два десятилетия) 143—ок. 124. Далее, поскольку выкупная цена *παῖδῶν* и *χορῶν*, как обычно полагают, ниже, чем цена взрослого раба, и варьирует менее значительно, мы выделили при выяснении средних цен тех и других ⁵¹. Поскольку известно, что в mine (в Дельфах) было 35 статеров ⁵², мы сочли возможным приобщить к данным, помещенным в таблице, и многие случаи *πῖν particulari*, не вошедшие в таблицу Кальдерини. Для взрослых рабов, если цена указывается суммарно, мы вводили эту цену в виде числителя дроби, а в качестве знаменателя к ней брали число рабов. Случаи, когда цена в манумиссии дана для матери и ребенка, более затруднительны, так как, вероятно, их цены были разные. Поэтому такие случаи в таблицу не вводились.

Вполне признавая тщательность подсчета, сделанного Кальдерини, мы думаем все же, что стоило пересмотреть данные о ценах, хотя бы уже потому, что вместо 623 случаев выкупа, учтенных им, теперь мы имеем для того же периода более 800, т. е. грубо говоря, данные о ценах для этого периода увеличились с 1908 г., когда появился труд Кальдерини, примерно на одну треть. Результаты нашего подсчета показаны в следующей таблице (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Годы до н. э.	Число рабов	Средняя цена (мины серебром)
193—184	85	3,64
183—174	88	4,19
173—164	123	3,73
163—154	104	3,4
153—144	93	4,47
143—ок. 124	119	4,28
Всего:	612 *	

* Часть взрослых рабов *παῖδῶν* и *χορῶν* не вошла в таблицу по высказанным выше соображениям.

⁵¹ В таблице Кальдерини в жречествах III—XI цена *παῖδῶν* 4 раза равна 3 минам, 5 раз — $3\frac{1}{2}$ и раз — 4; цена *χορῶν* 6 раз — 3, раз — $3\frac{1}{2}$ и 4 раза — 4 мины. В других случаях она равна 1—2 минам.

⁵² ВСН, 1927, р. 172.

Какое бы условное значение ни имели средние цены, все же в действительности их колебания были менее резкими и значительными, чем предполагал Кальдерини. Средние цены по десятилетиям изменялись от 3,64 мины до 4,47 мины, т. е. в пределах 0,83 мины, тогда как, согласно Кальдерини, разница составляла 2 мины.

Следуя за Франкоттом, Кальдерини придает решающее значение конкуренции свободного и рабского труда и связывает с ней медленный упадок промышленности и торговли в собственно Греции, совершавшийся в обстановке упадка рабства и замены рабского труда свободным. Манумиссии, по его мнению, обычно связанные с соответствующей компенсацией, были экономически выгодны и практически удобны для рабовладельца. Мы уже говорили выше, что для подобного вывода нет оснований. Нам ничего в сущности не известно о конкуренции рабского и свободного труда. Во всяком случае дельфийские данные не позволяют сделать вывод о том, что манумиссии явились следствием невыгодности применения рабского труда. Уже то обстоятельство, что, отпуская раба на условия *παράνομος*, т. е. предоставляя ему новый статус, господин обычно стремился сохранить для себя *δοῦλος γρεῖτος*, т. е. фактически рабское положение вольноотпущенника вовсе не свидетельствует о желании господина избавиться от якобы невыгодного для него работника. Против вывода Кальдерини и других говорят и некоторые отдельные данные. Как, например, с этой точки зрения объяснить манумиссию, в которой четыре рабовладельца отпускают совместно на свободу одного (!) раба (SGDI, № 2264).

Если рабский труд стал невыгодным, то как объяснить акты, где манумиссор требовал, чтобы отпускаемая им на свободу рабыня оставила у него своего ребенка или вместо него представила другого, а иногда даже рабыню вместо себя (SGDI, № 1719, 1891).

Но главное не в этом: самое существенное — то, что цены при отпуске рабов в Дельфах не являются функцией времени. Теми независимыми переменными, функцией которых являлись цены, представленные в актах, были не столько рыночные цены на рабов, изменявшиеся с течением времени, сколько ряд других факторов: стремление рабовладельца в некоторых случаях извлечь наибольшую для себя выгоду из сделки с рабом, хозяйственные или социальные соображения, побуждавшие освобождать раба, его квалификация и связь этой квалификации с профессией владельца (см. SGDI, № 1904), наличие *παράνομος* в условиях договора и т. д., т. е., такие обстоятельства, о которых очень редко мы имеем какие-либо сведения. К тому же заметим, забегая несколько вперед, что многочисленные памятники Дельф, интересующие нас, охватывают определенный социальный слой — людей, входивших в правящую группу. Их деятельность и в собственных частных интересах могла быть связана с общей экономической обстановкой посредством многих звеньев, установление которых остается для нас большей частью недоступным.

Но если мы не можем усмотреть какую-то закономерность, изучая уровень цен в различные десятилетия II в. до н. э., то это не значит, что установление средних величин не имеет значения. Закон больших чисел обнаруживает себя и на дельфийских манумиссиях — вопрос только, в каком смысле его можно отметить. Средними ценами, как нам представляется, следует считать цены не от 2 до 5 мин серебром, но от 2 до 4. Это становится ясным, если сопоставить числа рабов, отпущенных как без условия парамонэ, так и с этим условием не в соответствии с периодами жречества или десятилетиями, а в связи с уровнем цен (табл. 2). Оказывается, что основная масса манумиссий изучаемого нами периода охватывает акты с выкупной ценой от 2 до 4 мин включительно: дельфийских манумиссий 293 из 427, т. е. 68,62%, а иностранных 125 из 182, т. е. 68,68%. Если взять манумиссии в целом (как дельфийские, так и иностранные), то получаем для актов без парамонэ 64,58%, для документов с условием парамонэ — около 81,51%.

Таблица 2

Цена (мины серебром)	Дельфийские		Иностранные		Те и другие	
	без парамонэ	с парамонэ	без парамонэ	с парамонэ	без парамонэ	с парамонэ
До 1 вкл.	15	2	3	1	18	3
1—2	10	2	2	—	12	2
2	28	13	9	3	37	16
2—3	12	6	5	1	17	7
3	55	38	35	12	90	50
3—4	19	7	10	2	29	9
4	88	27	38	10	126	37
4—5	15	—	2	—	17	—
5	37	13	18	3	55	16
Свыше 5	36	4	26	2	62	6
Всего	315	112	148	34	463	146

Соотношение между числом манумиссий с условием парамонэ и общим числом манумиссий изменяется довольно значительно в зависимости от того, с какими выкупными ценами мы имеем дело. Для документов дельфийцев это соотношение колеблется от 0,3 до 40,86%, в целом же из всех манумиссий дельфийцев акты с парамонэ составляют 26,23%. То же явление наблюдается и в манумиссиях иностранцев: акты с парамонэ составляют 18,68% из общего числа документов, но для цен до 4 мин серебром — 22,14%, а для цены выше 4 мин серебром — 9,8%. Низкие цены (до

2 мин серебром) и цены выше среднего уровня, т. е. более 4 мин, в актах дельфийцев и иностранцев составляют 5,75 и 25,61 %. Таким образом, для удобства рассмотрения можно сгруппировать цены в следующие разряды: 1) низкие цены (до 2 мин); 2) средние (2—4 мин); 3) высокие (свыше 4 мин).

Простейшие зависимости могут, на первый взгляд, быть установлены без особого труда, но более внимательное изучение показывает, что и в этом отношении дело обстоит сложнее. Понятно, например, что за двух или трех рабов плата выше, чем за одного. В этом случае уплачивается, например, цена (τιμή), равная 7 минам. Но при освобождении трех рабов мы находим плату и в 10, 12 и 18 мин, а при освобождении двух — 10 мин.

Чтобы выяснить, какие факторы влияли на выкупную плату, целесообразнее рассматривать не основной разряд, включающий цены от 2 до 4 мин, а два других. Действительно, уже при беглом ознакомлении с первым разрядом (цены до 2 мин) мы находим нередко указания на возраст отпускаемых на волю лиц: термины παιδρίων, χοράσιων, χορίδιων встречаются неоднократно. Хотя, вероятно, они относятся не к одинаковому (даже приблизительно) возрасту — возрастные различия при сохранении общего термина могли быть значительными, — все же в большинстве случаев речь шла, очевидно, о несовершеннолетних рабах. Возможно также, что в тех манумиссиях с низкой оплатой, где указанных терминов нет, имелись в виду, наоборот, рабы уже преклонного возраста, не способные работать так, как здоровые молодые и среднего возраста рабы. Однако, если присмотреться к ценам, уплачиваемым за παιδρία и χοράσια, то окажется, что эти цены далеко не всегда были ниже средних цен при освобождении взрослых рабов.

Т а б л и ц а 3

Цена (мины серебром)	Число людей	Цена (мины серебром)	Число людей
До 1 включительно	13	3	10
1—2	6	3—4	6
2	8	4	4
2—3	5	Свыше 4	2

3 мины это нередко цена выкупа взрослого раба или рабыни. Поэтому, если παιδρίων или χοράσιων платит 3 мины за себя, то это приходится считать повышенной ценой (мы не говорим уже о больших суммах). Между тем из приведенных данных видно, что за 1—2 включительно мины отпущены 27 несовершеннолетних, и за цену выше 2 мин — 27 чел. (что составляет 50%). Притом в первом разряде (до 2 мин включительно) освобождение с обязатель-

ством парамонэ встречается 9 раз, а во втором 11 раз. Между тем манумиссии с парамонэ, как общее правило, имеют цены ниже цен манумиссий без парамонэ. Таким образом, цены во втором разряде оказываются сравнительно очень высокими. Поэтому нельзя не прийти к выводу, что возраст отпускаемого, очевидно, учитывался, но не играл определяющей роли при установлении цены.

На величину суммы, уплачиваемой рабом за освобождение, несомненно, влияла его квалификация, указания на которую, однако, в актах очень редки. Иногда просто говорится о мастере или мастерице (SGDI, № 2177, 2154: 11 мин и 8 мин), иногда указывается и профессия (SGDI, № 1842: τεχνῆτιν αὐλητρίδα — 10 мин; SGDI, № 2094: τεχνεῖται σκωτῆ — 10 мин).

Иногда цена зависела, по-видимому, и от личности хозяина. Например, Ксенида, дочь Менестрата, склонна отпускать рабов по высокой цене. Так, с согласия двух сыновей она дает свободу подростку (SGDI, № 2018) Карпу, выросшему у нее в доме, взяв с него более чем вдвое по сравнению с высокой ценой за взрослого — 10 мин (без парамонэ). В другой раз она же отпускает раба Сосиппа на условии пожизненной парамонэ за 8 мин. Заметим, что все же и здесь, несмотря на то что в первом случае речь шла о παιδάριον, а во втором (SGDI, № 2159) о взрослом рабе, цена в манумиссии с условием парамонэ на 20% ниже цены на условии полной свободы.

Едва ли случайно и то, что наблюдается в манумиссиях многократно упоминающегося в дельфийских надписях Астоксена, сына Дионисия. Он шесть раз выступал в качестве манумиссора. Цены выкупа у него следующие: 3 мины (он продает Аполлону вместе с Харинном, сыном Парнассия, рабыню. — SGDI, № 1946), 4 мины (дважды), 6 мин (отпуск на свободу на особых условиях: если у вольноотпущенницы не будет детей, все ее имущество переходит к манумиссору. — SGDI, № 1891), 10 мин и, наконец, 15 мин. Все манумиссии без парамонэ.

Известный Праксия, сын Евдока, тоже отпускает рабыню, притом *χορίδιον*, с условием парамонэ за 4 мины (SGDI, № 2088), раба-вифинца за 6 мин, причем поручитель у него — Астоксен, сын Дионисия (SGDI, № 1906), раба Хресима с женой — за 5 и 4,5 мины. Хотя в последнем случае термин *παρμόν* отсутствует, все же указывается, что Хресим будет Праксии служить всегда, когда в этом будет нужна (SGDI, № 2183).

Трое сыновей Диодора — Антиген, Мнасифей и Калликрат — отпускают на свободу раба Сотериха, армянина, за очень высокую цену — 18 мин, правда, с оговоркой, что тот будет свободно распоряжаться своим имуществом⁵³. Клеон, сын Клеодама, отпускает

⁵³ SGDI, № 1938. Гарантами у них Евдок, сын Праксии, и Агесилай, сын Тарантина.

раба Никанора за высокую цену (10 мин), но и здесь особое условие: Никанор сможет обладать в свою очередь рабом и имуществом. Приведенные данные едва ли случайны: они все указывают на стремление некоторых манумиссоров требовать высокую плату от раба и, с другой стороны, на то, что на цену выкупа влияли условия манумиссии.

Одно из этих условий — и именно в манумиссиях со сравнительно высокой суммой выкупа, — по-видимому, способствовало повышению цены, уплачиваемой рабом. Мы имеем в виду обязательства, связанные с займом, называемым *ἐρχνος*. К рассматриваемому нами периоду относятся несколько манумиссий, в которых упоминаются подобные обязательства рабов. Займы-*еганос* анализировала Л. М. Глушкина, изучавшая социальный характер эранистов⁵⁴. На основании эпиграфических и литературных данных она пришла к выводу, что займы давали иногда возможность рабам выкупиться, а вольноотпущенникам и метекам — развивать производственную деятельность.

Нас здесь интересует лишь вопрос о ценах в этих манумиссиях. В целом они представляются довольно высокими — 4, 5, 6 и 13 мин (лишь в одном случае — 3 мины). Помимо выкупной цены в манумиссиях имеются обязательства по уплате *еганос* — займа. Л. М. Глушкина утверждает, что здесь не всегда речь идет «о сумме, собранной для выкупа рабом свободы»⁵⁵. На это указывает, по ее мнению, наличие обязательства по *еганос*-займу и тогда, когда в документе говорится, что выкупная плата уже внесена. Нам кажется, что последнее ни о чем еще не говорит: путем *еганос* могли быть собраны деньги и внесена цена, что и констатируется в акте манумиссии. Существенное другое соображение Л. М. Глушкиной, что сумма долга не совпадает с выкупной платой и выше средней цены. Отсюда автор делает вывод, что к *еганос*-займу обращались, чтобы использовать деньги в хозяйственных целях. Отрицать такую возможность не приходится, но, зная, практицизм и своекорыстие людей того круга, к которому принадлежали манумиссоры в Дельфах, нельзя, как нам представляется, отрицать и другую возможность: использование манумиссий, в которых упоминается *еганос* в интересах манумиссора, а не раба.

Л. М. Глушкина замечает, что практика возложения на раба денежных обязательств манумиссора вряд ли могла иметь широкое распространение⁵⁶. Но по отношению к дельфийским манумиссиям о широком распространении отпуска на свободу с обязательством уплатить *еганос* говорить не приходится. Для периода 201—125 гг. до н. э. мы имеем всего лишь шесть манумиссий с таким обязатель-

⁵⁴ Л. М. Глушкина. Социальный аспект *еганос*-займов в Аттике IV в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 1, стр. 35—40.

⁵⁵ Там же, стр. 39—40.

⁵⁶ Там же, стр. 40.

ством при общем числе манумиссий около семисот. В одной из них ясно, что *еганос* был собран для внесения выкупной цены (SGDI, № 1909). Что касается остальных пяти, там дело, по-видимому, обстояло иначе и забота об интересах манумиссора выступает достаточно ясно. Например, в SGDI, № 1878 при выкупной цене раба 6 мин сумма займа равна 40 минам, т. е. более чем в шесть раз превосходит цену выкупа; внести же раб обязан половину этой суммы, т. е. в три с лишним раза больше, чем те деньги, которые он уплатил за выкуп. Кроме того, манумиссор потребовал еще, чтобы вольноотпущенник обучил мастерству подростка, которого даст ему для этой цели продавец. Отсюда видно, что бывший раб — специалист в каком-то ремесле и деньги по займу могли, конечно, пойти для его мастерской. Но с другой стороны, ясно, что и манумиссор не упускал случая использовать *еганос* в своих интересах. В другой манумиссии (SGDI, № 1772) сумма, которую двое вольноотпущенников должны внести по *еганос*-займу, также втрое превышает их совместную выкупную цену⁵⁷.

Интересно, что во всех случаях организаторами займа являются не манумиссоры, а другие лица. В SGDI, № 1791 сумма займа не указана; говорится лишь, что половину этой суммы вольноотпущенник должен вносить равными взносами в 5 статеров и 100 оболов каждые четыре месяца, пока не будет внесена вся сумма долга. Л. М. Глускина замечает, что общая сумма этого долга не указана. Однако, поскольку годовой взнос невелик (около 43 драхм), то, очевидно, рассрочка дается на сравнительно долгое время. Если считать, что *еганос* был равен выкупной плате (5 мин), то и тогда срок выплаты составит свыше пяти лет. Что же касается того, для какой цели и в чьих интересах был сделан заем, то содержание документа не позволяет прийти к определенным выводам.

3. ПАРАМОНЭ В ДЕЛЬФИЙСКИХ МАНУМИССИЯХ

В дельфийских манумиссиях мы встречаемся с различными условиями освобождения и фактическими ограничениями свободы, приобретаемой вследствие манумиссии. Наиболее характерна в этом отношении статья о *парамонэ*, т. е. обязательстве раба или рабыни в течение какого-то срока продолжать работу у манумиссора с оговоркой, что, если раб нарушит это условие или совершит какую-либо оплошность, манумиссор имеет право наказывать его по своему усмотрению.

Более полувека назад Кальдерини дал обстоятельную сводку материала о манумиссиях в древней Греции, и, в частности, данных

⁵⁷ Непонятны расчеты Глускиной по манумиссии SGDI, № 1791: в дельфийской мине было 35 статеров, автор же почему-то берет за основу аттический статер, равный четырем драхмам. Десять оболов не вполне равны 1,5 драхмам.

о парамонэ⁵⁸. Он изучал сроки парамонэ, лиц, у которых рабы должны были «оставаться» (παρῆνευεν), обязанности вольноотпущенников после смерти патрона, платежи манумиссору помимо суммы, обусловившей самый отпуск раба на волю, освобождение от парамонэ, наконец, ограничения местожительства вольноотпущенников. Кальдерини считал, что практика парамонэ преследовала прежде всего экономические цели: манумиссор мог таким образом получить выкуп, сохранить для себя труд бывшего раба, обязать его другими платежами и конечным взносом, с которым было связано досрочное освобождение от парамонэ (ἀπολύσις). Вместе с тем парамонэ позволяла держать «освобожденного» в еще большем повиновении, поскольку его должна была манить надежда на полное освобождение и, с другой стороны, страшить угроза возвращения в рабское состояние в случае неповиновения или вообще нарушения условий договора.

К своим выводам Кальдерини пришел на основании изучения всего греческого материала, доступного в то время, как для доримского, так и для римского периода. Картина, обрисованная им, естественно, оказалась чересчур общей: на условия освобождения рабов не могло не повлиять изменение общей исторической обстановки — со II в. до н. э. до поздней империи. Кроме того, далеко не все вопросы, связанные с парамонэ, были автором поставлены или тем более разрешены. Важно было бы, например, проследить в манумиссиях с парамонэ статьи, касающиеся имущественных отношений и обязательств относительно судьбы детей рабыни. Немаловажно и то, кто именно заключал договор с парамонэ.

Понятно, что Кальдерини еще не мог поставить так широко общую проблему парамонэ, как это стало возможно позднее благодаря обширному сравнительно-историческому материалу, прежде всего данным папирологии. Кальдерини видел в парамонэ один из частных моментов, определявших положение вольноотпущенника (наряду, например, с денежными взносами), и вовсе не исследовал характера труда, обусловленного обязательствами парамонэ.

В последующие десятилетия вопрос о парамонэ стал рассматриваться как проблема, решение которой может пролить свет на отношения зависимости, существовавшие в течение всей истории древнего Востока и античного мира. С другой стороны, ученые, в особенности историки права, стремились выяснить точнее те понятия, с которыми приходится сталкиваться при решении этой проблемы.

Наиболее важными трудами о парамонэ являются работы Кошакера, Вестермана и Сэмюэля. Разбор их поможет яснее представить и проблематику и направление, в котором шло исследование.

Кошакер первым рассматривал парамонэ в широком историческом аспекте, привлекая материал из других областей древнего

⁵⁸ A. Calderini. Op. cit., p. 277 sq.

мира (Сирии, Междуречья, Египта)⁵⁹. Исходя из одного документа о займе из Дура-Европос, в котором должник обязывался, оставаясь у кредитора (τοῦτο παρ[α] — /[μὲνον]), выполнять для него рабскую работу (δουλικὰς ὑπηρείας), Кошакер сопоставил содержание этого документа 121 г. н. э. с многочисленными актами других периодов: древней аккадской династии Ларсы и древнеассирийских табличек, свидетельствующих о пребывании ассирийцев в Каппадокии на рубеже III и II тысячелетий до н. э., эпохи Среднеассирийского царства (таблички из Керкук-Нузи), Новоассирийской и Нововавилонской державы. Затем он коснулся дельфийских манумиссий и памятников греко-египетского права эллинистического, римского и византийского времени. Приведенный материал убеждал в том, что обязательства по парамонэ были широко распространены уже на древнем Востоке и что, с другой стороны, сходные свидетельства об этих обязательствах встречаются и в поздней античности.

Кошакер рассматривал положение парамонария, бравшего на себя подобные обязательства, как состояние полусвободы (der Zustand der Halbfreiheit), — шла ли при этом речь о должнике, освобождаемом рабе или ученике, отданном на указанных условиях мастеру. Очень важна его мысль о том, что обязательства по парамонэ не ограничиваются сферой долгового права, а порождают отношение принуждения со стороны кредитора, манумиссора и т. д. (ein Gewaltverhältnis)⁶⁰: парамонарий (или должник) лишается свободы передвижения, вступает в домашнее хозяйство своего контрагента, должен выполнять работу для него по его указаниям, повиноваться ему и т. д.

Статьи о парамонэ не давали защиты парамонарию от эксплуатации со стороны прежнего рабовладельца. Манумиссор или кредитор могли наказывать парамонария или должника любым способом, «по своему желанию». Парамонэ представляет собою поэтому, согласно Кошакеру, отношение зависимости, состояние, среднее между свободой и рабством. Автор подробно, последовательно и глубоко изучил существо парамонэ с юридической точки зрения и убедительно доказал, что понятия римского права, с которыми обычно подходят исследователи-юристы к парамонэ и сопутствующим ей явлениям, не могли охватить содержание греческого института⁶¹. Согласно римскому праву, например, оказывается непонятным и противоречивым положение детей освобождаемой рабыни: раз она становится свободной, значит и дети ее (как дети свободной) должны считаться свободными. Между тем ману-

⁵⁹ P. Koschaker. Über einige griechische Rechtsurkunden aus der östlichen Randgebieten des Hellenismus.—«Abhandl. der Sächsisch. Akad. der Wiss., phil.-hist. Kl.», Bd. 42, 1931.

⁶⁰ Ibid., S. 20.

⁶¹ Ibid., S. 38, 41.

миссии показывают, что в Греции «состояние полусвободы», возникшее при освобождении на условии парамонэ, вовсе не влекло за собой для детей бывшей рабыни никакого определенного статуса: все зависело от условий договора, т. е. от произвола манумиссора.

Большой интерес представляет также характеристика элементов греческого и восточного права в парамонэ. В общем нельзя не отметить в этом исследовании тонкость и глубину юридического анализа. Однако едва ли чисто юридический анализ данного института может привести к пониманию его исторического значения и социальной обусловленности.

Кошакер доказывал, что парамонарий — не раб, и в то же время подчеркивал наличие принуждения по отношению к нему. Однако нам известны многочисленные формы такого «полусвободного состояния», состояния, если воспользоваться заглавием книги Лотце, «между свободными и рабами». В нем находились и мариандины в Вифинии, и пенесты Фессалии, и многие другие. Важно выяснить, в чем состояла суть «несвободы». Кошакер, стремясь раскрыть ее юридическую природу и в то же время объяснить близость, если не тождественность формы и содержания парамонэ, возникавшей различным путем (парамонэ вольноотпущенника, должника и пр.), считал, что понимание юридической сущности акцессорной парамонэ делает простым и удовлетворительным понятие «разделенной собственности». При отпуске раба на свободу манумиссор частично отказывался от своей собственности в пользу отпускаемого, при заключении договора о займе происходило частичное отчуждение собственности должника в пользу кредитора (если последний применял принуждение) или же самоотчуждение, если должник добровольно соглашался на парамонэ. В подтверждение сказанного автор приводил нередко встречающееся в дельфийских документах выражение *ἡμιεὐθεῖας ἀποσ[χ]ιτῶν*.⁶²

Но ведь важно не только выяснить юридическую природу данного института. Притом нужно еще доказать, что понятие разделенной собственности, в котором видел желанную разгадку отношений полусвободы и советский ученый А. В. Венедиктов⁶³, было присуще древнегреческому праву. Это понятие скорее является конструкцией юристов более позднего времени, которая служит удобным орудием при исследовании сложных античных и средневековых институтов.

Но как бы то ни было, если даже думать, что это правовое понятие в какой-то мере идет от древности, оно не может нам объяснить

⁶² Это выражение вовсе не свидетельствует о понятии разделенной собственности: оно содержит просто раскрытие понятия *ἐλεύθερος* и указывает на то, что теперь (в случае смерти манумиссора) парамонарий получает право распоряжаться собой и заниматься, чем угодно.

⁶³ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, стр. 64 сл.

историческое значение данного института, показать, что он давал сторонам, заключавшим договор. Реальное значение парамонэ, как нам представляется, обуславливалось тем, что соответствующий договор давал возможность кредитору или манумиссору эксплуатировать парамонария, обеспечивал ему право на прибавочный труд. По форме это был свободный договор. Подобная противоположность между формальной свободой и фактическим принуждением не раз отмечалась как характерная черта эллинистического Египта⁶⁴ и объяснялась тем, что там практика, являвшаяся наследием порядков фараоновской эпохи, сохранялась, но рассматривалась сквозь призму греческих понятий. В данном случае, однако, речь идет не о юридическом понимании отношений, чуждых грекам, но продолжавших существовать и при их господстве, а о соотношении права и фактического положения в исконной эллинской среде. В этой связи положение парамонария поучительно сравнить с положением наемного рабочего в капиталистическом обществе. И при капиталистических порядках мы имеем формально свободный договор, на деле же принуждение, но принуждение экономическое. Отличием отношений зависимости при парамонэ, как и во многих других областях, было то, что дело не ограничивалось экономическим принуждением, а применялось и принуждение непосредственное — в случае недовольства манумиссора работой или вообще поведением парамонария. Раб мог освободиться с условием парамонэ и по экономическим мотивам: потому что он не имел, например, возможности дать еще большую плату за свое освобождение без тягостных условий и ограничений, но чаще, вероятно, потому, что манумиссор был заинтересован удержать парамонария (обычно до конца своей жизни) в качестве работника и рабу приходилось выбирать между манумиссией с обязательством парамонэ и сохранением рабского статуса. Таким образом, договор с условием парамонэ — это договор о праве на прибавочный труд, гарантируемый принуждением. Наличием момента внеэкономического принуждения и объясняется сходство парамонэ в манумиссиях и соответствующих обязательств должника, отрабатывающего проценты или капитальную сумму долга. Вместе с тем ясно и отличие парамонария от наемного работника.

С другой стороны, можно понять и различия между парамонарием и рабом: парамонарий по своему статусу свободный, а не раб. Его «рабские работы» длятся не пожизненно. Понятие «полусвободы», которым Кошакер оперирует как понятием юридическим, в данном случае неприемлемо. Как убедительно доказал Сэмюэль, манумиссия коренным образом изменяла статус раба, который отпускался на свободу без всяких ограничений. Договор о парамонэ был договором свободных людей с той и с другой стороны.

⁶⁴ См., например, F. O e r t e l. Die Liturgie..., S. 9.

Понятие «полусвободы» может быть принято лишь для характеристики фактического положения парамонария, а не его правового статуса. Но если даже употреблять его в этом смысле, то оно представляется слишком широким и неясным. Как и в других случаях, здесь необходимо выделить признаки, характеризующие это положение: отсутствие свободы передвижения, оговорки относительно имущественных прав, наличие перспективы свободы, запрещение манумиссору продавать вольноотпущенника как наказание за нарушение обязательства парамонэ, возможность и даже необходимость третейского суда в случае недоразумений и пр. Форма зависимости и в манумиссиях с парамонэ могла быть неодинаковой.

Следует высказать еще одно соображение. Кошакер прежде всего стремился выявить юридическую природу парамонэ. Поэтому он не считался с датировкой документов, привлекая, например, из опубликованных Коленом манумиссий (ВСН, 1898) акты как эллинистического, так и римского времени⁶⁵. В свое время До отметил, что при исследовании массы документов, относящихся к более чем трем столетиям, Кошакер почти полностью игнорирует историческую точку зрения. Было бы интересно, прибавляет французский ученый, и для юридического анализа этих документов учесть эволюцию формуляра манумиссий.

Тем более важно, скажем мы, проследить не только эволюцию формуляра, но вообще содержание и характер манумиссий в целях их исторического понимания, и в частности понимания института парамонэ. Мы уже указывали⁶⁶ на значение исторической обстановки, изменение которой нельзя не учитывать, пытаясь понять сущность парамонэ. Ведь сходный с формально-юридической стороны договор мог в различной исторической среде получить несколько иное значение, чем то, которое он имел несколько веков ранее, мог стать формой иных социальных отношений. Временной промежуток между дельфийскими манумиссиями и поздними египетскими договорами о *παρονομή* слишком велик, чтобы можно было считать, что эти договоры имели своими предшественниками акты о фиктивной продаже рабов Аполлону в Дельфах II в. до н. э. Необходимо определить не только сходство, но и различие в документах с парамонэ обеих эпох. Укажем хотя бы на то, что в Дельфах никогда не идет речь о принудительном взыскании денег с помощью государства — угроза, которая в обстановке эллинистических государств или Римской империи в некоторых случаях была очень реальна⁶⁷.

С другой стороны, следовало бы приглядеться и к тем лицам,

⁶⁵ Хотя, говоря о памятниках Среднеассирийского периода, он сам указывает на значение чересчур большого расстояния во времени этих памятников от рассматриваемого им договора из Дура-Европос (Р. К о s c h a k e r. Op. cit., S. 8).

⁶⁶ ВДИ, 1964, № 4, стр. 121.

⁶⁷ Р. К о s c h a k e r. Op. cit.

которые заключали договор с парамонарием, так как они в тот или иной период принадлежали к определенной социальной группировке, с присущими ей интересами, способами их защиты и пр. Иначе говоря, задача состоит не только в том, чтобы уточнить систему юридических понятий и показать эту систему на практике, но и в том, чтобы выяснить некоторые моменты в истории парамонэ, рассматривая ее в историческом контексте, в связи с характерными для данного периода социальными отношениями, экономическим положением страны и т. д. Юридические признаки могли быть сходными или даже тождественными, но генезис института и его роль в системе социально-экономических отношений — различными в зависимости от исторической обстановки. Этот момент остается почти незатронутым и в работах Вестермана, который, впрочем, подошел к проблеме парамонэ с иной точки зрения, чем Кошакер.

В исследованиях Вестермана⁶⁸ тщательно собраны все известные в то время свидетельства о парамонэ в папирусах эллинистической, римской и византийской эпох. Из вступительных замечаний автора следует отметить утверждение, что при отпуске раба на свободу путем фиктивной продажи божееству это божество вовсе не становилось рабовладельцем и что клятва (*υδριος βρχοε*), которую в ранний период дельфийских манумиссий должны были приносить как манумиссор, так и вольноотпущенник, была обычной при любого рода юридических сделках между частными лицами. Императив, который употреблялся в манумиссиях с условием парамонэ, вовсе не является выражением какого-то повеления божеества.

Вестерман, исходя из грамматических наблюдений над языком дельфийских манумиссий, доказывает, что в манумиссиях с условием парамонэ фиксируются два акта: 1) акт об отпуске раба на свободу и 2) договор (уже освобожденного) со своим бывшим господином о том, что вольноотпущенник согласен остаться (*παρμένει*) у манумиссора для работы. Автор видит задачу своего исследования в том, чтобы определить природу парамонэ как договора о труде и выяснить, какой вид работы при этом имеется в виду⁶⁹. Ответ, который он дает, таков: парамонэ — договор о работе, в котором не определяется ее тип, о работе общей, неспециализированной, в противоположность специальным или определенным трудовым обязательствам. Парамонарий обязуется выполнять все, что ему поручит работодатель в пределах требований, обычно предъявляемых к свободному работнику, хотя автор немного далее указывает, что в статьях о парамонэ обязанности парамонария характеризуются как «рабские» или как «обязанности слуги» (например

⁶⁸ W. L. Westermann. The Paramone as General Service Contract.— JJP, 1948, 2 (далее — The Paramone), p. 9—44; i d e m. The slave systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

⁶⁹ W. L. Westermann. The Paramone, p. 12.

SGDI, № 2156, lin. 15 или № 2092, lin 10). Как правило, это были, по мнению Вестермана, обязанности, связанные с домашней работой, и неквалифицированный труд в сельском хозяйстве (*oregae illiberales*).

Парамонэ отличалась от других договоров о труде: от договора при отдаче владельцем в наем своего раба или при отдаче раба в обеспечение долга, от договоров свободных работников, отработавших у кредитора проценты со своего долга или капитальную сумму этого долга (антихрестических договоров) и от *locatio-conductio oregaeum* при выполнении специальных работ.

Обращаясь к статье о парамонэ в позднейших источниках (папирусах римского времени), Вестерман выделяет как их характерную особенность следующую черту: обычно в договорах идет речь о денежном авансе, данном парамонарию (или лицу, заключающему относительно него договор), причем аванс дается без процентов и срок его не указывается. В случае если парамонарий, отработав положенное время, не сможет возратить аванс, срок парамонэ удлинится или же стороны (либо даже третье лицо) заключают новый договор о парамонэ. Парамонарий передает временно работодателю часть своей свободы: он теряет право беспрепятственного передвижения, которое обретает только в результате окончания парамонэ (*ἀπολύσις*)⁷⁰.

Сравнивая сходные по содержанию документы разных эпох (в частности, привлекая один из папирусов Зенона), Вестерман приходит к очень широкому историческому выводу, основание для которого, впрочем, выходит далеко за рамки материала, привлеченного автором в рассматриваемой работе: всякое использование принудительного труда при общественных работах и в государственных монополиях следовало образцу трудовых обязательств, примеры которых мы видели в системе парамонэ⁷¹. При принудительных работах, устанавливаемых правительством, воспроизводится, по его мнению, тип договора о парамонэ, но с более суровыми стеснениями индивидуальной свободы.

Таковы основные выводы Вестермана. Статья его интересна, она содержит тонкие и верные замечания, касающиеся толкования различных актов, но едва ли можно признать заключения автора относительно парамонэ вполне убедительными. Как и в юридической литературе (в частности, в статье Кошакера), здесь перед нами причудливое смешение времен, лиц и состояний. Странным образом в работе нигде не ставится вопрос об исторических условиях, вызывавших к жизни в ту или иную эпоху институт парамонэ, даже если принять, что во всех приводимых Вестерманом случаях мы имеем дело действительно с одним и тем же институтом. Автор, исследуя парамонэ, как бы абстрагируется от конкретной историче-

⁷⁰ W. L. Westermann. The Paramone, p. 24.

⁷¹ Ibid., p. 34.

ской обстановки: остается в сущности как юридическая абстракция трудовой договор о неспециализированном труде, как будто содержание и значение его оставались тождественными на протяжении 900 лет — в дельфийских манумиссиях и в папирусах Зенона, в римских папирусах I—II вв. н. э. и в южносирийском папирусе из Нессаны конца VII в. н. э.

Нам уже приходилось указывать ⁷², что важно обращать внимание не только на сопоставление сходных моментов при юридическом анализе документов разных периодов, но и на определяющую роль исторической обстановки, на причины, которые вызывали к жизни юридические акты, часто сходные по содержанию, но все же не вполне одинаковые, на различный социальный фон документов с условием парамонэ. В своей статье Вестерман ограничился также лишь некоторыми, довольно беглыми замечаниями о дельфийских манумиссиях с обязательством парамонэ, тогда как их изучение должно было бы явиться одним из основных моментов в его анализе.

Вестерман тщательно разделяет явления, иногда очень тесно связанные друг с другом, и в то же время довольствуется нередко одним признаком, чтобы утверждать, что мы имеем дело с тождественными явлениями. Он высказывается, например, решительно против смешения трудового договора о парамонэ и долгового обязательства, которое часто сопутствует ему, и справедливо возражает против такого смешения у других исследователей (Вегнер, Бок) ⁷³. Но ведь нельзя при изучении парамонэ ограничиться подобным разделением и не задаться вопросом о значении связи между договором о долге и о парамонэ, о фактических условиях, определявших эту связь. Поэтому трудно согласиться, что долговое обязательство представляется «совершенно второстепенным моментом» по отношению к трудовому аспекту договора ⁷⁴.

Вестерман не учитывает того факта, что субъектами договора о парамонэ являются в те или иные периоды различные социальные типы, люди, находившиеся в неодинаковых условиях: бывший раб, только что получивший свободу (дельфийские манумиссии), или должник, не имеющий возможности уплатить свой долг, или свободный человек, который нуждался в деньгах, но чтобы раздобыть их, мог воспользоваться лишь одним средством — заплатить за это своим трудом. Отличаются и условия договора, и следствия его нарушения; ведь дело не ограничивается лишь стеснением свободы передвижения. Даже в пределах серии однородных по типу документов (например, манумиссий) мы наблюдаем это различие в условиях (см. ниже). Не всегда притом труд парамонария носит

⁷² К. К. З е л ь и н. Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III до начала VIII в. н. э., стр. 121.

⁷³ W. L. W e s t e r m a n n. The Paramone, p. 24 sqq.

⁷⁴ Ibid., p. 25.

общий (неспециализированный) характер. И сам автор рассматриваемой статьи приводит примеры, когда речь идет о специальной работе, например о ткацком ремесле ⁷⁵, об уходе за стадом свиней (P. Oxf, 10), о работе садовника с водяным колесом (BGU, VI, 1258) и т. д., что все же очень отличается от обязательства «делать все, что прикажут» (ποιεῖν πάντα τὰ ἐπιτασσόμενα).

Что касается последствий нарушения договора парамонарием, то они тоже различны в документах, рассматриваемых Вестерманом. В случае такого нарушения со стороны вольноотпущенников постоянно повторяется формула о наказании: манумиссору предоставляется право наказывать нарушившего договор так, «как он захочет», вязать и бить его и т. д., иногда с некоторым ограничением (так, чтобы не было членовредительства). Говорится не раз также, что в этом случае акт об освобождении не будет иметь законной силы. В римском Египте дело обстояло иначе: нарушение парамонэ в отношении срока уплаты долга или аванса приводит, как уже упоминалось, к его удлинению или к возобновлению договора; прекращение условленной работы раньше срока влечет за собой уплату определенной суммы денег за каждый месяц, остающийся до срока.

Таким образом, и договаривающиеся стороны, и условия парамонэ, и последствия нарушения договора различны. В чем же сходство? Что позволяет все же объединять общим термином все эти разнородные, казалось бы, отношения? Согласно Вестерману, сходное заключается в существо парамонэ как договора о неспециализированном, общем труде. Мы видели, что нельзя все случаи парамонэ подвести под это определение. Суть не в характере или типе работы, но в признании заключающими договор принудительной власти работодателя.

Что дело обстоит именно так, видно и из самого изложения автора, и из того общего вывода, о котором было сказано выше. Вестерман полагал, что все использование принудительного труда на государственных работах и в монополиях Египта происходило по примеру парамонэ. Однако непонятно, как это могло быть. Ведь подобное использование носило чрезвычайно широкий характер, и по сравнению с ним парамонэ в отдельных сделках частных лиц является лишь одним из случаев в практике принудительного труда. И как могло возникнуть государственное принуждение по образцу этих частных сделок? Скорее можно думать, что оно древнее институтов частного права. Вывод Вестермана объясняется тем, что он принял *pars pro toto*, частный случай за основу всей системы принудительного труда. Сходство рассматриваемых явлений и практики государства обуславливается тем, что в основе всего этого лежит внеэкономическое принуждение, а не «общий, неопределяемый ближе труд».

⁷⁵ W. L. Westerman. The Paramone, p. 27; PSI, VIII, 902.

Вестерман, подмечая один сходный или даже тождественный момент, приходит к заключению, что сходно то, что в его глазах является главным, — характер труда. Так, например, для осужденных на работу в испанских рудниках (*metallis damnati*) в римское время освобождение от труда в этих рудниках наступало с «отпуском» (*ἀπολύσις*). Но ведь сходство в этом отношении (в манумиссиях мы встречаем также не раз *ἀπολύσις*) вовсе не означает сходства институтов и тем более их происхождения. Вестерман придает парамонэ общее значение «примера», в аспекте которого следует рассматривать все остальные отношения, а в действительности парамонэ представляло собой лишь частный случай, отдельный элемент в широкой системе отношений, в которую входило как существенный ее элемент непосредственное господство и подчинение.

Парамонэ, как и некоторые другие институты античности, интересна тем, что она показывает, к каким смешанным формам приводила практика внеэкономического принуждения при наличии частной апроприации личности и как принцип договора, соглашения сочетался с этой практикой.

Парамонарий манумиссий, несомненно, не раб — он только что получил освобождение и только как свободный и мог заключить договор о парамонэ. Но в этом договоре он берет на себя, как указывал и Вестерман, «рабские» обязанности. Свобода покупалась ценой согласия находиться некоторое время (часто весьма продолжительное) в зависимости от того, на кого обязывался работать парамонарий. К этому понуждала не экономическая необходимость, как понуждает она рабочего к наемному труду в капиталистическом обществе, но желание избавиться от рабства, от полной апроприации своей личности рабовладельцем. При других обстоятельствах определяющим моментом было экономическое принуждение, необходимость облегчить свое тяжелое материальное положение, избавиться от долга и т. д.

Если учесть значение внеэкономического принуждения и бесконечно разнообразные формы его проявления, то будет понятно, что практика этого принуждения отразилась — и притом уже в древнейшую эпоху — и в долговом праве, где принуждение на ранних ступенях общественного развития всегда играло важную роль и приводило нередко к полному порабощению должника, и в договорах об ученичестве, и во многих других случаях. При рассмотрении форм принудительного труда мы находим множество вариантов, от самых тяжелых, приближающихся к полному рабству, и до самых легких, при которых взявшему на себя трудовые обязательства для отработки процентов или самого долга дается возможность освободиться от зависимости ранее установленного срока.

То же мы наблюдаем, изучая и парамонэ. Непроходимой пропасти между свободным и рабом нет: перед нами различные формы неполной апроприации личности, отсутствия свободы передвижения, отсутствия или ограничения владения средствами производ-

ства, применения телесных наказаний или отсутствие такового и т. д. Спецификация работы или ее отсутствие в этих условиях является лишь одним из признаков формы зависимости.

Но сказанного недостаточно для понимания практики парамонэ в позднеэллинистический период. Элементы товарного хозяйства начали развиваться в Греции за несколько столетий до того времени, и развитие рабовладения уже давно было связано с существованием местных рынков, с ростом денежного обращения и пр. Формы непосредственного принуждения переплетались с формами отношений, определявшихся общим ходом развития товарного обмена. Нужда в деньгах и погоня за ними, которые так остро чувствуются в эллинистическую эпоху, приводили к дальнейшему развитию частных сделок — займам, выдаче денежных авансов, отработкам и т. д. Поэтому при анализе отдельных институтов, вроде парамонэ, необходимо учитывать всю сложность факторов, способствовавших оформлению и распространению этих институтов, выделять в них те элементы, которые носят на себе печать принудительности, и вместе с тем показывать, как на эту принудительную практику могла влиять общая экономическая обстановка. Для Египта следует учесть и вековые формы государственного принуждения, столь характерные для стран древнего Востока.

Возвращаясь к оценке статьи Вестермана, мы должны признать, что его общий вывод основан на изучении действительного положения вещей, но изучение это представляется односторонним: автор ограничился главным образом выяснением характера труда и не учел, что состояние, которое наступало при заключении договора о парамонэ, было не «примером», не исходным пунктом, но лишь частным случаем применения принципа, на котором основывалась в значительной мере экономика античного общества.

Наиболее детальное и широкое, если иметь в виду привлеченный автором материал, исследование сущности парамонэ было дано за последнее время А. Е. Сэмюэлем в его работе «Роль статей о парамонэ в античных документах»⁷⁶. В ней автор прежде всего исследует термины *παράμεινεν* и *παράμεινέη*, их значение в различные эпохи и в разном контексте и ту роль, которую эти термины и соответствующие им понятия играли в греческом праве. Уже во введении, где Сэмюэль дает сжатую историю вопроса, он не устает подчеркивать мысль, что его задача чисто терминологическая: мы, пишет он, заинтересованы значением термина парамонэ, а не юридическим и социальным значением практики парамонэ⁷⁷. Задача, которую Сэмюэль ставил перед собой, заключается в изучении юридической природы статей о парамонэ и последствий внесения их в акты о манумиссиях.

⁷⁶ A. E. Samuel. The Role of Paramone Clauses in Ancient Documents.— JJP, v. XV, Warszawa, 1965, p. 221—311.

⁷⁷ Ibid., p. 229.

Автор считает, что взгляд многих исследователей (Бёка, Курциуса, Миттейса, Блока, До и др.) на парамонэ как на условие, ограничивавшее или отсрочивавшее свободу отпускаемого, совершенно неправилен: статьи о парамонэ не затрагивали дарования свободы⁷⁸. Вольноотпущенник с условием парамонэ — такой же полностью свободный человек, как и отпущенный на свободу без этого условия. Представление о каком-то промежуточном состоянии, о статусе «полусвободы» (Кошакер), по мнению Сэмюэля, неправильно. Раз манумиссия имела место, обязательство по парамонэ уже не связано с рабским состоянием⁷⁹.

С большой тщательностью автор анализирует значение глагола *παράμεινεν* и существительного *παράμνη* в литературных памятниках, начиная с поэм Гомера и произведений Пиндара, в эпиграфическом материале (в частности, в надписях о манумиссиях), в папирусах. Он приходит к выводу, что глагол *παράμεινεν* не встречается в них как *terminus technicus* в значении «оставаться у кого-либо соответственно определенному юридическому обязательству», но имеет общее и многоразличное значение даже тогда, когда, как, например, у Ксенофонта, применяется к рабам. Наоборот, существительное *παράμνη* — технический термин, вовсе не встречающийся в литературе, а в документальных источниках появляющийся лишь с начала III в. до н. э. Он применяется для обозначения нового правового положения, которого не было до этого времени. Решающими для выводов Сэмюэля являются данные папирусов, в которых наблюдается различие между употреблением глагола и существительного. Указанные термины применяются там в различных случаях: при поручительстве, когда то или иное лицо дает обязательство находиться в таком-то месте в такое-то время (P. Hal. I, 48), при отпуске рабов на свободу, в договорах об ученичестве (на них автор, однако, дальше не останавливается в противоположность другим случаям, которые подробно рассматриваются им), при заключении договора о работе с получением вознаграждения и договоров о займе, в которых должник брал на себя обязательство отрабатывать проценты (а иногда и капитальную сумму), т. е. договоров об антихрезе. Во всех этих ситуациях обязательство парамонэ не имеет отношения к рабам: контрагентами выступают свободные люди.

Особенно обстоятелен анализ манумиссий (дельфийских и других), который содержит много ценных наблюдений (например, о значении постоянно встречающейся в надписях формулы *κατὰ τὴν ἐπίστασιν* и др.). Автор рассматривает данные об уплате за отпуск на свободу, о решении спорных вопросов между (манумиссором и вольноотпущенником), о защите последнего при попытке вернуть

⁷⁸ Ibid., p. 228.

⁷⁹ Ibid., p. 274:... obligation of the *παράμνη* was a question apart from slavery.

его в прежнее состояние, об имущественных и семейных правах вольноотпущенников. Всюду он находит подтверждение своего тезиса о том, что не может быть и речи о каких-то ограничениях статуса свободного, бывшего раба, отпущенного без всяких условий или с обязательством парамонэ. Об этом свидетельствует, по его мнению, например, тот факт, что в случае бегства парамонария он подлежит обращению в рабство, т. е. следовательно, до этого он рассматривался как свободный.

Решение споров в некоторых манумиссиях передается третьей-стороннему суду, причем обе стороны выступают в таком случае с равными правами. Вольноотпущенник сам вносит плату за оставшееся время целиком или из расчета отдельных лет, если хочет, чтобы обязательство парамонэ было снято досрочно. Значит, он располагает свободно своим имуществом и имеет право заключать те или иные сделки. Интересно соображение автора⁸⁰, что юридическая свобода в Греции по существу являлась понятием собственности: после манумиссии человек, бывший собственностью другого, сам имеет собственность, а если человек имеет собственность, то он свободный. Вольноотпущенник (и без парамонэ, и с парамонэ) получает защиту в манумиссиях при попытках обратить его снова в рабство (*κατάδουλιςμος*). Он имеет семью. Дети его, как правило, свободны, т. е. по своему статусу отпущенный на свободу с обязательством парамонэ ничуть не отличается от других вольноотпущенников.

Детально прослеживая формулировки манумиссий, автор останавливается на своего рода парадоксе, который неразрешим, если видеть в парамонэ особый контракт, устанавливающий некоторый промежуточный статус освобожденного. Обычная формула, характеризующая положение последнего, такова: «он может делать, что хочет, и отправляться, куда пожелает (например, SGDI № 2293, lín 19—21: *ποιοῦντα ὅ κα θέλει καὶ ἀπο[τρ]έχει[ν]τα* οἷς κα [θέ]λει). В манумиссиях с парамонэ эта формула, отсутствующая в некоторых из них, в других встречается и до и после формулировки обязательства оставаться у манумиссора и совершать для него «рабские работы». Естественно возникает вопрос, как совместить последнее обязательство с возможностью делать, что хочешь, и отправляться, куда угодно. Сэмюэль объясняет это следующим образом: указанная клаузула относится, по его мнению, не к условию парамонэ, а к самой манумиссии и подтверждает лишь, что раб стал свободным, она является своего рода разработкой понятия *ἐλευθέρως*. Этот «парадокс» — свидетельство того, что парамонэ не изменяла статусу освобожденного, но была лишь одним из условий, принятых пользующимся уже полной свободой вольноотпущенником.

Статья Сэмюэля очень содержательна, автор собрал большой материал об употреблении как глагола *παράμεινεν*, так и существительного *παράμεινι*. Нельзя не согласиться с его доказательст-

⁸⁰ А. Е. Sam uel. Op. cit., p. 295.

вами того факта, что манумиссия означала в правовом отношении свободу для отпускаемого и что в этом смысле условие парамонэ не меняло юридического статуса бывшего раба. Поучительна также систематизация данных о парамонэ в египетских папирусах и интересна развиваемая автором теория о начале употребления парамонэ как технического термина и применении этого понятия к манумиссиям. Но работа Сэмюэля, как нам кажется, страдает существенной неполнотой, обуславливающей односторонность его выводов. И при рассмотрении таких явлений, как манумиссии или парамонэ, автор, конечно, волен ограничить свою тему, в частности дать лишь анализ юридических понятий. Но так же как в области государственного права разбор политических понятий на которых основывается конституция, не может еще дать представления о функционировании этой конституции, если не выяснить социальную природу государства и способ применения правовых понятий на практике, так и формулы, подобные той, которую дает Сэмюэль, — если человек освобожден, то он свободен ⁸¹, — не могут дать представления о реальном положении освобожденного. Статья Сэмюэля выясняет юридическое значение клаузулы о парамонэ, но мало содействует пониманию этого института как жизненного явления, в частности не объясняет его появления в III в. до н. э. Если исследователь ограничивается лишь выяснением словоупотребления и смысла юридических терминов, учителя, естественно, будет рождаться вопрос: «Каково же было действительное положение парамонария?».

Между тем в ходе изложения автору не удается все время удерживаться в сфере правовых понятий, ему все же приходится сталкиваться с вопросами жизненной практики. И тогда ясно выступает некоторая тенденция с его стороны уравнивать положение вольноотпущенника с положением совершенно свободного человека, смягчить до известной степени те фактические ограничения свободы, данные о которых содержатся в манумиссиях. Характерно, например, заключение Сэмюэля ⁸²: парамонэ не делало отпущенного менее свободным юридически (in law), он свободен фактически (in fact). Но именно этот вывод и вызывает возражения. Запрещение продавать в рабство освобожденного с условием парамонэ, рассматриваемое Сэмюэлем как одно из доказательств его свободного статуса, имеет исключения, как указывает и сам автор ⁸³. Многочисленные и разительные исключения обнаруживаются, когда дело идет о судьбе детей парамонария, причем здесь ясно, что жизненная практика изменялась со временем и это не могло не отразиться на положении парамонария. Но Сэмюэлю чуждо стремление рассматривать вопрос в историческом аспекте, его интересует лишь система

⁸¹ A. E. Samuel. Op. cit., p. 294.

⁸² Ibid., p. 278.

⁸³ Ibid., p. 276.

правовых понятий. Обязательство отдать ребенка манумиссору или вместо своего доставить ему другого отсутствует в ранний период и становится общим явлением в римскую эпоху. В этом отношении особенно характерны манумиссии из Калимны. С другой стороны, автор не останавливается более детально на условиях пребывания парамонария у манумиссора, совершенно обходя, например, вопрос о праве последнего подвергать каким угодно наказаниям взявшего обязательство парамонэ, но провинившегося в чем-либо, заставлять его работать днем и ночью и т. д.

Статья Сэмюэля поучительна, так как лишний раз показывает несовпадение юридического и фактического положения в греческом обществе. Юридически свободный оказывался по своему фактическому положению в условиях, сходных с условиями, в которых жил раб, и происходило это потому, что договор заключался между неравноправными сторонами⁸⁴. В связи с этим следует уточнить и утверждение Сэмюэля о том, что свобода по существу совпадает с правом иметь собственность: раб, хотя и не имел права собственности, мог владеть имуществом, которое давало ему возможность выкупиться. В общем, если Кошакер и был неправ, характеризуя с юридической точки зрения состояние парамонария как состояние «полусвободы», то этот термин оказывается вполне подходящим для определения фактического положения.

Теория автора о распространении термина и понятия парамонэ с начала III в. до н. э. и сопоставление употребления этого термина в папирусах Египта различного содержания представляются заманчивыми. Но и здесь также желателен был бы исторический подход. Условия и практика в птолемеевском Египте отличались от обстановки и обычаев в полисах Греции, и в отношении парамонэ тоже могли быть специфические отличия. Для важной категории документов, в которых употребляется интересующий нас термин, а именно, когда должник брал на себя обязательство отработать проценты у кредитора, из эллинистической эпохи сохранился лишь один папирус, да и то в таком фрагментарном виде, что едва ли на основании его можно сделать определенный вывод (PSI, V, 549). Все остальные документы такого рода относятся к римскому времени.

В целом ценная по материалу и важная для понимания юридической стороны обязательства парамонэ статья Сэмюэля оставляет открытым вопрос об историческом значении этого института.

Поскольку парамонэ характеризует состояние фактической полусвободы, несмотря на то что парамонарий по своему статусу является свободным, постольку в его положении выступают — и иногда весьма ощутительно — моменты внеэкономического принуждения. Институт манумиссий возник и получил широкое развитие в обществах, где огромную роль играла форма зависимости, осно-

⁸⁴ См. В. А d a m s. *Paramone u. verwandte Texte*. Berlin, 1964, S. 3.

ванная на жестоком и последовательном применении такого принуждения, — рабство. Поэтому неудивительно, что и в случаях ликвидации этой формы зависимости можно бывает проследить в известной степени влияние указанного фактора, продолжающего действовать и тогда, когда коренным, казалось бы, образом изменялся статус человека.

Проявление принуждения можно усмотреть не только в ограничении свободы передвижения, на что особенно часто указывалось в литературе, но и в ряде других условий. Эти условия мы и предполагаем рассмотреть в дальнейшем в следующей последовательности: 1) статьи о санкции в случае нарушения парамонэ или одного из условий, оговоренных в манумиссии; 2) требования, предъявляемые к работе парамонария, и характер этой работы; 3) статьи о владении имуществом отпускаемого на свободу или манумиссора при наступлении определенных обстоятельств; 4) статьи о переходе парамонария в случае смерти манумиссора к наследникам последнего и о парамонэ не у манумиссора, но у третьих лиц; 5) клаузулы, в которых говорится о судьбе детей вольноотпущенницы; 6) ограничения свободы передвижения парамонария до наступления момента прекращения состояния парамонэ (*ἀπολύσις*), когда вольноотпущенник получал так называемую «полную свободу» (*Vollfreiheit*); право «делать, что хочет, и отправляться, куда пожелает» — стереотипная формула во многих актах с условием парамонэ⁸⁵; 7) данные об обязательствах, содержащихся в манумиссиях, в которых не упоминается термин *παρμονά*, так как эти обязательства отчасти сходны с теми, которые мы встречаем у парамонариев.

Состояние с обязательством парамонэ — отнюдь не рабство: парамонарий юридически не раб и не «полусвободный», а просто свободный человек, хотя и взявший на себя ряд обязательств, ограничивающих его свободу. Поэтому недостаточно отметить в его положении черты, указывающие на применение в той или иной форме принуждения. На этом положении не могли не отразиться и те факторы, которые воздействовали на жизнь всего свободного населения и в связи с которыми находится самый институт манумиссии. Важнейшим из них для рассматриваемого периода было товарное производство.

Уже в самом возникновении парамонэ мы наблюдаем характерное для развивающегося товарного производства отношение — договор (*συγχοφή*), хотя нам и не известно, когда и каким образом он заключался. Не менее существенно и то, что самый отпуск раба на свободу представлял собою в Дельфах не религиозный акт посвящения раба божеству (за очень малыми исключениями), но акт купли-продажи (*πώλη*), торговую сделку, хотя и фиктивную. Мотивы, побуждавшие манумиссоров отпускать на свободу раба или рабы-

⁸⁵ Например, SGDI, № 2041: *πολύοντες ὃ κα θέλωσι τ<όν>ὄν πάντα βίον*; SGDI, № 2126: *πολύουσι ὃ κα θέλωσι καὶ ἀποπορεύεσθαι οἱς κα θέλωσι*.

ню и определять более низкую или более высокую плату за это, могли быть очень различными, и для нас остаются большей частью неизвестными. Вестерман справедливо указывал на это. Но как бы то ни было реализация намерений манумиссоров и, с другой стороны, стремление раба получить свободу приводили к определенному юридическому акту: манумиссор становился продавцом, а божество — покупателем. Это вовсе не означало, что в результате подобной сделки раб какого-нибудь дельфийца или иностранца делался рабом Аполлона. Вестерман убедительно показал, что продажа богу носила фиктивный характер и в действительности означала лишь то, что раб получал свободу⁸⁶. Особенно настаивает на светском характере дельфийских (и многих других) манумиссий Бёмер⁸⁷. Но какую бы роль ни играл Аполлон в манумиссиях, важно, что эти манумиссии представляют собою акты купли (ὥνά), которые, как и самое понятие, неразрывно связаны с процессом товарооборота.

Третий фактор, действие которого сказывается так или иначе в манумиссиях, и в частности в документах с обязательством парамонэ,— сила традиции, обычаи или даже установления, возникновение которых относится к далекому прошлому, иногда к эпохе доклассового общества, но которые сохраняются и в тревожной, быстро меняющейся общественно-политической обстановке II в. до н. э. Сюда относятся, например, обычаи (τὰ νομιζόμενα), выполнения которых требует нередко манумиссор от вольноотпущенника, или принесение клятвы — гарантии исполнения принятых на себя обязательств как со стороны продавца, так и со стороны отпускаемого на свободу или, наконец, третейский суд, особая комиссия, состав которой определялся соглашением и которой принадлежало решающее суждение о том, как выполняются условия договора.

Влияние всех трех факторов — внеэкономического принуждения, развития товарного производства и традиции в их сочетании и взаимодействии — можно проследить порой и в намеченных выше условиях манумиссий с парамонэ.

В большей части этих манумиссий мы находим клаузулу, определяющую, что произойдет, если парамонарий не станет выполнять приказания манумиссора или же в каком-либо отношении будет дурно поступать (εἰ δὲ καὶ μὴ ποιέωντι τὸ ποτιτασσόμενον ἢ ἄλλο τι κακοποιέωντι. — SGDI, № 2126). В основном в документах мы встречаем два вида санкций, вступающих в действие в этом случае: наказание парамонария и недействительность купли (ὥνά) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наиболее часто наблюдается оговорка о праве продавца наказывать. Обычная формула такова: если парамонарий не будет вы-

⁸⁶ Именно потому, что бог не мог быть владельцем людей, продать ему раба и означало сделать последнего свободным, поскольку его продавали тому, кто не мог иметь рабов.

⁸⁷ F. Böttger. Op. cit., S. 30 f.

полнять приказания или не «останется» у манумиссора (μὴ παραμείνῃ), последний имеет право или возможность наказать нарушившего обязательства «так, как захочет», «таким способом, каким пожелает», «делать (с ним), что захочет» (SGDI, № 1743) и т. д. Обычно употребляется термин *κολάζειν* или *ἐπιτιμᾶν* (юридический термин: «налагать наказание»). В одной манумиссии оба термина употреблены вместе: *κύριος ἔστω Ἰέρων ἐπιτιμέων καὶ κολάζειν ὅτι καὶ προαιρῇ* (SGDI, № 2252), т. е. продавец имеет законное право и наложить наказание, и привести его в исполнение тем способом, какой он предпочтет. Иногда можно установить, каковы были наказания. В одной из манумиссий второй половины II в. до н. э. (SGDI, № 2216) Никасо, дочь Никона, отпускающая на свободу рабыню Ламию с условием парамонэ, оставляет за собой или за тем, кому она захочет поручить это, право в случае нарушения парамонэ бить и связать Ламию и сделать другое, что она (Никасо) пожелает. В других случаях вносятся некоторые ограничения, например: манумиссор вправе будет бичевать, но ударами, не наносящими увечья (*πλαγαῖς ἀσινέοις*,— SGDI, № 2261), или может наказывать (бывшую рабыню) «способом, каким хочет, но как свободную» (SGDI, № 2269 и 1714). Наказание соразмеряется со степенью вины (SGDI, № 2088)⁸⁸.

Еще более решительной санкцией для парамонария было объявление «купли» недействительной: *ἄκυρος*, не имеющей законной силы или *ἀτελής* несостоявшейся⁸⁹. Интересны случаи, когда мы встречаем в манумиссии и статью относительно права наказания и о том, что *ὡνά* будет считаться недействительной. Кошакер, разбирая подобный случай (SGDI, № 1944), считал, что обе статьи противоречат друг другу, так как если акт манумиссии признается несостоявшимся, а парамонарий, следовательно, остается рабом, то право наказания было бы излишне особо оговаривать, поскольку рабовладелец и без того обладает этим правом. По его мнению, перед нами здесь либо соединение различных клаузул, либо «наказание» следует отнестись только к непослушанию, а статью, освобождающую манумиссора от обязательств по манумиссии (*d'e Resolutivbedingung*),— к бегству парамонария. В SGDI, № 1944, как нам кажется, имеет место второе: в манумиссии речь идет о подростке (*παιδάριον*) Феокрите, и манумиссор, говоря о парамонэ, добавляет: пусть они (манумиссор и его мать) будут иметь власть наказывать Феокрита так, как пожелают, а далее мы читаем: «если он не останется (μὴ παραμείνῃ), то и купля его пусть не имеет законной силы».

В SGDI, № 1830 делается специальная оговорка о запрещении вольноотпущеннице жить в другом месте, кроме Дельф. Санкция дается дважды; сначала это санкция за неисполнение приказания или за

⁸⁸ Об оговорке относительно обязательства манумиссора не продавать кому-либо парамонария за нарушение парамонэ см. ниже.

⁸⁹ Иногда употребляются оба термина *ἄκυρος καὶ ἀτελής* (SGDI, № 1721) и *ἀρμένα καὶ ἀτελής* (SGDI, № 1854).

нарушение условия парамснэ (μὴ παρασείναι καὶ ὥς γέγραπται): наказание такое, какое пожелает отпускающая рабыню или кто другой, кому она поручит это. В конце же, после упомянутой оговорки сказано: если вольноотпущенница не станет жить в Дельфах или не будет исполнять то, о чем написано, тогда пусть будет ὡνά недействительной. Здесь разграничительную черту провести трудно, и мы, по-видимому, имеем дело со стремлением манумиссора обеспечить свои интересы. При этом он не считался с логикой юридической мысли и, полагая, что отъезд вольноотпущенницы из Дельф является основательной причиной для объявления манумиссии недействительной, прибавил еще, что то же самое последует и при нарушении условий договора, хотя ранее уже говорилось, что в таком случае он имеет право наказать ее, как пожелает.

Хотя парамонарий юридически свободный человек, фактически он зависим. В его отношениях с бывшим владельцем достаточно отчетливо выражены некоторые черты, характерные для его прежнего (рабского) статуса. Та работа, которую он должен выполнять для прежнего владельца, характеризуется такими терминами, как ὑπηρετεῖν (SGDI, № 1952, 2136, 1690), δουλεύειν (SGDI, № 2090). Он должен «оставаться» у манумиссора, «работая как несвободный как и раньше», «работая как несвободный со всей добросовестностью» (SGDI, № 2072 μετὰ πάσης εὐνοίας δουλεύοντες). Парамонарии должны «слушаться» манумиссора, «повиноваться» ему (SGDI, № 1714, 1801, 2269). Они обязаны исполнять все, что прикажут, «днем и ночью» (SGDI, № 1723, 1781).

Помимо указаний на характер работы, требуемой от парамонария, в ряде манумиссий имеются статьи, в которых идет речь об имуществе манумиссора или отпускаемых на свободу рабов. Условия в этом отношении разнообразны, они носили, вероятно, индивидуальный характер. Очень редко все же встречается случай, когда после смерти продавца его имущество должно отойти к вольноотпущеннику⁹⁰. В других, более частных случаях оговаривается, наоборот, что после смерти вольноотпущенника все его имущество должно принадлежать манумиссору (SGDI, № 1759). В документе SGDI, № 2202 присвоение продавцами и их наследниками имущества бывшего раба является санкцией за нарушение условий договора. Иногда вопрос о судьбе имущества зависит от особых условий. Лариса, отпуская на свободу раба по имени Митридат, озабочена тем, что будет после ее смерти. Согласно условию, Митридат должен делать все, что полагается, как можно лучше, в течение года, производя затраты из имущества Ларисы, а то, что останется после этих затрат, взять себе и получить полную свободу. Но это только в том случае, если до совершения соответствующих обрядов не возвратится домой ее сын. Если же тот вернется вове-

⁹⁰ SGDI, № 2069; FD, III, 2, 172: с условием, что отпущенный на свободу совершит все, что требуется при погребении.

мя, Митридат получает полную свободу, но обрядов не совершает и к имуществу покойной отношения не имеет.

Во время парамонэ (так же как, впрочем, вероятно, и до манумиссии, в рабском еще состоянии) парамонарий имел возможность приобрести имущество. В некоторых манумиссиях говорится, что это имущество останется за ним и по окончании срока парамонэ. Наличие такой оговорки свидетельствует, что, очевидно, нередко случалось и обратное. Действительно, в некоторых актах мы находим прямое запрещение вольноотпущеннику отчуждать что-либо из своего имущества, совершать дарение (*δοσις*) и т. д. Характерна манумиссия SGDI, № 1759: все имущество вольноотпущенницы после ее смерти остается двум ее манумиссорам, а если она во время своей парамонэ совершит дарение, то ее «продажа» богу будет считаться недействительной. Аналогичное запрещение отдавать, так сказать, на сторону имущество парамонария мы находим и в других актах (SGDI, № 1718, 1891, 2202).

В общем и в имущественном отношении парамонарии находились в зависимости от манумиссора: от условий соглашения, т. е. от воли продавца, зависело, удержат ли они приобретенное за время парамонэ или при переходе в состояние «полной свободы» их имущество останется за их прежним владельцем, они окажутся без средств и им придется начинать все сначала.

Большей частью парамонэ продолжалась до смерти манумиссора, но все же так бывало не всегда: порою она ограничивалась несколькими годами, а, с другой стороны, иногда оставалась в силе в той или иной форме и после того, как с манумиссором происходило «нечто человеческое», т. е. он умирал. Сроки были различны: 2, 5, 6, 8 и 10 лет — до замужества самой бывшей владелицы (SGDI, № 1965), до замужества дочери манумиссора (SGDI, № 1965), до совершеннолетия сына и его женитьбы (SGDI, № 1971) и пр. При наличии определенного срока возникал вопрос о том, что произойдет, если манумиссор умрет раньше этого срока. Решался он различно. Например, Агата, отпущенная с условием парамонэ в течение шести лет, должна в случае смерти манумиссора остающийся срок работать у его сына (SGDI, № 1742). В другой манумиссии, где срок парамонэ десятилетний, парамонарий (женщина) в этом случае получала полную свободу (SGDI, № 2209, 2069). Эвфранор, сын Калликрата, из Лилэи, договаривался, что после его смерти, до того времени как его сын женится, отпущенная им на свободу продолжит парамонэ у последнего.

Парамонэ нередко могла закончиться до смерти манумиссора или до истечения указанного в надписи срока, причем в манумиссии определялось, на каких условиях это могло иметь место. Условием общего характера являлся взнос определенной суммы, но конкретные обстоятельства бывали различны. Например, Никон по завещанию отпускает на свободу рабыню Дорему после своей смерти с согласия дочери. Если манумиссор проживет 8 или бо-

лее лет, то Дорема эти годы выполняет парамонэ. Если же он умрет ранее, то за остающиеся до 8 лет годы Дорема платит его дочери по полмины серебром за каждый год, «живя вонне и распоряжаясь собою» (SGDI, № 2084: οἰκέουσαν ἐξω καὶ κυριεύουσαν αὐτοῦσαντῆς, т. е. получая, очевидно, «полную свободу» и оставаясь связанной с дочерью манумиссора только этим денежным обязательством).

В другом случае (SGDI, № 1867) парамонэ должна была длиться шесть лет, а вольноотпущенница за каждый год должна приносить полмины. Если манумиссор (дельфийка Дамократея) умрет (очевидно, до истечения шестилетнего срока), эти полмины уплачиваются третьему лицу, Каллейду, сыну Горгиппа, или тому, кого укажет Дамократея. Обозначается ли здесь термином *παράμειναι* лишь денежное обязательство вольноотпущенницы или же помимо взноса в 1/2 мины она должна была выполнять еще какую-либо работу, неясно.

Иногда замена парамонэ денежными взносами прямо обусловливается в манумиссии. Вольноотпущенник имеет возможность освободить себя от парамонэ, которая, согласно условию, должна продолжаться десять лет (SGDI, № 1811), внося за каждый год, который он не доработал, по 30 статеров. В некоторых манумиссиях получение полной свободы после смерти манумиссора обусловлено внесением определенной денежной суммы. Например: вольноотпущенница в случае смерти манумиссора пусть дополнительно внесет (*ποταπόδοτω*) мину серебром и будет свободна. Также и раб Киприй был отпущен на свободу с условием парамонэ в течение жизни манумиссора (SGDI, № 1749). После смерти последнего он получает «полную свободу», но должен уплатить при этом трем сыновьям манумиссора по полмины, остающиеся от цены. Выкупная цена его — 3 мины, но фактически, если прибавить к этому *τὸ ἐπίλοιπον*, — 4,5 мины. В манумиссии нет обычной формулы «всю цену получил». Вероятно, были возможны случаи, подобные рассматриваемому: часть цены уплачивалась немедленно, а часть должны были получить уже наследники после смерти манумиссора. В SGDI, № 2186 вольноотпущенник платит сыну манумиссора 1 мину и становится вполне свободным.

Условие полной свободы (т. е. *ἀπόλυσις* парамонэ) — отдать известную сумму в случае смерти манумиссора — комбинируется иногда с условием сокращения срока парамонэ. В SGDI, № 1717 отпускается рабыня с обычным условием парамонэ до смерти манумиссоров, но если она пожелает получить *ἀπόλυσις* раньше, она должна купить им рабыню одинакового с ней возраста. Выполнение последнего условия аннулирует, как видно из текста манумиссии, требование уплаты одной мины. Очень своеобразны условия в SGDI, № 1884. Пожизненная (т. е. до смерти манумиссора) парамонэ здесь после смерти последнего превращается в обязательство вольноотпущенницы кормить некую Доркаду, если первая пожелает остаться жить там же, где жила, т. е., очевидно, в доме манумис-

сора. Судя по имени, Доркада скорее бывшая рабыня (сожительница манумиссора?). Если же вольноотпущенница не захочет этого, то она все же должна снабжать Доркаду продовольствием, в противном случае *ὡνά* окажется недействительной. Продовольствие рассчитано помесачно, а именно: 4 полуэкта пшеницы (т. е. около 19 литров) и кружка вина.

Во всех приведенных случаях получения «полной свободы» после смерти манумиссора и досрочного освобождения от парамонэ мы наблюдаем известное разнообразие условий, подобно тому как это можно видеть и при изучении других сторон парамонэ. Но вместе с тем здесь можно подметить и нечто общее. Этим общим оказывается стремление манумиссоров обеспечить свои интересы, но не только путем усиления начала принуждения в сфере апроприации личности, как, например, в статьях об оставлении детей бывшей рабыни у манумиссора в качестве рабов, или в клаузуле о работе парамонария... («днем и ночью»), но и путем использования положения раба, жаждавшего получить желанную свободу, хотя бы и не сразу в полной мере, в своих материальных интересах. Труд парамонария было, по-видимому, небезвыгодно иногда заменить денежными взносами.

Отпуск раба на свободу являлся также порою средством для манумиссора обеспечить себе спокойную старость и исполнение общепринятых обрядов после смерти. Эвфроний, сын Зоила, например, отпускает раба на обычных условиях парамонэ с добавлением о том, что парамонарий должен кормить манумиссора и заботиться о нем (*ἐντρέφειν αὐτόν*), а после смерти Эвфрония похоронить его, совершить погребальные обряды, как полагается. Обязанности вольноотпущенного (например, снабжать продовольствием) могли относиться не к бывшему его владельцу, а к тому, кто дал деньги для манумиссии. Некий Аполлодор дал пять мин женщине по имени Нико для отпуска на свободу ее раба (SGDI, № 1723). Этот вольноотпущенник становится парамонарием не Нико, а Аполлодора, обязан работать на него безупречно и днем и ночью, ни в каком случае не покидать его, а если он это делает, то подлежит приводу (*ἀγώμενος ἔστω*) из любого полиса или храма и любому наказанию со стороны Аполлодора или того лица, которому последний поручит его. Если же парамонарий будет хоронить его и совершит все, что полагается по отношению к покойникам, он станет вполне свободным.

В манумиссии может быть оговорено — и без уточнения причин — что парамонарий должен отбывать срок парамонэ у другого лица: у одного из членов семейства манумиссора⁹¹ или вообще у другого человека. В SGDI, № 2261 манумиссор — Агон, сын Эпихарида, а «оставаться» вольноотпущенница должна у Эвклида, сына Ами-

⁹¹ У жены (?), дочери (?) — SGDI, № 1707; у матери — SGDI, № 1944.

ноклея. Эхефил, сын Поликлета, передает парамонэ отпущенного им раба некой Галатее и т. д. (SGDI, № 2092). В манумиссии SGDI, № 1904 продавец отпускает раба-подростка (*παῖδάριον*) с условием парамонэ, но не у него, а у некоего Артемидора. Тот будет обучать его сукновальному ремеслу в течение периода, который обозначен в договоре и за который парамонарий возместит убытки манумиссору, также исходя из договора. Когда же отпущенный научится мастерству и уйдет от Артемидора, он должен будет делать все, что требуется по сукновальному делу в интересах дома манумиссора. Таким образом, мы имеем здесь сочетание манумиссии с условием парамонэ и договора об ученичестве. В случае неисполнения обязанностей парамонарием за манумиссором признается право наказать виновного любым способом. В манумиссии отсутствует обычное указание на срок парамонэ.

С этим документом можно сопоставить другой, где манумиссоры обязывают вольноотпущенника Дамона помогать одному из них в работе врача, если это понадобится, в течение пяти лет. Дамон при этом будет получать питание, одежду и ночлег у манумиссора. Выкупная цена довольно высокая — 6 мин. Статьи о наказании в случае невыполнения отсутствуют (SGDI, № 1899).

Проявление по отношению к парамонарию принуждения со стороны бывшего рабовладельца мы находим и в том, как решали вопрос о детях рабыни, отпускаемой на свободу с условием парамонэ. Бёмер в исследовании о религии рабов дал впечатляющую картину бесчеловечного отношения к рабам, каким оно рисуется при изучении манумиссий, несмотря на развитие идей гуманности в Греции, а также неприглядной деятельности дельфийского жречества, санкционировавшего наиболее жестокие формы эксплуатации парамонария, якобы покупающего себе свободу. Ни о какой защите вольноотпущенников или хотя бы о влиянии гуманных идей, по мнению Бёмера, не может быть и речи, если присмотреться к условиям манумиссий (в особенности манумиссий с условием парамонэ). По отношению к божеству вольноотпущенники занимали то же положение, что и рабы⁹². Рабов становилось с течением времени все меньше, а условия отпуска на «свободу» — более жесткими. Все определялось чисто хозяйственными интересами. Дельфийское жречество дало санкцию бесчеловечному обычаю, когда рабыня, отпускаемая на свободу, должна была покинуть своих детей или достать ребенка для манумиссора, и сделало Дельфы центром распространения этого обычая в Греции.

Признавая выводы Бёмера⁹³ правильными в том смысле, что условия отпуска зависели большей частью от манумиссора и что положение парамонария определялось в основном двумя факторами — принуждением со стороны манумиссора и интересами послед-

⁹² J. Bömer. Op. cit., II, S. 38 f.

⁹³ Ibid., I. S. 43, Anm. 2.

него в связи с развивающимся товарным обменом, мы должны все же внести некоторое уточнение.

Присматриваясь к ссылкам на источники, приведенным Бёмером, мы замечаем, что случаи жестокого отношения к парамонариям-рабыням, когда определялась судьба их детей, относятся к более позднему времени (I в. до н. э. — I в. н. э.). Бёмер и сам делает беглое замечание о вероятности того, что практика, процветавшая в I в. до н. э., развилась лишь постепенно и стала более «тонкой». До прямо говорит, что такая практика проявляется лишь в I в.

Действительно, изучая манумиссии II в. до н. э., мы еще не встречаем в них тех настойчивых и жестоких требований, которые сделались обычными позднее. В некоторых актах указывается, что дети рабыни, которые родятся в то время, когда она будет работать как парамонарий, пусть будут свободными, как и она (очевидно, по окончании парамонэ), родится ли у нее один ребенок или больше⁹⁴. Дети вольноотпущенницы (SGDI, № 1891), рожденные после ее манумиссии, имеют право, если она умрет, наследовать ее имущество. Но если она умрет бездетной, все это имущество переходит к манумиссору или его наследникам. В SGDI, № 2202 содержится запрещение рабу усыновлять кого-либо (*si ex mē ēx αὐτοῦ γένῃται*). Это условие сходно с запрещением дарений (см. выше) и вызвано теми же соображениями: помешать уменьшению имущества, которое, очевидно, в случае бездетности парамонария должно перейти к манумиссору. На это указывает и санкция в случае нарушения статьи о запрещении дарения и усыновления: имущество парамонария должно тогда принадлежать продавцу. Такие «уточнения», как, например, разрешение вольноотпущеннице удушить ребенка, если она этого хотела бы, во II в. до н. э. еще не встречаются. По справедливому замечанию Бёмера, подобная статья свидетельствует о том, что обычно такой поступок, очевидно, запрещался с целью ограждения имущественных интересов манумиссора, поскольку ребенок, рожденный во время парамонэ, должен был принадлежать ему. Вероятно, и многие оговорки в манумиссиях II в. до н. э., которые были упомянуты выше, говорят скорее о том, что, как правило, поступали по-другому, т. е. дети женщины, родившиеся в период ее парамонэ, оставались несвободными.

Среди требований, иногда особо оговариваемых, но часто, по видимому, подразумеваемых, отметим и ограничение передвижения. Вольноотпущенник остается в парамонэ у (*παρά*) манумиссора (SGDI, № 1884), «внутри» (дома) (*ἐνδοῦ μένουσα* — SGDI, № 1752, 1774, 1767). Вольноотпущенница должна жить только в Дельфах (SGDI, № 1830; ср. № 1801), что, впрочем, свидетельствует, очевидно, что она живет не в доме манумиссора; должна жить там, где и манумиссор, решит ли он жить в Дельфах или в другом полисе

⁹⁴ SGDI, № 1798; ср. № 2225 (отпускается *χορίσιον*); № 2136.

(SGDI, № 2252). Гражданин Лилэи, Эпихарид, требует, чтобы его парамонарий (женщина) также жила в Лилэе и не становилась гражданкой какого-либо полиса без согласия манумиссора (SGDI, № 1718).

Все рассмотренные нами условия парамонэ — право налагать наказания, какие пожелает манумиссор, угроза недействительности «купли» в случае невыполнения приказаний последнего, работа в сущности без ограничений, запрещение покидать местожиительство, имущественные ограничения, наконец, статьи о детях бывшей рабыни — говорят о фактической зависимости парамонария, о том, что власть бывшего рабовладельца остается в силе, что о действительной свободе еще не могло быть речи до окончания срока парамонэ. Перед нами один из примеров несоответствия правового статуса, который коренным образом изменился, фактической зависимости, сохраняющей ряд признаков прежнего (рабского) статуса.

Проблема парамонэ представляется, как нам кажется, более ясной, если поставить ее в связь с понятиями экономического и непосредственного принуждения. Договор об обязательстве «оставаться» является всегда договором между свободными, причем парамонарий действует, очевидно, под влиянием экономической необходимости, без наличия которой никто не стал бы принимать на себя соответствующие трудные обязательства. Именно эта экономическая необходимость (стремление избавиться от долга, получить денежный аванс в стесненных обстоятельствах, желание получить статус свободного при манумиссии) и ведет к тому, что вступающий в договор принимает на себя обязательство подчиняться принуждению внеэкономическому, непосредственному (выполнять работы, в частности «рабские работы», под угрозой наказания или штрафа). В этом можно усмотреть то общее, что присуще различным видам парамонэ. Различия их определяются теми или иными признаками⁹⁵.

Таким образом, неправильно было бы без дальнейших разъяснений противопоставлять правовой статус вольноотпущенника с обязательством парамонэ его фактическому (зависимому) положению, так как и это «фактическое» положение также юридически оформлено, также является и положением правовым. Мы имеем здесь изменение иного рода. Положение бывшего раба меняется коренным образом: его статус, ранее рабский, — теперь статус свободного человека. Но в пределах одной и той же правовой категории (множества свободных) также могли быть различные подмножества. Правовое положение парамонария, к которому применялось внеэкономическое принуждение, отличалось от положения свободного гражданина, являвшегося «самому себе господином». Следовательно, точнее говорить не о противоположности между правовым и фактическим положением, а о разнице между неодинаковыми пра-

⁹⁵ См., например, очень четкое перечисление признаков, отличающих парамонэ в манумиссиях от парамонэ в папирусах: B. A d a m s. Op. cit., S. 43.

вовыми положениями, которые являются выражением отличий во всей социально-экономической структуре общества, в сококупности производственных отношений.

Так как признаки, определяющие условия парамонэ, были различны в конкретных случаях, то и попытки подыскать единственное юридическое понятие, которое охватывало бы все эти случаи, были в конце концов неудачны и не привели к единому решению. В парамонэ усматривали и договор о работе (*Arbeitsvertrag*)⁹⁶, и договор о залоге, и проявление понятия разделенной собственности⁹⁷, и выражение личного права, подобного семейным отношениям⁹⁸, и т.д. Элементы этих отношений можно обнаружить при изучении отдельных групп парамонэ, но каждое из них не может охватить всех случаев. Даже в источниках одного типа, например в дельфийских манумиссиях, мы встречаем различные варианты, тем более при их сопоставлении с источниками другого рода.

К отношению между парамонарием и тем, на кого он должен работать, приложимо то, что было ранее сказано об отдельных отношениях: недостаточно изучать и определять эти отношения, взятые в отрыве от той системы, элементом которой они являлись. Ведь значение отдельного отношения могло быть различно в рамках систем неодинаковой структуры. Одно дело в Дельфах, полисе, хотя и своеобразном, когда речь шла об изменении одного из основных статусов общественных элементов этого полиса, и другое — если мы изучаем отдельное отношение (притом по своим признакам вовсе не тождественное отношению в Дельфах), входившее в систему большого государства со сложной общественно-экономической и политической структурой.

В этой связи становится понятной и та оговорка, которую мы не раз встречали в актах с обязательством парамонэ. В некоторых манумиссиях этого рода, там, где говорится о санкциях в случае невыполнения парамонарием условий договора — о том, что манумиссор может наказывать его так, как пожелает, — добавляется, что наказанием этим не может быть продажа в рабство (*πλάν μὴ πωλεῖν*)⁹⁹. Это оговорка ясно свидетельствует, что парамонарий — уже не прежний раб, которым рабовладелец имел право по своей воле распоряжаться, собственность на которого мог передать другому лицу. Парамонарий — уже не собственность манумиссора, хотя последний и располагает властью над ним, является его *κύριος*. Свободные в полисе не представляли совершенно однородной в правовом отношении части населения. Не говоря о том, что половина гражданства — женщины — имели своего патрона (*κύριος*) в лице мужа, отца или брата, и среди свободного мужского населения были

⁹⁶ W. L. Westermann. The Paramone, p. 43, sqq.

⁹⁷ P. Koschaker. Op. cit., S. 9 ff.; 49 ff.

⁹⁸ E. Schönbauer. Paramone, Antichresis und Hypothek.— ZSS, Bd. 53, 1933, S. 422 ff.

⁹⁹ Например SGD I, № 1723, 1799, 2163, 2274 и др.

группы с различными правами (например, иностранцы, осевшие в полисе).

В этом отношении любопытно одно из известий, которое относится к несколько более раннему времени, чем манумиссии II в. до н.э. Афиней передает, что Хрисипп, один из самых выдающихся представителей стоической философии, в своем произведении «Περὶ ὁμονοίας» говорил следующее: διαφέρειν δὲ φησι Χρύσιππος δοῦλον οἰκέτου, γράφων ἐν δευτέρῳ περὶ ὁμονοίας, διὰ τὸ τοὺς ἀπελευθέρους μὲν δούλους εἶναι, οἰκέτας δὲ τοὺς μὴ τῆς κτήσεως ἀφαιμένους, ὁ γὰρ οἰκέτης (φησὶ) δοῦλος ἐν κτήρει κατατεταγμένος¹⁰⁰. Таким образом, вольноотпущенные — это несвободные (δοῦλοι), хотя и не рабы. Их отличие от собственно рабов (οἰκέται) заключается в том, что последние связаны («внесены», «поставлены») с владением (κτήσις) рабовладельца, т. е. составляют часть имущества последнего.

Это определение Хрисиппа носит, вероятно, такой же индивидуальный характер, как и многие другие. Но оно представляет, на наш взгляд, большой интерес при сопоставлении с данными дельфийских манумиссий. Вольноотпущенники не составляли какой-то однородной группы: наличие статьи о παραμονά и ряда других ограничений свободы убеждает в этом. Но парамонарий уже не был, подобно рабу, связан с владением или собственностью (κτήσις) манумиссора. У него были обязательства по отношению к последнему, который мог применить к нему принуждение в случае неповиновения или плохого выполнения работы. В этом отношении он был, согласно определению Хрисиппа, δοῦλος. Но все же после отпуска на свободу он уже не входил как некоторый вид имущества в состав достояния своего владельца, не был его ойкетом. Приведенное определение поучительно и в том смысле, что оно свидетельствует об общем взгляде на вольноотпущенников, положение которых, в глазах Хрисиппа, не было положением совершенно свободных людей; такой взгляд противоречит той «полной свободе», возможности «делать, что хочет, и отправляться, куда пожелает», которую констатируют нередко манумиссии.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МАНУМИССОРОВ

Едва ли следует ожидать, что дельфийские манумиссии позволят прийти к некоторым общим выводам, имеющим силу для всей Греции, если учесть своеобразие местных отношений. Ведь Дельфы, как уже говорилось, занимали совершенно особое место среди греческих полисов. Это был город, куда в течение тысячи лет стекались посланцы, пилигримы, люди всевозможных профессий со всей Эллады — и не только Эллады. Религиозное значение Дельф,

¹⁰⁰ A t h e n., Deipn., VI, p. 267b.— A r n i m. Stoicorum veterum Fragmenta, v. III, № 353.

его знаменитый оракул постоянно привлекали к себе внимание исследователей. Достаточно сказать, что за последние 10—15 лет появилось несколько крупных трудов по истории Дельф¹⁰¹. Можно пожелать только, чтобы изучение этой стороны жизни храмового города было еще более тесно связано с исследованием его политической и особенно социальной истории, для которой многочисленные манумиссии дают такой богатый материал. Думается, что результаты изучения этих местных отношений, и в частности рабства, должны явиться одним из элементов, из которых складывается наше представление о социальном развитии и истории рабства в Элладе в эллинистическую эпоху.

На основании дельфийских манумиссий пытались прийти к определенным заключениям относительно числа рабов или даже всего населения Дельф. Бургэ в своей увлекательной книге о «руинах Дельф», писал, что благодаря манумиссиям не только хронология дельфийских текстов приобретает очень твердую основу, но что и по числу рабов, которые освобождает данный продавец, можно составить представление о состояниях некоторых богатых дельфийцев и определить цифру рабского населения в его отношении к населению свободному¹⁰². И далее, исходя из мысли о том, что гражданин было 7—8 сотен, и полагая в среднем на семью 4 человека (женщин и детей) и по 3 раба (как минимум)¹⁰³, он приходит к мысли, что население Дельф достигало цифры в 10 тыс. человек. Он заранее отвергает мысль о недостаточности площади для жительства ссылкой на результаты раскопок в Делосе, которые свидетельствуют о том, какое большое количество рабов можно было сосредоточить на узком пространстве.

Все эти соображения, как видим, весьма приблизительны и не могут претендовать на достоверность. Отчасти это обусловлено двукратным оперированием средними цифрами (при определении состава семьи и числа рабов в семье). Но главное сомнение вызывает исходный пункт — по числу отпускаемых рабов делать заключение о размере имущества манумиссора. Ведь нам не известно соотношение между числом вольноотпущенников и числом всех рабов, которыми владел тот или иной «богатый дельфиец». И во всяком случае едва ли здесь можно предполагать постоянную прямую пропорциональность.

Мы знаем, например, что Критон, сын Кратона, отпустил трех рабынь на свободу (SGDI, № 2078) или что Нико (SGDI, № 1836), дочь Хариксена, отпустила двух рабов и одну девушку, а Аристион, сын Агона, ни разу не был манумиссором, но выступал лишь гаран-

¹⁰¹ H. W. Parke, D. E. W. Wormell. The Delphic oracle, v. I—II. Oxford, 1956; M. Delcourt. L'oracle de Delphes. Paris, 1955 и др.

¹⁰² E. Bournet. Les ruines de Delphes. Paris, 1914, p. 143 sq.

¹⁰³ Бургэ думает, что правильнее было бы даже считать в среднем по 5 рабов на семью.

том. Однако из этого нельзя сделать (без дальнейшего анализа) вывод, что Критон или Нико были богаче последнего.

Это не значит, что отпуск на волю не одного, а нескольких рабов не свидетельствует вовсе о богатстве данного лица. Мы хотим только сказать, что нельзя делать заключение из одного или двух (изолированно взятых) фактов, а необходимо привлекать при этом и данные иного рода. Если, например, Астиох, сын Гносилая, отпускает один раз четырех рабов, другой раз — трех (двух рабов и рабыню), если ему же принадлежат еще две манумиссии, если мы знаем, что он исполнял должность булевта и был связан с рядом людей, играющих еще более видную роль в обществе, то мы имеем основание думать, что его манумиссии в какой-то мере свидетельствуют о его имущественном положении.

Таким образом, мы можем выделить среди продавцов более активных и, с другой стороны, таких, которые выступали гораздо реже или даже один лишь раз, но мы не можем считать (по крайней мере заранее), что различие в активности, в частоте выступлений в актах соответствует различию в имущественном положении. Расчеты, подобные приведенному выше, не могут дать сами по себе прочной основы для вывода о численности рабского населения или об имущественном положении манумиссоров¹⁰⁴. Соответствующие данные должны рассматриваться в возможно более широкой связи.

Самое число граждан Дельф определялось по-прежнему. Так, Глотц¹⁰⁵, ссылаясь на один акт, принятый в IV в. до н. э. 454 головами, утверждал, что в это время в Дельфах было максимум 900—1000 граждан. Эта цифра отличается от цифры Бургэ. Притом, исходя из нее, все равно нельзя с уверенностью вычислить общее число граждан в период манумиссий (т. е. после 201 г.). Население Дельф не было постоянным. Обитатели соседних городов Фокиды и Локриды нередко становились гражданами храмового города. Мы не знаем, увеличилось или уменьшилось население Дельф во II в. до н. э. по сравнению с IV в. Но даже предположительная цифра вряд ли что-либо даст для определения численности рабов.

Изучая дельфийский материал II в. до н. э., чтобы выяснить, что он дает для социальной истории Дельф, мы находимся в гораздо менее благоприятном положении, чем при исследовании эпиграфических данных Аттики. Зундваль, например, использовавший в свое время с таким успехом надписи при изучении социального состава руководящих деятелей Афин в IV в. до н. э.¹⁰⁶, находился в иных условиях: в его распоряжении была *Prosopographia Attica* Кирхнера с ее обильными, упорядоченными и критически проверенными

¹⁰⁴ Ср. скептические высказывания по этому вопросу Ростовцева и Вестермана (см. выше, стр. 128 сл.).

¹⁰⁵ G. G l o t z. *Histoire grecque*, III. Paris, 1941, p. 258.

¹⁰⁶ J. S u n d w a l l. *Epigraphische Beiträge zur sozial-polit. Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes*. Leipzig, 1906, *Beiträge zur Alten Geschichte*, Beih. 4.

данными. В литературных источниках он мог найти интересные сведения о многих деятелях, в частности и об их материальном положении.

Для Дельф еще не существует сколько-нибудь полной и точной просопографии. Данные отличаются в общем однообразным характером. Сведений в литературных памятниках о людях, выступающих в манумиссиях, почти нет. Из-за отсутствия во многих случаях патронимикона заключения о тождестве или различии лиц, носящих одно и то же имя, сделать часто нельзя. Поэтому уже заранее можно сказать, что едва ли в результате изучения дельфийских манумиссий можно будет прийти к столь определенным и в общем убедительным выводам, к которым пришел Зундваль.

Если тем не менее мы решаемся на пересмотр доступного нам материала с целью попытаться выяснить хотя бы в какой-то мере характер социальных групп, которые выступают перед нами в связи с манумиссиями, то это объясняется состоянием вопроса: до сих пор, можно сказать, не была проделана даже предварительная работа, направленная к этой цели, точнее, не были приведены в связь данные о продаже рабов Аполлону и об условиях этой продажи с известиями о социальном положении и политической роли продавцов, поручителей и свидетелей в актах об отпуске рабов на свободу.

Дельфийские манумиссии, к сожалению, не позволяют воспользоваться всеми теми признаками, которые были определяющими для выводов финского ученого относительно степени материального благосостояния членов Совета Пятисот, стратегов, послов и т. д. в Афинах IV в. до н.э. Зундваль разделяет их на две категории: «богатых» и «зажиточных», исходя из многочисленных и разнообразных признаков. Выполнение литургий, связанных с крупными затратами (например, триерархия), занятие должности, не оплачиваемой государством и также требовавшей более или менее значительных затрат, крупная аренда (например рудников), принадлежность к известной своим богатством семье, соответствующие литературные данные, наличие гробницы из материала, применение которого требовало больших издержек, известия о том, что данное лицо было учеником известного софиста или ритора, посвящения богам, принадлежность к кругу знатной молодежи, родство с человеком, пользовавшимся благосостоянием, продажа дома, тот факт, что потомки того или иного лица были эфебами, — таковы главные из признаков, позволяющие Зундвалю отнести человека к первой или второй категории¹⁰⁷.

Конечно, не все эти признаки имеют одинаково убедительную силу. Выполнявший триерархию, несомненно, должен был обладать крупными средствами. Но тот факт, что такой-то принадлежал к семье, которая в V в. пользовалась богатством, не так уж прочно убеждает в богатстве потомка этой семьи: ведь положение ее могло

¹⁰⁷ J. Sundwall. Op. cit., S. 5 f.

с течением времени измениться. Или другой пример. Указание Демосфена, что такой-то был homo libidinosus et luxuriosus, побуждает Зундвала заключить, что, следовательно, этот человек обладал некоторым достатком¹⁰⁸, хотя очевидно, что такое указание остается очень неопределенным. Все же в своей совокупности данные, собранные в надписях Зундвала, производят сильное впечатление, и работа его и до настоящего времени сохраняет большую ценность.

С дельфийскими манумиссиями дело обстоит иначе. Литературные данные о лицах, выступающих в манумиссиях, встречаются лишь как исключение (например упоминание у Ливия Праксо¹⁰⁹, жены известного дельфийского деятеля Праксия, сына Евдока). Актов частноправового характера (о продаже недвижимости, об аренде имущества и пр.) почти не дошло до нас. Аргумент, основанный на известиях о выполнении данным лицом той или иной должности, которая обуславливала сравнительно высокое положение этого лица, сохраняет свое значение, хотя нам обычно и не известен способ, каким замещались различные посты. Все же помимо актов о манумиссиях сохранились многочисленные документы иного характера (постановления о проксении, которые предлагали лица, упоминаемые в манумиссиях, почетные декреты, посвящения, постановления, связанные с отношениями Дельф с другими государствами, и т.п.).

Таким образом, остаются два основных момента, помогающие нам составить представление о лицах, выступающих в манумиссиях: 1) деловые и родственные связи интересующих нас лиц, притом не только в изучаемый период, но и в десятилетия до и после этого периода; 2) их общественно-политические функции.

Как бы многочисленны и нередко своеобразны ни были индивидуальные черты этих документов, представляющихся такими однородными при первом знакомстве и столь разнообразными при более глубоком изучении, все же общие элементы манумиссий как юридических памятников и категории лиц, в них выступающих, могут быть легко определены. Текст манумиссий составлялся по определенной схеме, в которую, конечно, иногда вносились индивидуальные варианты, но которые в основных чертах оставались одинаковыми. В этой схеме, как правило, упоминаются следующие лица:

1. Прежде всего — должностные лица, а именно: а) архонты Дельф, стратеги, атлофеты или архонты других центров Средней Греции, дельфийские булевты, сменявшиеся в интересующий нас период по полугодиям; их имена, так же как имена архонтов, приводятся при датировке или в числе свидетелей; б) жрецы, имена которых даются на первом месте при перечислении свидетелей. Обе указанные категории являются определяющими при решении хронологических вопросов. В настоящее время установлена последова-

¹⁰⁸ J. S u n d w a l l. Op. cit., S. 15.

¹⁰⁹ L i v., XLII, 19.

тельность жречеств — и во многих случаях вполне точно, в других же приблизительно — последовательность архонтов и булевтов.

2. Далее мы находим в актах имена (и часто, хотя и не всегда, указание на географическое происхождение) рабов, отпускаемых на свободу. При этом также указываются сумма денег, уплачиваемая ими, и нередко особые условия (*παράνομα*, ее продолжительность, обязанности по отношению к бывшему рабовладельцу и пр.).

3. В начале манумиссии после выражения *ἐπὶ τοῖς δὲ ἀπέδοτο* (т.е. «на следующих условиях продал») следует имя владельца (или владельцев), отпускающего раба, а также его ближайших родственников (детей, отца или матери, жены или мужа, бабушки и т. д.), одобдивших или согласившихся на этот акт (*συνευδοκούντων*).

4. Затем идут имена поручителей, гарантов договора (*βεβαιωτῆρες*). Число их меняется; обычно их больше, если отпускающий раба на свободу — недельфиец: помимо гаранта — земляка рабовладельца — выступает (или выступают) и дельфийский гражданин. Чаще всего поручителей бывает двое.

5. Наконец, мы знакомимся с именами нередко многочисленных свидетелей, а иногда и хранителя договора (формула в этом случае: *ὄντα δὲ παρὰ τὸν δεῖνα*).

Таковы шесть категорий обитателей Дельф и иностранцев, с которыми нас знакомят дельфийские манумиссии: рабы, архонты, жрецы, владельцы рабов, гаранты договоров, свидетели. Не говоря, разумеется, о рабах, и по отношению ко всем остальным документы далеко не всегда сообщают не только имя, но и патронимикон, что, естественно, крайне затрудняет отождествление лиц, упоминаемых в текстах различного времени.

Нам думается, что правильным является метод, применявшийся Никитским и в новейшее время До: исходить из некоторых наблюдений более или менее общего характера, которые обязательно должны быть (чтобы оказаться убедительными) подтверждены более углубленным изучением деталей. «Грубая» статистика (*la statistique toute brute*, по выражению До) здесь доказать ничего не может. Лишь на основании тщательного изучения отдельных групп манумиссий можно прийти к некоторым общим историческим выводам.

До иногда отмечает по отношению к некоторым персонажам, сколько раз они упоминаются в манумиссиях¹¹⁰. Конечно, эти сведения в какой-то мере характеризуют деятельность данного лица, но они, очевидно, недостаточны, так как носят слишком суммарный характер: ведь не одно и то же, выступало ли это лицо как продавец, как гарант или как свидетель. А главное, изолированное рассмотрение не позволит сделать какие-либо общие выводы, связанные с характеристикой общественных отношений.

Первый вопрос, который встает перед нами, — вопрос о соотношении всех указанных выше групп. Уже априори, а также на осно-

¹¹⁰ G. D а и х. Op. cit., p. 444.

вании произведенных исследований мы можем предполагать, что существовали очень тесные (нередко родственные) связи между рабовладельцами-манумиссорами, в одной стороны, и поручителями, с другой. Поручитель (*βεβαιωτής* или в локрийских текстах *προπ-οδότης*) «разделяет обязательства продавца по отношению к божеству и закону», в случае смерти (манумиссора) он заменяет его ¹¹¹. Назначает гаранта продавец, иногда по указанию (*χειρόντος*) третьего лица (SG DI, № 1785). Роль поручителя особенно велика в случае смерти манумиссора.

Те данные, которые сохранились в дельфийских манумиссиях (в частности, и для решения только что отмеченного вопроса), отличаются неодинаковой достоверностью и имеют неодинаковую историческую ценность ¹¹². Мы должны постоянно отдавать себе отчет в том, каковы эти данные: можно ли их считать твердо установленными фактами, или они лишь более или менее вероятны, или, наконец, нам приходится по отношению к ним ограничиться суждением: *non liquet*.

В манумиссиях, как было уже упомянуто, имена действующих лиц указываются двумя способами: 1) дается лишь одно имя; 2) сообщаются как имя, так и патронимикон. Ясно, что лишь во втором случае можно говорить с уверенностью о тождестве лиц (по крайней мере по отношению к данному небольшому периоду). В первом же случае необходимо специальное изучение имени и сопровождающих обстоятельств, чтобы убедиться в возможности отождествления лица с данным именем с тем, которое нам известно из других актов (например, установить, что это имя встречается еще лишь один раз во всем известном нам материале, выяснить, в связи с какими другими лицами упоминается интересующее нас имя в других манумиссиях, т.е. попытаться определить родственные и деловые связи и т.д.).

Поскольку при наличии и имени, и патронимикона (второй случай) для отождествления лиц, выступающих в манумиссиях, затруднений, как правило не встречается, наши первоначальные выводы будут построены лишь на данных с патронимиконом. В дальнейшем же по мере возможности будет привлечен и остальной материал. Если даже прочно установленных данных окажется не так много, как это было бы желательно, все же на них можно будет проследить некоторые существенные черты социальных отношений храмового города.

Рассмотрение наиболее значительных трудов о дельфийских эпиграфических памятниках (см. выше, стр. 124 сл.) позволяет лучше выяснить и ту задачу, которая также должна быть поставлена при

¹¹¹ G. D a u x. Op. cit., p. 55 sq., 58.

¹¹² Ср. три степени доказательности, о которых писал А. В. Никитский (ДЭЭ, стр. 155) по поводу установления им родства жрецов: это родство «в одних случаях (притом в большинстве) можно определенно доказать, в других — предполагать с значительной долей вероятности или (реже) угадывать чутьем при внимательном изучении манумиссий».

изучении этих памятников и которая, насколько нам известно, не формулировалась в литературе. Рабство предполагает двустороннее отношение: господство владельца средств внеэкономического принуждения и подчинение и эксплуатацию раба — объекта этого принуждения. Характеристика данного отношения поэтому должна основываться на изучении состава и положения, как тех, кто господствовал, эксплуатировал или отпускал раба на свободу, так и самих рабов.

В главе «Население» До, указав на те ограничения, которые, по его мнению, препятствуют более широкому изучению социальной истории Дельф, приводит несколько тщательно составленных генеалогий (*stemmata*) в качестве примеров (они занимают приблизительно половину главы)¹¹³. При этом он внимательно прослеживает родственные отношения в пределах данной генеалогии на протяжении почти двух веков. Однако приводимые автором *stemmata* почти не связаны в его изложении с существом тех актов, в которых выступают перед нами эти люди. Какую роль играют те или иные из них при отпуске рабов на свободу, представляют ли они нечто цельное в социальном отношении, связаны ли они с другими родами, можно ли выделить среди них группы, характеризующиеся особыми признаками, и т. д. — все эти вопросы остаются без ответа.

До не сопоставляет эти генеалогии даже тогда, когда такое сопоставление, казалось бы, напрашивается само собою: когда представители одной генеалогии заключают брачные союзы с членами другого рода и, таким образом, между этими родами устанавливается более или менее прочная связь¹¹⁴.

Впрочем, если даже и попытаться связать генеалогические *stemmata* в тех случаях, когда можно найти между ними посредствующие звенья, т. е. лиц, принадлежавших к двум рассматриваемым генеалогиям, то ведь нельзя все же думать, что мы сможем тогда получить общее представление о данном социальном круге, что все рабовладельцы и их гаранты состояли друг с другом в родстве.

Следует заметить, что если бы даже удалось не только дать несколько *stemmata*, как это делает До, но и наметить всю совокупность родственных отношений (а это сделать невозможно ввиду отрывочности материала и частого отсутствия патронимикона), то и тогда мы не могли бы представить себе общий характер социальной среды, с которой нас знакомят манумиссии. Генеалогические связи важны, но не являются решающими. Уже А. В. Никитский правильно заметил, что «в числе свидетелей и особенно поручителей весьма часто являются родственники продающего, но наряду с последними нередко бывают и совершенно посторонние лица... и иногда и представители влиятельных фамилий»¹¹⁵. Но если он прав, ут-

¹¹³ G. D a u x. Op. cit., p. 438 sq.

¹¹⁴ Ibid., p. 447, 456—457.

¹¹⁵ А. В. Никитский. ДЭЭ, стр. 195.

верждая также, что мы не можем знать что-либо об отношениях иного рода между ними (знакомства, дружбы, соседства, о коммерческих и вообще об их конкретных деловых отношениях), все же мы знаем некоторые последствия этих отношений: установление тесной связи между соответствующими лицами, выражением которой и было выступление в качестве гаранта или свидетеля.

Поэтому, если попытаться хотя бы до некоторой степени проследить эту сложную сеть деловых связей между продавцами и другими лицами, выступающими в манумиссиях, то тем самым мы сможем получить общее представление о том, насколько полно и крепко она охватывает всю группу продавцов. Лишь при таком способе изучения можно будет установить, насколько часто появляются среди манумиссоров и гарантов и какую роль играют при этом и те «представители влиятельных фамилий», о которых упоминал А. В. Никитский. Уже при первоначальном ознакомлении с текстами ясно, что продавцы и поручители принадлежат к одному общественному слою. Да мы нередко и наблюдаем, что одно и то же лицо в одном случае выступает как продавец, в другом — как гарант.

Составление *stemmata* деловых связей должно привести к одному из двух: или мы получим несколько узловых пунктов, вокруг которых будет располагаться какая-то часть манумиссоров и гарантов, или же эти связи мы сможем проследить на протяжении всего материала, т. е. окажется, что мы имеем дело со сравнительно целостной и однородной общественной группой. Во всяком случае рассмотрение отношений между лицами, о которых идет речь в манумиссиях, в более широких рамках, чем «некоторые генеалогии в качестве примера»¹¹⁶, не может не способствовать их историческому пониманию.

Чтобы несколько конкретизировать эти соображения, приведем пример. У До¹¹⁷ дана небольшая генеалогия Патрея и его семьи. Мы выбрали стемму Патрея ввиду ее простоты. Самого Патрея, жившего еще в III в. до н.э., мы оставляем в стороне, поскольку его деятельность выходит за пределы рассматриваемого нами периода. Таким образом, остаются 4 человека: Андроник, сын Патрея, имя которого встречается в документах от 186 до 168 г., его жена Тимо, дочь Аристомена, и двое их сыновей — Патрей и Дамотим, действовавшие в 60—40-х годах II в.

Вот в сущности и все, что дает генеалогия. До замечает лишь, что это — частичная¹¹⁸ стемма дельфийской семьи, члены которой сделали карьеру.

Попытаемся теперь представить себе деятельность этих четырех человек, их деловые связи. Здесь картина другая: вместо четырех

¹¹⁶ G. D a u x. Op. cit., p. 433.

¹¹⁷ Ibid., p. 454.

¹¹⁸ В дальнейшем До это определение (*partiel*), впрочем, никак не разъясняет и не дополняет.

мы имеем дело с 28, и они дают возможность делать некоторые сопоставления и выводы.

Начнем с представителей старшего поколения. Тимо появляется лишь один раз с манумиссией с одобрения своих сыновей (SGDI, № 1875). Гарант у нее — Ментор, сын Каллиера. Ее муж, Андроник, отпускает раба (SGDI, № 2039) и неоднократно (4 раза) выступает как гарант. Он связан не только с дельфийцами, но и с гражданами города Амфиссы в соседней Локриде (SGDI, № 1917). Два других его контрагента — женщины Фило, дочь Харина, и Нико, дочь Хариксена, — более в манумиссиях не встречаются. Но в акте Нико вместе с Андроником гарантом мы находим и Астоксена, сына Дионисия, лицо, известное по многим текстам. Последним манумиссией, поручителем которого выступал Андроник, был Аминта, сын Сосия, не занимавший должностей, насколько нам известно, но четырежды на протяжении более 30 лет (со 174/3 до 140—139 г.) отпускавший рабов на свободу. Мы ограничиваемся лишь непосредственными связями семьи Андроника. Все же здесь следует указать, что акты Аминты свидетельствуют о его тесных связях с рядом лиц, игравших видную роль в дельфийском обществе II в. или, выражаясь словами До, делавших карьеру (Афамб, сын Афаниона, трижды бывший булевтом в конце 60 — начале 50-х годов II в., архонт и булевт Филократ, сын Ксенона, Клеодам, сын Клеона, занимавшего должность булевта).

Не менее показательны связи обоих сыновей. Дамотим выступает «одобряющим» в манумиссии своей матери Тимо. В собственной манумиссии у него гарант тот самый Ментор, сын Каллиера, о котором уже говорилось в связи с манумиссией Тимо. Другим поручителем в этом же акте (и поручителем в другом — SGDI, № 2258; SEG, XIII, 225) выступает его брат Патрей. Сам Дамотим также гарантирует манумиссию. В ней вместе с ним другими гарантами являются Драмоклид, сын Гагиона, сын архонта, впоследствии жрец, и Евкрат, сын Калликона, булевт (в 7-м году VI жречества), отец которого также был архонтом.

У брата Дамотима, Патрея, который сам стал и архонтом и жрецом, деловые связи носят подобный же характер. Он был гарантом у Астиоха, сына Гносилая (булевта 157/6 г., т.е. того года, когда архонтом был сам Патрей), а у него самого поручителем в 162/1 г. был Андроник, сын Фрикида, одно из самых влиятельных лиц в Дельфах, также архонт (в 161/0 г., следовавшем за тем годом, когда была совершена манумиссия) и жрец. Вторым гарантом в манумиссии Астиоха был Дамон, сын Ксенострата, булевт того же VI жречества, а позднее (в 142/1 или 141/0 г.) — архонт. Как и Дамотим, Патрей поддерживал прежние связи: он просил быть гарантом у него поручителя матери — Ментора, сына Каллиера (R., 19).

Как нам кажется, теперь ясно, насколько недостаточны одни генеалогические стеммат, а также спорадические ссылки на те или иные манумиссии, в которых мы находим имена интересую-

щих нас лиц, или даже суммарное указание, что эти лица упоминаются в стольких-то актах ¹¹⁹. Необходимо дифференцированное рассмотрение каждого из соответствующих актов, в результате которого можно было бы проследить далеко идущие связи изучаемого деятеля. Ведь мы в основном ограничились именами лиц, лишь непосредственно связанных с семьей Андроника. Общее представление о социальной среде, из которой выходили манумиссоры и гаранты, может быть получено лишь тогда, когда мы изучим длинный ряд семей и все сложное переплетение их деловых и родственных связей.

В данной работе мы не стремились к исчерпывающему исследованию вопроса. Но общий характер этой среды, нам кажется может быть выяснен и без такого изучения. Для этого следует выявить соотношение между теми, кто принадлежал к высшему слою населения храмового города, кто занимал должность жрецов архонтов-эпонимов и булевтов, и теми, кто выступал в манумиссиях в качестве продавцов, их поручителей и т. д.

На период от 180 до примерно 106 г. до н. э. приходится 8 жрецов. Жрецов, как известно, было 2, и они занимали свою должность пожизненно. Так как они сменялись не одновременно, — на месте умершего появлялся другой, его же коллега продолжал исполнять свою должность, то число лиц, бывших жрецами за указанный период, сравнительно невелико, а именно 8. Как в свое время было выяснено А. В. Никитским и другими, должность жреца, по-видимому, увенчивала карьеру данного лица, обычно избиравшегося перед этим на должность булевта или архонта-эпонима.

Архонтов-эпонимов избирали ежегодно (их имена известны), булевтов — по полугодиям (в рассматриваемый период их было 3, позднее — 4). Не все имена булевтов по каждому полугодью сохранились. Необходимо учитывать, что должность булевта можно было занимать не один раз. Поэтому число лиц, входивших в состав архонтов, оказывается меньше, чем число имен всех архонтов.

Число продавцов-дельфийцев за изучаемый период равно 258, а число поручителей — 210, т. е. тех и других — 468. Таким образом, на каждого архонта, — а из них очень многие были также продавцами или гарантами или теми и другими, и притом не один раз, — в среднем приходится менее 3 человек из числа продавцов и поручителей ¹²⁰. Так как те и другие были тесно связаны друг с другом в своей деловой практике, а нередко являлись и родственниками, приведенный приблизительный подсчет свидетельствует о характере общественной группы, которую они представляли собою: эта группа отчасти состояла из архонтов, а отчасти была теснейшим образом

¹¹⁹ G. D а и х. Op. cit., p. 444.

¹²⁰ Мы не включаем сейчас сюда *συμβουχοῦντες*, число которых весьма велико. (201), а также продавцов и *συμβουχοῦντες*-иностранцев, гарантами которых нередко выступают дельфийские граждане. Архонтов с патронимиконом, являющихся также продавцами или поручителями в рассматриваемый период, — 97. Из них 32 были и продавцами и поручителями.

связана с верхушечным слоем дельфийского гражданства, из среды которого выходили как жрецы, так и архонты.

Но, конечно, подобный расчет является чересчур общим и приблизительным, чтобы из него можно было сделать какие-либо конкретные выводы. Для его конкретизации необходимо тщательно рассмотреть, как, когда и каким образом каждый из продавцов связан и с кем именно из людей других категорий, с которыми нас знакомят манумиссии. Можно ли видеть в них представителей более или менее обширного круга населения полиса — тогда, следовательно, правомерны были бы и широкие обобщения, которые делались не раз на основании манумиссий, поскольку эти тексты характеризовали бы в данном случае отношения в пределах значительной части населения храмового города. Или же перед нами сравнительно узкая прослойка этого населения — и тогда манумиссии никак не позволяют делать выводы, относящиеся ко всему гражданству Дельф, и, тем более, ко всей Элладе, но зато могут превосходно познакомить нас с положением и нравами этой прослойки, с отношениями внутри нее, а также с особенностями политической обстановки, так как в состав этой прослойки, естественно, должны были входить наиболее богатые, влиятельные и ведущие в политическом отношении граждане Дельф.

Один из недостатков исследований рабства по дельфийским манумиссиям, как мы уже говорили, заключался в том, что данные о рабах разбирали, так сказать, изолированно, вне тесной связи с кругом манумиссоров и других лиц, выступающих в договорах. Решающий момент при изучении социального характера этих людей — анализ отдельных манумиссий для определения связи между манумиссорами, гарантами, свидетелями и архонтами путем исследования, так сказать, «просопографического контекста» в этих же и других манумиссиях. Многое в этом отношении было (и притом блестяще) сделано в замечательных работах А. В. Никитского, До и др., и их выводы, касающиеся отдельных вопросов, и наблюдения относительно связи между теми или иными лицами, выступающими в манумиссиях, должны быть положены в основу дальнейшего изучения. Но делалось это обычно в связи с проблемами иного рода или же, так сказать, *an und für sich*, как, например, при составлении генеалогий (До). Между тем было бы важно попытаться ответить на вопрос о том, насколько эти родственные и деловые связи охватывают весь состав продавцов, насколько они позволяют вынести суждение об этом составе и его характере как об определенной общественной группировке.

Кто же те люди, которые выступают в многочисленных дельфийских манумиссиях в качестве манумиссоров? Кто освобождает рабов, договаривается с ними о последующих обязательствах, удостоверяет, что получил выкупную цену сполна? Это, как и можно было предполагать, люди разного происхождения и, вероятно, не совсем одинакового положения в дельфийском обществе. Несомнен-

но, они играют различную роль в этом обществе — ведь в их состав входят, с одной стороны, и некоторые из вольноотпущенников, неокоры и дамиурги ¹²¹, а с другой — жрецы и архонты.

Уже при первоначальном ознакомлении с данными манумиссий, если даже не обращаться к материалу другого рода, можно заметить, что одни имена лишь промелькнули раз или два в этих актах, тогда как носителей других мы встречаем неоднократно и в качестве манумиссоров, и как поручителей и свидетелей. Эти же люди занимают должности архонтов и жрецов. У них, очевидно, широкие общественные связи. Если привлечь источники иного характера — надписи, свидетельствующие об отношениях Дельф с другими государствами (с Пергамским царством, с Римом), постановления амфикистий или редкие упоминания в литературных памятниках, — то и в них мы встретим нередко тех же лиц: их отправляют послами в другие государства, они представляют Дельфы в других городах, из их среды выходят гиеромнеоны и т. д. Эти лица не стоят одиноко: они принадлежат к семьям, многие члены которых выступают в актах о манумиссиях в течение всего II в. до н. э. Между их семьями были тесные отношения, временами, вероятно, велась борьба, приводившая иной раз побежденных даже к изгнанию. Но в целом эта группа влиятельных семей представляла нечто однородное в социальном отношении.

Прежде всего возникает вопрос, каково соотношение между теми, кто стоял во главе управления в Дельфах, кто направлял политику храмового города, и теми, кто принадлежал к более широким слоям его населения, иначе говоря, можно ли на основании манумиссий составить представление о жизни этих слоев. Выяснить это, как мы уже говорили, важно, так как отсюда вытекает оценка дельфийских манумиссий как исторического источника: знакомят ли они нас с условиями отпуска на волю рабов, принадлежавших обитателям всего полиса, или же лишь с практикой его верхушечного слоя.

Сопоставление данных об архонтах и жрецах за интересующий нас период и имен манумиссоров приводит к отрицательному ответу на первый вопрос. В огромном большинстве случаев манумиссорами оказываются или сами жрецы, архонты и булевты, или их близкие родственники, или, наконец, те, чьими поручителями выступают различные должностные лица. Ниже будут приведены соответствующие данные, сейчас напомним лишь, что поручителями могли быть лица, очень тесно связанные с манумиссором. На это обстоятельство в общей форме указывали в свое время А. В. Никитский и До ¹²². Следует думать — и эта мысль может быть подтверждена многочисленными примерами — что лицо, поручителем которого выступал архонт, принадлежало к тому же кругу общест-

¹²¹ Ср. взгляд А. В. Никитского на неокоров и дамиургов (ДЭЭ, стр. 107 сл., 187 сл.).

¹²² А. В. Никитский. ДЭЭ, стр. 195; G. D a u x. Op. cit., p. 55.

ва, что и последний, что они были связаны родственными или деловыми отношениями. Таким образом, сведения, извлекаемые из дельфийских манумиссий, не характеризуют отношений среди всего населения Дельф. При намеченном нами сопоставлении мы встречаемся с известными затруднениями. В некоторых текстах отсутствуют имена участников манумиссий. Нередко дается одно имя без патронимикона, и лишь иногда в таком случае можно определить с достоверностью лицо, о котором идет речь. В частности, и многие имена должностных лиц не имеют патронимикона, и если это ходовые имена, не раз встречающиеся в документах, то, естественно, идентификация их с лицом, имя которого обозначено полностью, наталкивается на затруднения.

Архонтов и булевтов с патронимиконем всего 154. Между тем манумиссоров и поручителей во много раз больше. И тем не менее, если мы попытаемся изучить состав тех и других по данным отдельных жреществ, то полученные результаты будут носить совершенно определенный характер ¹²³. В жречествах III—X, т.е. за период от 180 до конца 20-х годов II в. до н.э., положение таково. Всего дельфийских манумиссий за это время сохранилось 652. Из них актов, в которых манумиссорами выступают дельфийцы, — 452. 11 из них дошли в таком состоянии, что по ним нельзя сделать никаких заключений. В некоторых других имена действующих лиц сохранились лишь частично, манумиссии не дают возможности прийти к определенному выводу ввиду отсутствия патронимикона у продавца, поручителя или у них обоих.

Из 452 манумиссий примерно в 340 (это составляет 75%) манумиссорами или поручителями являются архонты (т.е. архонт-эпоним или булевты) и жрецы, или лица, связанные с ними близким родством, или, наконец, люди, которые на основании данных манумиссий или иногда источников другого характера, несомненно, принадлежат к этому же кругу общества. В 100 документах архонтами (и жрецами), бывшими или будущими, оказываются как манумиссоры, так и поручители. Поручителями нередко выступают родственники манумиссора — братья (SGDI, № 2258; FD, III, 225), дети (SGDI, № 2251; 2253); муж (SGDI, № 1705) и т.д.; в других случаях можно предположить скорее деловые связи, как, например, в манумиссии SGDI, № 1938. Здесь трое братьев, сыновья Диодора, — продавцы, а два архонта (в разные годы) — Евдок, сын Праксия, и Агесилай, сын Тарантина, — поручители.

Не раз мы находим в роли манумиссора или поручителя лицо, никогда не выполнявшее должности булевта или архонта, но акты, относящиеся к нему, свидетельствуют, что если не он сам, то его

¹²³ Мы использовали при этом данные за период от III до X жречества включительно, так как дельфийских манумиссий I и II жреществ еще очень мало, а установить связь упоминаемых в них лиц с предшествующим периодом невозможно ввиду отсутствия соответствующих источников.

сын, отец или брат были архонтами или булевтами, и связь интересующего нас лица с правящим кругом храмового города оказывается совершенно выясненной. Филон, сын Аристия, например, не занимал сам должности архонта, но его сын был булевтом, а сам он выступал в актах совместно с Аристобулом, сыном Патрона, и Астоксеном, сыном Дионисия, несомненно, входившими в круг архонтов и обладавшими (особенно Астоксен) широкими связями в этом обществе (SGDI, № 1840). До полагает, что этот Филон был человеком скромного происхождения, вольноотпущенником или метеком¹²⁴. И это вполне возможно: в манумиссиях имеются данные, свидетельствующие о том, что некоторые вольноотпущенники впоследствии сами отпускали рабов. Но это не значит, что бывший вольноотпущенник или, тем более, метек не мог впоследствии войти в состав высшего круга дельфийского общества, который во II в. до н.э. не носил, вероятно, совершенно замкнутого характера. Происхождение не являлось фактором, всецело определявшим положение человека в данном обществе.

Некоторые лица, о которых нам известно, что они не были архонтами и мы не можем указать их родственников среди последних, представляются настолько тесно связанными с ними в своих деловых отношениях, что нет никакого сомнения относительно их принадлежности к тому же кругу (Βούργετος Πάτρωνος, Ἀρτερίδωρος Ἀπολλωνίου и др.). Но даже и большую часть тех людей, которые, на первый взгляд, не имели отношения к этому кругу, следует считать стоявшей близко к нему на основании косвенных данных. Часто мы наблюдаем следующее. Интересующее нас лицо в манумиссии не было архонтом и имеет поручителем также неархонта. Однако другие манумиссии, в которых выступает это лицо, убедительно свидетельствуют о его связи с исполнявшими должности архонта (или жреца). Вот некоторые примеры.

На первый взгляд, семья Καλλὼ Ἀρίστωνος (она, ее муж Аристомах и двое сыновей, Аристон и Аристоним) не связана с кругом архонтов, поскольку в период VII жречества в их манумиссии поручителем является Гагион, сын Тейсиппа, имя которого отсутствует в списке архонтов. Но достаточно обратиться к другим десятилетиям II в. до н.э., и связь эта станет очевидной. В одной из манумиссий IX жречества поручителем Калло выступает Каллий, сын Диона, булевт в один из годов этого жречества, сам тесно связанный с рядом представителей архонтата.

Никая, дочь Каллия (SGDI, № 2215) имеет поручителями Со-сиксена и Тейсона. Оба имени встречаются среди архонтов (IX и X жречеств), но, так как их патронимикон неизвестен, отождествление будет лишь предположительным. Однако другой акт Никаи (SGDI, № 2221) прочно вводит ее в круг архонтов: там ее поручитель — Дионисий, сын Асандра, член едва ли не одной из наиболее

¹²⁴ G. D a u x. Op. cit., p. 454.

активных семей как в отношении занятия ведущих должностей, так и по участию в актах отпуска рабов на свободу.

У Антифила (патронимикон отсутствует) и его сына Батта поручитель Горгил, сын Фэния (SGDI, № 2186), лицо, более в манумиссиях не встречающиеся. Однако тот же продавец (Антифил и его сын Батт) имеет поручителем в другой манумиссии (SGDI, № 2154) Афамба, сына Габромаха, одного из видных представителей правящих семей. Далее, можно предположить, что Горгил был сыном архонта Фэния (SGDI, № 1986), а позднее мы находим архонта Эвхариды, сына Фэния (SGDI, № 1696 и др.), возможно, брата Горгила. Таким образом, и в этих случаях мы не выходим за пределы определенного (высшего) социального слоя ¹²⁵. Дельфийские манумиссии сообщают ценные сведения о взаимоотношениях представителей этого слоя и об интересах их как рабовладельцев, но выводы из этих данных нельзя без дальнейшего анализа применить к истории рабства в Дельфах или, тем более, в Элладе.

Мы указывали, что рассматриваемый нами вопрос о составе манумиссоров имеет значение для истории Дельф. Помтов в свое время на том основании, что в манумиссиях все чаще встречаются упоминания об одних и тех же лицах и что самое число манумиссий уменьшается в I в. до н.э., пришел к выводу об уменьшении дельфийского гражданства в это время. А. В. Никитский считал, что первое соображение Помтова не является решающим. Он полагал, что ограниченность круга лиц в позднейших манумиссиях объясняется тем, что в этот период «установился более или менее постоянный *usus* привлечения в качестве свидетелей манумиссий лиц, близких по характеру» ¹²⁶. Но уменьшение числа манумиссий, и по его мнению, говорит о постепенном падении благосостояния Дельф в связи с упадком дельфийских праздников и значения оракула.

Не отрицая справедливости последнего утверждения, мы все же считали бы нужным настаивать на том, что непосредственно и число актов, и суживающийся круг их участников свидетельствуют о том, что происходило в руководящих семьях дельфийского общества, тех, из которых выходили архонты и жрецы, а не об изменениях во всем населении города. Но понятно, что эти семьи испытывали влияние общей исторической обстановки и их история в какой-то мере, вероятно, показательна и для положения всего полиса.

В нашей работе были поставлены лишь некоторые вопросы социальной истории Дельф, ответ на которые могут дать манумиссии. Каждый из вопросов заслуживает гораздо более полного изучения. Но и то, что удалось установить, свидетельствует о разнообразии форм зависимости, существовавших в одном из полисов Эллады, и о том, что неправомерно оперировать слишком общими формулами при исследовании конкретного исторического материала.

¹²⁵ Ср. SGDI, № 2269; FD, III, 1, 52; III, 3, 1, 36; III, 3, 1, 46; III, 3, 1, 47; III, 3, 1, 48; III, 3, 1, 50 и многие другие.

¹²⁶ А. В. Никитский. ДЭЭ, стр. 138.

III

ПИРАТСТВО В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В III В. ДО Н. Э.

(к изучению источников форм зависимости
в эллинистический период)

Изучение форм зависимости неизбежно сталкивает исследователей с проблемой источников возникновения и воспроизводства этих форм. Встает вопрос о причинах, в силу которых одинаковые, на первый взгляд, события оказывали разное воздействие на формирование отношений зависимости.

Мы пытаемся способствовать разрешению этой общей задачи, рассматривая пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н.э. в его отношении к социально-экономической истории того времени, к процессу становления государств, к соперничеству стран на внешнеполитической арене. Особо занимает нас судьба людей, попавших в плен к пиратам, иначе говоря, та форма зависимости, которая возникала в результате пиратских набегов. Рассмотрение пиратства во взаимосвязи с некоторыми другими явлениями истории III в. до н. э. должно выявить значение его как одного из источников форм зависимости, существовавших в эллинистический период.

* * *

В истории Восточного Средиземноморья III в. до н.э., весьма неравномерно освещенной в источниках, пиратство благодаря обилию свидетельств всякого рода составляет счастливое исключение. Помимо литературных и эпиграфических данных, которые с большей или меньшей определенностью можно отнести к III в. до н.э., мы располагаем чрезвычайно ценными материалами о пиратстве пред-

ществовавшего и следовавшего времени. Эти материалы оказываются совершенно необходимыми при восстановлении картины пиратства в III в. до н.э.: они не только нужны в качестве непременных членов сравнения, но нередко могут служить надежным подспорьем для восстановления утраченных звеньев традиции о самом III в. до н.э.

Из литературных источников о пиратстве изучаемого периода в первую очередь назовем Полибия. Его сведения дополняет автор, писавший два века спустя, — Страбон, который, по единодушному признанию специально изучавших его источники историков¹, использовал в своем произведении богатую эллинистическую традицию. Одна и та же тема занимает Полибия и Страбона — это тема единства, которое возникло в мире под эгидой римлян. Но развивается эта тема по-разному. Полибия, как историка, интересует переплетение судеб различных стран Средиземноморья с конца III в. до н.э.; Страбон же, глядя глазами географа, описывает различные связи, в первую очередь хозяйственные, которые завязались от одного края Средиземноморья до другого между народами, подчиненными Риму.

Естественно, что различные интересы Полибия и Страбона наложили отпечаток на их рассказ о пиратах. Сведения первого позволяют судить преимущественно о содержании пиратства как некоего исторического явления, о его возникновении и развитии, о влиянии на ход политической истории эпохи, об отношении пиратства к наемничеству, племенному строю и племенным нашествиям, поздней тирании. Данные же Страбона говорят о масштабах активности пиратов, о связанных с пиратством экономических проблемах.

Но не только специальные интересы авторов придают различный колорит их рассказам о пиратах. Некоторые особенности политических и философских взглядов Полибия и Страбона также приходится иметь в виду, чтобы не поддаться искушению слишком буквально понимать все, что говорится ими о пиратах. Так, Полибий, будучи горячим патриотом Ахейского союза, не жалеет темных красок, рисуя врагов ахейцев — этолийцев (II, 45, 1; II, 46,3; IV, 3, 1; IV, 6, 10—12 и др.). Поэтому суждения Полибия о деятельности Этолийского союза нельзя воспринимать без учета политических симпатий этого автора. Данные же Страбона о пиратстве требуют внимания в ином плане — в его труде сплелись две взаимоисключающие теории исторического прогресса.

Одна теория связана с представлениями о влиянии географического фактора на жизнь человека²; с идеями Платона о трех видах

¹ M. Dubois. Examen de la Géographie de Strabon. Paris, 1891; E. Honigman п.п. Strabo.— RE, 2. Reihe, 7. Hb., 1931.

² Следы этой теории можно обнаружить и у Полибия, там, где он пишет, что особенности климата определяют различия в характере, физическом строении и даже занятиях людей (IV, 21, 1—2). Теория зародилась задолго до Полибия, о чем свидетельствует датированный концом V в. до н.э. трактат Псевдо-Гиппократ

общежития: самым примитивным и диком — у людей гор и наивысшем — у жителей равнин (XIII, 1, 25); с убеждением в благотворности для народов вступать в общение друг с другом, в преимуществах жить цивилизованной жизнью (πολιτικῶς ζῆν) (II, 5, 26)³. Другая теория, которой Страбон был обязан влиянию высоко почитаемого им Эфора, связана с идеализацией простого быта и чистых нравов варваров, простодушных, не ведающих страсти к роскоши, к накоплению денег, чуждых цивилизации⁴. Сплетение в «Географии» Страбона элементов столь различных идейных течений, наличие в сущности двух противоположных типологий изображения варваров оказывали влияние на описание конкретных племен, в частности и занимавшихся пиратством.

Остальные литературные источники о раннеэллинистическом пиратстве, очень непохожие друг на друга по характеру и направленности (Диодор Сицилийский, Тит Ливий, Плутарх и др.), хотя и эпизодически, но нередко ярко освещают различные стороны интересующего нас явления. Из авторов же предшествовавшей эпохи — V и IV вв. до н.э., пожалуй, всего важнее для нас Фукидид и Аристотель, чьи попытки в теоретическом плане осмыслить причины возникновения и существо пиратства требуют тщательного анализа.

Но наши представления были бы значительно беднее, если бы мы не обладали такими превосходными материалами, какие дает эпиграфика. Хотя по сравнению со связными рассказами Полибия, Страбона или Диодора в большинстве случаев — это только фрагмен-

³ См., например, о племенах, населяющих Луситанию: «Неукротимость и дикость этих народностей явились следствием не только войн и походной жизни, но и их отдаленности; действительно, ведь путешествие к ним морем или по суше — длительно, а так как сношения с ними трудны, то они потеряли общительность и гуманность. Впрочем, в настоящее время они уже в меньшей степени отличаются этими недостатками благодаря миру и пребыванию римлян в их стране. Но те племена, которые реже общаются с римлянами, отличаются большей суровостью и дикостью, и если у некоторых из этих племен столь неприятные свойства являются просто следствием скудости их страны, то подобно этому и жители гор отличаются еще в большей степени такими странностями» (III, 3,8). Данный перевод Страбона, как и дальнейшие, почерпнут из книги: Страбон. География в 17 книгах. Перев. Г. А. Стратановского. Ред. перев. проф. О. О. Крюгер. Изд-во «Наука». Л., 1964.

⁴ Пожалуй, отчетливее всего эта теория дает знать о себе в заимствованных, вероятно, у Эфора комментариях к гомеровским стихам, посвященным скифам. Вот заключительный пассаж: «Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков — гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула также и варварские племена, в особенности «кочевников». Действительно, после знакомства с морем они не только стали хуже в моральном отношении (так, они обратились к морскому разбою и убивали чужестранцев), но соприкосновение со многими племенами привело к тому, что они заимствовали от них роскошь и торгашеские наклонности. Это, правда, способствует мягкости нравов, но все же портит их, так как честность сменяется хитростью, о чем я только что сказал» (Страбон, VII, 3, 7).

ты, способные разжечь наше любопытство, но плохо удовлетворяющие его (подобно декрету с о. Феры, ок. 260 г.— IG, XII, 3, 328), тем не менее по своей значимости надписи не уступают литературным источникам. С одной стороны, в почетных декретах мы находим упоминания об отдельных фактах, связанных с активностью пиратов, сделанные с иной целью, чем соответствующие описания у авторов. С другой — такие законодательные памятники, как, например, постановления Дельфийской амфикионии, вводят нас непосредственно в гущу событий, прямо знакомят с некоторыми юридическими нормами, касавшимися пиратства. Пестрые по содержанию, ценные своей непосредственной близостью к исторической действительности эпиграфические документы позволяют в какой-то мере проверить и уточнить общие суждения авторов, по-новому взглянуть на описываемые ими события.

* * *

Морской разбой, насилия, нападения с целью грабежа как на суда в открытом море, так и на прибрежные районы практиковались начиная с глубокой древности. Но если при определении пиратства довольствоваться столь общей формулировкой, то вряд ли удастся пойти дальше английского историка Г. Ормерода, который в специальном труде, посвященном пиратству античного мира, связал его развитие в Средиземноморье в первую очередь с благоприятными для него географическими условиями ⁵ и не видел почти никакой разницы между образом жизни пиратов из поэм Гомера ⁶ и знаменитых корсаров нового времени. Бывали, однако, в истории периоды временного затишья пиратства и периоды его расцвета — пиратство почти исчезало, чтобы вспыхнуть затем с еще большей силой. Такая эволюция наблюдается не только в рамках всеобщей истории, но и более ограниченно — на протяжении одной античности. Эллинистический период был временем широкого распространения пиратства. Хотя наибольшего подъема оно достигло в позднеэллинистический период, III в. до н.э. представляет немалый интерес: общие причины, до известной степени определившие расцвет пиратства во II—I вв. до н.э. действовали уже тогда. Но с 20-х годов III столетия в жизнь Восточного Средиземноморья все более настойчиво вмешивается Рим. Его влияние сказалось в дальнейшем на ходе важнейших исторических процессов в странах эллинистического Востока, в том числе и на развитии пиратства. Поэтому более или менее независимое течение этих процессов легче проследить в III в. до н.э.

Эллинистическое пиратство неоднократно привлекало внимание историков и на Западе и у нас. Усилиями авторов специальных ра-

⁵ H. A. Ormerod. Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History. London, 1924, p. 14.

⁶ Ibid., p. 13.

бот (Сестье, Ормерод, Цибарт ⁷) были собраны воедино разрозненные сведения из античных источников о морских разбойниках. Но предпринятые в 20-х годах нынешнего столетия попытки осветить пиратство в собственном историческом плане едва ли в настоящее время могут удовлетворить.

Так, монография Ормерода — по существу не более, чем удобное пособие, позволяющее ориентироваться в разрозненных сведениях источников, относящихся к античному пиратству. Основная мысль автора о постоянной в древности борьбе между мирными торговцами и пиратами, о принадлежности большинства морских народов на различных этапах их истории то к одной, то к другой группе⁸ раскрывается лишь в форме описаний того, как там-то и тогда-то люди занимались грабежом или торговлей. С точки зрения исторической интерпретации пиратства наиболее интересной представляется попытка Ормерода остановиться на отношении этого явления к каперству и репрессалиям⁹. Однако наблюдения автора носят слишком поверхностный характер и ведут лишь к констатации близости, нередко почти тождества этих форм морского насилия.

Цибарт в своей книге, вышедшей несколькими годами после труда Ормерода, поставив перед собой интересную задачу — исследовать морскую торговлю в ее отношении к морскому грабежу¹⁰, также пошел по пути пересказа данных источников об античных пиратах и торговцах, кое-где дополняя это изложение реальным комментарием. Пиратство — явление, безусловно заслуживающее стать предметом анализа в целом, было подано Цибартом в виде суммы отдельных фактов, мало связанных между собою случаев. В своих выводах Цибарт не идет дальше того, чтобы рост пиратства объяснить ослаблением охранных мер на море¹¹. Слабость теоретической мысли Цибарта относительно торговли и пиратства справедливо подметил Финли в докладе на Второй Международной конференции по экономической истории в 1962 г.¹²

Темы пиратства касались исследователи, занимавшиеся социально-экономической и политической историей эллинистического периода (Хайхельхайм, Ростовцев, Тарн и др.). С точки зрения интересующего нас вопроса — пиратство как источник зависимости — в первую очередь обращают на себя внимание те работы, в которых пиратство рассматривается в связи с историей рабства. Именно так

⁷ L. Sestier. La piraterie dans l'antiquité. Paris, 1880; H. A. Ormerod. Op. cit.; E. Ziebarth. Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929.

⁸ H. A. Ormerod. Op. cit., p. 13.

⁹ Ibid., p. 59—79.

¹⁰ E. Ziebarth. Op. cit., S. 1.

¹¹ Ibid., S. 21.

¹² M. J. Finley. Classical Greece. — «2nd Internat. Conf. of Econ. History. Aix-en-Provence, 1962, v. I. Trade and Politics in the Ancient World». Paris — Hague, 1965, p. 11—12.

подошел к пиратству Вестерман¹³. Большой или меньший размах пиратства этот ученый объяснял не только наличием державы, способной осуществлять контроль на море, экономически заинтересованной в подавлении пиратства, но и спросом на труд рабов¹⁴.

Из советских авторов специальное внимание эллинистическому пиратству уделил Я. А. Ленцман. Его по преимуществу занимали социальные корни пиратства и связь с работорговлей. Суть своей концепции Я. А. Ленцман сформулировал в следующих словах: «Эллинистическое пиратство, возникшее среди отсталых племен со значительными пережитками родового строя, включилось благодаря торговле рабами в систему рабовладельческой экономики Средиземноморья и играло в ней весьма существенную роль, будучи одним из основных поставщиков рабочей силы — рабов»¹⁵. Названный автор рассматривал морской разбой с точки зрения его необходимости для рабовладельцев ведущих держав эллинистического мира. Оценка пиратства как «естественного порождения социально-экономических отношений эллинистического времени» содержится в книге А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль»¹⁶. Анализ пиратства в связи с особенностями товарного производства II—I вв. до н.э. предпринял К. К. Зельин в монографии, посвященной аграрным отношениям в позднеэллинистическом Египте¹⁷.

Литературу об эллинистическом пиратстве нельзя назвать бедной, но она отнюдь не исчерпывает темы. Как исследование основных черт эллинистического пиратства, так и изучение этого явления в главных его опосредствованиях заслуживают быть продолженными. Важно в пределах определенного периода и области рассмотреть пиратство с точки зрения реального его содержания и его восприятия древними, выявить многообразие типов, причины роста, отношение к некоторым другим историческим явлениям, т.е. проделать ту предварительную работу, без которой немыслимо более или менее ясное представление о формах зависимости, порождаемых пиратством. Что пиратство, даже строго ограниченное во времени и пространстве, представляет собой объект, достаточно сложный по своему характеру, — это убеждение складывается при первом же с ним знакомстве.

Пиратство представлено в наших источниках как основное занятие некоторых племен, живших на далекой окраине эллинистического мира и по сравнению с их окружением отсталых в своем

¹³ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

¹⁴ Ibid., p. 6.

¹⁵ Я. А. Ленцман. К вопросу об источниках эллинистического пиратства. — ВДИ, 1946, № 4, стр. 219.

¹⁶ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 242.

¹⁷ К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до н. э. М., 1960, стр. 63 слл.

развитии. Пиратскими называли действия этолийцев и иллирийцев, которые в III в. до н.э. стали силами первостепенной важности на международной арене Восточного Средиземноморья. Своими морскими разбойниками прославился Крит, остров с очень древней государственностью. Морским грабежом промышляло у понтийских берегов дикое племя тавров. Пиратов мы встречаем в качестве союзников прославленных полководцев; для борьбы с пиратством, изыскивая средства и военные, и дипломатические, не раз напрягали свои силы эллинистические правители. Пираты угрожали купцам, пираты же в крупнейших торговых пунктах пользовались действенной поддержкой и покровительством. Прежде чем искать объяснение этим видимым противоречиям, попытаемся хотя бы в самой общей форме ответить на вопрос о месте, которое занимало пиратство в эллинистическое время.

В литературной традиции предшествовавшей эпохи рассказы о разбоях на море и на суше встречаются довольно часто, причем для обозначения действующих лиц и рода их занятий авторы употребляли обычно слова *λῃστὴς*, *καταπονηστὴς* и их производные. Не будем говорить о таких ранних памятниках, как Илиада и Одиссея, которые убеждают, что в эпоху их создания нападения с целью грабежа были явлением самым обычным, ни в ком не вызывавшим ни удивления, ни осуждения. Обратимся к авторам, более близким к нашему периоду, — Фукидиду и Аристотелю, значение свидетельств которых трудно переоценить.

Фукидид, продемонстрировав блестящий пример применения историко-сравнительного метода при исследовании прошлого Эллады, пришел к выводу, что некогда все эллины, подобно современному ему варварам и наиболее консервативной части греков — локрам озольским, этолийцам, акарннам и их соседям, — занимались разбоем (I, 5). Фукидид связывал его распространение с участвовавшими морскими сношениями. Из его рассказа мы можем извлечь некоторые данные, характеризующие организацию набегов. В них предводительствовали люди наиболее могущественные, которые, по его словам, действовали ради собственной выгоды и для доставления пропитания слабым. Нападая на неукрепленные города, состоявшие из отдельных селений, участники набегов грабили их и таким способом добывали себе большую часть средств к жизни. На это занятие не только не смотрели как на постыдное, но, напротив, видели в нем источник некоторой славы (I, 5, 1). Разбой на море Фукидид сближал с подобной практикой на суше (I, 5, 3).

Аристотель писал о разбое особенно подробно в той части I книги «Политики», где рассматривал соотношение собственности (*κτησις*) и искусства наживать состояние (*χρηματιστική*) (I, 3, 1, 1256a). Указав, что искусство приобретения (*κτητική* — I, 3, 10, 1256b) бывает различного рода, Аристотель перечислил те типы образа жизни, «при которых человек может получать пропитание непосредственно от продуктов природы, не прибегая для доставления себе средств к

жизни к обмену и торговле»¹⁸ (I, 3, 5, 1256a). Наряду с кочевым бытом, земледелием, рыболовством и охотой назван разбой (*ληστρον βίος*). Этот вид искусства приобретения противопоставлен другому — искусству наживать состояние (*χρηματιστική*) — (I, 3, 10, 1256b)¹⁹. В соответствии с представлением о естественном искусстве приобретения (*ἡ κτητική φύσις* — I, 3, 10, 1257a) Аристотель предполагал существование собственности, дарованной всею природой (I, 3, 6, 1256b). Военное искусство, во всяком случае та часть его, которая касается охоты, воспринималась философом как естественное искусство приобретения. «Охотиться должно как на диких животных, так на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива»²⁰ (I, 3, 8, 1256b). Это замечание Аристотеля, как нам кажется, до известной степени может объяснить причину, по которой жизнь с помощью разбоя (*ληστρον βίος*) причислена им к типам естественного приобретения собственности.

При том, что Фукидид и Аристотель подошли к теме с разных точек зрения (Фукидид — проследивая становление греческой талассократии, Аристотель — интересуясь содержанием искусства приобретения), оба смотрели на занятие грабжею как на некий вполне определенный образ жизни людей, оба были склонны связывать его со сравнительно примитивной ступенью общественного и экономического развития. У Аристотеля *ληστρον βίος* противопоставлен хозяйству более развитому, усвоившему торговлю и ростовщичество. Фукидид, хотя и отметил, что появление разбоя на море было связано увеличением морских сношений и что набеги предполагали дифференциацию общества на лиц наиболее могущественных и слабых, постарался выделить те события в дальнейшей истории Греции, которые способствовали если не пресечению деятельности морских грабителей, то активной борьбе с ней. Скопление богатств в городах, нашедшее свое частичное выражение в обнесении их стенами

¹⁸ Термин *χρηματιστική* в разных контекстах главы III «Политики» неодинаков по своему значению: 1) в I, 3, 10, 1256 b Аристотель употребляет его как видовое понятие при родовом *κτητική*. Естественное искусство приобретения противопоставляется искусству наживать состояние (*χρηματιστική*); 2) в I, 3, 17, 1257 b тот же термин отвечает видовому понятию, однако иного сравнительно с I, 3, 10 содержания. Здесь *χρηματιστική*, то, что относится к области домохозяйства, противопоставлено богатству (*πλοῦτος*), принадлежащему к кругу торговой активности; 3) наконец, в I, 3, 20, 1258a *χρηματιστική*; является уже родовым понятием, в свою очередь разделяющимся на видовые: необходимое искусство наживать состояние, направленное к добыванию средств к жизни, и не необходимое, направленное на достижение беспредельного богатства.

При некоторой терминологической неясности основная мысль Аристотеля все же совершенно очевидна. Она сводится к тому, что *χρηματιστική* как искусство, имеющее отношение к торговле и ростовщичеству, является продуктом известного развития и противопоставляется естественным типам приобретения (пастушеству, земледелию, охоте, грабежу).

¹⁹ Аристотель «Политика». Перев. С. А. Жебелева. М., 1911, стр. 20.

²⁰ Там же, стр. 22.

(I,7), развитие торговли, строительство флота, попытки установить господство на море, добиться централизации власти — все эти описанные Фукидидом явления претягивались, по его мнению, занятыми грабительскими набегами.

Так, о Миносе Фукидид писал, что он раньше всех приобрел себе флот, овладел значительной частью Эгейского моря, достиг господства над Кикладами и первый заселил большинство из них колонистами, изгнав карийцев и посадив правителями собственных сыновей. При этом, как сказано у Фукидида, «Минос старался, насколько мог, уничтожить на море разбой, чтобы тем вернее получать доходы» (I,4) ²¹. Несколько далее, в части, касающейся коринфян, также обнаруживается связь между развитием у них флота, обогащением с помощью морской и сухопутной торговли и действиями, направленными на уничтожение разбоя (*τὸ ληστρικόν* — I, 13).

Борьба за господство на море (талассократию) и преследование практики разбоев сопутствовали, по Фукидиду, установлению тирании, которая во многих полисах сменила наследственную царскую власть (I,13). Эта смена, казавшаяся знаменательной древнему историку, была решающей вехой на пути развития ряда государств в Греции, разложения норм и институтов первобытнообщинного строя. Прежние связи между людьми, отношения, присущие догосударственному быту, приходили в столкновение с новой, пока еще не завершенной окончательно организацией общества — с государством. Результатом столкновений было или приспособление этих отношений к новым условиям, включение их в несколько измененном виде в систему государства, или, в противном случае, беспощадная борьба с ними со стороны того же государства.

Участь, которая ожидала глубоко укоренившийся в практике и сознании людей способ жизни путем разбоя, была именно такой — *ληστεία* претерпела эволюцию. С самого начала надо заметить, что государство боролось не с грабежом как таковым, а с грабежом, осуществлявшимся помимо или вопреки государственной власти, с грабежом, который угрожал суверенности государства. Тот грабеж, который государство признало, потеряв прежний характер полной независимости, приобрел новые качества. Они были обусловлены тем, что практика грабежа заняла определенное место в системе международных отношений государств, оказалась тесно связанной с развитием их экономики. Далее мы попытаемся обосновать этот тезис с помощью конкретных материалов, относящихся к истории III в. до н.э., хотя в равной степени считаем его справедливым и для более раннего периода. Пока же ограничимся примерами отдельных изменений, которые претерпела практика грабежа, будучи опосредствованной государством.

²¹ Обратившись в I, 8 снова ко времени Миноса, Фукидид заметил, что «с образованием флота Миноса взаимные сношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников (*κακοῦβροτ*) и тогда же заселил большинство их колонистами» (Ф у к и д и д. История, т. I. М., 1915. Перев. Ф. Мищенко).

Она нередко принимала форму репрессалий — государство санкционировало разграбление своими подданными враждебных территорий (дозволение «брать добычу»). Со сходным типом разбоя мы встречаемся и при изучении войн, которые вели между собой государства. Полководцы часто выступали как вожаки сплотившихся вокруг них воинов, ставивших своей целью наживу за счет опустошения неприятельской страны. Хотя в целом грабежи, ослаблявшие противника, были на руку воевавшему государству, эти налеты все же являлись осуществлением частной инициативы — воины выступали в них скорее как частные лица, чем как представители государства.

Если порой государство не возражало против грабежей и даже одобряло их, то, как показывают декреты об асии, существовала и иная возможность там, где грабительские налеты противоречили интересам внешней политики государства. Договоры об асии выявляют обязательства, которые брало на себя государство для предотвращения ограбления его жителями определенных земель. В некоторых случаях право асии как почетную прерогативу государство гарантировало отдельным гражданам чужой страны.

Так или иначе в приведенных примерах налицо результат превращения разбоя, бывшего прежде самостоятельным промыслом людей, в апробированную государством деятельность его подданных. Но наряду с этой формой разбоя в Восточном Средиземноморье III в. до н.э. имела место и другая, хотя и связанная в конечном счете с существованием государств, но по-иному. Для этой формы характерно, что участниками грабежей были лица, политически независимые, не подвластные какому бы то ни было государству.

Широкое распространение такого рода разбоя станет понятным, если вспомнить, что в политическом отношении представляло собой Восточное Средиземноморье в то время. Составлявшие его части отличались разнообразием. Это были державы, которые простирали власть на большие территории и были обязаны своей спецификой древней традиции — восточной и греческой. Это были полисы, выступавшие самостоятельно, и полисы, объединившиеся в союзы. Это были молодые государства, унаследовавшие многие черты от первобытнообщинного строя, это были союзы племен и, наконец, отдельные племена (подробнее см. выше, стр. 52 сл.).

При том, что централизация власти в государствах была далеко не полной, границы (особенно на периферии) шаткими, — перед многими людьми открывалась возможность, оставаясь за рамками государств, объединяться по сходству опасного промысла в некие сообщества, позволявшие их участникам действовать на свой страх и риск, смело и безнаказанно. Сродни этим сообществам разбойников, или пиратов²², как называют их документы III в. до н.э.,

²² В источниках III в. до н.э. для обозначения разбойников на суше и на море, помимо указанных терминов, стали применять *πειρατής* и его производные (LXX, Ge, 49, 19; Polyb.; надписи: Syll.³, 454, 521; IG, II², 746; XI, 4, 1054a; IOSPE, I², 672).

были окраинные племена, сделавшие разбой одним из основных источников существования. Держась независимо по отношению к государствам, эти группы людей испытывали тем не менее влияние окружавшего мира, господствовавших в нем отношений. И здесь древняя практика разбоя приспособилась к новым условиям жизни Восточного Средиземноморья. Но форма приспособления, как мы увидим ниже, была при этом иной, чем в тех случаях, когда занятие грабежом санкционировало государство для своих подданных и когда разбой становился как бы частью внешней политики государства.

Хотя мы и пишем о приспособлении *λῆστεία* к государственному быту, это, разумеется, не означает, что *λῆστεία* во всех ее видах не встречала сопротивления и не знала попыток борьбы с ней. Будучи по существу своему формой насилия, разбой вызывали ответную реакцию. Но результаты реакции в конечном счете зависели от того, насколько эта форма насилия отвечала потребностям современного общества в целом.

На этом мы заканчиваем предварительные замечания, чтобы перейти к рассмотрению источников. Начнем с того, что известно о тех людях, которые выступали независимо от государств и сделали разбой своей специальностью, — с племен, живших на периферии эллинистического мира.

Нашим руководителем будет при этом Страбон, свидетельства которого, хотя их часто и довольно трудно датировать, можно использовать, так как обычаи и нравы окраинных племен, о которых писал географ, были довольно стойкими. Поэтому вполне допустимо, что некоторые сведения, даже если они восходят ко II в. до н.э., верны и для III в.

Выше мы говорили о влиянии идей общего характера на Страбона. Не желая преуменьшать это влияние, мы хотим, однако, заметить, что та или иная обработка исторического материала, приверженность к определенной теории еще не свидетельствуют о его недостоверности. В любом случае сведения, которые мы черпаем из источников, как-то обработаны. И самый факт этой обработки, известные принципы, положенные в основу отбора материала, часто не только не мешают, но придают дополнительную ценность нашим источникам. Ведь и избранный автором угол зрения, даже неизбежная ограниченность при интерпретации материалов помимо всего прочего обусловлены самим характером описываемых фактов или событий. Пример Страбона типичен в этом отношении. Страбон пошел по пути типологизации доступных ему данных. Хотя этот путь угрожал при описании отдельных племен потерей индивидуальных черт, следованием однажды выбранному образу, он вместе с тем подчеркивал сходство племен в каких-то чертах их быта, занятий и пр., сходство, к слову сказать, подтвержденное данными других источников. Поэтому несколько стандартное изображение Страбоном разбойничьих племен не должно отталкивать

читателей, порождать недоверие к его рассказам. Напротив, оно привлекает возможностью нащупать реальную основу идей Страбона, проанализировать ход мысли древнего писателя, пытавшегося в такой форме довести до читателей свое понимание описываемых им явлений. Но эта форма — не единственная у Страбона. В отдельных случаях мы встречаем в его труде прямые утверждения о подобии нравов иберийских, кельтских, фракийских и скифских племен²³. Таким образом, приходится постоянно иметь в виду неразрывную связь субъекта и объекта, связь точки зрения автора и исторических событий, которым посвящен его труд. Приходится учитывать как влияние той объективной истории, о которой писал данный автор, на выработку им руководящих идей, так и действие этих идей на форму отражения той же истории в его труде.

Образы племен, избравших своим занятием разбой, повторяются у Страбона многократно и принадлежат, по крайней мере к двум несколько отличающимся друг от друга типам. Наше представление об этих типах будет неполным, если исключить материалы, касающиеся Западного Средиземноморья. Поэтому мы сознательно идем на нарушение территориального принципа, привлекая некоторые свидетельства Страбона о племенах Испании и Италии.

Чтобы познакомиться с тем, что мы назвали «первым типом», присмотримся к характеристикам, которые дал Страбон целому ряду племен, обитавших в малодоступных местностях.

Так, о жителях горной Луситании Страбон писал, что «большинство населения пренебрегло жизнью за счет даров земли и обратилось к занятию разбоем (ἐν ληστηρίοις), ведя постоянные войны друг с другом и со своими соседями за Тагом, пока римляне их не обуздали». И далее: «Начало таким беззакониям положили жители гор, как это и естественно, ведь они жили на неплодородной земле и владели лишь скудным имуществом. Поэтому-то они и начали захватывать чужое добро. Для обороны от жителей гор люди были вынуждены бросить собственные занятия, так что они вместо земледелия начали воевать; в результате получилось, что земля, запущенная и лишенная природных благ, превратилась в жилище разбойников (ἐπὶ ληστῶν)» (III, 3, 5). Вооруженные столкновения племен, грабежи разорили страну. Помимо неблагоприятных для земледелия природных условий, способствовавших, по мысли географа, дикости этих племен, Страбон считал необходимым указать на отдаленность их местоположения, которая затрудняла сношения с ними (III, 3, 8).

Надо сказать, что и в общей характеристике иберийских племен (Испания) Страбон подчеркнул их приверженность к нападениям на соседей и грабежам (ληστῆρικοί... ἐγένοντο), попутно заметив, что предприятия иберийцев отличались незначительными масштаба-

²³ Strabo, III, 4, 17.

ми, поскольку иберийцы не располагали крупными силами и объединениями (III, 4, 5).

Племена кораллов, бессов, медов и данфелетов, обитавших вокруг горы Гема и у ее подошвы вплоть до Понта, Страбон назвал чрезвычайно склонными к разбойничеству (*λῆστροκότατα ἔθνη*). По его словам, бессов называют разбойниками даже сами разбойники. Живут они в хижинах, влача жалкую жизнь (VII, 5, 12).

Выразительна и характеристика, данная жителям Корсики. Хотя в этом случае речь идет о римском времени, текст стоит привести: он типичен для представления географа о жизни изолированных горных племен, для которых разбой служил постоянным источником существования. Указав на непроходимость большей части Корсики, Страбон замечает, что тамошние обитатели гор, живущие разбоем (*ἀπὸ λῆστροῖων*), свирепее диких зверей (V, 2, 7).

Ограбление горцами сельскохозяйственного населения равнин показано на примере Сардинии и Альп. Эти сведения ценны, но, подобно предыдущим, лишены данных для точной датировки. О горцах Сардинии говорится, что, хотя они и владеют некоторым количеством годной для посева земли, засевают ее небрежно. «Они грабят поля земледельцев, не только тех, что живут на острове, но и поля на материке, в особенности же писатов, к которым они переправляются морем» (V, 2, 7).

В Альпах связи населения плодородных долин с жителями скудных горных местностей складывались, по Страбону, следующим образом. Около горных вершин, в местности, бедной вследствие неблагоприятных природных условий, обитали разбойники (*οἱ λῆσταί*). «В силу скудости пищи и других предметов первой необходимости они иногда шадили жителей равнин, чтобы те поставляли им продукты; в обмен они давали древесную смолу, деготь, смолистую лущину, воск, мед, сыр, ибо этих продуктов у них было много» (IV, 6, 9).

О разбоях (*λῆστροῖς ἡσυχῆνται*) упомянул Страбон и при описании занятий горных писидийцев (XII, 7, 3)²⁴.

Вчитываясь в приведенные тексты Страбона, легко убедиться, что за ними стоит вполне определенный образ. Хотя характеристики относятся к племенам, не связанным между собой и жившим далеко друг от друга — в Испании, Италии, на Балканах, в Малой Азии, — они так поразительно похожи друг на друга, что, кажется, замени название одного племени другим, смысл от этого не пострадает нисколько.

Природные условия, в которых живут эти племена, как неу-

²⁴ О воинственных писидах, их укреплениях, расположенных в неприступных местах, набегах на соседей-земледельцев рассказывает Арриан (Αναβ., I, 24, 6; 27, 5 sqq.; 28, 1 sqq.). Хотя у этого автора речь идет о времени Александра, который в какой-то степени своими удачными военными операциями парализовал активность писидов, все же описанные Аррианом отношения, вероятно, продолжали существовать и позднее, что подтверждает характеристика Страбона, данная писидам.

станно подчеркивал Страбон, очень суровы. По большей части речь идет о горных местностях, неплодородных из-за скудной почвы или жестокого климата. Сама природа препятствовала населению этих мест поддерживать регулярные связи с внешним миром, содействовала его замкнутости. Результатом была приверженность жителей к занятию разбоем (*λῆστεία*), на который шли с целью удовлетворить насущные нужды. Объектом нападения диких горцев становились, по Страбону, обычно земледельцы соседних долин. Акты грабежа не были опосредствованы ни дальнейшей реализацией награбленного путем торговли, ни намерением захватчика добыть то, что на рынке пользовалось наибольшим спросом. Страбон упомянул об обмене, но в тех случаях, когда к нему прибегали, он как бы заменял собой прямой разбой, способствуя той же цели — удовлетворению наиболее простых нужд населения ²⁵.

Таким образом, перед нами — яркий пример применения того метода, к которому Страбон охотно прибегал на протяжении всего своего труда, — метода типологизации. Обращая внимание на сходные моменты в образе жизни, обычаях, нравах племен, Страбон построил, как сказали бы сейчас, некую модель. Ее легко обнаружить при сопоставлении отдельных текстов. Она свидетельствует о стремлении географа, подметившего черты подобия в некоторых своих объектах, к известному обобщению.

Но какого рода выводы исторического характера мы вправе сделать на основании изучения этой модели, если согласиться с тем, что она, пусть своеобразно и в самых общих чертах, отражает реальную действительность эллинистического периода? Перед нами — тот тип разбоя, который, видимо, в наибольшей мере похож на самые древние типы его, всего менее связан с развитием государственности, с принципиально новыми явлениями в экономической и социальной жизни Восточного Средиземноморья. Этот тип — как бы некий реликт, не обнаруживающий по сравнению с другими формами разбоя, о которых речь будет дальше, черт приспособления к изменившимся обстоятельствам.

На первый взгляд, мало чем отличаются от описанного выше типа племен, промышлявших разбоем, ардиен и асты, живущие у моря. Разница лишь в том, что эти племена грабили, по словам Страбона, на море. Так поступали ардиен, которые постоянно тревожили разбоями (*διὰ τῶν λῆστεριῶν*) мореплавателей до того, как римляне оттеснили их от моря в глубь страны (VII, 5, 6) ²⁶. Не-

²⁵ В этнографии легко найти параллели описанным Страбоном отношениям. См., например, Г. К у н о в. Всеобщая история хозяйства. Хозяйство первобытных и полукультурных народов, т. I. М.—Л., 1929. На стр. 125—126 и 135 речь идет об обмене у индейских племен приморских и внутренних областей северо-западного побережья Северной Америки.

²⁶ Об иллирийском племени ардиев рассказывают и другие авторы: Полибий, Тит Ливий, Аппиан. Обитавшие по соседству с ардиями на берегах Адриатического моря либурны прославились своими набегами. Аппиан пишет о них:

сколько далее, говоря о пренебрежении, с которым относились к иллирийскому берегу, Страбон в качестве основной причины этого называл дикость обитателей и их склонность к пиратству (διὰ τὴν ἀγρίτητα τῶν ἀνθρώπων καὶ τὴν ληστρικὴν ἔθωσιν) (VII, 5, 10). На пустынном каменистом берегу Понта, который тянется от Апполонии до Кианеев, потерпевших кораблекрушение, обычно грабили асты, названные Страбоном фракийским племенем (VII, 6, 1) ²⁷.

В этой связи грабежа с морем есть одно качество, которое в примерах с астами и ардиеями обойдено у Страбона молчанием, но которое в других аналогичных свидетельствах явственно выступает на первый план и придает явлениям морского грабежа вполне ощутимую индивидуальность. Вспомним сравнение образа жизни кочевников и «георгов» у Страбона. «Кочевники, правда, скорее войны, чем разбойники (οἱ μὲν οὖν Νομάδες πολεμισταὶ μᾶλλον εἰσὶν ἢ ληστρικαί), все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен известную установленную плату, и то умеренную, не для обогащения, но только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни. Однако с теми, кто им не платит, кочевники воюют» ²⁸. Несколко дальше: «Что касается георгов, живущих в этой области, то они считаются более мягкими и вместе с тем более цивилизованными, но тем не менее, будучи стяжателями и занимаясь морским промыслом, они не чуждаются ни разбою (ληστροίῳ), ни других подобного рода поступков, диктуемых алчностью» (VII, 4, 6).

Здесь у Страбона разбой выступают в новом качестве — они служат не удовлетворению простейших нужд отсталых племен, а алчности, страсти к роскоши. Примечательна связь охарактеризованных таким образом разбоев с определенными географическими условиями. Речь идет у Страбона о грабеже на море, о жизни у моря посвятивших себя этому занятию людей. Как видно из отрывка, цитированного выше (VII, 3, 7), и у кочевников, по мнению геогра-

«Мореплавателями были и живущие за ардиеями либурны, другое иллирийское племя, которые грабили Ионию и острова на кораблях стремительных и легких, почему теперь римляне легкие и быстрые двухрядные суда зовут либурнидами» (III., 3).

²⁷ Берега западного Понта были полны опасностей для моряков. Об угрозе, которую представляли пираты, действовавшие севернее астов (вблизи Истрии), мы узнаем из надписи в честь Агафокла (S. L a m b r i n o. Décret d'Histria en l'honneur d'Agathoclès. — «Revue des Etudes roumaines», V—VI. Paris, 1960). В ней дважды говорится о пиратах: в стк. 9—10 речь идет о многочисленных фракийцах, которые совершали пиратские нападения на территорию и город (παύραττο [όν] τῶν Θρακίων οὐκ [όλι] γων τὴν [τε χ] ὄραν καὶ τὴν [πύλ]ιν [ν], и в стк. 36—37 — о сборище множества пиратов (συνχωγῆν τινι γινόμενῃ [ν παρ]α τὴν πλειό [ν] τῶν).

²⁸ Эту фразу мы вынуждены дать в своем переводе, так как перевод Г. А. Страпановского здесь расходится с греческим текстом («однако с теми, кто им не уплачивает деньги, кочевники воюют» — μὴ διδόντων δέ, αὐτοῖς πολεμοῦσιν). Употребив слово «деньги», Г. А. Страпановский тем самым дает толкование отрывку, в действительности далеко не обязательное.

фа, знакомство с морем резко ухудшило нравственный облик, обратило их к грабёжам и убийствам иностранцев (*ληττεύοντες καὶ ξενοκτονούντες*). Тут же Страбон замечает о развитии у кочевников торгашеских наклонностей. Если сравнить эти выдержки из Страбона (VII, 4, 6, и VII, 3, 7) с рассуждениями Аристотеля, который считал жизнь с помощью грабежа (*ληστικὸς βίος*) чуждой торговле чуждой искусству наживать состояние (см. выше стр. 195), то контраст покажется разительным. Вместе с тем он легко объясним. У Аристотеля, как и у Страбона, там, где последний говорит об изолированных горных племенах типа луситан, кораллов, бессов и др., *ληττεία* сопутствует крайне примитивному хозяйству, не соприкасается непосредственно с торговлей, не связана с социально-экономическим развитием Восточного Средиземноморья, не служит отдельным государствам осуществлению их планов в области внешней политики. Иное дело *ληττεία* племен, живших на побережье, избравших ареной своей деятельности море²⁹. Если в первом случае практика разбоев и тех явлений, которые имели к ней прямое отношение, касается в значительной степени местной истории, то во втором (это мы попытаемся обосновать далее) та же практика оказывается непосредственно связанной с наиболее общими обстоятельствами экономической, социальной и политической жизни эпохи.

Данные Страбона о северокавказских племенах ахейцев, зигов и гениохов³⁰ позволяют составить довольно ясное представление об одном из вариантов этой связи. Хотя один раз (XI, 2, 14) Страбон назвал источники, которые он использовал при описании этих племен, — Артемидора, писавшего в конце II в. до н. э., и историков Митридатовых войн, — безоговорочно датировать все содержащиеся у него сведения временем указанных им писателей едва ли можно. Античные авторы с легкостью списывали у своих предшественников, не приводя их имен, компилировали разновременные данные. В особенности это бывало в тех случаях, когда речь шла об областях, сравнительно малознакомых, о племенах, живших на периферии средиземноморского мира, подобно племенам северокавказского побережья Черного моря. Если даже писатель называл одно-два имени или тот источник, откуда он почерпнул некоторые сведения, было бы неосторожно предполагать, что этим ограничи-

²⁹ Море для древних значило многое. По нему проходили основные торговые пути. Поэтому не удивительно, что наши источники единодушно свидетельствуют о тесной связи разбоев и торговли. Из этого, однако, не следует, что на суше не мог процветать разбой, который в своих существенных чертах не был бы подобен морскому. Таким, например, был разбой, который вели на караванных путях и который добычей и реализацией нагнанных был тесно связан с торговлей. Видимо, не случайно, термины *ληττεία* и *παιρτεία* в наших источниках фигурируют при описаниях разбоев как на море, так и на суше. В современном международном праве, кстати сказать, термин «пиратство» связан всегда с морскими разбоями.

³⁰ Проблемы локализации этих племен касается Г. А. Меликишвили в своей работе «К истории древней Грузии» (Тбилиси, 1959).

вается круг использованных им материалов и что именно ко времени упомянутых им авторов восходит весь его рассказ. Приходится рассматривать текст и с точки зрения тех формальных особенностей, которые ему присущи, и с точки зрения его содержания, чтобы получить право хотя бы в некоторых случаях высказаться за определенную дату заключенных в нем сведений.

Типологическому разбору античной традиции, в которой тесно переплетались начала истории, географии, этнографии, посвящено немало работ как общего, так и более специального характера. Были выделены те отличающиеся друг от друга в формальном отношении элементы этой традиции, которые, возникнув в разное время, продолжали существовать, повторяясь в различных сочетаниях при описании многих стран и народов³¹. Применительно к племенам ахейцев, гениохов и зигов в традиции, хронологически предшествовавшей Страбону, мы обнаружим остатки перипла, мифов о происхождении, исторической хроники, математической географии, описания обычаев, быта, нравов и пр. У Страбона также присутствуют все эти элементы. Налицо части, чрезвычайно напоминающие перипл (XI, 2, 14), содержащие политическую историю (XI, 2, 13), излагающие легенды о происхождении (XI, 2, 12; IX, 2, 42). Ахейцы, зиги и гениохи упомянуты и в том месте труда Страбона, где очевидно сильное влияние сочинений эллинистического периода, посвященных общему землеописанию и математической географии (II, 5, 31). Наконец, первостепенный интерес вызывает повествование Страбона об образе жизни северокавказских племен, их обычаях и строе. Значительная по форме пестрота данных Страбона о гениохах, ахейцах и зигах указывает на множественность его источников и не позволяет при датировке текста исходить только из прямой ссылки Страбона на Артемидора и Митридатовых историков.

Сопоставление содержания текста Страбона с текстами других авторов, в первую очередь Диодора, помогает уточнить время происхождения отдельных весьма существенных сведений о гениохах, ахейцах и зигах.

Но начнем со Страбона. Хотя племена гениохов, ахейцев и зигов он не раз упоминает на протяжении всего труда, в настоящий момент нас интересует XI, 2, 12—13 — часть, наиболее содержательная в историческом отношении, живо описывающая обычаи и строй племен. Каждая подробность в этом рассказе существенна, поэтому он заслуживает быть переданным с возможной полнотой.

«После Синдской области и Горгииппии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа» (XI, 2, 12). Вслед за этими вступительными словами Страбон прямо переходит

³¹ K. Trüdinger. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918. Ср. идею Нордена (E. Norden. Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania. Leipzig, 1920) о сходстве описаний германцев у Тацита со скифским логосом Геродота.

к тому, что наиболее характерно для названных племен: они живут морским разбоем (ξῶσι δὲ ἀπὸ τῶν κατὰ θαλάτταν λησστηρίων). Далее сообщаются интересные сведения о лодках, которыми они пользуются в своих экспедициях. Небольшие, узкие и легкие, рассчитанные на 25—30 человек, эти лодки именуются у греков «камарами». Отвлекаясь в сторону от основной темы (описания образа жизни гениохов, ахейцев и зигов), Страбон говорит о связи этих племен с героями легенд — Иасоном и возницами Диоскуров. Но это лишь отступление, после которого Страбон возвращается к основной теме.

Снаряжая камары и нападая не только на купеческие корабли (ταῖς ὀλκῇσι), но даже на отдельные страны или города (χωρὰς τινὲς ἢ καὶ πόλεις), гениохи, ахейцы и зиги господствовали на море (θαλαττοκρατοῦσι). Интересно указание на помощь пиратам со стороны жителей Боспора, происхождение которой становится понятным лишь из дальнейшего. «Иногда им помогают даже жители Боспора (οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες)³², предоставляя свои корабельные стоянки (ὀρμήρους), рынок для сбыта добычи (ἀγορὰν καὶ διαθήσιν τῶν ἀπλῶς ἐμμένων)» (там же). Грабежи сменяет возвращение в родные места — в леса, где разбойники укрывают свои лодки и живут, обрабатывая скудную почву. Так — до нового сезона, когда лодки снова несут к берегу. «Точно так же поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места, там они прячут свои камары, а сами пешком бродят днем и ночью ради похищения людей³³. Похищенных они с готовностью предлагают отпустить за выкуп, извещая об этом после выхода в море их родных» (там же).

Можно думать, что именно пленные, которых, если их не выкупали близкие, пираты обрекали на продажу, служили основанием для того дружественного приема, который встречали иногда пираты у жителей Боспора. Внушая страх населению, разбойники вместе с тем были готовы предложить товар, который пользовался спросом.

³² У Ф. Г. Мищенко (Страбон. География в семнадцати книгах. М., 1879) и Г. А. Стратановского выражение οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες передано словами «жители Боспора», у В. В. Латышева (Scythica et Caucasica, т. I. СПб., 1893), а также в переиздании его свода источников в ВДИ — «владельцы Боспора» (ВДИ, 1947, № 4, стр. 273). Сказать с полной определенностью, шла ли у Страбона речь о жителях Боспора или о властях его, — трудно, так как глагол ἔχειν может равным образом означать и «обитать» и «обладать». Несколько раньше у Страбона (XI, 2, 11) применяется та же конструкция (τῶν τὸ ἐμπόριον ἔχόντων τὸ ἐν τῷ Τανναίῳ) ее переводят словами «владельцы торгового места на Танаисе». Но аналогия — еще не доказательство, а потому вопрос, видимо, окончательно решен быть не может.

³³ Стремясь с наибольшей точностью передать греческий текст (αὐτοὶ πλανῶνται περὶ τὴν νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν), ἀνδραποδισμοῦ χάριν мы отступили здесь от перевода Г. А. Стратановского. У него читаем: «... а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство». Хотя, как видно из общего контекста, экспедиции пиратов предпринимались именно с этой целью, мы все же предпочли более нейтральный перевод, поскольку слово ὁ ἀνδραποδισμοῦ употребляется в двух значениях: «...selling into slavery, enslaving, ... II. of individuals, kidnapping, whether of free men or other people's slaves...» (L.-S.-J., s. v.).

Если у жителей Боспора, в первую очередь у тех, которые были так или иначе связаны с работорговлей, пираты находили поддержку, то иное отношение к ним было в землях, подчиненных местным властям (*ἐν τοῖς δουαστευομένοις τόποις*). Там жертвы насилия могли рассчитывать на помощь правителей (*ἐκ τῶν ἡγεμόνων*), которые сами нередко нападали на разбойников и, захватив их камары, приводили назад вместе с экипажем (там же). Позиция таких правителей понятна: не заинтересованные в ослаблении подвластной им страны, они стремились дать отпор разбойникам. Захватив же лодки с их командой, они, возможно, обрекали ее на ту самую участь, которую разбойники уготовляли своим жертвам. Земли, управляемые римлянами, были, по словам Страбона, беспомощны вследствие небрежения посылаемых туда наместников (там же).

Хотя упоминание римлян может служить до некоторой степени хронологической вехой, остается вопрос: какая часть текста одновременна той фразе, в которой это упоминание содержится? И даже если предположить, что все подробности охоты за людьми — римского времени, то разве не могут они быть верными и для более раннего периода?

Дальнейшие данные об общественном строе гениохов, ахейцев и зигов датирует ссылка на время похода Митридата Евпатора через их земли. Управляют (*δουαστεύονται*) ими, по словам Страбона, так называемые «скептухи», которые сами подвластны тиранам и царям (*ὑπὸ τυράννοις ἢ βασιλεύουσιν*). «Так, например, у гениохов было 4 царя в то время, когда Митридат Евпатор, изгнанный из страны своих предков в Боспор, шел через их землю» (XI, 2, 13).

Следующая глава (XI, 2, 14), напоминающая по форме перипл и уточняющая местоположение ахейцев, гениохов и зигов, содержит, как уже говорилось, указание на источники, которыми пользовался Страбон: Артемидор и историки Митридатовых войн.

Рассмотрим теперь еще одну характеристику Страбона, относящуюся к близким соседям упомянутых племен — таврам. Об их образе жизни говорится в том месте, где перипл, плана которого автор в целом придерживается при описании Крымского полуострова, доходит до нынешней Балаклавской бухты, вблизи которой был расположен древний Херсонес. Страбон пишет о «гавани с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свси разбойничьи банды (*τὰ ληστῆρια συνίσταντο*), нападая на тех, кто спасался сюда бегством» (VII, 4, 2). Далее приведено название гавани — Символон Лимен. Возвращаясь несколько раз в VII книге к таврам, Страбон не сообщает о них чего-либо, что напоминало бы его слова о северокавказских пиратах, превративших свои набеги в своеобразную охоту за людьми и пользовавшихся известной поддержкой на Боспоре.

Надо сказать, что в характеристике тавров Страбон не одинок. Древняя литературная традиция о таврах, в которой можно различить несколько излюбленных тем (образ жизни, обычаи, террито-

рия, этническая принадлежность, мифы об Артемиде и Ифигении) и которая изобилует красочными подробностями о жестокости, человеческих жертвоприношениях, убийствах и т.п., не содержит ничего, что могло бы навести на мысль о существовании у них охоты за людьми как промысла, обещавшего доход при выкупе пленников или продаже их в рабство.

Этому не противоречат и археологические сведения. Обратившись к истории тавров, мы встретились с тем счастливым случаем, когда о племенах, имевших славу опасных разбойников, можно судить не только на основании суждений древних, но и археологических документов. В отличие от генихов, ахейцев и зигов, местопребывание которых до сих пор археологически достоверно не зафиксировано, памятники материальной культуры тавров хорошо известны и подвергались многократному изучению. Из работ последнего времени, посвященных таврам и в равной мере опирающихся как на письменные, так и на археологические источники, назовем три: В. Н. Дьякова, А. И. Тюменева и П. Н. Шульца. В этих работах помимо частных наблюдений содержатся выводы более общего характера относительно развития таврских племен в I тыс. до н.э.— первой половине I тыс. н.э.

В. Н. Дьяков с доверием смотрит на общераспространенное в древности суждение о таврах как о «разбойниках и убийцах»³⁴. Неблагоприятные условия для земледелия и скотоводства оставляли доступными обитателям южного побережья Крыма из хозяйственных занятий «лишь охоту и рыболовство, что, видимо, и составляло основной промысел тавров». Удобное положение тавров вблизи центрального морского пути вызвало, по мнению В. Н. Дьякова, «развитие пиратства и связанного с ним обмена похищенного на нужные продукты (Raubhandel)»³⁵. Ввиду сходных условий жизни тавров и северокавказских племен, опираясь на замечание Диодора (XX, 25) и Саллюстия (Historiae, III, 43), В. Н. Дьяков считает возможным распространить на тавров и описание разбойничьего быта генихов, ахейцев и зигов³⁶. Однако сведений, касающихся охоты за людьми и торговых связей этих племен с Боспором, В. Н. Дьяков, проявляя вполне оправданную осторожность, не использует. Он настаивает на замкнутости и упорной самобытности тавров, приводившей их к деградации³⁷, на отсутствие у них рабовладения: «у тавров еще нет рабовладения, которое обычно уже вполне оформляется в эпоху патриархально-родового строя. Тавры еще рабами не пользуются, почему и пленников поголовно истребляют»³⁸. О возможности порабощения пленников не для нужд

³⁴ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации.— Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. I. М., 1942, стр. 13.

³⁵ Там же, стр. 14.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ Там же, стр. 18.

собственного хозяйства, а для обмена В. Н. Дьяков ничего не говорит.

А. И. Тюменев, который широко привлекал доступные ему археологические материалы, отмечал, что благодаря суровой природе и низкому уровню материальной культуры у горных тавров развились разбойничество и пиратство³⁹. Много внимания А. И. Тюменев уделил связям тавров с греками, их форме, интенсивности, направлению. Изолированное положение горной Таврики вело к почти полному отсутствию сношений с внешним миром (помимо пиратства) вплоть до появления римских гарнизонов. Подтверждение этому А. И. Тюменев видел в большой редкости находок на территории, занятой таврами, греческих вещей, которые, как полагал А. И. Тюменев, были результатом не правильного торгового обмена, а пиратских набегов. А. И. Тюменев констатировал отсутствие путей, ведущих от тавров в сторону Херсонеса. Тот же спуск, который возник, по мнению исследовавшего его Н. И. Репникова, еще во времена тавров, выводил к морскому берегу в районе Лимена и служил путем к морю пиратам. Отсутствие регулярных связей между таврами и греками определялось низким уровнем общественного развития первых. Не было еще родовой знати, заинтересованной в сношениях с греками, не было у бедных естественными богатствами тавров и тех продуктов, которые привлекали бы греков⁴⁰. Картина несколько изменилась только в римскую эпоху: находки греческих монет в ялтинском святилище подтвердили сношения тавров с Боспором (в первую очередь) и с Херсонесом.

Работа П. Н. Шульца, как видно уже из ее названия — «О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами)»⁴¹, посвящена целому ряду проблем. В ней исследуются: происхождение тавров, отношение к киммерийцам, сходство обряда и инвентаря погребений в каменных ящиках Крыма и Северного Кавказа, периодизация таврской истории и др. Интересна характеристика, данная автором периоду с V по II в. до н.э. П. Н. Шульц считает земледелие и скотоводство преимущественными занятиями тавров. Он критикует В. Н. Дьякова и Д. Б. Шелова за принижение уровня хозяйственного развития тавров: по мнению этих авторов, тавры занимались охотой и рыболовством⁴². Вряд ли и пиратство, думает П. Н. Шульц, было основным занятием тавров⁴³. Из обычая убивать пленников (Нер., VI, 103) П. Н. Шульц делает вывод, что «рабство среди тавров, в отличие от скифов, не получило развития»⁴⁴.

³⁹ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, III. Херсонес и местное население: тавры. — ВДИ, 1949, № 4, стр. 80.

⁴⁰ Там же, стр. 81.

⁴¹ Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959.

⁴² Там же, стр. 264.

⁴³ Там же, стр. 265.

⁴⁴ Там же, стр. 250.

Эту мысль он высказывает и вторично, подчеркивая, что «даже патриархальное рабство у тавров не получило развития» ⁴⁵.

Сравнение работ В. Н. Дьякова, А. И. Тюменева и П. Н. Шульца позволяет подметить в них нечто общее. Авторы согласны между собой в признании своеобразного, а вместе с тем и застойного характера культуры тавров, длительного сохранения в их среде отношений родового строя. Ими отмечается — вплоть до римского периода — случайность находок греческих вещей на территории тавров.

Это обстоятельство, косвенно подтверждающее отсутствие регулярного обмена между таврами и греками, в сочетании с литературными данными о таврском обычае убивать пленных свидетельствует, как нам представляется, в пользу того, что разбой у тавров не был еще связан с торговлей, захват пленных не преследовал целей работорговли и характер развития таврских племен и северокавказских в этом отношении был разным. Таков вывод, к которому мы приходим после рассмотрения текстов Страбона о племенах гениохов, ахейцев, зигов и тавров и сопоставления этих текстов — в отношении тавров — с показаниями других источников. Но если сказанное справедливо для данных Страбона, то из сведений Диодора, писавшего приблизительно в одно с ним время, но на основании других материалов, картина вырисовывается иная.

Данные Диодора о гениохах, ахейцах и таврах подчинены основной теме той части XX книги, в которой они содержатся, — восхвалению боспорского царя Евмена. Они невелики по своему объему, поэтому их можно привести полностью. Они следуют непосредственно за рассказом об услуге, которую оказал Евмен осажденным Лисимахом жителям западнопонтийского полиса Каллатии (XX, 25). Мы читаем: «Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством, гениохами, таврами и ахейцами (πρὸς τοὺς λεηστεῖν εἰσφθότας βαρβάρους Γενιόχους καὶ Ταύρους, ἐπὶ δ' Ἀχαιοὺς), и очистил море от пиратов (λεηστῶν), за что и получил самый лучший плод благодеяния — похвалу не только в своем царстве, но почти во всей вселенной, так как торговцы (τῶν ἐμπόρων) повсюду разнесли молву о его великодушии» ⁴⁶.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в рассказе Диодора гениохи и ахейцы не отделены от тавров, при этом нет никаких указаний на причастность их к работорговле. Сравнение текстов Страбона и Диодора заставляет думать, что они восходят к разному времени. Видимо, данные Диодора, включенные в рассказ о событиях конца IV в. до н.э. и почерпнутые, как полагают многие, из местной боспорской хроники, — более раннего периода, чем све-

⁴⁵ Там же, стр. 265.

⁴⁶ Перевод даем по П. И. Прозорову с дополнениями В. В. Латышева (ВДИ, 1947, № 4, стр. 325).

дения Страбона.⁴⁷ Только этим можно объяснить то обстоятельство, что у Диодора не ощущается разницы в образе жизни гениохов, ахейцев, с одной стороны, и тавров — с другой, что разбой первых не отмечены теми специфическими чертами, которые так ясно выступают у Страбона.

Сравнение говорит также о том, что гениохи, ахейцы и тавры прошли в своем развитии разный путь. Если северокавказские племена, разбойничая на море в конце IV в. до н.э. наравне с таврами, превратились затем в работоторговцев⁴⁸ и тесно связали себя в экономическом отношении с Боспором, где находили и рынок для сбыта добычи, и корабельные стоянки, то тавры, ведя более замкнутый образ жизни, оставались значительное время примерно на одном и том же уровне, и разбой — хотя он был морским разбоем — не способствовал их более тесному сближению с эллинистическим миром. Если вспомнить о том, что было сказано выше относительно первого типа разбоя, то тавров, видимо, можно причислить к тем племенам, которые знали именно этот тип. В лице тавров мы видим как бы прошлое таких пиратских племен, как гениохи, ахейцы и зиги, — прошлое, потому что обращение к работоторговле определило для последних новое место в современном им мире.

Но когда произошел этот перелом в истории северокавказских племен? Косвенное указание можно найти у Полибия. Рассказывая о событиях 220 г. до н.э., он пишет: «Что касается необходимого для жизни, мест у Понта нам доставляют скот и бесспорно самое обильное и самое пригодное множество людей, увозимых в рабство»⁴⁹ (IV, 38; ср. IV, 50 сл.). Экспорт людей, обрекаемых на рабство, отвечавший возросшей в средиземноморских государствах потребности в рабах, видимо, стимулировал превращение древнего занятия разбоем в доходный промысел — охоту за людьми и работоторговлю. Эллинистическое время и было тем периодом, когда совершается указанный процесс. О его результатах для северокавказских племен нам известно из Страбона.

Суждение Полибия, которое мы привлекли, чтобы наметить известную хронологическую веху в жизни гениохов, ахейцев и зигов, разумеется, гораздо более общего характера, чем заинтересовавший нас вопрос. Во-первых, далеко не одни только пираты снабжали Средиземноморье рабами. Во-вторых, гениохи, ахейцы и зиги были лишь какой-то частью тех пиратов, которые действовали на Черном море. При всей фрагментарности наших знаний об истории припонтийских стран в эллинистический период мы можем назвать помимо пиратов фракийского происхождения (см. выше, стр. 200) также сатархов, о которых говорит посвя-

⁴⁷ См. Strabo, XI, 2, 12.

⁴⁸ См. выше, стр. 205 и прим. 33.

⁴⁹ Здесь мы заменяем перевод Ф. Г. Мищенко (П о л и б и й. Всеобщая история, т. I—III. М., 1890—1899), которому следуем в других местах настоящей работы, своим, почти дословным, переводом.

тельная надпись Ахиллу, владыке острова, происходящая из Неаполя Скифского⁵⁰. Сопоставление этой надписи с другими позволило датировать ее и отождествить остров Ахилла с островом Левкой, расположенным неподалеку от Ольвии. С ним связана еще одна надпись, отнесенная В. В. Латышевым к IV — первой половине III в. до н.э., в которой говорится о каких-то людях, «захвативших священный остров для грабежа эллинов» (ἐπὶ ἁγίᾳ|στεινᾷ τῶν Ἑλλήνων)⁵¹.

Мы привели эти данные, несколько уклонившись в сторону от рассказа Страбона о гениохах, ахейцах и зигах, чтобы показать, что северокавказские пираты были не единственными на Черном море. Но приведенные надписи только упоминают пиратов, рассказ же Страбона о гениохах, ахейцах и зигах в деталях раскрывает их образ жизни. На примере описанных Страбоном северокавказских племен мы смогли получить представление о племенах пиратов, которые обратились в поставщиков живого товара и основное занятие которых — разбой — приобрело в связи с этим немаловажное значение для истории Восточного Средиземноморья.

Деятельность этих пиратов в качестве работорговцев оказалась необходимой для нормального функционирования той хозяйственной системы, которая сложилась в странах эллинизма и в которой рабство играло первостепенную роль. Рассказ Страбона о гениохах, ахейцах и зигах дает представление о втором типе разбоя (ср. стр. 204 слл.), связанном с целым рядом племен. Пиратство этого типа нельзя объяснить, ограничиваясь размерами небольших территорий. Причины и следствие его можно выяснить лишь в том случае, если не терять из виду некоторые общие моменты социального и экономического развития эллинизма. Мы видим здесь известное приспособление древней практики грабежей к новым условиям, приспособление — через рынок — к нуждам развивающегося в Средиземноморье рабовладения. Это приспособление идет по линии экономической, что, вообще говоря, для пиратства необязательно. Пираты, которые выступали одновременно и в качестве работорговцев, были необходимы если не государственным властям, то отдельным подданным государств, частным лицам, заинтересованным в приобретении рабов и поэтому готовым на сотрудничество с пиратами, на ту или иную форму помощи им. Отсюда, как пример, двойственное отношение, которое северокавказские пираты встречали на Боспоре. Их боялись, ненавидели и в то же время вступали с ними в деловые контакты.

Узкая специализация северокавказских племен, которая отвечала потребностям рабовладельческого хозяйства, поставив эти племена в самую тесную зависимость от рынка, тем не менее лишь до какой-то степени способствовала их прогрессу. Развитие рабства

⁵⁰ IOSPE, I², 672.

⁵¹ Ibid., 325.

в странах эллинистического мира, с одной стороны, стимулировало превращение изолированных разбойничьих племен в пиратов-работорговцев, в качестве таковых крепко связавших свою судьбу с социально-экономической историей этого мира, но, с другой — оно же задерживало в известной мере дальнейшее поступательное движение этих племен, превращая их постепенно в некий придаток средиземноморского хозяйства. В симбиозе пиратских племен и эллинистических государств обнаруживает себя противоречивость природы рабства: рост рабовладения в одних обществах оказывал калечащее действие на развитие других.

Мы пишем о рабах, число которых, видимо, увеличивалось за счет активности гениохов, ахейцев и зигов. Хотя текст Страбона со словами *ἀνδραποδιστῶν χάριν* и упоминанием об использовании этими племенами для реализации добычи боспорского рынка (XI, 2, 12), текст, поставленный в связь со словами Полибия о вывозимом с Черного моря огромном множестве рабов (IV, 38), нельзя назвать прямым указанием на ту форму зависимости, которую рождало пиратство, все же предполагать, что рабство в данном случае было вероятной участью значительной части пленников, не выкупаемых и не отвоєванных у пиратов, видимо, можно. Гипотеза эта будет более обоснованной, если обратиться к другим свидетельствам того же Страбона о тех, кто, подобно северокавказским племенам, промышлял морским разбоем.

Насыщенное подробностями описание пиратов сохранилось у Страбона в тех частях его труда, которые посвящены Малой Азии⁵². Вот что пишет географ о местностях, славившихся своими воинственными обитателями. Рассказывая о побережье вблизи Корика в Киликии, Страбон замечает: «Эта местность от природы представляла удобства для разбойников на суше и на море (*πρὸς τὰ ἡπείρια καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν*): на суше из-за высоких гор и племен, обитавших у подошвы их на широких равнинах и полях, открытых для вражеских набегов, на море же — из-за обилия корабельного леса, гаваней, укреплений и тайных убежищ...» (XIV, 5, 6). В гаванях Касисте, Эрифре и других, лежащих у подножья высокой горы Корик на западном побережье Малой Азии, орудовали пираты. «Как говорят, все побережье около Корика являлось притоном пиратов (*ἡπείριον*), так называемых корикейцев» (XIV, 1, 32).

Противоречиво обрисована Страбоном роль пиратов в торговле. Корикейцы даже вошли в поговорку из-за нового способа нападения на мореходов: «Рассеявшись по гаваням, пираты подходили к высадившимся там купцам и подслушивали разговоры о том, с каким товаром и куда те плывут; затем, собравшись вместе, они нападали и грабили вышедших в море купцов» (там же). В данном случае отношения корикейских пиратов и купцов явно враждебные.

⁵² См. Я. А. Ленцман. Рынок рабов на Делосе. — ВДИ, 1950, № 1, стр. 57 слл.

речь идет о возможной наживе за счет ограбления торговцев. Но вот другие сообщения того же Страбона — о жителях Памфилии, иначе освещающие отношение пиратов к торговле, показывающие, насколько условной могла быть граница между профессиями купца и пирата. Памфилийцы «воспользовались своими гаванями как опорными пунктами для морского разбоя (πρὸς τὰ ληστῆρια); причем они или сами занимались пиратством, или же предоставляли пиратам свои гавани для сбыта добычи и в качестве якорных стоянок» (αὐτοὶ πειρατεύοντες ἢ τοῖς πειραταῖς λαφροπόλια καὶ ναύσταθμα παρέχοντες) (XIV, 3.2). За грабежом следовала продажа добычи. Это сообщение географа не только напоминает картину мирных связей между гениохами, ахейцами и зигами и жителями Боспора, но в одном пункте даже превосходит ее: допуская пиратов на свои рынки и корабельные стоянки, памфилийцы и сами, по словам Страбона, не брезговали заниматься разбоем.

Видимо, в тесной связи с этой фразой стоит следующая, которая, на первый взгляд, оставляет несколько странное впечатление⁵³. В ее толковании мы согласны с одним из комментаторов — Казавбоном, который видел в ней выражение того, как глубоко пиратство пустило корни в среде памфилийцев. Пираты, не таясь, могли продавать в рабство пойманных ими свободных людей. В этих словах Страбона содержится указание на то, какого рода товар сбывали пираты. Здесь прямо сказано о людях свободных, но, вероятно, и не только свободных, которых пираты, захватив в качестве добычи, предназначали для продажи.

Прежде чем переходить к анализу иных источников о раннеэллинистическом пиратстве, обратим внимание еще на одно место у Страбона, которое, хотя и относится — на этот раз несомненно — ко времени более позднему, чем III в. до н. э., следует использовать, чтобы восстановить некоторую историческую перспективу. Имеется в виду широко известная характеристика, данная Страбонам киликийскому пиратству второй половины II в. до н. э.⁵⁴ Это был тот период, когда пиратство, имевшее свои базы в ряде областей Малой Азии, достигло невиданных размеров. При всем своеобразии этого времени, обусловленном растущим влиянием Рима в Восточном Средиземноморье, тем не менее именно тогда в наиболее законченной форме обнаружили и те тенденции в развитии эллинистического пиратства как источника рабства, которые были заложены в нем много раньше.

Опустим пока данные, которые относятся к деятельности Диодота, опиравшегося в своей борьбе с сирийскими царями на пиратов; — об этом мы скажем дальше. В настоящий момент нас интересует прямая связь, которую видит Страбон между развитием пи-

⁵³ См. Я. А. Ленцман. Рынок рабов на Делосе, стр. 59, прим. 2.

⁵⁴ M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World, II, p. 783 sq.

ратства и работорговли. «В особенности побуждал к насилиям приносивший огромные выгоды вывоз рабов (τῶν ἀνδραπόδων); ибо поимка рабов производилась легко, а рынок (τὸ ἐμπόριον), большой и богатый, находился не особенно далеко, именно Делос, который был способен в один день принять и продать десятки тысяч рабов (ἀνδραπόδων). Отсюда пошла даже поговорка: «Купец, приставай и выгружай корабль, все продано» (XIV, 5 2).

Итак, пиратство и работорговля неразрывно связаны между собой. За грабежами не только следует реализация добычи на рынке, самый характер грабежа определяют потребности этого рынка. Действия пиратов определяются не их непосредственными нуждами, как при разбое в районах изолированных, далеких от торговых путей,— они регулируются рынком. Последний живо реагирует на запросы производства, и эта зависимость не может ускользнуть от внимания Страбона. Страбон объясняет большую потребность в рабах общими причинами. Свои наблюдения он выражает в следующей фразе: «Причина этого в том, что после разрушения Карфагена и Коринфа римляне разбогатели и нуждались в большом числе рабов (οἰκτεταίσις πολλαῖς)» (там же). Результатом развития пиратства стало то, что пиратство и работорговля срослись. «Ввиду такой легкости сбыта пираты появлялись в огромном количестве, они сами охотились за добычей и продавали рабов (καὶ ληζόμενοι καὶ σωματεμποροῦντες)... Вместе с тем пираты под видом работорговцев (οἱ λησταὶ προσποιούμενοι σωματεμπορεῖν) непрерывно продолжали творить свои злодеяния» (там же).

Итак, описания Страбона, относящиеся к различным областям Восточного Средиземноморья, позволяют нам судить о некоторых формах пиратства — от простейшей, когда грабеж еще преследовал цель удовлетворения насущных потребностей слабо развитых племен, не был или был сравнительно мало связан с рынком, когда результаты его ощущались лишь в небольшом районе, и до наиболее сложной, когда тот же разбой превратился в профессию, отвечавшую запросам рабовладельческого хозяйства Средиземноморья, когда пиратство и работорговля создавали органическое единство. Рассматривая эту эволюцию пиратства, по данным Страбона, мы не можем не обратить внимание на тот факт, что именно связью с рабовладением оно было обязано в эллинистический период своим ростом.

Сравним картину, которую нарисовал Страбон, со свидетельствами совсем иного рода — данными эпиграфики.

В эпиграфических памятниках III в. до н. э. есть ряд упоминаний об отдельных пиратских набегах. Как бы сжато ни излагались события в надписях, именно потому что в них речь шла о вполне конкретных фактах, они позволяют ясно представить, чем были эти пиратские рейды для жителей Восточного Средиземноморья, какие опасности сулили они им. Декрет саламинских клерухов в честь афинянина Гераклита (ок. 252 г. до н.э.) (Syll. ³, 454) рассказывает о пиратских шайках (πειρατικῶν), которые отплыли от Эпилимния

на Саламине во время войны между Антигоном Гонатом, удерживавшим Пирей, и Александром, сыном Кратера, укрепившимся в Коринфе. Захваченный на острове пленник (σώματος) был увезен к противникам, а в дальнейшем выкуплен. Далее надпись обрывается. А вот другой документ (Syll.³, 521) — декрет из Эгиалы на Аморгосе (вторая половина III в. до н.э.). В нем речь идет о довольно крупном набеге, совершенном ночью. Добычей пиратов (πειρατῶν) стали девушки, женщины и прочие — свободные и рабы (παρθένων τε καὶ γυναῖκων [καὶ] ἄλλων σώματων καὶ ἐλευθέρων καὶ δοῦ[λ]ων), общим числом больше тридцати человек. Поджегши суда, стоявшие в гавани, пираты захватили корабль Дориея и, погрузив на него пленных (τὰ σώματα) и остальное награбленное, отправились в путь. Случилось так, что Гегесипп и Антипапп, сыновья Гегесистрата, будучи сами пленниками (αἰχμαλώτοι), убедили предводителя пиратов Соклейда отпустить свободных и некоторых из вольноотпущенников и рабов (τὰ τ'ἐλευθέρα σώματα καὶ τινα [τ]ῶν ἐξελυθέρων καὶ τῶν δοῦλων). Сами они остались заложниками, выказав все старание, чтобы никто из гражданок или граждан не был угнан в качестве добычи, продан, претерпел нужду и беды, погиб. Из этих слов ясна участь, которая ждала пленников (τὰ αἰχμαλώτα σώματα), но от которой их избавили Гегесипп и Антипапп, взявшие на себя заботу о спасении. О делосце, который купил из добычи, захваченной во время набег пиратов, трех гражданок (πολίτιδας) карийского города Феангел и, узнав, кто они такие, отнеся к ним со всей приветливостью, как к свободным (ὡς ἐλευθέρω [ν]), говорится в декрете IG, XI, 4, 1054a (ок. 230—220 гг. до н.э.). Декрет фрагментарен, и о дальнейшей судьбе феангелидок, к сожалению, ничего не известно.

Как ни красноречивы надписи, но и они односторонне освещают пиратство. Обычно в них речь идет о событиях «со счастливым концом», т.е. о спасении пленников, их выкупе. Разумеется, это был далеко не единственный жребий. Продажа в рабство, как видно из тех же надписей, ждала многих из тех, за кого выкуп не мог быть уплачен. Но этим не исчерпывались превратности их судьбы. От времени ок. 260 г. с о. Феры дошла надпись (IG, XII, 3,328), сильно поврежденная, но восстановленная отчасти Вильгельмом и Виламовитцем. Видимо, она представляет собой доклад в форме письма, исходивший от лица, уполномоченного вести переговоры с аллариотами (Аллария была расположена на Крите) относительно судьбы незадолго до того попавших к ним в плен людей. В письме приводятся сведения, почерпнутые его автором от других аллариотских пленных, участь которых была весьма примечательной. По истечении трех лет с того момента, как их захватили аллариоты, эти последние, наделив земель, освободили (?) их: ([μ]εταδόντες αὐτοῖς τοῦ τό[που] ἡλευθέρωσαν? αὐτούς), превратив в соучастников в сражениях. Но бывшие пленные не были уравнены в правах с хозяевами: они ничего не получали из добычи, не могли в свою очередь

угонять пленных (τοὺ δούλῳνται ἀπάγειν τὰ σώματα). Они были бес-
 сильны убедить аллариотов безвозмездно отдать тех пленных (τὰ
 σώμα[τα]), которые интересовали автора письма. Последний, трево-
 жась, как бы не случилось, что эти недавние пленные будут порабо-
 щены, причем исчезнет возможность их выкупить ([μὴ πῶς συμ]βῇ
 ἐξαχθ[έ]ντα ἐ[ξ] ἀνδραποδισ[θ]ῆναι τὰ σώματα, ὥστε μηκέτι λο[γ]ισθῆ-
 ναι δόνασθαι), считал нужным добиваться соглашения с алларио-
 тами. Из дальнейшего текста надписи ясно, что такое соглашение
 было достигнуто и на его основании произведен обмен пленными.

В этой надписи ⁵⁵ критские жители не названы пиратами, тем
 не менее можно думать, что именно о пиратских набегах, которыми
 славился Крит (об этом ниже), в ней идет речь. Судя по содержанию
 надписи, рейды с целью захвата добычи и увода пленных не раз пов-
 торялись аллариотами. Кроме рабства пленных иногда ожидала и
 другая участь — они могли стать неполноправными участниками
 пиратских набегов. Стоит отметить, что образ жизни аллариотов,
 их преимущественное занятие наложили, видимо, отпечаток на воз-
 никавшую при этом форму эксплуатации. Надпись упоминает о наце-
 лении пленных земель, но не содержит указания на их обязательства
 по отношению к аллариотам, связанные с обработкой этой земли. Их
 подчиненное положение выражалось в том, что, вынужденные стать
 соучастниками набегов, они не могли рассчитывать на долю в до-
 быче, были лишены права распоряжаться пленными (надпись вы-
 ражает это словами «угонять пленных»).

Таким образом, эта форма зависимости, до известной степени по-
 вторяющая те, которые встречались на территории эллинистических
 монархий и были связаны с наделением населения земель при вы-
 полнении им определенных обязательств, одновременно и весьма ин-
 дивидуальна. Своеобразие, вытекающее из конкретных особеннос-
 тей хозяйства, в котором появилась данная форма, обнаруживает
 себя в том, каким способом аллариоты эксплуатировали своих
 пленников: они принуждали их безвозмездно участвовать в набегах.

Но вернемся к тому, что, видимо, чаще всего ожидало пленни-
 ков, — к рабству. В каком отношении друг к другу находятся эти
 понятия: плен у пиратов и рабство?

Попытаемся уяснить, чем руководствовались на практике, не
 теоретизируя, люди III в. до н.э., когда, вероятно, не случайно при-
 бегали к определенным выражениям для характеристики различных
 моментов в жизни жертв пиратов. В надписях III в. до н.э. захва-
 ченные пиратами пленники обозначаются по-разному: αἰχμάλωτοι
 (Syll.³, 521, 535), τὰ αἰχμάλωτα σώματα (Syll.³, 521), σώμα (Syll.³,
 454), наконец, σώματα ἐλευθέρῃ καὶ δοῦλα (Syll.³, 521, ср. более позд-
 нюю надпись — IG, XII, fasc. III, suppl. 1286), когда дается
 более развернутое представление о том, из кого состояли плен-

⁵⁵ См. о ней: E. Ziebarth. Op. cit.; H. A. Ormerod. Op. cit.,
 p. 131.

ники. Иначе говоря, они называются или пленными, или людьми, причем иногда приводится и их статус к моменту плена — рабы или свободные. Плен у пиратов вел к разным последствиям, из которых наиболее частыми были выкуп (ἐλυτρώσαντο — Syll.³, 520; ἀντέ[λυ]σεν — Syll.³, 454) или порабощение (ἐ[ξ] ἀνδραποδισ[θ]ήναι) — IG, XII, 3, 328). Последнее помимо всего прочего характеризовалось также и тем, что при этом исходе исчезала возможность выкупа (IG, XII, 3, 328). Видимо, решающую роль в процессе превращения пленника пиратов в раба играла продажа его в рабство (Syll.³, 521, IG, XI, 4, 1054a). Она была гранью, которая отделяла пленного от раба. Тот факт, что делосец, купив из пиратской добычи трех женщин, обошелся с ними, как со свободными (ὥς ἐλευθέρων[ιν]), когда узнал, что они гражданки города Феангел, казался необычным современникам, он заслужил особое упоминание в декрете, составленном в Феангелах в честь делосца (IG, XI, 4, 1054a). Перед нами исключение, и именно потому что подобное отношение рассматривалось как исключение, оно говорит о другом — о типичном в эллинистических государствах отношении к купленному у пиратов человеку, об отношении к нему как к рабу вне зависимости от того, кем этот человек был до плена — рабом или свободным.

Таким образом, пленник пиратов, хотя и рассчитывавший еще на выкуп, но фактически ставший собственностью пиратов с момента плена, в глазах своих сограждан сохранял тот статус, в котором был захвачен, сохранял до торговой сделки, объектом которой он становился. Уплата цены за него покупателем превращала его в раба этого человека, знаменовала собой то самое порабощение, о котором говорят источники и которое, видимо, отвечало принятым в эллинистическом мире правовым нормам. Мы можем, таким образом, заметить, как менялось отношение зависимости — фактически полной с самого начала — в юридическом плане, в соответствии с тем, в рамки какого рода системы оно было включено: сообщества ли пиратов, где это отношение апробировал обычай, или государства, где его охраняло право.

Пиратство III в. возникало на различной социальной основе. Из надписей редко можно узнать, кем были упомянутые в них пираты. В некоторых из отрывков «Географии» Страбона, как мы видели, речь шла о племенах — одних, спорадически занимавшихся грабежом, других — в силу выгодных исторических и географических условий (потребность в рабах в Средиземноморье, близость морских торговых путей), сделавших морской грабеж своим основным занятием. Но далеко не все пираты были столь близки племенному миру.

Вспомним слова Страбона: «Действительно, после тирренцев, которые более всех прочих тревожили набегами наше море, критяне унаследовали от тирренцев занятие морским разбоем (τὰ ληστῆρια). Впоследствии их разбой прекратили киликийцы» (X, 4, 9). О каком времени говорится в отрывке? Мнения расходятся: Бранденштейн,

комментируя этот текст, пишет, что тирренское господство на греческих морях предшествовало талассократии критян, которая, согласно Евсевию, приходилась на время до Троянской войны ⁵⁶. Ормерод предлагает два толкования слов Страбона: возможно, в них сказано о раннем пиратстве тирренцев, приходящемся на время расцвета этрусской культуры в Италии ⁵⁷; не исключен и другой смысл: географ говорит о трех веках, предшествовавших установлению римского господства, в течение которых последовательно сменяли друг друга в качестве морских разбойников тирренцы, критяне и киликийцы ⁵⁸.

Нельзя не согласиться с Ормеродом в том, что истолкование отрывка неизбежно будет гипотетичным. Длительное существование каждой из указанных Страбоном групп пиратов подтверждает ряд источников. Так что едва ли можно окончательно, однозначно истолковать отрывок, отталкиваясь лишь от наших общих представлений об истории пиратства в Восточном Средиземноморье в конце II—I тыс. до н.э. Остается еще один путь—рассмотреть контекст.

Параграф помещен в главу, посвященную описанию Крита. вначале обсуждается спорный вопрос о происхождении Миноса, приведены слова Гомера по этому поводу, затем следует: «Что касается Крита, то все писатели согласны с тем, что в древности остров имел хорошие законы и что лучшие из греков, в первую очередь лакедемонцы, стали в этом отношении его подражателями, как Платон об этом свидетельствует в «Законах», а также Эфор, который описывает в сочинении «Европа» его государственное устройство. Впоследствии критские законы весьма сильно изменились к худшему». Далее следует уже знакомый текст, после которого читаем: «Всех, однако, одолели римляне, которые завоевали Крит и разорили разбойничьи крепости киликийцев. В настоящее время в Кноссе есть даже римское поселение». Последовательность фраз Страбона указывает на то, что, по мнению географа, развитие пиратства на Крите было связано с ухудшением внутреннего положения на острове, критяне же оттеснили на задний план киликийские пираты. Однако только вмешательство Рима прекратило деятельность морских разбойников. Чтение отрывка в контексте дает немного, но все же оно заставляет думать, что для датировки расцвета критского пиратства Троянской войной данный текст дает, пожалуй, меньше оснований, чем для отнесения его к более позднему периоду.

Обращает на себя внимание связь, которая ощущается в тексте Страбона, между ухудшением положения на Крите и ростом пиратства. До известной степени сходную мысль высказывает Страбон, говоря о причине обращения тирренцев к занятию морским разбоем: «Находясь под властью одного правителя, тирренцы были сна-

⁵⁶ W. Brandenstein.— RE, 1948, s. v. Tyrrhener, Sp. 1914.

⁵⁷ H. A. Ormerod. Op. cit., p. 127.

⁵⁸ Ibid., p. 128.

чала весьма могущественными, но в позднейшие времена, как кажется, их объединение было уничтожено и они под давлением соседних народностей распались на отдельные города. Действительно, они, пожалуй, не могли бы иначе, оставив свою благословенную землю, заняться морским разбоем (τῇ θαλάττῃ κατὰ ληστείαν), посылая одни пиратские шайки в одно, другие — в другое море. Правда, там, где они действовали согласованно, они не только могли защищать себя от нападения противников, но и в свою очередь нападать и даже совершать дальние походы» (V, 2, 2).

У географа намечена определенная причинность: военное поражение сильного объединения тирренцев вынудило население покинуть насиженные места и обратиться к морскому разбою. В этом занятии побежденные нашли для себя выход. Хотя события, о которых рассказывает отрывок, едва ли поддаются точной датировке и, скорее всего, относятся ко времени более раннему, чем III в. до н.э., тем не менее обратим внимание на приведенную Страбоном причину роста пиратства. В изложении географа оно развилось у тирренцев с упадком политического могущества.

О тирренских пиратах, действовавших в конце IV—III в., имеется ряд сведений. Они представляли угрозу для греческих моряков на западе. Афинский декрет 325/4 г. до н.э. рассказывает об основании колонии Адрии, которая, в частности, предназначалась для того, чтобы служить опорным пунктом в борьбе с тирренцами (φυλακὴ ἐπὶ Τυρρηνούς. — Syll.³, 305, 58—59). Это сообщение заставляет вспомнить названия утраченных речей Гиперида и Дейнарха: περὶ τῆς φυλακῆς τῶν Τυρρηνῶν и Τυρρηνικός. Разрозненные литературные и эпиграфические свидетельства подтверждают активность тирренцев во второй половине IV — первой половине III в. до н.э.^{58a} В их числе — известие, сохраненное Диодором, о захвате Тимолеоном тирренца Постумия с двенадцатью триерами (Diod., XVI, 8, 2); упоминание Страбона о жителях Анция, занимавшихся морским разбоем (τῶν ληστήριων) вместе с тирренцами во времена Александра и Деметрия Полиоркета (Strab., V, 3, 5)⁵⁹; делосское постановление 299 г. до н.э. о деньгах, предназначенных на охрану против тирренцев (εἰς φυλακὴν τῶν Τυρρηνῶν) (IG, XI, 2, 148, 37); фрагмент родосской надписи в честь трех сыновей Тимократа, двое из которых погибли в борьбе с тирренцами (Syll.³, 1255); пояснения лексикографов к слову ληιστοσύνη.⁶⁰

Возник вопрос, кем были тирренцы, о которых говорят эти источники. Этрусками считал их, очевидно, Цибарт⁶⁰. Ормерод был убежден, что тирренцы IV—III вв. включали в себя не только этрусков,

^{58a} E. Ziebarth. Op. cit., S. 21 f.

⁵⁹ Олло (Holleaux. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III siècle. Paris. 1921, p. 11) скептически относится к этому сообщению. Ср. H. A. Ormerod. Op. cit., p. 129.

⁶⁰ E. Ziebarth. Op. cit., S. 22.

но и всех корсаров Италии⁶¹. Иная точка зрения отражена в статье Я. А. Ленцмана: «Ко времени эллинизма «тиррены» — это просто пираты. Это уже не этнический, а «профессиональный» термин. Тирренами в этот период назывались пираты без различия происхождения, в первую очередь действовавшие на Адриатическом и Эгейском морях,— этоляне и иллириане»⁶². Доказательство этого Я. А. Ленцман видел в зоне действия тирренских разбойников — на Эгейском и Адриатическом морях (не Тирренском!), а также в надписи Syll.³, 1255.

Авторы специальных работ о древнем пиратстве не раз указывали со ссылками на источники, что в период колонизации Италии греками, их столкновений с этрусками в Адриатике слово «тирронец» служило у греков синонимом слова «пират»⁶³. Однако это наблюдение не дает основания считать, что тирренцы, действовавшие в Эгеиде в более поздний период — в IV — III вв. до н. э., — были этолийцами или иллирийцами. Дальность рейдов вряд ли могла служить неодолимым препятствием, как думает Я. А. Ленцман, для пиратов, искусных моряков, подвижных жадной добычи. Ормерод справедливо замечает, что, когда римляне достаточно окрепли, чтобы обезопасить свои воды от вторжения пиратов, последние могли уйти на восток. Покорение Этрурии Римом не означало непременно «заката тирренского пиратства»⁶⁴. В приведенных выше словах Страбона (V, 2, 2) заложена возможность иного толкования, тем более вероятного, что оно находит свое косвенное подтверждение в ряде сведений о тирренских пиратах в эпоху, когда об этрусской государственности говорить не приходится. Спорна и та интерпретация надписи, на которой настаивает Я. А. Ленцман. Так, например, Диттенбергер к словам *ποτὶ τοὺς λαϊστὰς* сделал примечание: «Это были пираты, но отличавшиеся от тирренцев: или критяне, или какие-либо другие». Но даже если согласиться с Я. А. Ленцманом и считать, что в данном месте надписи *ποτὶ τοὺς λαϊστὰς* заменило *ποτὶ Τυρρανούς*, это допущение ни в коей мере не является «неопровержимым доказательством идентичности терминов *ληϊστῆς* и *τυρράνης*»⁶⁵.

Ясно, что говорить об окончательном разрешении вопроса о том, кем были загадочные тирренцы IV—III вв., преждевременно. Состояние проблемы таково, что историк обязан испробовать любые гипотезы и обсудить их вероятность. Мысль о тирренских пиратах как об этрусках (а может быть, и шире — итальянцах), вытесненных с насиженных мест и обратившихся к морскому разбою, кажется

⁶¹ Н. А. Ормерод. *Op. cit.*, p. 129.

⁶² Я. А. Ленцман. К вопросу об источниках эллинистического пиратства, стр. 222.

⁶³ Н. А. Ормерод. *Op. cit.*, p. 127, 152, 153, 155; E. Ziebarth. *Op. cit.*, S. 21; W. Kroll. — *RE*, 1921, s. v. Seeraub, Sp. 1039.

⁶⁴ Я. А. Ленцман. К вопросу об источниках эллинистического пиратства, стр. 222.

⁶⁵ Там же.

вполне допустимой. Вспомним, однако, что слово «тирренец», как это отмечено в статье Бранденштейна ⁶⁶, у греков обозначало, в-первых, этрусков в Италии, заменяло иногда «римлянин» или «латинянин», а во-вторых — народ в Эгееде (ein Volk in der Aegaeis). Как ни малочисленны наши знания об этих последних тирренцах, как ни связаны они с легендами, передаваемыми Геродотом и некоторыми другими авторами, о переселении тирренцев из Малой Азии в Италию, как ни упираются они в не решенную еще проблему этрусского этногенеза, все же, пока вопрос о том, кем были тирренские пираты III в. до н.э., окончательно не решен, стоит держать в памяти и второе значение, которое имело в представлении греков слово «тирренец».

Как мы уже видели, в цитированном выше отрывке из Страбона (X, 4, 9) речь идет также о критянах, занимавшихся морским разбоем. О критских пиратах в той связи, которую подсказывают источники, — в связи с прославившимся остров наемниками — писал Эффантер ⁶⁷. Страбон, пользовавшийся в части своего труда, посвященной Криту, первоклассным историческим материалом, указывал на то, что до водворения римлян на остров «там было большое число наемных воинов, из среды которых вербовались и разбойничьи шайки (τὰ ληστῆρια)» (X, 4, 10). Это сопоставление пиратов с наемниками понятно: грабительские набеги, за которыми следовал торг награбленным, были не только делом пиратов, но широко практиковались во время войн между эллинистическими государствами. Разница состояла в том, что в первом случае морской разбой являлся основным занятием негосударственных объединений пиратов, во втором же случае грабительские рейды составляли часть военной кампании и совершали их войска воюющих государств. В составе же этих войск славой беспощадных и жадных к добыче воинов пользовались наемники. Пират, который сначала грабил, а потом прибегал к помощи торговой сделки, чтобы реализовать награбленное, завтра свободно мог стать наемником, продававшим заранее нанимателю свои военные способности, и в частности свое содействие в ограблении противника. Поэтому яркая, хотя и далеко не беспристрастная, характеристика критян у Полибия могла относиться в равной мере как к критским наемникам, так и к пиратам: «Критяне неодолимы на суше и на море, в засадах, разбоях, в обкрадывании неприятеля, в ночных нападениях и вообще во всех делах мелких, сопряженных с хитростью; напротив, им недостает мужества и стойкости, когда неприятель наступает массою с фронта, построенный в фалангу» (IV, 8, 11).

Наемничество и пиратство были тем средством, которое в течение длительного времени как бы оттягивало избыток критского на-

⁶⁶ W. Brandenstein. — RE, 1943, Sp. 1909.

⁶⁷ H. van Effenterre. La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. Paris, 1948.

селения⁶⁸. Критские наемники тысячами сражались в войсках эллинистических монархов. Так, в войске Птолемея Филадельфа, которое он выставил против Антиоха, из 8 тысяч греческих наемников, по словам Полибия, 3 тысячи были критянами.

Можно лишь догадываться о причинах образования этой людской массы, не нашедшей применения своим силам на родине и ищущей для себя некий выход в пиратстве и наемничестве. Но едва ли правильно, как делает это Ормерод,⁶⁹ сводить все к географическим условиям Крита и ставить в прямую зависимость развитие пиратства и бесконечные междоусобные войны на острове от его гористого, пересеченного ландшафта и изрезанной береговой линии. Слов нет, природа благоприятствовала тому, чтобы остров стал приютом разбойников, чтобы критские наемники своей ловкостью и изворотливостью затмевали остальных. Но при всей фрагментарности наших данных нельзя все же опустить ту связь, на которую они наталкивают, — связь между пиратством и наемничеством, с одной стороны, и некоторыми событиями внутренней истории Крита, с другой.

Постоянные войны между отдельными городами, борьба группировок внутри городов — об этом настойчиво говорят источники. Благодаря Полибию, сведения которого счастливо дополняет эпиграфика, мы можем составить довольно ясное представление о событиях, которые происходили на острове в последней четверти III в. до н.э. и которые, очевидно, были типичны для жизни эллинистического Крита. Источники повествуют о войне между Кноссом и Гортиной, в которую оказались втянуто множество критских городов, о том, как рушились и вновь создавались союзы, какая судьба ожидала побежденных. Описывая раскол, который война вызвала в среде граждан Гортины, Полибий сообщает, что старшие (πρεσβύτεροι) и молодежь (νεώτεροι) «встали друг на друга» (IV, 53, 7). Ожесточенная борьба привела к тому, что старшие, захватив городскую крепость, введя в город кносцев и этолийцев, часть молодежи изгнали, другую — перебили, а город сдали кносцам (IV, 53, 8—9). Думается, что гортинские группировки, о которых говорит здесь Полибий, имели не только разную внешнеполитическую ориентацию (на это в тексте есть прямое указание — IV, 53, 7), но и могли отвечать противоположным тенденциям в области внутренней политики⁷⁰.

А вот отрывок из XXIV книги Полибия (в ней речь идет о 80-х годах II в. до н.э., но приводимое суждение носит более общий характер): «На Крите начинаются сильные смуты (ποαραταὶ)... μεγάλῳ), если только позволительно говорить о начале смут на Крите. Дело в том, что при непрерывных междоусобных войнах (τῶν

⁶⁸ H. van Effenterre *Op. cit.*, p. 113.

⁶⁹ H. A. Ormerod. *Op. cit.*, p. 143 sq.

⁷⁰ Ср. J. Oehler. — *RE*, s. v. Kreta, Sp. 1820, где приведены надписи III в. до н.э. относительно образования совета молодых (νεότατοι) в Гортине.

ἐμφυλίων πολέμων), которые сопровождаются крайним ожесточением воюющих, на Крите начало и конец смут совпадают, и то, что иному показалось бы неправдоподобным, наблюдается здесь постоянно» (XXIV, 4). Как ни откровенно враждебно характеризует Полибий критян, мы не можем все же не считаться с теми конкретными замечаниями относительно их строя, которые он делает. Полибий указывает, в частности, на предоставляемую критскими законами возможность неограниченного расширения земельных участков (VI, 46, 1), что, очевидно, не могло не способствовать обезземеливанию части граждан. Высокое развитие денежных отношений на Крите, по мнению того же Полибия (VI, 46, 2—3), вело к нескончаемым раздорам: «Критяне в силу прирожденной алчности обуреваемы многократнейшими распрями, частными и государственными, а также домашними войнами» (VI, 46, 9).

Излагая факты, связанные с захватом и разорением Литта, Полибий констатирует, что в один день литтяне из граждан превратились в изгнанников и чужестранцев (IV, 54, 5).

Все вместе взятое заставляет предполагать, что резкое обострение социальных и политических противоречий на Крите, постоянные столкновения как внутри городов, так и между ними вели к увеличению числа тех, кто избрал своей профессией пиратство и наемничество. Поэтому, быть может, не случайно Полибий, рассказывающий с глубоким осуждением о деятельности спартанского царя Набиса, который изгнал из Спарты граждан, выдававшихся богатством, а имущество их роздал врагам их и своим наследникам (XIII, 6), освободил рабов (XVI, 13), пишет об участии этого царя в морских разбоях критян (XIII, 8) ⁷¹. Не был ли в данном случае союз Набиса с критскими пиратами продиктован известной общностью интересов царя-реформатора, отрицательно смотревшего на господствовавший до него в Спарте строй, и критских пиратов, жертв социальных и политических конфликтов, пиратов, поставленных у себя на родине вне закона, вероятно, настроенных достаточно оппозиционно по отношению к нему ⁷². Это, разумеется, всего лишь одно из возможных объяснений, поскольку, как будет видно из дальнейшего, пиратов по политическим соображениям часто ис-

⁷¹ Ср. Syll.³, 594.

⁷² О пиратах, бывших опорой Диодота Трифона, замыслившего во второй половине II в. до н. э. переворот в Киликии, есть интересные сведения у Страбона (XIV, 5, 2). Сименем Диодота, о котором мы знаем и из других источников, Страбон связывал организацию пиратских шайк в Киликии. Контекст, в котором об этом говорится, заслуживает внимания: Диодот восстал против сирийских царей, вслед за его восстанием подняли восстание и другие. С одной стороны, мятеж и слабость центральной власти, с другой — та безусловная выгода, которую сулили разбои, сраставшиеся с работорговлей, стимулировали, по Страбону, развитие пиратства. Намек на связь пиратства со смутой в полисе мы можем извлечь из надписи в честь Агафокла, где катастрофическое состояние Истрии описано в следующих словах: «Когда город был в волнении и фракийцы в немалом числе подвергали пиратским набегам страну и город... (τῆς τε [πύλεως] οὐσῆς ἐν τα[ρ] αὐτῇ καὶ περὶ αὐτοῦ [ὁ]ν τῶν θρακῶν οὐκ [ὁ]λιγῶν τε γὰρ ὄραν καὶ τῇν [πύλιν] v...)).

пользовали в качестве союзников полководцы, которых едва ли можно заподозрить в общественно-реформаторских или революционных намерениях.

За исключением окраинных племен, мы не обладаем прямыми указаниями на то, из какой социальной среды пополнялись отряды пиратов. Но в литературе господствуют два мнения: согласно одному пиратством в эллинистическое время занимались отсталые племена⁷³, согласно другому — «изгнанники, неудачники, безработные наемники, бежавшие рабы»⁷⁴. В пользу последнего мнения говорят косвенные данные. Одним из таких косвенных аргументов можно считать надежно засвидетельствованную в источниках связь пиратства с Критом. Здесь пиратство было обязано своим ростом, видимо, изменению условий жизни в таких старых греческих государствах, какими были критские полисы.

Но что еще мы знаем о критских пиратах, кроме того, о чем уже говорилось выше? Договор между родосцами и жителями Гиерапитны (Syll.³, 581), хотя и падает не на III, а на самое начало II в. до н.э., позволяет догадываться о многом. В статье X (ср. ст. XVII) определяются взаимные обязательства договаривающихся сторон в случае возникновения разбоев на Крите (*λαστήρια ἐν Κρήται*). Там же сказано следующее: «И если возникнут разбои на Крите и родосцы будут сражаться на море против пиратов (*πρὸς τοὺς λαστάς*) или же предоставляющих [им] убежище (*τοὺς ὑποδεχόμενους*), или же содействующих им (*τοὺς συνεργοῦντας αὐτοῖς*), то пусть вместе с ними сражаются и гиерапитнийцы на земле и на море со всей силой, как могут, на свои средства. И захваченные пираты (*τοὶ λασταί*), и корабли их пусть будут переданы родосцам, что же до прочего, то пусть каждый из сражавшихся получит часть».

Привлекает внимание отношение договаривающихся государств к возникновению разбоев. Это событие столь серьезно, что специальные статьи должны регулировать поведение сторон. Пираты и их деятельность, обозначенные в тексте договора определенными терминами (*λαστήρια*, *τοὶ λασται*), фигурируют в качестве понятий, которые казались настолько ясными его составителям, что они не были снабжены дополнительными разъяснениями. Тем не менее из договора в целом можно извлечь кое-какие данные относительно границ понятий *λαστήρια* и *λασται*. В ряде статей (например, в IV, VII, XIII) речь идет о модусе поведения союзников в случае возникновения войны (*πολεμος*): выделение как особого случая разбоев (*λαστήρια*), в которых главными действующими лицами мыслятся пираты, говорит о том, что в глазах авторов договора эти понятия — война и разбои — чем-то отличались друг от друга. Вместе с тем в статье XVII предусматривается возможность, что силы, поддержи-

⁷³ Я. А. Ленцман. К вопросу об источниках эллинистического пиратства, стр. 219.

⁷⁴ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 100. Ср. М. Rostovtzeff. Op. cit., p. 196.

вающие пиратов, начнут войну по всем правилам с гиерапитнийцами. Как объяснить эту меняющуюся терминологию? Нам представляется наиболее вероятным, что с понятием *ἡσπέρια* авторы договора связывали действия объединений негосударственного порядка (в отличие от понятия *πόλεμος*, которое, должно быть, применялось по отношению к деятельности государств). Предоставлять же убежище пиратам, помогать им могли и отдельные государства. При этом, как явствует из статьи XVII, они не останавливались перед тем, чтобы вступить с врагом пиратов, Гиерапитной, в настоящую войну.

Четкая отработка принципов, согласно которым производился дележ добычи между родосцами и гиерапитнийцами при удачном исходе операции против пиратов, указывает на значительность этой добычи. Будучи грозой торговцев, пираты, вероятно, нередко становились обладателями их имущества. Ведь не случайно Диодор, говоря о начале войны между критянами и родосцами, особо оговаривает недовольство торговцев действиями пиратов (XXVII, 3). По его словам, начав совершать пиратские набеги (*πειρατεῖν ἐπιβαλόμενοι*) на своих семи кораблях, критяне грабили (*ἐλίσσασθον*) немалое число судов. Страдали торговцы, и родосцы, чувствуя себя ущемленными, решились на объявление войны критянам. Об уgone на Крит множества граждан и других жителей города рассказывает афинский декрет в честь Евмарида (Syll.³, 535). Хотя происхождение Букриса, с которым в декрете связана эта экспедиция, и спорно (критянин он был или этолиец)⁷⁵, несомненен факт, что афинских пленников переправили на Крит и оттуда их выкупили затем на средства Евмарида.

Об участии пиратов наравне с наемниками в военных операциях дошло немало сведений. Иногда трудно решить, о чьих действиях — пиратов или наемников — рассказывает источник. Так, например, попытка разграбить дары в самофракийском храме и поджечь святилище, предпринятая некими нечестивцами (*τις τοὺς ἀσεβήσαντας*) в сообществе с людьми, приплывшими ночью от Пифагора (Syll.³, 372, ок. 288—281 гг. до н. э.), заставляет вспомнить о пиратских набегах (Диттенбергер был склонен видеть в Пифагоре вождя наемников).

Многочисленны примеры использования пиратов эллинистическими полководцами. Хотя рассказ Диодора об осаде Родоса Деметрием Полиоркетом относится не к III в., а к 305—304 гг. до н. э., в нем есть некоторые детали, имеющие важное значение для широкого отрезка времени. В повествовании Диодора, построенном на использовании отличного местного источника, оживают драматические события одного из самых тяжелых и славных периодов в существовании Родосской республики. Пираты не раз упоминаются в этом рассказе, и непреднамеренность, с которой говорит о них Диодор, сильнее прочего убеждает в истинности излагаемых событий.

⁷⁵ R. Flacelière. Les Aitoliens à Delphes. Paris, 1937.

305 год. Деметрий направляет войска к Родосу, стремясь парализовать противника. Впереди идут военные суда с катапультами, за ними транспорт с людьми и лошадьми, «за всем этим двигаются суда пиратов и суда купцов и рыночных торговцев (τὰ τῶν πειρατῶν πλοῖα καὶ τὰ τῶν ἐμπόρων καὶ ἀγοράϊα), которых, как уже раньше сказано, было множество, так что все пространство между островом и противоположным берегом, казалось, было заполнено судами и вселяло великий страх и панику в тех, кто наблюдал со стороны города» (XX, 83, 1). Пристав к острову и заняв позицию вблизи города, Деметрий тотчас посылает подходящих людей из пиратов и некоторых других, чтобы грабить остров с суши и с моря (XX, 83, 3).

304 год. Аминта, родосский начальник, отправляется к Перее в Азию; внезапно он сталкивается с пиратами (πειραταῖς), посланными Деметрием. У них было три беспалубных судна, их считали самыми сильными из тех, кто сражался на стороне царя. Непродолжительная морская битва была успешной для родосцев — они захватили суда с экипажем, в их руках оказался и Тимокл, которого Диодор называет ὁ ἀρχιπειρατής. Непосредственно за этим историк сообщает о нападении родосцев на некоторых торговцев, у которых было отнято немало судов с хлебом. Эти суда и те, что были захвачены у пиратов, родосцы поспешили отослать в гавань острова (XX, 97, 5).

Наконец, еще одно упоминание о пиратах, которое встречается у Диодора. Перечисляя состав войска Деметрия Полиоркета, выступившего в 302 г. против Кассандра, он говорит об отрядах легковооруженных солдат и разнородных пиратов, сошедшихся для битв и грабежей (XX, 110, 4).

В обстоятельно рассказанных Диодором эпизодах можно обнаружить уже знакомые черты. Пираты, в немалом числе действующие в войске Деметрия, используются им в качестве одного из самых опасных для противника рода войск, предназначенного в первую очередь для беспощадного грабежа. Не кажется случайной и та деталь в рассказе Диодора, что к Родосу в 305 г. вместе двигались суда пиратов и торговцев.

Сведения Диодора об участии пиратов в военных действиях под Родосом можно сопоставить с данными Фронтинна (Strat., III, 3, 7) и Полиена (V, 19) о захвате Эфеса Ликом, стратегом Лисимаха. Андрон, глава пиратов, которых использовал для набегов на соседние земли Деметрий, державший в своих руках Эфес, был подкуплен Ликом и своим участием в операции на стороне Лика обеспечил последнему победу. Традиция свидетельствует, какими опасными для противника были пираты, используемые полководцами во время войны. Хотя, заручившись поддержкой этой силы, можно было достигнуть многого, даже та сторона, за которую пираты в данный момент сражались, должна была соблюдать по отношению к ним все меры предосторожности. После победы Лик избавился от своих ненадежных союзников.

При успешной осаде Кассандрии в 277/6 г. до н.э. Антигоном Гонатом мы встречаем этолийских пиратов (Polyaen, IV, 6, 18). Атаман пиратов, Аминий (Ἀμινίαν ... τὸν ἀρχιπειρατήν) руководил при этом действиями 2 тыс. воинов (στρατιῶται) и десяти этолийских пиратов (Αἰτωλοὶ πειραταὶ δέκα), которые находились под предводительством Мелаты. Вполне возможно, что Аминий, о котором пишет Полиен, и Аминий Фокейский, стратег Антигона, пришедший с наемниками на помощь спартанцам в их войне с Пирром (Plut., Pyrrhus, 29,6), — это одно и то же лицо.

Мы почти ничего не знаем о том, какого рода отношения существовали в среде пиратов, каковы были принципы их организации. Андрон и Аминий как вожди пиратов напоминают командиров наемников: с их мнением считаются правители (вспомним о приеме, оказанном Аминию у Антигона и Аполлодора.— Polyaen, IV, 6, 18), они пользуются заметным авторитетом в своей среде: не случайно Гегесипп и Антипапп, захваченные в плен вместе с другими, свободными и рабами, стараются убедить начальника пиратов Соклеяда (τὸν ἐπὶ τῶν πειρ[α]τῶν ἐπιπλέοντα Σωκλεΐδαν), чтобы их отпустили, и добиваются успеха (Syll³, 521).

Видимо, порой имела место и известная субординация в пиратской среде: возвратившись к тому же рассказу Полиена об Аминии, мы можем заметить, что под Кассандрией под его началом, помимо прочих, было десять этолийских пиратов, которых возглавлял Мелата (ὦν Μελάτας ἡγεῖτο). Читая имена Андрона, Аминия, Соклеяда, прославившихся в III в. до н.э. в качестве вожakov пиратов, трудно не вспомнить слова Фукидида о разбойниках в древности, во главе которых становились лица, наиболее могущественные (I,5). Несмотря на разницу эпох, те разбойники, которых имел в виду Фукидид, и пираты III в. до н.э. были немислимы без инициаторов, атаманов, облеченных некоторой властью. Устанавливались личные связи между главарями и рядовыми пиратами, связи, напоминавшие те, которые наблюдались у наемников. Они придавали определенной прочности этим коллективам, которых немало насчитывалось в раннеэллинистический период.

Вероятно, нередко в них объединялись достаточно разнородные элементы. На эту разнородность косвенно указывает, например, высказывание Диодора (XX, 110, 4) о разнообразных пиратах, сошедшихся в войске Деметрия (πειρατῶν παντοδαπῶν τῶν συντρέχόντων) (ср. в надписи из Истрии в честь Агафокла о состоявшемся сборище множества пиратов: συναγωγῇ τινα γινομένην πειρ[α]τῶν πλείον[ω]). Надо думать, большей однородностью по своему составу отличались отряды пиратов, действовавших на периферии и связанных еще с определенными племенами; в центральных же областях Средиземноморья в силу иных социальных корней пиратства это едва ли могло иметь место. О степени равноправия рядовых пиратов судить трудно. Надпись из Феры (см. выше), возможно проливающая некоторый свет на отношения внутри коллектива

пиратов, говорит в пользу того, что часть разбойников, завербованная из числа бывших пленных, принадлежала как бы к низшей, эксплуатируемой категории. Таким образом, пиратство было источником зависимости не только для внешнего мира, куда разбойники продавали своих пленников в качестве рабов, но и внутри шайки возникали какие-то формы неполноправия и угнетения.

Как ни близки были в некоторых отношениях пираты к наемникам, все же древние разграничивали эти категории. Добыча, а не плата, регулировала отношения между полководцем, решившимся прибегнуть к помощи пиратов, и этими последними. На первый взгляд, финансирование наемников было сопряжено с большими трудностями для государства, чем обязательства, связанные с использованием сил пиратов. Но расплата добычей с пиратами требовала от полководца заботы о том, чтобы эта добыча была им предоставлена. Этот момент ясно проступает в описанном Полибием поведении этолийского полководца Доримаха по отношению к пиратам, которые явились к нему в Фигалию (IV, 3, 8 слл. — см. ниже).

Форма расплаты с наемниками теснее привязывала их к тем, кто им платил, и делала их более зависимыми от воли главнокомандующего, чем пиратов, чей достаток определялся их собственной инициативой. Статус пиратов представляется более свободным, чем наемников: Диодор именует пиратов у Деметрия «союзничающими пиратами» (τοῖς συμμαχοῦσι πειραταῖς. — XX, 82, 4). Но о полной внешнеполитической самостоятельности пиратов, действовавших в центре эллинистического мира, вряд ли можно говорить: слишком значительными были соперничавшие силы, чтобы объединения типа пиратских могли выступать иначе, как подключившись к одной из таких сил.

Эти пираты напоминают своих собратьев по профессии — тех, что орудовали на периферии. У них те же приемы прямого насилия, та же цель — с помощью грабежа добыть побольше пленных, скота, всего того, что имеет спрос на рынке. Они также перемежают разбой торговлей. Есть, однако, в их деятельности и нечто особенное. Она оказывается связанной тесными узами с внешней политикой определенных государств⁷⁶. Если на развитие пиратства на окраинах Средиземноморья стимулирующее действие оказывал спрос на рабов, то в центре на первый план выступает другой момент: пиратов как отличную вспомогательную силу эллинистические правители использовали на войне. Когда требовались отвага и хитрость, когда целью было разорить и разграбить вражескую территорию, такие полководцы, как Деметрий Полиоркет, Антигон Гонат и другие, прибегали к помощи пиратов. Поступая так же, как племена, промышлявшие морским разбоем на периферии, пираты, которые держали в постоянном страхе население центральных областей Средиземноморья, были вовлечены в сложный кругово-

⁷⁶ Ср. М. R o s t o v t z e f f. Op. cit., p. 198. 607.

рот международной политики своего времени. При более или менее одинаковом образе действий складывались разные отношения, появлялись новые заинтересованные стороны.

Таким образом, мы наблюдаем еще один вариант приспособления пиратской практики, древних отношений *λῆστεία* к условиям существования сильных эллинистических государств. Эти группы пиратов по-прежнему представляются стоящими вне государств, но они взаимодействуют с ними, причем для этого взаимодействия решающим оказывается не развитие рабства в странах эллинистического мира, а внешнеполитическая ситуация в Восточном Средиземноморье: на пиратов смотрят как на внушительную военную силу, способную повлиять на исход кампании. Привычное отношение между пиратом — грабителем и торговцем — и его жертвой занимает теперь новое и значительное место в системе международных связей Восточного Средиземноморья. Функции пиратов и наемников сближаются. Отсюда и сравнительно частые в наших источниках упоминания пиратов, принимавших участие в бесконечных войнах раннеэллинистического периода.

Двойственным рисуется в эллинистический период отношение к пиратам не только со стороны частных лиц, но и государственных властей. Действовали причины разного порядка. Многие объяснялось международной обстановкой. Она побуждала некоторых правителей прибегать к помощи пиратов в своих военных начинаниях. Иногда она способствовала как бы косвенной апробации действий пиратов, если эти действия вели к ослаблению одной из враждующих сторон. Например, в 30-х годах III в. до н.э. набеги этолийских пиратов на Аттику, как полагает Фласельер⁷⁷, вряд ли вызвали сопротивление Птолемея Евергета, чей флот господствовал тогда на море, поскольку ослабление Аттики, находившейся в союзе с Македонией, наносило ущерб последней, а это было в интересах соперничавшего с Македонией Египта. К более позднему периоду относится аналогичная ситуация, о которой писал Страбон (XIV, 5, 2); поскольку грабежи киликийских пиратов наносили серьезный вред царству Селевкидов, противная сторона (Египет, Кипр, даже, видимо, Родос) допускала подобную практику.

Однако одними особенностями внешнеполитической ситуации в Восточном Средиземноморье III в. до н.э. не объяснить тех отношений, которые складывались между пиратами и государствами того времени. Сказывалась и другая, более глубокая причина, о которой уже говорилось выше: своеобразная роль пиратов в развитии торговли. Они, чье существование было немыслимо без торговли (продажа награбленного), являлись вместе с тем одним из опаснейших ее противников (акт грабежа). Весьма возможно, что в эллинистический период одна черта этой противоречивой в экономическом отношении природы пиратства всего сильнее влияла на отношение

⁷⁷ R. Flacelière. Op. cit., p. 250.

государственных властей к тем, кто сделал его своей профессией. Роль пиратов в качестве поставщиков рабов, видимо, объясняет непостоянную, судя по довольно скудным источникам, линию поведения Делоса. С одной стороны, данные делосских декретов III — начала II в. до н.э. отчетливо подтверждают отнюдь не дружелюбную политику Делоса по отношению к пиратам. Это — декрет 299 г. до н.э. (IG, XI, 2, 148, 37), в котором идет речь о крупном денежном займе, предназначенном полисом «для охраны от тирренцев», и декрет 200—197 гг. до н.э., периода, когда Родос возглавлял борьбу с пиратами, в честь родосского начальника флота Эпикрата (Syll.³, 582), который отдал распоряжение не использовать делосскую гавань в качестве отправного пункта для тех, кто занимается пиратством (*οἱ πελοποννησίου*)⁷⁸.

С другой стороны, в наших руках свидетельство Страбона (XIV, 5, 2) о том, что Делос широко предоставлял свой рынок пиратам-работорговцам. Очевидно, решающей для этой перемены была та громадная роль, которую во II в. до н.э. приобрела на Делосе работорговля⁷⁹. Получив в 166 г., до н.э. от Рима право *porto franco*, Делос вышел из-под влияния Родоса, прославившегося своей борьбой против морских разбойников, и стал центром международной транзитной торговли в Эгейском море. Возросший спрос на рабов, в первую очередь связанный с потребностью в них Италии, заставлял делосцев смотреть на пиратов как на источник этого товара.

С подобным изменением курса по отношению к пиратам мы встретились на примере северокавказских племен. Твердую политику боспорского царя Евмела, направленную на очищение моря от пиратов (Diod., XX, 25), сменил покровительственный прием, который находили на Боспоре гениохи, ахейцы и зиги, пользовавшиеся там корабельными стоянками и рынками для сбыта добычи (Strab., XI, 2, 12).

Вопрос о безопасности плавания, очень острый в эллинистический период, в немалой степени касался пиратства. Это подтверждают надписи. В афинском декрете (Syll.³, 409, 9 sq.) после сообщения о том, как в 315/4 г. стратег Тимохарес захватил Главкета, по всей видимости морского разбойника, следует: «Он позаботился о безопасности (*ἀσφάλειαν*) плавающих по морю». В декрете из Эрифр, датированном временем галльского нашествия, восхваляемого чествуют за охрану земли со стороны моря и за заботу о безопасности торговцев⁸⁰. Послание вифинского царя Зиела жителям Коса, относимое примерно к 250 г., также содержит заверение царя в том, что всем плывущим по морю и пристающим к землям царя косцам он гарантирует безопасность (Syll.³, 456). В цитированном выше декрете в честь Эпикрата (Syll.³, 582) говорится, что последний забо-

⁷⁸ См. M. Rostovtzeff. Op. cit., p. 1485, note 94.

⁷⁹ См. *ibid.*, p. 794 sq.

⁸⁰ 'Αθηναϊκὰ, 20, 1908, 195. Цит. по: E. Ziebarth. Op. cit., Anh. I, 64.

тился о безопасности плавающих. Следующее за этими словами распоряжение по отношению к тем, кто занимается пиратством (οἱ πε-[ι]ρατεῖοντες), не оставляет сомнения в содержании термина «безопасность» (τῆς ... ἀσ[φα]λείας) в данном случае.

Забота государств о безопасности плавания и защите прибрежных территорий проявлялась по-разному. С одной стороны, пытались с помощью укреплений⁸¹ обезопасить население от внезапных пиратских набегов. С другой — прибегали к дипломатическим ходам с целью заручиться поддержкой тех государств, чье население не брезгало заниматься морскими разбоями и наводило ужас на моряков и торговцев (Syll.³, 535), к договорам о симмахии, к запрещениям пользоваться гаванями тем, кто занимается пиратством (Syll.³, 582). Птолеми, Антигоныды, затем Родосская республика возглавляли попеременно в III в. до н.э. борьбу с пиратами, пользуясь при этом услугами флота несиотов.

Итак, мы имели возможность наблюдать, как пиратство в III в. до н.э. сплачивало людей в коллективы, которые противостояли государствам. Тем не менее деятельность этих людей отвечала жизненным потребностям государств. Но был и другой путь приспособления пиратства к условиям существования государств. Тогда пиратство, постепенно утрачивая свой характер «вольного промысла», превращалось в занятие подданных государства, санкционированное властью и направленное на определенный внешний враждебный объект. Для III в. до н.э. мы располагаем благодаря Полибию ценными сведениями, касающимися внешней политики Иллирии, Македонии, Этолийского и Ахейского союзов — государств сравнительно молодых, где процесс преобразования пиратства в орудие государственной политики можно наблюдать на ранних его ступенях.

Об иллирийской царице Тевте Полибий пишет, что она прежде всего разрешила подданным грабить на море и по своему усмотрению всякого встречного (II, 4, 7—9). Знаменателен ответ, который, по словам Полибия, дала Тевта на требования римских послов. Она сказала, «что позаботится о том, дабы римляне не терпели никаких обид от иллирийского народа (χοινῆ); что же касается отдельных лиц (ἰδιῶν), то у царей Иллирии не в обычае (οὐ νόμιμον εἶναι) мешать кому бы то ни было в приобретении себе добычи на море (τὰς κατὰ θάλατταν ὥφελείας)» (II, 8, 8). Тевта, у Полибия, подчеркивает независимое положение, которое по отношению к иллирийскому государству занимает частная деятельность — пиратство — его граждан. Но слова Полибия о том, что царица Тевта разрешила своим подданным заниматься морским разбоем, раскрывают степень этой независимости. В сущности государство в лице Тевты апробировало пиратскую деятельность своих граждан — и в подобной апробации выразилась подчиненная роль этой деятельности по отно-

⁸¹ См. Н. А. Огтергод. Op. cit., p. 46 sqq.

шению к государству. Пока еще последнее очень сдержанно и не пытается как-то стеснить ее, но это только начало, когда государственная власть довольно слаба, а обычай (*νόμος*), идущий от времен племенного строя, очень силен.

О том, как широко пользовались иллирийцы своим правом грабить, Полибий упоминает не один раз. В II, 8, 1—2 он пишет, что иллирийцы, которые и прежде нападали на итальянских мореплавателей, во время пребывания в Фенике учинили следующее: «Большая часть иллирийцев отделилась от флота и не замедлила ограбить множество итальянских торговцев, причем одни из ограбленных были убиты, немало других уведено в плен» (ср. V, 95, 1 сл.). Хотя роль частной инициативы в грабительских действиях иллирийцев ясно чувствуется в изложении Полибия, но как тесно были сплетены эти частные интересы с государственными, очевидно по реакции царицы Тевты на обильную добычу, доставленную из Эпира. «Дело в том, — пишет далее Полибий, — что в то время Феника по своему благосостоянию далеко превосходила прочие части Эпира, и желание царицы грабить эллинские города теперь удвоилось» (II, 8, 4).

Не всегда можно установить по рассказу Полибия, выступали иллирийцы частным образом или от лица государства. Надо сказать, что и в тех случаях, когда иллирийцы действовали как войско, например под предводительством Скердилаида, они грабили торговцев, поступали с пленными, как с неприятелями (V, 101, 1—2). В тех войнах, которые они вели, добыча играла первостепенную роль. Перемирие с эпилотами было заключено на условиях возвращения иллирийцами за выкуп свободнорожденных пленных в город. Рабы и прочая добыча были ими увезены (II, 6, 5—8).

Колоритный образ Деметрия Фарского, иллирийского вожда, который, отложившись от центральной власти, на свой страх и риск ведет игру, нарисовал Полибий. Деметрий то покупает своим предательством дружбу римлян (II, 11), то, усомнившись в их могуществе, не задумываясь, изменяет им и начинает грабить иллирийские территории, подчиненные римлянам (III, 16, 18—19), и совершать опустошительные набеги на Кикладские острова (IV, 16). Он принимает активное участие во внешнеполитической борьбе в Греции, попеременно выступает союзником этолийцев (IV, 16) и ахейн (IV 19). Аппиан, который отчасти повторил рассказ Полибия, называл воинов Деметрия пиратами (*τοὺς ῥητοῦς*. — III, II, 8). После гибели Деметрия, угрожавшего пиратскими вылазками на Адриатике, римляне жестоко расправились с городом Фаром, как соучастником его деятельности⁸². Тип Деметрия Фарского, политическо-го деятеля и грозного главаря пиратов, чрезвычайно характерен для условий примитивного иллирийского государства.

⁸² Polyb., III, 19; App., III., II, 8.

В Этолии последней четверти III в. до н. э., судя по Полибию, пиратство как частная деятельность граждан занимало по отношению к государству немногим более подчиненное положение, чем в Иллирии. В речи Филиппа II, где он пытался объяснить смысл этолийского выражения «брать добычу от добычи» (ἄγειν λαφύρον ἀπὸ λαφύρου) (XVIII, 4, 8), сказано, что «у этолийцев существует обычай (ἔθος), коим дозволяется грабить (ἄγειν) не только те народы и земли их, с которыми они ведут войну, но в такой же мере помимо народного постановления (ἔθει καὶ νόθῳ δόγματι), под видом помощи обеим воюющим сторонам, если какие-нибудь другие народы ведут войну между собой, будучи друзьями и союзниками этолийцев, опустошать земли обеих; благодаря этому у этолийцев не существует границы между дружбою и враждою, они всегда готовы открыть враждебные или военные действия против всякого народа, что-либо оспаривающего у другого» (XVIII, 5, 1—3). Здесь мы снова сталкиваемся с обычаем, берущим пиратство под свою защиту. Он не только разрешает частным лицам грабить противника во время войны, но и допускает аналогичные действия по отношению к жителям любых воюющих между собой сторон. Таким образом, обычай позволял этолийским гражданам заниматься пиратством в очень широких границах. Но все же некоторые пределы он, видимо, намечал: ведь речь шла только о пиратстве во время войны. Этим этолийские обычные нормы отличались от иллирийских с их неограниченным допущением грабежа, на что сослалась, по Полибию, Тевта в своем ответе римским послам (II, 8, 8). Но при наличии многочисленных войн, которые в III в. до н.э. вспыхивали то в одном, то в другом месте Греции, ограничение было очень незначительным; перед этолийцами, желавшими заниматься разбоем, открывались разнообразные возможности. Поэтому не удивительно, что в рассказе Полибия об Этолии столь нередки упоминания о действиях пиратов.

Мы читаем о пиратах под началом этолийского военачальника Еврипида в Элеях (IV, 68, 1), об этолийских пиратах в Фиалах (IV, 79, 6; ср. IV, 80, 4 о тысяче этолийских пиратов). обстоятельно изложены Полибием события, связанные с отправкой этолийцами пиратов (πειρατῆς) к Кифере, захватом ими царского македонского судна, продажей доставленных в Этолию корабля, его команды и начальников (IV, 6, 1—3). Активность этолийских пиратов подтверждает и эпиграфика. Декрет III в. до н.э. из Наксоса (Syll.³, 520) свидетельствует об этолийском набеге и уводе в плен 280 человек.

Очень любопытно с точки зрения того, какое место занимало в Этолии пиратство относительно государства, описание Полибием поведения Доримаха в Мессении перед началом Союзнической войны (IV, 3—4). К Доримаху, отправившемуся с официальной миссией в Фигалию, лежащую на границе с Мессенией, стали стекаться пираты (πειρατῶν). Общеэллинский мир, возобновленный Антигоном, не позволял, по словам Полибия, Доримаху предоставить

пиратам добычу законным путем. Изыскивая средства, как удовлетворить желания пиратов, Доримах разрешил им похитить скот у мессенян, друзей и союзников этолийцев. Возмущенные этим мессеняне пытались с помощью посольств к Доримаху оградить себя от разбоев. Но их усилия были тщетны, поскольку, как пишет Полибий, Доримаху хотелось дать добычу подначальным ему людям (*βουλόμενος τὰ μὲν ὀφείλιν τοὺς ὑπ' αὐτὸν ταπτημένους*) и в то же время воспользоваться ею и самому, приняв участие в ее дележе. Ограбление дома Хирона с избиением некоторых слуг (*τῶν οἰκετῶν*) и угоном вместе со скотом остальных переполнило чашу терпения мессенян: они вызвали Доримаха на собрание должностных лиц и настаивали на возмещении убытков и суде над пиратами-убийцами. Но эти требования возмутили Доримаха, который заявил, что мессеняне слишком наивны, воображая, что оскорбили только его, а не государство этолян (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*).

В этом рассказе Полибий всепримечательно: и подробности о поведении пиратов, и покровительственное отношение к ним со стороны этолийского полководца, который смотрит на них как на подначальных ему людей и жаждет разделить с ними добычу, и довольно слабое их повиновение его приказам. Фигура Доримаха, очевидно, типична. Можно видеть известное сходство этого полководца с Дикеархом Этолийским, о деятельности которого во время крито-родосской войны сообщает Диодор (XXVIII, 1): Филипп V Македонский, склонив Дикеарха Этолийского к морскому разбою (*πειρατεῖν*), передал ему 20 судов и приказал обложить форосом острова, а также помочь критянам в войне против родосцев. Дикеарх производил набеги на торговцев (*τοὺς ... ἐμπόρους ἐλήστανε*), а с островов, грабя, взимал деньги. Другой, известный нам по упоминавшейся выше надписи персонаж — Букрис (Syll.³, 535) — также напоминает Доримаха. Сопоставив эту надпись с делосской проксенией в честь этолийца Букриса, исследовавший оба документа Фласельер предположил, что в них обоих речь идет об одном и том же лице, «которого есть основания считать одним из главных зачинщиков морской политики Этолии»⁸³. Если соображения Фласельера верны, то пример Букриса, как Доримаха и Дикеарха, подтверждает участие этолийских вождей в пиратских набегах.

О том, насколько зависели действия этолийских пиратов от государственной политики, можно судить по замечанию Полибия о первоначальных колебаниях Доримаха, когда он чувствовал себя связанным условиями мира. В этом сказалась та подчиненность пиратства интересам государства, которая с укреплением последнего становилась все более ощутимой. Вместе с тем сила пиратов столь внушительна, а желания Доримаха как частного лица так близки намерениям пиратов, что этот этолийский вождь решается нарушить

⁸³ R. Flacelière. Op. cit., p. 250; ср. стр. 204, 312 — о значении пиратских судов для флота Этолийского союза.

обычай и во время мира подвергнуть грабежу земли союзника Этолии. Наконец, чрезвычайно знаменателен ответ Доримаха на обвинение мессенян, когда он берет пиратов под открытую защиту этолийского государства. Известная стесненность в промысле, на которую обрекало пиратов существование государства, искупалась помощью им с его стороны в критические моменты.

По сути дела о том же подчинении пиратства в Этолии государству читаем мы у Полибия (V, 107, 5—7). Вскоре после заключения Навпактского мира этолийцы стали укорять Агелая за то, что он отрезал им все пути к добыче на стороне, поскольку был заключен мир не с некоторыми греками, а со всеми.

Постепенное усиление контроля Этолийского государства над действиями пиратов подтверждает и эпиграфика. От 278/7 г. дошло постановление Дельфийской амфикифии (Syll.³, 399) о даровании прав неприкосновенности (*ἀσφάλεια*) и безопасности (*ἀσφαλεία*) афинским актерам. Это было сделано, очевидно, с целью привлечь их к участию в основанном этолийцами празднике (Soteria). Хотя постановление и вынесено от лица Амфикифии — последняя подпала уже в это время под влияние Этолийского союза, — привилегии, данные актерам, вероятно, гарантировали им неприкосновенность и безопасность со стороны этолийцев⁸⁴. Около 250 г. этолийцы даруют право безопасности делосцам (IG, XI, 4, 1050; ср. XI, 4, 1051). Этим же временем датирует Фласельер декреты о неприкосновенности кеосцев (Syll.³, 522) и теносцев⁸⁵. В дальнейшем растет число документов, в которых этолийцами или Амфикифией, бывшей, по словам Фласельера, «почтенным фасадом» Этолийского союза, закрепляются аналогичные привилегии за гражданами ряда греческих полисов: Хиоса, Милета, Митилены, Магнесии, Теоса и др. Повторяется формула, подобная той, которой подтверждена неприкосновенность Теоса: «Пусть никто из этолийцев или живущих в Этолии не захватывает (*ἄγειν*) теосцев или живущих на Теосе, ни откуда не нападая, но да будет им безопасность и неприкосновенность от этолийцев или живущих в Этолии» (Syll.³, 563).

О чем говорят эти декреты? Фласельер видел в них знак растущей активности Этолии на море, расширения внешних связей. немалого политического успеха Союза⁸⁶. Соображения исследователя верны, но они не исчерпывают большого исторического содержания памятников. На примере Этолии III в. до н.э. можно наблюдать путь, некогда пройденный старыми греческими государствами. Недавно возникнув, Этолийский союз, чтобы занять равное место в кругу других государств, заручиться их поддержкой, начать проводить определенную политику на международной арене, должен был взять на себя ответственность за действия своих подданных.

⁸⁴ Ibid., p. 121—123.

⁸⁵ Ibid., p. 204.

⁸⁶ Ibid., p. 229—230.

Обязательства, которые, судя по многим договорам, принимала на себя Этолия,— соблюдать неприкосновенность жителей различных иностранных государств — свидетельствовали о подчинении государству пиратской деятельности его подданных. Добиваясь признания суверенности и силы во внешнем мире, Этолийский союз неизбежно требовал от пиратов служения своим внешнеполитическим интересам⁸⁷. Иностранные государства в свою очередь охотно заключали договоры с Этолийским союзом и Дельфийской амфикиссией, надеясь тем самым хотя бы до некоторой степени обезопасить себя от пиратских акций этолийцев. Как говорилось выше, граждане государства старались заручиться поддержкой и критских полисов. Афиняне посылали посольства в Кносс и Полирену (Syll.³, 535), которые, очевидно, в это время возглавляли две основные группировки на Крите. Цель посольств была не только общая — продемонстрировать «благосклонность» (τὰ φιλόφρονα) по отношению ко всем критянам, но и специальная — снять с продажи захваченную у афинян добычу. Родосцы, во внешней политике которых отношения с Критом занимали видное место, в 200—197 гг. до н.э. заключили договор о симмахии с Гиерапитной (Syll.³, 581 — из XV следует, что существовал договор между Родосом и Кноссом). Видимо, и эти попытки наладить дружественные отношения с критскими полисами были продиктованы надеждой на осуществление ими контроля над действиями пиратов.

На то, что подобные расчеты не были беспочвенными, указывает, видимо, достаточно глубоко укоренившаяся в эллинистическом мире практика репрессалий. Так, о 220 г. до н.э. мы читаем у Полибия, что элевтерийцы, заподозрив родосцев в убийстве одного из их сограждан, «прежде всего дали дозволение брать добычу у родосцев, а затем объявили им войну» (IV, 53, 1—3). Пиратство жителей превратилось в руках государства в активное средство воздействия в международной сфере.

Другой, не менее яркий пример относится к 187 г. до н.э., когда Филопмен в момент обострения отношений между ахейцами и беотийцами «дозволил всякому желающему идти за добычей на беотийцев, что послужило началом упорной вражды между двумя народами. Дело в том, что вскоре после этого уведена была часть стад Мирриха и Симона; последовавшая из-за этого схватка начинала собой

⁸⁷ Проблема формирования международного права в древности в настоящее время привлекает внимание исследователей. Напомним, что в последнем XV Международном конгрессе историков один из четырех докладов по античности был посвящен межгосударственным отношениям Греции классического времени (*Zwischenstaatliche Beziehungen der griechischen Städte im Klassischen Zeitalter*). Автор доклада Г. Бенгтсон (H. Bengtson), и прежде много занимавшийся этой темой, ссылаясь на существование институтов, призванных гарантировать безопасность гражданам вне границ данного государства, категорически и, по-нашему мнению, совершенно справедливо возразил против представления о господстве правила *bellum omnium contra omnes* в V—IV вв. до н.э. (Rapp. IV, *Methodologie et histoire contemporaine*. Wien, 1965, p. 70 sqq.).

и открывала военные действия между неприятелями, а не распри мирного свойства. Если бы еще в это время и римский сенат настаивал на возвращении Зевкисппа и его товарищей, то война вспыхнула бы непременно» (XXII, 4, 13—16). Мы привели эту цитату полностью, чтобы показать характер санкционированного государственной властью пиратства частных лиц. Обращает на себя внимание тот факт, что как в этом, так и в предыдущем случае пиратство, дозволенное государством, квалифицировалось Полибием хотя и как враждебная акция, но все же не война.

Вместе с тем если пиратство само по себе еще не считалось войною, то во время военных действий оно практиковалось в весьма крупных масштабах. Помимо независимых пиратов, которые по отношению к воюющим сторонам выступали как нечто среднее между союзниками и наемниками, помимо пиратов, на которых государства типа Иллирийского и Этолийского были готовы смотреть как на подданных и которые действовали под предводительством Деметрия Фарского или Доримаха, разбоем занимались и обычные воины. Из описанных Полибием войн, которые вели между собой государства материковой Греции в последней четверти III в. до н.э., можно почерпнуть немало доказательств этому⁸⁸.

Добыча, которую Полибий обозначал словами *ἡ ὀφέλεια, ἡ λεία, τὸ λαφυρὸν*, играла в военной кампании очень важную роль. Она служила серьезным основанием к тому, чтобы начать военные действия. Пытаясь склонить в 219 г. Филиппа к вторжению в Элею, ахейские послы особенно настойчиво указывали на богатую добычу, которую сможет получить там войско (IV, 64, 1). Победа над врагом сопровождалась грабежами и распродажей захваченных пленников. Это, согласно Полибию, — минимум, которым как победители пользовались ахейцы, взяв Мантинею в 224 г. до н.э.: «После победы ахейцы только расхитили имущество мантинейцев и продали свободных граждан, не учинивши ничего больше...» (II, 58, 12). Грабеж носил более или менее централизованный характер. После ряда удачных действий под Леонтием, около Халкии и Рия Этолийского, результатом которых оказалась обильная добыча — пленные, вооружение, обоз, суда с командой, — все было собрано в одно место и распродано. Доставленная выручка и припасы успокоили воинов относительно получения жалованья и внушали, по словам Полибия, надежду городам, что они не будут обременяемы налогами (V, 94, 2). Мы читаем о распродаже добычи Филиппом в 219 г. в аркадском городе Герее (IV, 77, 5), в 218 г. в Терее (V, 24, 10—11), о добыче с суши и моря, собранной ахейцами в 217 г. в одно место, и о выручке, полученной за нее (V, 94, 9).

⁸⁸ См. А. И. Павловская. Полибий о рабстве в III—II вв. до н.э. Война как источник рабства.— ВДИ, 1963, № 3. Данные Полибия широко использованы в работе: H. Volkman. Die Massenversklavungen der Einwohner eroberter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit. Wiesbaden, 1961.

Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что нелегко отделить действия полководца в качестве представителя государства от его активности как лица частного. Это — один из многочисленных для эллинистического периода примеров переплетения частной инициативы и государственной деятельности. Перед нами как бы две стороны одного процесса: с одной, пиратство как частная инициатива подданных все больше подпадает под контроль государства, а с другой, подчинившись ему, это же самое пиратство сообщает государственным связям все более личностный характер.

Мы коснулись влияния пиратства на характер государства, но если говорить о процессе в целом, то нельзя не видеть постепенного поглощения пиратства государством, подчинения пиратской деятельности государственному праву. Этим, надо думать, объясняется, почему Полибий, резко критикуя поведение Этолии, прибегает к тому, чтобы подчеркнуть контраст между «общепризнанными правами народов» и грабительской практикой этолийцев, вторгшихся в область мессенян, невзирая на дружеский союз, издавна существовавший между ними (IV, 6). Этолийцы, для которых не существовало границы между войной и миром, и в мирное и в военное время нарушали «общечеловеческие установления и права» (τὰ κοινὰ τῶν ἀνθρώπων ἔθῃ καὶ νόμιμα) (IV, 67). Настроенный крайне отрицательно по отношению к этолийцам Полибий не устает повторять: «Они (этолийцы) грабили (ληστεύοντες) Элладу непрерывно, без объявления войны нападали на многие народы и в то же время не только не удостоивали своих обвинителей того, чтобы оправдываться перед ними, но еще издевались над каждым, кто вздумал бы привлечь их к ответственности за обиды прошлые или тем более замышляемые» (IV, 16, 4).

В данном случае нас интересует не достоверность оценки Полибием этолийской политики, а направление его критики, те общие принципы, которыми он руководствовался в своих суждениях. «Общечеловеческим установлениям и правам Полибий противопоставляет этолийский обычай, оставляющий пиратам очень большую свободу действий. Здесь сказывается столкновение двух норм поведения в международной жизни: одной, отвечающей государственному праву, и другой, близкой племенным обычаям. Естественно, что сторонником второй нормы, по Полибию, оказывается молодое Этолийское государство, которое, как уже убедительно доказал Ф. Г. Мищенко в статье «Федеративная Эллада и Полибий»⁸⁹, многими особенностями своей политики было обязано пережиткам племенного строя. Норма поведения этолийцев, если смотреть на нее глазами Полибия, принадлежала к числу тех «обломков юридического прошлого», по образному выражению М. Ковалевского, которые в виде малопонятных обычаев вызывают осуждение человека, подчиняющегося уже иным законам, сложившимся в иных исторических усло-

⁸⁹ Полибий. Всеобщая история. Т. I. М., 1890, стр. I—CCXLIII.

виях. В действительности же и самые этолийские нормы, и их восприятие Полибием были результатом различных стадий развития государств в раннеэллинистическую эпоху, различных степеней поглощения ими пиратства.

Подведем итоги. Мы имели возможность наблюдать, как пиратство, будучи актом насилия, в зависимости от того, кем были грабители и их жертвы, от условий, в которых этот акт совершался, выполняло несходные функции, оказывалось по-разному связанным с наиболее значительными явлениями эпохи, занимало различные места в социально-экономической и политической системах раннеэллинистического периода. Своеобразие пиратству придавал состав грабительских шаек и групп: пиратами могли быть окраинные племена или сборища отщепенцев смешанного происхождения, действовавшие в центре эллинистического мира, настроенные отрицательно по отношению к властям подданные государства или воины, не нарушавшие своей практикой основных планов центрального командования. Результаты пиратских акций зависели от того, против кого они предпринимались: против свободных или рабов, бедняков или богачей, тех, за кого могли внести выкуп, или тех, кто не мог на это надеяться. Разную роль выполняло пиратство в качестве почти узаконенного института или орудия в руках оппозиционеров, а также как источник снабжения рабами или подспорья на войне. Древняя практика разбоев, приспособившись к новым обстоятельствам государственного быта в Восточном Средиземноморье III в. до н.э., не только сама изменила форму, но и сообщила некоторые особенности этим государственным образованиям. Факт опосредствования государством старинной и, казалось бы, помимо него протекавшей деятельности пиратов весьма примечателен. Рассматривая эволюцию пиратства, мы улавливаем признаки того значительного влияния, которое в эллинистический период прямо или косвенно оказывало государство на формы зависимости (см. выше, I, 2). Судьба промысла, способствовавшего созданию этих форм, непосредственно зависела от степени его приспособления к условиям существования государств в Средиземноморье.

Мы пытались выяснить, какого рода отношения зависимости рождало пиратство. Источники, относящиеся по преимуществу к Восточному Средиземноморью III в. до н.э., рассказывают о разных судьбах пленников пиратов. Обычно перед ними стояла дилемма: выкуп или продажа в рабство. К этому можно условно присоединить и уникальное свидетельство надписи из Феры — условно, так как надпись сильно повреждена и наши предположения базируются на восстановлении утраченного текста (хотя, надо сказать, и очень убедительном). В надписи речь идет о зависимости пленников, которых пираты намеревались использовать сами для собственных нужд. Это была форма несвободы, совмещавшая черты и общие для своего времени, и индивидуальные. Наделение аллариотами пленников земель напоминает наделение земель некоторых военнопленных

из Азии в птолемеевском Египте ⁹⁰. Способ же эксплуатации пленных, при котором их заставляли безвозмездно участвовать в пиратских набегах, — этот своеобразный тип *τοῦ φόρου λητοσυγικοῦ* — продиктован, видимо, специфическим характером занятий алларитов.

Чаще всего, однако, плен являлся тем промежуточным состоянием, которое завершалось или продажей пленника в рабство, или выкупом. В обоих случаях налицо зависимость, основанная на прямом насилии. Уничтожить ее, как и закрепить, могла торговая сделка, в результате которой пленника выкупали на свободу или приобретали в качестве раба. Таким образом, между выкупом и продажей в рабство обнаруживается некоторое сходство. И там и тут подчинение в основе своей не было добровольным, а разрешавший судьбу пленника торговый акт — первичным. Надо сказать, что как возможность превращения пленника в раба, так и в связи с этой угрозой требование за него выкупа в конечном итоге определялись господствовавшими в окружавшем мире отношениями, наличием рабства и работорговли, рыночным спросом на рабов. Рабовладение и купля-продажа рабов в странах Средиземноморья сами по себе стимулировали пиратский промысел как охоту за людьми, делали его и доходным, и до известной степени законным.

Роль торговой сделки в пиратстве была чрезвычайно важной: она завершала то, начало чему клало насилие. Благодаря торговле зависимость могла исчезнуть или возрасти: фактическое рабство, в котором оказывался пленник пиратов и которое признавал лишь их обычай, могло быть аннулировано или превращено уже не только в фактическое, но и в юридическое по отношению к лицу, купившему его. Наконец, благодаря торговле жертвы пиратов оказывались там, где в их труде ощущалась наибольшая нужда, хотя акт насилия был совершен над ними в другом месте.

Таким образом, рассмотрение сведений о пиратстве III в. до н.э. подвело нас к общей проблеме — о соотношении принципов непосредственного господства и подчинения и товарного хозяйства в эллинистическом мире. Но как ни заманчиво считать подмеченное нами своеобразное сочетание насилия и торговли отражением общей закономерности, окончательное суждение по этому поводу едва ли может быть получено до исследования неизмеримо более широкого круга явлений.

⁹⁰ См. об этом выше, стр. 66.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСПИ — Античный способ производства в источниках. Л., 1935
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ВЛУ — Вестник Ленинградского гос. университета
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
- ИАК — Известия Археологической комиссии
- ИГЛИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
- ИТУАК — Известия Таврической ученой комиссии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- СА — Советская археология
- IG — Inscriptiones Graecae
- IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
- JEА — Journal of Egyptian Archaeology
- JJP — Journal of Juristic Papyrology
- L-S-J — A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott.
A New Edition Revised and Augmented throughout by H. S. Jones.
Oxford. Ninth edition
- RE — A. Pauli — G. Wissowa — W. Kroll. Real-Encyclopädie
der classischen Altertumswissenschaft
- SEHНW — M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of Hellenistic World, I—III. Oxford, 1941.
- ZSS — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Древние авторы

- A p p i a n.**, *Illyr.*, II,—232; III, 3,7—202
A r i s t., *De anim. hist.*, A, 487a, II сл.—16; 490b, 8 сл.—16
A r i s t., *Pol.*, I, 3,1, 1256a — 194; 5,1256a — 195; 6,1256b — 195; 8,1256b — 195; 10,1256b — 194, 195; 10,1257a — 195; 17,1257b — 195; 20, 1258a — 195; III, 6,4, 1281b, 10 — 90
 «Политика Аристотеля», пер. С. А. Жебелева. М., 1911, с. 20, 22—195
A r r i a n., *Anab.*, I, 24,6—200; 27,5 сл.—200; 28,1 сл.—200
A t h e n., *Deipn.*, VI, p. 267b (J. A r n i m. *Stoicorum veterum Fragmenta*, v. III. № 353) — 172
D e m o s t h., 35, 22 — 81
D i o d., III, 12, 1—4 — 59, 60; 12—14 — 43, 58; 14,3 — 59; XVI, 8,2—219; XIX, 85 — 66; XX, 25 — 207, 209, 230; 82, 4 — 228; 83, 1—3 — 226; 97, 5 — 226; 110, 4 — 226—227; XXVII, 3 — 225; XXXIII, 1 — 234
F r o n t., *Strat.*, III, 3, 7 — 226
H e r o d., VI, 103 — 208
L i v., XLII, 19 — 176
L X X., *Ge.*, 49, 19 — 197
M a t t h., XX, 1 sq.—81
P h o t., 250, S. 447, b, 35 — 58
P i n d., *Isthm.*, 5 (4), 53 — 90
P l u t., *Pyrrhus*, 29, 6 — 227
P o l y b., II, 1, 1 — 232; 4, 7—9 — 231; 6, 5—8 — 232; 8, 1—2 — 232; 8, 4 — 232; 8, 8 — 231, 233; 45,1—189; 46, 3—189; 58, 12 — 237; III, 16—19—232; IV, 3—4 — 189, 233; 3, 8 сл.—228; 6 — 233, 238; 6, 10—12 — 189; 8, 11 — 221; 16 — 232, 238; 19 — 232; 21, 1—2 — 189; 38—210, 212; 50 слл.—210; 53, 1—3—236; 53, 7—9 — 222; 54, 5 — 223; 64, 1 — 237; 67 — 238; 68, 1 — 233; 77, 5 — 237; 79, 6—233; 80, 4 — 233; V, 24, 10—11 — 237; 94, 2 — 237; 94, 9 — 237; 95, 1 слл.—232; 110, 1—2 — 232; 107, 5—7 — 235; VI, 46, 1—3—223; 46, 9—223; XIII, 6, 8—223; XVI, 13 — 223; XVIII, 4, 8—233; 5, 1—3 — 233; XXII, 4, 13—16 — 237; XXIV, 4 — 222—223
P o l y a e n. IV, 6, 18 — 227; V, 19—226
S a l l u s t., *Hist.*, III, 43 — 207
S t r a b., II, 5, 26 — 190, 5, 31 — 204; III, 3, 5 — 199; 3, 8 — 190, 199; 4, 5 — 200; 4, 17 — 199; IV, 6, 9—200; V, 2, 2 — 219, 220; 2, 7 — 200; 3, 5 — 219; VII, 3, 7 — 190, 202, 203; 4, 2 — 206; 4, 6—202, 203; 5, 6 — 201; 5, 10 — 202; 6, 1 — 202; 6, 12 — 200; IX, 2, 42 — 204; X, 4, 9—217, 221; 4, 10 — 221; XI, 2, 11—205; 2, 12 — 210, 230, 2, 12—14—203, 204, 206 XII, 7, 3 — 200; XIII, 1, 25 — 190; XIV, 1, 32 — 212; 3, 2—213; 5, 2 — 214, 223, 229, 230; 5, 6—212
T h e o c r., XII, 77—80 — 117
T h u c., I, 4 — 196; 5 — 194, 227; 8 — 196; 13 — 196; III, 50, 2 — 66; V, 34 — 90; VII, 86 — 60; 87, 2 — 60
X e n o p h., *Anab.*, VII, 3, 30—32 — 107

- BCH, 1898 — 150
 BGU, III, 1003 — 76; VI, 1258 — 85, 86, 154; 1536 — 81
 H. C a d e l l. Papyrus de la Sorbonne. Paris, 1966, 50 — 76
 Calro Z. — 59292 — 82; 59301 — 82; 59322 — 82; 59451 — 77; 59636 — 84
 C. C. E d g a r. Selected Papyri from the Archives of Zenon (см. PZ)
 Eleph. 14 — 91, 92
 Ent., 48 — 85, 86
 Fouilles de Delphes, III — 120, 125; III, 1, 52 — 187; 2, 172 — 164; 2, 225 — 185; 3, 1, 36 — 187, 3, 1, 46 — 187; 3, 1, 47 — 187; 3, 1, 48 — 187; 3, 1, 50 — 187
 Hal., I, 48 — 157
 Hamb., 90 — 66
 Hib., 34 — 113; 35 — 97; 44 — 78, 82, 116
 IG, II², 746 — 197; XI, 2, 148, 37 — 219, 230; 4, 1050 — 235; 4, 1051 — 235; 4, 1054a — 197, 215, 217; XII, 3, 328 — 191, 215, 217; fasc. III, Suppl. 1286 — 216
 IOSPE, I², 325 — 211; 672 — 197, 211
 G. K l a f f e n b a c h. Die Astynomeninschrift von Pergamon. Berlin, 1954, Kol. IV, 84 — 38.
 O. K r ü c k m a n n. Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931, S. 16 — 23
 S. L a m b r i n o. Décret d'Histria en l'honneur d'Agathoclés — 202, 227
 Leid. G., 5 — 111
 P. M e y e r. Jurist. P., 71 — 64
 OGIS, 99 — 78
 Oxf., 10 — 154
 Petrie, II — 67; II, 1 — XIX — 66; 4 (I) — 71, 73; 4 (2) — 71; 4 (8) — 71; 4 (9) — 71; 9 (3) — 73; 10 (I) — 113; 13 (I) — 70, 73; III, 36 — 113; VI — 67
 PSI, IV, 424 — 85; V, 549 — 66, 85, 86, 100, 160
 PZ, 12 — 66; 14 — 91, 92; 32 — 106; 89 — 114; 90 — 77
 Rein., I — 77; I, 7 — 66; 18 — 55
 Rev. L., 13, 13 — 92; 41, 3sq. — 88; 44, 8 сл. — 87; 45, 7 sq. — 88; 46, 13 — 91; 47, 1 — 90; 55, 23 сл. — 84
 E. R ü s c h. Grammatik der delphischen Inschriften, 19 — 181
 M. S a n N i c o l ò und H. P e t s c h o v. Babylonische Rechtsurkunden aus den 6. Jh. v. Chr., Münch., 1960, № 7 — 23
 SB, 1782 — 67
 SEG, XIII, 225 — 181
 SGDI, II — 120, 125, 133; II, 1690 — 164; 1696 — 187; 1705 — 185; 1707 — 166, 167; 1714 — 163, 164; 1717 — 166; 1718 — 165, 170; 1719 — 140; 1721 — 163; 1723 — 164, 167, 171; 1742 — 165; 1743 — 163; 1749 — 166; 1752 — 169; 1759 — 164, 165; 1767 — 169; 1772 — 145; 1774 — 169; 1781 — 164; 1785 — 178; 1791 — 145, 1798 — 169; 1799 — 171; 1801 — 164, 169; 1811 — 166; 1830 — 163, 169; 1836 — 173; 1840 — 186; 1842 — 143; 1854 — 163; 1867 — 166; 1875 — 181; 1878 — 145; 1884 — 166, 169; 1891 — 140, 143, 165, 169; 1899 — 168; 1904 — 140, 168; 1906 — 143; 1909 — 145; 1917 — 181; 1938 — 144, 185; 1944 — 163, 167; 1946 — 143; 1952 — 164; 1965 — 165, 185; 1971 — 165; 1986 — 187; 2018 — 143; 2022 — 169; 2029 — 152; 2039 — 181; 2041 — 161; 2069 — 164, 165; 2072 — 164; 2078 — 173; 2084 — 166; 2088 — 143, 163; 2090 — 164; 2092 — 168; 2094 — 143; 2126 — 161, 162; 2136 — 164, 169; 2154 — 143, 187; 2156 — 152; 2159 — 143; 2163 — 171; 2177 — 143; 2183 — 143, 2186 — 166, 187; 2202 — 164, 165; 2209 — 165; 2215 — 186; 2216 — 163; 2221 — 187; 2225 — 169; 2251 — 185; 2252 — 163, 170; 2253 — 185; 2258 — 181, 185; 2261 — 43, 163, 167; 2264 — 140; 2269 — 163, 164, 187; 2274 — 171; 2293 — 158; IV — 120, 133
 Syll³, 3, 305 — 219; 372 — 225; 390 — 235; 399 — 235; 409, 9 sq. — 230; 454 — 197, 214, 216, 217; 456 — 230; 520 — 217, 233; 521 — 197, 215, 216, 217, 227; 522 — 235; 535 — 216, 225, 231, 234, 236; 563 — 235; 581 — 224, 236; 582 — 230, 231; 594 — 223; 685, 130 — 54; 1255 — 220
 Teb., 5, 44сл. — 78; 6, II, 31 — 100; 50, 44 — 45 — 55; 703, 215 сл. — 78; 703, 218 — 78; 815 — 85
 H. T h o m p s o n. Two demotic self-dedications. — JEA, 1941, v. 26, p. 68, sq. — 98
 UPZ, 3 — 66; 4 — 66; 6a — 101; 110, 14—15 — 96; 110, 20—23 — 78, 87 сл. — 78; 110, 97 сл. — 79; 110, 150—151 — 96; 110, 203—96; 121—67
 W. W e l l e s. Royal Correspondance of the hellenistic Period. New Haven, 1934, № 18—20 — 32
 U. W i l c k e n. Chrest., № 334 — 61, 66; 385 — 74, 75; 386 — 76
 E. Z i e b a r t h. Beitr., Anhang I, 64 — 230

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
I. Формы зависимости в эллинистическую эпоху (К. К. Зельин) . .	11
1. Принципы морфологической классификации форм зависимости	11
2. Формы зависимости в эллинистическом Египте	51
II. Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции (К. К. Зельин)	119
1. Введение	119
2. Выкупные цены	136
3. Парамонэ в дельфийских манумиссиях	145
4. Социальный состав манумиссоров	172
III. Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э. (к изучению источников форм зависимости в эллинистический период) (М. К. Трофимова)	183
Указатель источников	242

Константин Константинович Зельин, Марьяна Казимировна Трофимова
Формы зависимости
в восточном Средиземноморье эллинистического периода

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский
Художник В. Г. Виноградов
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 6/XI-1963 г. Подписано к печати 22/IV-1969 г;
Формат 60×90¹/₁₆ Печ. л. 15,25 Уч.-изд. л. 15,9
Тираж 1350 экз. Бумага № 1 Тип. зак. 1352 Т-05743

Цена 1 р. 15 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10